

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1 9 5 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР **С. П. Толстов**
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР **А. В. Ефимов,**
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик **М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,**
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции **О. А. Корбе**

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор **Н. А. Колгурин**

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Т 00031 Подписано к печати 19/II 1959 г. Формат бумаги 70×108¹/₂
Тираж 1950 экз. Бум. л. 6¹/₂ Зак. 3335 Печ. л. 17,8 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 24,
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 11

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

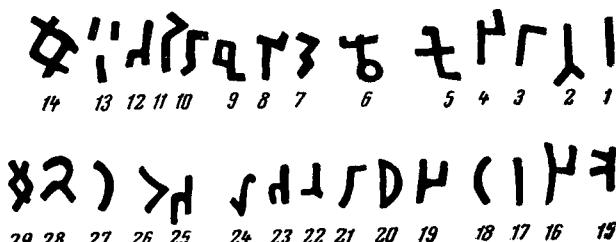
Проф. ФЭН ЦЗЯ-ШЭН

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ

(*Опыт расшифровки*)

Руническая надпись, о которой идет речь в настоящей статье, обнаружена научным сотрудником Института этнографии Академии наук СССР К. В. Вяткиной, возглавлявшей этнографический отряд историко-этнографической экспедиции, работавшей в 1948—1949 гг. под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева в Монгольской Народной Республике¹. Надпись, высеченная на скале, обнаружена в местности Баян моднын бургастын бичиктей хад в 100 с лишним км к востоку от Улан-Батора и является первой рунической надписью, найденной в восточной части МНР (до сих пор считалось, что такие надписи встречаются только в западной части республики, а в восточной ее части рунических памятников нет). Во время моего пребывания в СССР летом 1958 г. К. В. Вяткина любезно предоставила в мое распоряжение фотоснимок с этой надписи, за что приношу ей самую сердечную благодарность. Надпись оказалась настолько интересной, что я, несмотря на чрезвычайную загруженность первоочередными занятиями в Ленинграде, постарался выделить время для ее расшифровки².

Рунические надписи обычно написаны справа налево, здесь же человек либо сидел прямо на скале, либо взобрался слева и писал сбоку вверх. В верхней строке четырнадцать знаков, в нижней пятнадцать, всего — двадцать девять (см. рис. на стр. 5).

¹ См. ниже сообщение К. В. Вяткиной о проводившихся под ее руководством работах по разведке археологических памятников на территории МНР.

² При расшифровке мной использованы следующие работы: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; его же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; M. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.

(1) | орхон I, II — ²s

(2) | орхон I, II — ⁰č

(3) Г орхон I, II Г — ī

(4) М орхон I, II М или М — ö ~ ü

(5) 𠂇 в орхонских и енисейских надписях такой знак отсутствует, однако можно предположить, что это 𠂇 енисейских надписей — ⁰z
 (6) 𠂇 в орхонских и енисейских надписях такой знак отсутствует, однако он сходен со знаком ጀ в орхон I, II — ¹t
 (7) ጀ орхон I, II — nč; орхон III — ng
 (8) ጀ в орхонских и енисейских надписях такой знак отсутствует, однако предположительно можно отождествить его с N в орхон I, II — ü

(9) ጀ орхон III ጀ — ²y

(10) ጀ орхон III — i

(11) ጀ орхон I ጀ — p

(12) ጀ орхон I, II, III — q

(13) ጀ енисей — γ

(14) ጀ в орхонских и енисейских надписях такой знак отсутствует, однако он сходен со знаком ጀ в енисейских надписях и орхон III — ²b
 (15) ጀ в орхонских и енисейских памятниках этот знак отсутствует, однако он может быть отождествлен с ጀ орхон I, II — ²k
 (16) ጀ орхон I, II — ü
 (17) | орхон I, II — ²s
 (18) ጀ в орхонских и енисейских надписях такой знак отсутствует, предположительно может быть отождествлен с ጀ енисейским — ⁰nč

(19) М орхон I, II — ü

(20) ጀ орхон I, III — ¹y

(21) Г орхон I, II — ī

(22) ጀ орхон I, II — ¹l

(23) ጀ орхон I, II, III — q

(24) ጀ орхон I, II — a

(25) ጀ орхон I, II, III — q

(26) > орхон I — o

(27)) орхон I — ¹n

(28) ጀ в орхонских и енисейских памятниках такой знак отсутствует, можно предположить, что это видоизменение знака ጀ орхон III — ¹t

(29) ጀ сходен со знаком ጀ в енисейских надписях и орхон III — ²b (см. знак 14 пашей надписи).

Читая таким образом эти 29 знаков, получаем:

²s ⁰č ī ö ⁰z ¹t ng ü ²y i ⁰p q γ ²b

²k ü ²s ⁰nč ü ¹y i ¹l q a q o ¹n ¹t ²b

Обычно в рунических надписях слова отделяются друг от друга двоеточиями, но в данной надписи этого нет, что значительно осложнило расшифровку. Мы можем предложить такую разбивку на слова:

Sči : öz : tng : ūip : qy : b:
küsnč-ÿ : yil : qa (i) : qon : tb

Добавив гласные, получаем:

S³či : öz : t^ang : ūip : q^uγ^{u, ä} b:
küsnč-ÿ : yil : qa(i) : qon : t^ab^a

Sači — имя человека, öz — сам, лично; tang — утром, рано, ūu — услышал (если к ūu прибавить наречие — ip, то получим — только что услышал, как раз слышу); qiyu — лебедь; ab>aw — дом (турки, уйгуры в те времена жили в ogtu ~ orda, а не в домах — ab, в ab же они держали птицу и скот; возможно, что в VIII—IX вв. ab означало только навес или загон для скота); küsnč — существительное, ÿ — глагольное окончание, а все слово может быть истолковано как «желать», «мечтать»; yil-a, по-видимому, ошибочно заменяет i, а само слово означает «корова, конь»³; qon ~ qoyn — баран; tābā > tāwā — верблюд.

Между двумя строками начертан знак — это тамга самого Sači или его племени. Такого рода знаки часто встречаются в рунических надписях на Енисее, Орхоне и в других местах⁴. Подобные знаки сохранялись у тюркских народов до XIII—XIV вв. Персидский летописец Рашид ад-Дин приводит в своей книге подробное описание девятнадцати таких знаков потомков Огуз-кагана⁵. Таким образом, вся надпись может быть переведена следующим образом:

«Сачи сам утром услышал лебедя, желающего [найти] гнездо, желаю [чтобы были] бык, конь, баран, верблюд».

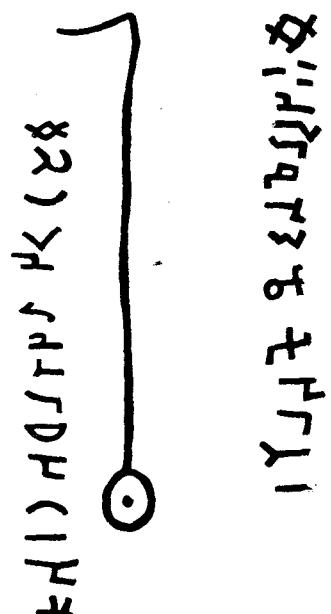
В тюркских языках сперва ставится дополнение, а затем сказуемое, в данной же надписи сперва идет сказуемое, а потом уже дополнение, это явно необычное употребление. Можно предположить, что это — две стихотворные строки, испытавшие влияние китайской поэзии. Речь ведется не от первого, а от третьего лица, как это часто встречается в древней китайской поэзии. У тюркоязычных народов очень рано появились поэтические произведения. В китайских исторических сочинениях II—I вв. до н. э. говорится, что гуны, потеряв горы Янчжишань и Циляньшань, сложили об этом стихи⁶. В XI в. у тюрок были уже рифмованные стихи, примером может служить «Кутатку би-

³ В оригинале здесь yil-qa, употребленное в качестве дополнения, что не совсем подходит; поэтому я предполагаю, что здесь какой-то диалект, который был распространен в востоку от Улан-Батора, и потому прочел это как yil-qı. Таким образом, может быть двоякий перевод: «каждый год» или «корова и конь». Я выбрал в данном случае второе толкование, хотя не исключаю и первого (см. M. von Gabain. Указ. раб., стр. 64, 354).

⁴ См. Э. Р. Рыгдылон. О знаках на плитах с руническими надписями, «Эпиграфика Востока», IX, 1954, стр. 70—72.

⁵ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 88—90.

⁶ См. «Цянь хань шу», Описание гуннов.

Руническая надпись

лик»⁷. Рифма появилась, по-видимому, у тюркских народов раньше XI в., так как тюрки и уйгуры в древности имели чрезвычайно тесные связи с Китаем, уйгурские каханы брали на воспитание (т. е. фактически усыновляли) мальчиков-китайцев⁸, уйгуры перевели немало китайских книг⁹ и, конечно, не могли избежать китайского влияния. П. Пеллио указывает, что некоторые стихи XIII—XIV вв., принадлежащие уйгурам и представителям других тюркских народов, испытывали влияние монгольской поэзии. Но в конечном счете монгольская поэзия в свою очередь также испытала влияние китайской поэзии. В данном двустишии *äv* и *täbä*, если вслушаться внимательно, рифмуются между собой. Если это так, то можно сказать, что это самые ранние из известных нам тюркских стихов с рифмой.

Член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов, ознакомившийся с этой надписью, высказал предположение, что она относится к VIII—IX вв., т. е. ко времени существования уйгурского государства. Я целиком согласен с мнением С. Е. Малова. Но надпись эта сделана не орхонским уйгуром, а уйгуром или представителем другого народа, жившего к востоку от современного Улан-Батора и находившегося под властью уйгурского государства.

Данная руническая надпись обнаружена не на Енисее и не на Орхоне, а в районе к востоку от Улан-Батора, поэтому и знаки, которыми она написана, не совсем соответствуют орхонским или енисейским: в ней одновременно встречаются и те, и другие, а некоторые и вовсе несколько отличаются и от тех, и от других. Однако по этим двум строкам еще нельзя утверждать о наличии особой, самостоятельной системы письма. Об этом можно будет говорить только тогда, когда будут сделаны другие находки.

Перевел Б. Л. Рифтин

⁷ P. Pelliot, Sur la légende d'Oguz-Khan en écriture ouigoure, «T'oung Pao», t. XXVII, 1930, стр. 350.

⁸ См. «Синь тан шу», Описание уйгуров.

⁹ До переселения на запад уйгуры, без сомнения, также переводили книги с китайского языка, однако эти переводы не найдены. Переводов же, сделанных после переселения, очень много.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

СОГДИЙЦЫ В СЕМИРЕЧЬЕ

Проблема тюрко-согдийских отношений в VI—VIII вв. неизбежно привлекает внимание исследователя при изучении процессов социального развития и этногенеза многих народов Средней Азии¹. Однако крайняя недостаточность источников предопределила известную ограниченность и гипотетичность в освещении некоторых важных сторон этого вопроса. Поэтому представляет интерес исследование лапидарных сообщений древнетюркской руники, относящихся к согдийцам, и в особенности текста 51—53-й строк большой надписи в честь Кюль-Тегина. Текст содержит перечень посольств, прибывших в конце 731 г. в орхонскую ставку восточнотюркских каганов для участия в похоронах Кюль-Тегина (цитируем в переводе С. Е. Малова): «(51) (11)... В качестве плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) пришли кытай и татабыйцы во главе (52) (12) с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исы и (?) Ликенг и принесли множество (букв. 10 000) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра; от тибетского кагана пришел бёлён; сзади (т. е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер (персы?) и бухарские (народы), — пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан. (53) (13). От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришел Чур-Тар-душ-Бянчунь»².

Фраза соjd бäрчäkäp bukaak улыс (~ улус) будунда Нäңсäңүн Обул таркан kälти впервые была проанализирована И. Марквартом. Объяснив слово «берчекер» как тюркское наименование «согдийских зороастрийцев (pärsik äg), а слово «улус» — как «люди», Маркварт предложил следующий перевод: «от народа иранских мужей Согда и бухарских людей пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан»³.

Этот перевод вызвал возражения В. В. Бартольда, П. М. Мелиоранского и К. Г. Залемана, отметивших филологическую и историческую несостоятельность толкований Марквarta⁴. В частности, В. В. Бартольд, тщательно исследовав политическую обстановку в Согде и Бухаре, сло-

¹ См.: С. П. Толстой, Тириания Абруя, «Исторические записки», т. III, М., 1938; А. Н. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, «Краткие сообщения ИИМК», VI, М.—Л., 1940.

² С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1941, стр. 43. Ср. П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, «Записки Вост. отдела Русского археолог. об-ва», т. XII, СПб., 1899, стр. 77; V. Thomas, Altürkische Inschriften aus der Mongolei, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 78, Wiesbaden, 1924, стр. 156.

³ J. Margraff, Die Chronologie der altürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, стр. 32—33.

⁴ См.: W. Barthold, Die altürkischen Inschriften und arabischen Quellen, в кн.: «Die altürkischen Inschriften der Mongolei», 2, СПб., 1899, стр. 26 (там же приведено мнение К. Г. Залемана); П. М. Мелиоранский, Указ. раб., стр. 135.

живвшуюся к 731 г., пришел к выводу о полной невозможности посольства на Орхон в указанное время⁵.

С. Е. Малов условно принял перевод В. Томсена, основанный на толковании Марквартом слова «берчекер».

В последнее время приведенный отрывок вновь стал предметом дискуссии. Ф. Альтхейм, этимологизируя имя «Бухара», попытался свести его к тюркскому «букарак», составленному, по мнению Альтхейма, из «бука» — «бык» и усилительной частицы *-rak*. «Букарак улус» Альтхейм переводит как «царство быков», а термин «берчекер» объясняет как «барчук ёр» — «народ [области] Барчук», расположенной в северной части бассейна Тарима⁶.

Фантастические толкования Альтхейма подвергнуты убедительной критике Р. Фраем. Фрай отмечает, что «букарак» может быть только этнином иранского происхождения, аналогичным этнониму «соъдак»⁷. Однако сам Фрай выдвигает совершенно бездоказательную гипотезу о происхождении слова «берчекер», предлагаая читать его как «[а]б[а]рчекер» — «аварские воины»⁸. Но слово «авар», содержащееся в той же надписи, пишется совершенно иначе — «[а]п[а]р», а не «[а]б[а]р»⁹. Предположение о существовании в Согде в 731 г. какой-то политически самостоятельной «аварской гвардии», посылающей посольство в Монголию, ни на чем не основано.

Такова вкратце история вопроса. Остановимся на значении отдельных компонентов фразы..

Согд. Это слово не вызывает сомнений — при наличии в надписи этнонаима «соъдак»¹⁰. «Соъд» может означать только имя страны. Поскольку, однако, посольства в надписях всегда именуются по имени государя или народа, представляемых ими, а не по имени страны, откуда они происходят, слово «Согд» должно рассматриваться как определение к слову «берчекер».

Букарак. Это слово означает только имя народа, но не имя страны¹¹.

Улус. Еще П. М. Мелиоранский отметил, что в сочетании «букарак улус будун» слово «улус» не может иметь значения «народ», «страна»¹². Другое, более древнее значение этого слова дает словарь Махмуда Қашгарского (середина XI в.): «Улуш (~улус.— С. К.) — селение на языке чигилей, а у жителей Баласагуна и того, что около него из страны Аргу, оно означает город. И отсюда город Баласагун назван Куз-улуш»¹³. Какое-либо другое значение или другой район распространения слова «улус» автору древнейшего «Дивана тюркской лексики» неизвестны. В рунических надписях это слово отмечено лишь в сочетании «букарак улыс будун» и явно чуждо для территориально-политической и этнологической терминологии памятников. Поэтому сочетание «букарак улыс» можно рассматривать только как самоназвание такого

⁵ См. W. Barthold, Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, Berlin, 1935, стр. 39.

⁶ См. F. Altheim, Aus Spätantike und Christentum, Tübingen, 1951, стр. 111—112; егоже Ein asiatischer Staat, Wiesbaden, 1954, стр. 277. Неудачную корреляцию упомянутых в цитированном отрывке этнонимов с аварами см. также в работе: H. W. Haussig. Die Quellen über die Zentralasiatische Herkunft der europäischen Avaren, «Central Asiatic Journal», The Hague—Wiesbaden, т. II, 1956, № 1, стр. 24—25.

⁷ См. R. Frye, Notes on the history of Transoxiana, «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. 19, Cambridge, Massachusetts, № 1—2, стр. 110, 112, 119.

⁸ Там же, стр. 110—111.

⁹ См. С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 29.

¹⁰ Там же, стр. 31—32. О слове «соъдак», см.: H. W. Bailey, Iranian Studies, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (в дальнейшем цит. BSOS), т. VI, 4, London, 1932, стр. 948—949.

¹¹ Ср. R. Frye, Указ. раб., стр. 119.

¹² См. П. М. Мелиоранский, Указ. раб., стр. 135.

¹³ Mahmud Қaşgarī, Divanü-lugat-it-türk, Ankara, 1943, т. I, стр. 62 (в дальнейшем цит.: Махмуд Қашгарский, Указ. раб.).

же типа, как «соғғд бәрчәкәр», зафиксированное памятниками с фонетическими изменениями, закономерными для языка орхонских тюрков.

Слово «ўлус» зарегистрировано также и в другом тюркском памятнике первой половины VIII в. — манихейской рукописи из Ходжо, содержащей список городов Семиречья¹⁴. В рукописи названы Яканкент¹⁵, Ордукент¹⁶, Чигильбалақ¹⁷, Кашу¹⁸ и Алтун Аргу Талас-улуш (варианты: Аргу Талас-улуш, Алтун Аргу-улуш)¹⁹.

Страна Аргу локализуется Махмудом Кашгарским от Баласагуна до Испиджаба²⁰, т. е. совпадает с областью сплошной согдийской колонизации. В сочетании с выводами В. В. Бартольда о невозможности посольства из Согда и Бухары на Орхон в 731 г. значение и местоупотребление слова «улус» показывают, что речь идет о посольстве согдийских и бухарских городов страны Аргу, т. е. западной части Семиречья. Возможно, «городом бухарцев» назван в надписи Талас-улуш, Тараз мусульманских авторов — крупнейший торгово-ремесленный центр западного Семиречья, окружа которого, как об этом свидетельствует Нершахи, заселялась выходцами из Бухары²¹.

Бәрчәкәр. Возможной основой этого наименования является согдийское *prčh, prčy* — «задняя сторона», *prč'k* «удаление»²², образовавшее в сочетании с суффиксом имени действователя — *kr*²³ (**prčykr*) слово со значением «удалившиеся», «выходцы» (?) — самоназвание согдийцев, поселения которых в IV—VIII вв. были разбросаны на огромных пространствах Тянь-Шаня в Центральной Азии.

Выше мы показали, что в надписи речь идет о согдийских поселенцах Семиречья.

Огул-таркан. Тюркское имя и титул согдийского посла еще не свидетельствуют о его тюркском происхождении. В Семиречье, как и в Китае и Восточном Туркестане, согдийские дихканы охотно принимали тюркские и китайские имена и титулы, стремясь определить свое социальное лицо как в отношении местной аристократии, так и в отношении беднейших слоев местного населения²⁴.

Нек-сенгун. Нек («хороший», «добрый») — имя, обычное в иранской ономастике²⁵. Встречающийся в надписях китайский титул «сенгун» носили лишь самые высокопоставленные лица, как, например, посол киданей Удар-сенгун или командующий китайскими войсками Чача-сен-

¹⁴ См.: A. Le Coq e, Türkische Manichaica aus Chotscho, I, Berlin, 1912, стр. 26—27; W. Radloff, Altürkische Studien, VI, «Изв. Академии наук», VI серия, СПб., 1912, № 12, стр. 74—745. Использование словаря Махмуда Кашгарского, не известного в те годы Лекоку и Радлову, позволяет уточнить перевод текста.

¹⁵ Ср. ал-Макдиси, Ахсан ёт-тафасим фи ма'рифат ал-ақālīm, «Bibliotheque geographorum Arabicorum» (BGA), т. III, стр. 274.

¹⁶ Ср. Махмуд Кашгарский, Указ. раб., т. I, стр. 124.

¹⁷ Там же, стр. 87.

¹⁸ О племенах и области Кашу см.: С. Г. Кляшторный, Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 60. Согласно «Абдулланам» (рукопись, Архив Ин-та востоковедения АН СССР, д. 88, л. 328б), город Күшүгулуш, расположенный близ Яканкента, существовал еще в XVI в.

¹⁹ Махмуд Кашгарский упоминает два Таласа: Улуг-Талас, расположенный в пределах страны Аргу и, следовательно, идентичный Алтун Аргу Талас-улушу манихейской рукописи, и Куми-Талас, город на границе с уйгурами, за пределами страны Аргу (см. Махмуд Кашгарский, Указ. раб., т. I, стр. 366; т. III, стр. 235).

²⁰ Там же, т. I, стр. 30, 127.

²¹ Это место из сочинения Нершахи исследовано С. П. Толстовым в его книге «Древний Хорезм», М., 1948, стр. 248—250.

²² См.: J. Gershevitch, A grammar of manichean Sogdian, Oxford, 1954, стр. 20, 43, 58; E. Benveniste, Textes sogdiens, Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, т. III, текст 8, строка 147); егоже, Vessantara Jataka, Paris, 1946, стр. 18.

²³ См. J. Gershevitch, Указ. раб., стр. 171.

²⁴ См. E. Benveniste, Noms sogdiens dans un texte pehlevi de Tourfan, «Journal Asiatique», т. CCXVII, Paris, 1930, стр. 291.

²⁵ См.: F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 228; E. Benveniste, Textes sogdiens, стр. 261.

гун²⁶. По сообщению Гардизи, титул «сенгун» носил дихкан большого селения в стране тюргешей (северо-западная часть Семиречья) Бадан-санку (сенгу)²⁷. Об этом дихкане рассказывается, что он командовал отрядом в 7000 человек, между тем как владетель соседнего селения Биклиг, носившего также согдийское название Семакна, брат джабгу, имел отряд лишь в 1000 человек²⁸. Судя по одновременному упоминанию страны тюргешей и карлукского титула «джабгу», сведения Гардизи относятся ко второй половине VIII в.²⁹.

Весьма возможно, что согдийским послом на Орхон был дихкан этого селения, один из предшественников названного у Гардизи Бадан-сенгуга.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующий перевод цитированного места надписи в честь Кюль-Тегина: «...От выходцев (?) из Согда и народа города бухарцев пришли (послами) Нек-сенгун и Огул-таркан».

О характере взаимоотношений согдийцев с тюркскими властителями Семиречья говорит другое место надписи в честь Кюль-Тегина, где Бильге-каган, от имени которого ведется повествование, называет тех, для кого запечатлены «на вечном камне» его поучения: «(12)... сердечную речь мою... вы до сыновей «десяти стрел» и до припущенников (татов) включительно (все вы) знайте, смотря на него (т. е. на памятник)»³⁰.

Этот отрывок был впервые правильно прочитан В. Томсеном, который объяснил слово «тат» как «подданные иностранного происхождения»³¹. Слова «сыновья десяти стрел» сомнения не вызывают — речь идет о конфедерации тюркских племен Семиречья³². Этническая семантика слова «тат» четко определена Махмудом Кащгарским: «Тат — у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке»³³. Для Махмуда Кащгарского «тат» — это ираноязычные оседлые поселенцы Семиречья и Восточного Туркестана, подвластные тюркам³⁴. В контексте приведенной из надписи цитаты термином «тат» могут быть обозначены только согдийские поселенцы Семиречья, подвластные западнотюркским каганам.

Результаты археологических работ, сведения китайских источников и орхонских текстов позволяют составить общее представление о политическом статусе согдийских «татов» в Западнотюркском каганате. «К западу от Суяба,— пишет Сюань Цзан в начале VII в.,— расположено около десятка изолированных городов, управляемых начальниками, друг от друга независимыми, но все они подвластны тюркам»³⁵.

Кризис Западнотюркского каганата в VII — начале VIII в., сопро-

²⁶ Об этом титуле см.: E. Chavannes et P. Pelliot, Un traité manichéen retrouvé en Chine, «Journal Asiatique», серия XI, т. II, Paris, 1913, стр. 305. Титул «сенгун» носил государь киданей (кытай); см. K. A. Wittfogel und Feng Chia-Sheng, History of Chinese Society Liao, Philadelphia, 1949, стр. 454.

²⁷ См.: В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1895, СПб., 1897, стр. 102—103, 125—126; V. Minorsky, Hūdūd al-Alam, «Gibb Memorial Series», т. XI, London, 1937, стр. 298. Иранское имя «Бадан» было распространено среди сасанидской и согдийской аристократии; см. F. Justi, Указ. раб., стр. 56. Ср. имя марзбана Мерверуда «Базан» у ат-Табари, I, стр. 2898; II, стр. 1206 (At Tabari, Annales, «Lugduni Batavorum», 1901).

²⁸ См. V. Minorsky, Указ. раб., стр. 99, 304.

²⁹ О ранних источниках Гардизи см.: V. Minorsky, Gardizi on India, BSOS, т. XII, ч. 3—4, стр. 626.

³⁰ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 35.

³¹ V. Thomsen, Turcica. Concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie, «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», XXXVII, Helsingfors, 1916, стр. 15.

³² См.: А. Н. Бернштам, Тюргешские монеты, «Тр. Отдела Востока гос. Эрмитажа», т. II, Л., 1940, стр. 107; O. Ritsak, Stammesnamen und Titulaturen der altaiischen Völker, «Ural-Altaische Jahrbücher», т. XXIV, тетр. 1—2, Wiesbaden, стр. 59—60.

³³ Махмуд Кащгарский, Указ. раб., т. II, стр. 260.

³⁴ Там же.

³⁵ S. Beal, Si-yu-ki. Buddhist record of the Western World, translated from the Chinese of Kien Tsiang (A. D. 629), London, 1884, стр. 27.

каждавшийся жестокими междуусобными войнами, поставил быстро растущие согдийские поселения перед необходимостью организации эффективной самообороны. В Семиречье возникают обведенные стенами шахристаны.³⁶

Возникновение укрепленных поселений и городов знаменует собой определенный этап тюрко-согдийских отношений, политический аспект которого отразили рунические тексты. Складывается положение, когда послы согдийских городов едут на Орхон и принимаются там наравне с послами тюргешского кагана. И хотя указывается подчиненное положение «татов» в стране «сыновей десяти стрел», о многом говорит их совместное упоминание в речи, обращенной к той части населения, из которой самой логикой текста исключались элементы, стоящие на низших ступенях социальной лестницы.

Важное свидетельство о политической жизни согдийских городов Семиречья приведено в «Тан-шу» под 739 г., когда «несколько десятков тысяч выходцев из западных владений, вместе с баханьским (ферганским) государем и другими владельцами покорились Китаю»³⁷. И в древнетюркском памятнике, и в китайской хронике согдийские города Семиречья выступают в 30-х годах VIII в. как политическое целое, проводящее самостоятельную и согласованную внешнюю политику и рассматриваемое обоими источниками наравне с прочими государствами Средней Азии.

Таким образом, мы вправе сделать следующие выводы: а) в первой половине VIII в. в Семиречье существовала территориальная федерация согдийских городов, номинальная зависимость которой от западнотюркских каганов маскировала ее подлинную роль в политической жизни восточной части Средней Азии; б) при изучении этногенеза киргизского народа необходимо учитывать длительное существование на территории Семиречья согдийского этнического массива, позднее ассимилированного местным тюркоязычным населением.

³⁶ См. А. Н. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, стр. 40; его же, Чуйская долина, «Материалы и исследования по археологии СССР», 14, М.—Л., 1950, стр. 82.

³⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 299; см. Е. Chavannes, Documents sur les Tou Kiue (turcs) occidentaux, «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. VI, СПб., 1903, стр. 84.

В. В. ГИНЗБУРГ, Т. А. ТРОФИМОВА

ЧЕРЕПА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ ИЗ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

(Предварительное сообщение)¹

Свыше пятидесяти лет прошло с тех пор, как Серджи впервые опубликовал некоторые отрывочные данные по палеоантропологии южной Туркмении, относящиеся к эпохе бронзы². Он пришел к заключению, что население южной Туркмении в ту эпоху относилось к представителям средиземноморской расы. В течение долгого времени, свыше четырех десятков лет, антропологическая наука располагала только этими данными по краинологии юга Средней Азии в эпоху культуры Анау. В 1952 и 1953 гг. появились некоторые данные Л. В. Ошанина и В. Я. Зезенковой о нескольких черепах плохой сохранности, в том числе детских, добытых из захоронений в Намазга-Тепе — древнем городище, расположенному вблизи станции Каахка, в результате работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ)³. При раскопках получено свыше десятка черепов, относящихся к эпохе бронзы — началу I тысячелетия до н. э. И только в результате работ ЮТАКЭ в последние годы получен обильный краинологический материал эпохи энеолита из южной Туркмении.

Рассматриваемая серия черепов получена в 1955—1956 гг. при раскопках поселения Кара-Тепе, где ниже уровня полов жилых строений открыто несколько могильников. Кара-Тепе находится неподалеку от станции Артык в южной Туркмении. В. М. Массон, руководитель отряда ЮТАКЭ, раскапывавшего это поселение, датирует его энеолитом (IV—III тысячелетия до н. э.). Так как раскопки поселения и могильников продолжаются (1957—1958 гг.), а уже изученные материалы представляют большой интерес, мы считаем возможным их опубликовать, рассматривая данное сообщение как предварительное.

Исследуемая серия состоит из 11 мужских и 9 женских черепов, пригодных к обработке, нескольких детских и фрагментов нескольких черепов взрослых людей⁴.

В таблицах 1а и 1б приведены индивидуальные данные рассматриваемой серии.

По средним данным серия мужских черепов характеризуется резко выраженной долихокранией — черепной указатель 70,5 при очень большом продольном (192,4 *мм*), малом поперечном (135,4 *мм*) и очень большом высотном (144,5 *мм*) диаметре. Соотношение малого поперечного и

¹ Доложено 10 апреля 1958 г. на заседании антропологической секции сессии Института этнографии Академии наук СССР, посвященной итогам экспедиционных работ 1957 г.

² G. Sergi, Description of some skulls from the North Kurgan, Anau, в кн.: R. Ruyter, Explorations in Turkestan. Prehistoric Civilisations of Anau, Washington, 1908.

³ Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, «Изв. АН Туркменской ССР», Ашхабад, 1952, № 4, стр. 31—32; В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, в кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 97.

⁴ Черепа хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград). О раскопках Кара-Тепе см. В. М. Массон, Джайтун и Кара-Тепе, «Сов. археология», 1957, № 1, стр. 142—160.

Таблица 1а

Индивидуальные изменения и описательные признаки мужских черепов из Кара-Тепе

Признаки	№ погребения										Возраст
	2	5	6	14	17	18	32	37	43	47	
Ad	Mat	Ad	Sen	Ad	Mat	Ad	Ad	Ad	Ad	Ad	Ad
1 Продольный диаметр черепа	—	185	204	197	188?	190	202?	185	187	187	192,4
8 Полоперечный »	—	142	135?	140	139	135	125?	136	142	127	135,4
17 Высотный » (ba—b)	—	147	143?	—	—	143	150?	144	140	—	144,5
20 Высотный » (po—b)	—	123	104?	123	121	—	118	122	120	123	—
11 Биаврикулярная ширина	—	116	—	120	127	—	119	106?	119	127	119,1
9 Наименьшая лобная »	99	98?	100	100	96?	96	86	91	99	92	95,9
10 Наименьшая широта лобной кости	111	121	114?	119	118	110?	115?	107	110	119	116?
5 Длина основания чешана	—	110	—	113	—	—	111	—	104	99	—
40 Дли на основания лица	—	105	—	107	—	—	107	—	100	95	—
47 Полная высота лица (n-gn)	124?	—	129	—	126	123?	129	136	116	117	118
48 Египтская высота лица (n-pr)	75?	81	75	70	74	75?	81	68	69	68	73,3
45 Скуловой гназетр	134?	134	142?	133	138	128?	131	120	127	135	124?
46 Ширина седловидной части лица (zm ¹ —zm ¹)	—	98	99	100	114?	110	98	96?	91	98	94
Зигомаксиллярная широта лица (по Абендеру)	—	100	97	96?	111	106	100	94	92	97	94
Выступание субстинатальной точки	—	26,5	21,9	22,9	28,9	33,3	25,0	23,4	24,6	23,7	25,0
Зигомаксиллярный угол	—	124,2	131,4	128,9	125,1	116,2	126,9	127,1	123,8	128,0	124,0
43 (1) Биорбитальная ширина (fmn—fmn)	101	100?	106	100	102	100	105	96?	95	100	96
Subt. IOW. Выступание наклона над линией fmn—fmn	18,6	49,0	21,6	19,7	21,9	23,4	20,4	26,7?	18,9	22,4	18,0
77 Назомаячный угол	139,6	138,4	135,6	137,0	133,5	159,8	138,2	121,8	136,6	131,7	139,0
54 Ширина носа	28	26?	26	29	27	29	26	26	25	25	24
55 Высота носа	52?	57	49	49	51	53?	51	57	50	48	48
49 а (DC) Дактильная ширина	—	—	25,0	23,5	22,8	—	—	—	24,1	20,5	—
DS Дактильно-фронтальная высота	—	—	11,6	14,8	15,5	—	—	—	14,2	12,9	—
50 Максиллофронтальная высота	—	—	22,0	22,0	21,0	21,5	21,5	—	19,7	20,8	21,1
	7,2	—	—	9,9	11,5	—	—	—	8,4	9,4	9,3

Таблица 1а (Продолжение)

Индивидуальные измерения и описательные признаки мужских черепов из Кара-Тепе

Признаки	№ погребения											
	Возраст											
Ad.	Mat	Ad.	Sen	Ad.	Mat	Ad.	Mat	Ad.	Ad.	Ad.	Ad.	Ad.
SC Симметрическая ширина	—	—	8,5	10,4	10,2	—	—	9,4	13,0	—	10,3	—
SS Симметрическая высота	—	—	3,7	6,1	5,7	—	—	6,2	43	42	5,4	42,4
51 Ширина орбиты (mf—ek)	41?	44	41	38	41	40?	44	40	41	40	39,6	—
51a Ширина орбиты (d—ek)	—	—	34	35	30	31?	31	32	28	31	31,3	—
52 Высота орбиты	—	—	41	41	—	47	—	49	48	44?	44,9	—
62 Длина нёба	39?	47	36	36	—	37	—	41	36?	38	37	37,1
63 Ширина нёба	36	36	100	90	114	94	108	103	121	103	114	106,4
66 Бигональный диаметр	117	—	—	555	545	—	—	532	501	518	518	527,6
23 Горизонтальная окружность	—	—	524	—	—	87	89	—	74	82	86	82,6
32 Угол профиля лба (n—tm)	—	—	80	—	—	80	80	—	65?	68	71	74,2
Угол профиля лба (g—tm)	—	—	74	—	—	79	—	81?	89	80	85	82,7
72 Угол профиля лица	—	—	81	—	—	90	85	—	83?	91	85	85,7
73 " " средней части лица	—	—	73	—	—	81	73	—	74	78	65	73,4
74 " " альвеолярной " лица	—	—	—	—	—	55	46	—	54?	49	53	50?
75 Угол носовых костей (к горизонтали)	—	—	34	—	—	32	36	—	27?	—	31	31,6
75(1) " " " " (к профилю лица)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Указатели:	—	—	76,8	66,2	69,7	70,6	71,8	70,0	61,9	73,5	76,8	67,9
8:4 Челюстной	—	—	79,5	—	74,1	—	75,3	74,3	77,8	75,7	—	75,6
17:4 Высотно-продольный	—	—	66,5	51,0	61,2	61,4	—	62,1	60,4	64,9	66,5	—
20:1 Высотно-продольный	—	—	103,5	—	102,1	—	107,5	120,0	105,9	98,6	98,6	—
17:8 Высотно-поперечный	—	—	86,6	77,0	87,9	87,1	—	88,7	97,6	88,2	86,6	—
20:8 Высотно-поперечный	—	—	69,0	72,6	71,4	71,9	71,4	72,2	68,8	66,9	69,7	72,4
9:8 Лобно-поперечный	—	—	89,2	81,0	86,0	84,0	84,7	87,3	83,5	80,4	82,7	83,3
9:10 Лобно-скullовой	75,0	73,1	69,0	75,2	72,5	75,0	73,0	71,7	71,7	71,7	73,3	76,0
48:45 Лицевой (верхней части лица)	54,5	60,5	52,8	52,6	53,6	57,0	57,3	67,5	67,5	53,5	51,1	56,2
54:55 Носовой	50,0	49,1	53,1	59,2	59,2	54,7	51,0	45,6	52,0	52,1	50,0	51,8
52:54 Орбитный (от mf)	—	82,9	—	79,5	68,2	77,5	70,5	71,1	71,1	71,1	73,8	65,1

Таблица 1а (*Окончание*)

Индивидуальные измерения и описательные признаки мужских черепов из Кара-Тепе

Признаки	№ погребения									
	Возраст									
Ad	Mat	Ad	Sen	Ad	Mat	Ad	Ad	Ad	Ad	Ad
55:51а Орбитный (от d)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40:5 Базальный краинофациальный	—	95,5	85,4	78,9	73,2	83,8	75,6	68,3	77,4	78,0
48:17 Вертикальный краинофациальный	—	55,4	—	94,7	—	—	96,4	96,2	—	95,2
45:8 Поперечный краинофациальный	—	94,4	105,2	49,0	—	—	52,4	47,2	—	51,2
Subt IOW:43 (1) Назомалярный	18,4	19,0	20,4	95,0	99,3	94,8	98,5	96,0	95,1	96,7
Энтомаксиллярный	—	26,5	22,6	23,9	21,5	23,4	19,1	27,8	19,9	22,4
Максиллофронтальный	—	—	—	23,9	26,0	31,1	25,0	24,9	26,7	24,4
DS:DC Дакральный	—	—	—	45,0	54,8	—	—	42,6	45,2	—
SS:SC Симотический	—	—	—	46,4	63,0	68,0	—	67,3	62,9	—
53:62 Нёбный	—	—	—	43,5	58,7	55,9	—	57,4	47,7	—
Форма черепной коробки	92,3	76,6	87,8	—	78,7	—	83,7	75,0	86,4	84,1
Наклон лба (0—3)	Овонин.	Пентаг.	Эллипс.	Пентаг.	Пентаг.	Пентаг.	Пентаг.	Пентаг.	Пентаг.	Пентаг.
Переиосье (1—6)	1	1	1	1	1	2	2	2	2	1
Надгровные дуги — (1—3)	2	2	2	3	2	2	3	3	3	4
Глубина назонона	3	2	2	2	3	3	3	3	3	5
Глубина клыковой ямки (0—4)	2	2	2	1	2	1	2	2	2	2
Глубина клыковой ямки (в мм) левая	—	5,1	2,4	5,0	1,3	4,5	3,7	3,0	5,0	4,1
правая	6,6	—	3,0	—	2,5	3,1	3,7	4,8	—	3,3
Горизонтальный профиль лица (1—3)	3	3	2	2	3	3	3	3	3	3
Выступание скел (1—4)	1	2	2	1	1	2	1	1	2	2
Выступание носа (1—3)	3?	3?	3?	3	3	3?	3	3	3	3
Передняя носовая ость (1—5)	3	—	2	2	3	2	2	3	3	3
Нижний край носового отверстия	F. pr.	F. pr.	S. pr.	Ant.	F. pr.	F. pr.	F. pr.	F. pr.	F. pr.	Ant.
Глазница: высота	2	2	3	1	1	2	2	1	1	1
Форма	кругл.	переход.	четыреуг.	переход.	переход.	переход.	переход.	переход.	переход.	переход.
Затылок: выпукление	—	2	3	3	3	3	3	3	3	3
форма	—	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.
Наружный затылочный бугор	3 (torus)	2	1	3 (torus)	1	4 (torus)	1	2 (torus)	1	1
Состечный отросток	2	2	3	2	3	2	3	2	3	2
Деформация искусственная	0	0	0	(1) кольц.	0	0	0	0	0	0

Таблица 16

Индивидуальные измерения и описательные признаки женских черепов из КараТене

Признаки	№ погребения									
	?	1	20	38	59	42	44	52	58	M
	Juv.-ad.	Ad.	Σεп.	Mat.-sep.	Juv.-ad.	Ad.	Ad.	Ad.-mat.	Mat.	
1 Продольный диаметр черепа	177	182	174	191?	178	176	183	185??	—	180,7
8 Поперечный » » (ba—b)	128?	132	126	138?	134	126	142	136	—	132,7
17 Высотный » » (po—b)	—	135	—	—	141	—	137	134	—	136,7
20 Биаурикулярная ширина	—	113	120	—	117	111	120	121	—	117,0
11 Наименьшая лобная »	—	117	108	—	122	114	111	122	—	115,7
9 Наименьшая лобная кости	89	96	88	—	91	94	92	—	96?	92,3
10 Наибольшая ширина лобной кости	—	110	108	—	110	110	115	—	120?	112,2
5 Длина основания черепа	—	105	—	—	97	—	97	—	—	99,7
40 Длина основания лица	—	101	—	—	93	—	92	—	—	95,3
47 Полная высота лица (π—gn)	109	—	109	115?	109	110	114	113	110?	111,1
48 Верхняя высота лица (π—pr)	65	68	65	68?	64	67	67	69	70	67,0
45 Скуловой диаметр	120?	127	121?	126?	124	125	147	128?	124?	123,6
46 Ширина средней части лица (zm—zm)	92	105	91	—	94	89	93	94	98?	94,5
Зигомаксиллярная ширина (по Абингдору)	92	102	90	—	94	89	91	94	90	92,7
Выступание субспинальной точки	23,2	28,1	22,6	—	23,5	21,5	22,6	25,4	26,3	24,2
Зигомаксиллярный угол	126,5	122,4	126,7	—	126,9	128,3	127,2	123,3	119,4	125,4
43/1./ Биорбитальная ширина (fmn—fmn)	93	97	91	—	94	94	92	98?	—	94,1
Subv. IOW. Выступание назиона над линией fmn	17,0	19,0	16,8	—	18,7	18,3	21,8	22,0	—	19,1
77 Назомакилярный угол	139,8	137,2	139,4	—	136,6	137,4	129,3	131,7	—	135,9
54 Ширина носа	24	25	24	22?	24	26	23	24	24	24,0
55 Высота носа	48	49	46	48?	47	47	48	46	48	47,4
49a DC Дакриальная ширина	18,5	24,5?	19,0?	—	24,0	—	24,3	24,3?	24,4?	24,0
DS Дакриальная высота	9,0	13,3	10,4?	—	11,6	—	11,7	12,3	12,9	11,6
50 Максиллофронтальная ширина	17,7	18,7	16,3	—	22,5	—	19,8	18,2	19,0	18,9
	7,6	9,4	6,2	—	8,5	—	7,9	8,6	8,4	8,0

Индивидуальные измерения и описательные признаки женских черепов из Кара-Тепе

Таблица 16 (Продолжение)

Признаки	№ погребения									
	?	1	20	38	39	42	44	52	58	M
	Возраст									
Juv.-ad.	A.d.	Se.p.	Mat.-Sen.	Juv.-ad.	Ad.	Ad.	Ad.	Ad.-mat.	Mat.	
57(SC) Симметрическая ширина SS	10,8	10,7	11,2	—	10,3	—	10,8	13,5	10,7	11,1
51 Ширина орбиты (mf—ek)	4,1	3,8	5,4	—	3,5	—	4,8	5,4	5,6	4,7
51a Ширина орбиты (d—ek)	41	44	40	43 пр.	40	40	42	41	41	41,2
52 Высота орбиты	39	41	37	40 пр.	37	37	38?	39	38,3	38,3
62 Длина нёба	34	34	27	33	31	32	31	31	31,8	31,8
63 Ширина нёба	44	46	39	—	41	42	43	46	46	42,4
66 Бигониальный диаметр	34	35	35	—	37	36	34	35	35	35,0
23 Горизонтальная окружность	99	—	—	91	87	—	92	96	99	94,0
32 Угол пресфриля лба (p—m)	485?	508	480	—	501	493	510	—	—	496,2
72 Угол профиля лба (g—m)	—	82	88	—	90	86	90	—	—	87,2
73 » средней части лица	—	77	83	—	85	80	87	—	—	82,4
74 » альвеолярной части лица	—	79	85	—	77	80	85	—	—	81,2
75 Угол носовых костей (к горизонтали)	—	81	90	—	83	84	88	—	—	85,2
75(1) Угол носовых костей (к профилю лица)	28	32	—	—	66	65	76	—	—	68,6
Указатели:				—	55	60?	62	—	—	56,0
8:1 Челепный	72,3	72,5	72,4	72,3	75,3	71,6	77,6	73,5?	—	73,4
17:1 Высотнопролольный	—	74,2	—	—	79,2	—	74,9	72,4	—	75,2
20:1 Высотно-продольный	—	62,1	69,0	—	65,7	63,4	65,6	65,4	—	65,2
17:8 Высотно-поперечный	—	102,3	—	—	105,2	—	96,5	98,5	—	100,6
20:8 Высотно-поперечный	—	85,6	95,2	—	87,3	88,1	84,5	89,0	—	88,3
9:8 Лобно-теменной	69,5	72,7	69,8	—	67,9	74,6	64,8	—	—	69,6
9:10 Лобный	—	87,3	81,5	—	89,7	85,5	80,0	—	—	82,8
9:45 Любно-скучловый	74,2	75,6	72,7	—	73,4	75,2	78,6	77,4	—	75,3
48:45 Лицевой (верхней части лица)	54,2	53,5	53,7	—	51,6	53,6	57,3	53,9	56,5	54,3
54:55 Носовой	50,0	51,0	52,7	54,0	51,4	55,3	47,9	52,2	50,0	50,6
52:51 Орбитный (от mf)	82,9	77,3	67,5	—	82,5	77,5	80,0	73,8	75,6	77,1
52:54а Орбитный (от d)	87,2	82,9	73,0	—	89,2	83,8	86,5	81,6	82,9	82,9
40:5 Базальный краинофациальный	—	96,2	—	—	95,9	—	94,8	—	—	95,6

Таблица 16 (окончание)

Индивидуальные измерения и отдельные признаки женских черепов из Карап-Тепе

Признаки	№ погребения									
	1	20	38	39	42	44	52	58	M	
Juv.-ad.	Ad.	Sen.	Mat.-Sen.	Juv.-ad.	Ad.	Ad.	Ad.-mat.	Mat.		
48:47	—	—	—	45,4	—	—	—	—	—	49,1
45:8	50,4	96,2	96,0	92,5	99,2	82,4	94,1	94,1	—	93,4
Subf.IOW:	93,7	19,6	18,5	19,9	19,5	23,7	22,4	22,4	—	20,3
43 (1) Назомалярный	18,3	27,5	25,1	25,0	24,2	24,8	27,0	27,0	—	26,0
Зигомаксилофронтальный	25,2	50,3	38,0	37,8	—	39,9	47,3	47,3	—	42,7
Максиллофронтальный	42,9	61,9	54,7	48,3	—	52,4	57,7	57,7	—	54,8
DS:DC	48,6	35,5	48,2	34,0	—	44,4	40,0	40,0	—	41,8
SS:SC	38,0	76,1	89,7	89,5	90,2	85,7	79,1	79,1	—	83,0
63:62	77,3	Эллипс.	Овощн.	Эллипс.	Эллипс.	Сренойдн.	Сренойдн.	Сренойдн.	Сренойдн.	—
Нёбный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Форма черепной коробки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наклон лба (0—3)	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1,22
Развитие надпереносца (1—6)	1	2	3	2	2	2	2	2	2	2,00
Надбровные дуги (1—3)	1	1	3	1	1	1	1	1	1	1,44
Глубина на зиона	2	2	3	3?	2	2	1	1	2	2,11
Глубина клыковой ямки (0—4)	1	2	2	3	1	2	1	1	2	1,67
Глубина клыковой ямки (в мм)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
левая,	3,8	3,5	2,8	8,9	1,8	3,7	2,0	2,9	6,7	4,01
правая,	3,7	5,4	4,4	—	2,8	3,7	2,9	2,8	5,0	3,84
Горизонтальный профиль лица (1—3)	2	3	2	—	2	2	3	3	3	2,44
Выступание скул (1—4)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1,00
Выступание носа (1—3)	3	3	3	3?	2	2?	2	2	3	2,56
Передняя носовая ость (1—5)	1?	3	2?	—	2	—	3 cristata	2	2	2,22
Нижний край носового отверстия	—	F. pr.	F. pr.	Ant.	F. pr.	Ant.	F. pr.	Ant.	—	—
Глазница:высота	2	2	1	2	3	2	2	2	1	1,78
форма	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Затылок:выступление	2	3	2	3	3	3	2	2	2	2,50
форма	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	кругл.	1,75
Наружный затылочный бугор	1	2	2	2	2	2	2	2	1	1,33
Сосцевидный отросток	—	—	—	—	—	—	—	—	0	0

Таблица 2

Лаолица 2

Средние величины черепов из могильника Кара-Тепе и сравнительные данные

Признаки	Местонахождение серии или ее название									
	Иран		Туркмения		Хорезмия		Таджикистан			
	Сталк	Ал-Усанд (1-й тип)	Киш (логр. А)	Үр (2-й тип)	Мервский об- лик, Бардам- Али	Древний Хо- рэзм, Калаль- Гыр 1 (оссуар.)	Бактрия	Түп-Хона	Согдийана Пенджикент	
Туркмения Кара-Тепе II э.	IV–III тыс. до н. э.	V–IV тыс. до н. э.	IV тыс. до н. э.	III тыс. до н. э.	III тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	IV–VI вв. н. э.	II–III вв. н. э.	I в. до н. э.– VI–VIII вв. н. э.	VII–VIII вв. н. э.
Гинзбург Трофимова	Валуа	Кизс	Бекстон	Кизс	Трофимова	Трофимова	Гинзбург	Гинзбург		Гинзбург
1 Продольный диаметр	192,4 (40) 135,4 (10) 144,5 (6) 119,3 (8)	196,0 (6) 134,8 (6) —	192,8 (7) 140,4 (8) 136,5 (5)	189,5 (25) 137,4 (25) 132,7 (9)	193,6 (3) 135,0 (3) 144,5 (2)	187,4 (56) 142,0 (57) 138,5 (54)	182,0 (31) 144,7 (33) 138,6 (22)	177,3 (7) 144,4 (7) 128,0 (2)	177,6 (11) 142,5 (13) 137,0 (2)	121,1 (8)
8 Поперечный »	—	—	—	—	—	118,4 (53)	118,3 (29)	—	—	—
17 Высотный »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20 Высотный »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9 Наименший лобный диа- метр	95,9 (11) 70,5 (10)	68,8 (6)	97,0 (7) 72,6 (7)	94,7 (26) 71,5 (24)	97,6 (3) 69,8 (3)	101,2 (57) 75,8 (56)	97,6 (30) 79,9 (30)	97,0 (5) 81,6 (7)	96,5 (12) 80,7 (10)	—
8:1 Челепной указатель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17:1 Высотно-продольный ука- затель	75,6 (6) 106,3 (6) 70,6 (10)	— (97,4) (69,2)	71,2 (5) 96,7 (7) (68,9)	72,1 (8) (107,0) (72,3)	72,6 (2) (54) 74,1 (54)	76,4 (22) 94,8 (22)	73,3 (2) 88,5 (2)	77,4 (2) 94,2 (2)	—	—
17:8 Высотно-поперечный »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9:8 Лобно-поперечный »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18:17 Вертикальный краинофа- циальный указатель	51,2 (6)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40:5 Указатель выступания лица	95,8 (5)	—	—	—	—	95,4 (49)	94,9 (18)	—	92,2 (2)	—
48 Верхняя высота лица	73,3 (11)	75,0 (6)	72,0 (7)	75,3 (3)	76,6 (3)	74,2 (55)	72,9 (22)	71,0 (5)	72,3 (8)	—
55 Скуловый диаметр	131,0 (11)	134,0 (5)	127,6 (8)	125,3 (7)	132,3 (3)	134,6 (54)	132,5 (23)	134,5 (6)	133,9 (7)	—
48:45 Верхнислезевой указ.	56,1 (11)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52:51 Орбитный указ. (от тб)	73,9 (10)	(56,0)	(60,0)	(57,9)	—	55,1 (54)	54,9 (21)	54,9 (4)	54,0 (6)	—
52:51а Сфигматический указ. (от д)	78,0 (8)	82,0 (5)	(84,0)	81,6 (8)	(90,0)	75,4 (56)	79,6 (24)	79,9 (5)	84,0 (6)	—
54:55 Носовой указатель (г–м)	54,8 (11)	48,2 (5)	(47,5)	—	(48,7)	—	79,8 (53)	85,3 (12)	85,6 (4)	89,0 (6)
32 Угол профиля лба (г–м)	74,2 (8)	—	—	—	—	—	47,5 (55)	48,7 (23)	48,0 (4)	48,9 (6)
72 » »	82,6 (8)	—	—	—	—	—	76,3 (53)	79,1 (21)	80,7 (3)	—
74 Альвеолярный угол	82,7 (8)	—	—	—	—	—	82,7 (53)	85,8 (21)	84,3 (3)	82,5 (2)
	85,7 (3)	—	—	—	—	—	86,7 (51)	86,3 (19)	84,3 (3)	85,0 (2)
	73,3 (8)	—	—	—	—	—	—	—	—	74,0 (2)
	—	—	—	—	—	—	—	84,7 (48)	76,9 (19)	70,5 (2)

* Указатели, взятые в скобки, вычислены на основании средних данных.

Средние величины черепов из могильника Кара-Тепе и сравнительные данные

Таблица 2 (окончание)

Признаки	Иран						Узбекистан						Таджикистан	
	Страны			Киш (погр. A)			Мервский са- рай, Байрам- Али			Дре-ши Хо- рэм, Капалы- Чыр, I (соступ.)			Бактрия, Туп-Хона	
	IV—III тыс. до н. э.	V—IV тыс. до н. э.	IV тыс. до н. э.	III тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	IV—VII вв. до н. э.	II—III вв. до н. э.	IV—VII вв. до н. э.	II—III вв. до н. э.	IV—VII вв. до н. э.	VII—VIII вв. н. э.	VII—VIII вв. н. э.		
Гинзбург Грофимова														
(75.1) Угол носовых костей	31,6 (7)	—	—	—	—	—	34,2 (44)	27,8 (43)	33,0 (1)	22,0 (2)				
50 Межглазничная широта	21,1 (5)	—	—	—	—	—	21,4 (54)	20,7 (19)	20,0 (3)	22,3 (6)				
77 Назомаячный угол	134,7 (14)	—	—	—	—	—	136,4 (54)	141,3 (24)	—	136,5 (2)				
DS Зигомаксиллярный угол	125,6 (10)	—	—	—	—	—	125,5 (51)	129,4 (20)	—	133,3 (1)				
DC » Дакриальный угол	133,8 (5)	—	—	—	—	—	133,5 (49)	12,31 (12)	11,5 (3)	13,35 (2)				
DS:DC » широта	22,6 (5)	—	—	—	—	—	22,27 (49)	21,59 (12)	22,0 (4)	22,33 (6)				
SS Симотическая высота	61,5 (5)	—	—	—	—	—	61,5 (49)	57,3 (12)	53,7 (3)	62,3 (2)				
SC » широта	55,4 (5)	—	—	—	—	—	55,24 (51)	55,19 (16)	4,55 (2)	2,92 (4)				
SS:SC Симотический указатель	10,3 (5)	—	—	—	—	—	10,06 (52)	10,07 (16)	10,93 (3)	9,80 (6)				
Надпереносье (глабелла)	52,6 (5)	—	—	—	—	—	51,4 (51)	51,9 (16)	38,1 (2)	54,1 (4)				
Клыковая ямка (в м.m.)	3,45 (11)	—	—	—	—	—	3,12 (57)	3,26 (31)	3,14 (7)	2,75 (12)				
описательно	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
» измерительно	1,73 (11)	—	—	—	—	—	3,29 (55)	3,30 (23)	2,00 (9)	2,50 (10)				
Носовая ость	—	—	—	—	—	—	4,91 (55)	4,93 (19)	—	—				
Нижний край грушевидного отверстия Ant.	27,3 (3)	—	—	—	—	—	4,08 (48)	3,23 (13)	3,28 (7)	1,80 (5)				
» F. pr.	63,6 (7)	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Inf.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Sulc. pr.	9,4 (1)	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Эллипсоид	18,2 (2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Форма черепа	27,3 (3)	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Пентагонид	54,5 (6)	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Сферионид	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Сфрипентагонид	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Эуринкентагонид	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				

очень большого высотного диаметров мужских черепов дает резкую акро-кранию по высотно-поперечному указателю ((106,3). На четырех женских черепах этот указатель ниже (100,6).

Лицевой скелет отличается средней (на границе с высокими) высотой (73,3 *мм*), средним скуловым диаметром (131,0 *мм*), высоким (56,1) лицевым указателем, мезогнатностью (общий угол лица — 82,7°) с сильной горизонтальной профилировкой (горизонтальные углы: верхний 134,7, нижний — 125,6 *мм*). У черепов этой серии орбиты низкие (орбитный указатель от максиллофронтала 73,9, от дакриона — 78,0), носовой указатель средний (51,8), выступание носа сильное (31,6°), дакриальный и симотический указатели — большие.

По основным расово-диагностическим показателям эта серия может быть отнесена к одному из вариантов древнего средиземноморского типа (табл. 2). У черепов женской группы черепной указатель несколько выше (73,4), лицо несколько ниже по указателю (54,3), с более выраженным альвеолярным прогнатизмом (альвеолярный угол у мужчин — 73,4, у женщин — 68,6), более высоким орбитным указателем (77,1 от *mf*), менее выступающим носом (26,6°) и более низкими дакриальным (54,8) и симотическим (41,8) указателями (табл. 1а и 1б). Для сравнения с серией черепов из Кара-Тепе мы в табл. 2 привлекаем ряд серий эпохи бронзы из Передней Азии, а также некоторые более поздние серии (I тысячелетие н. э.) из Средней Азии, на которых мы остановимся несколько ниже.

Черепа из Кара-Тепе морфологически наиболее близки к сериям черепов из Сиалка (V—IV тысячелетия до н. э.), по данным Валуа⁵, и из Ура (II тысячелетие до н. э.), по данным Кизса⁶. Общеизвестен факт, что различные исследователи палеоантропологических материалов из Передней Азии, относящихся к эпохе бронзы, в разных сериях выделяют не менее двух долихокранных вариантов. Так, Валуа в первых трех древнейших периодах, относящихся к концу V и к IV тысячелетию до н. э., выделяет в Сиалке группу гипердолихокранных черепов, которые он относит к евро-африканской группе Серджи. Вторую, долихокрannую группу черепов, относящуюся как к слоям V—IV тысячелетий до н. э., так и к более поздним (XII—XI вв. до н. э.), Валуа рассматривает как принадлежавшую представителям протосредиземноморской расы⁷. В могильнике Тепе-Гиссар (III—II тысячелетия до н. э., северный Иран) Крогман выделяет два европеоидных долихокранных типа — средиземноморский и протонордический, а также ряд других⁸.

Кизс в южной Месопотамии (Ал-Убайд, IV тысячелетие; Ур, II тысячелетие до н. э.) также выделяет два варианта, считая, что между IV—II тысячелетиями до н. э. в этой области произошло изменение антропологического типа населения, в составе которого появился новый тип с более узкой головой небольших размеров. Кизс считает, что вторгшийся в Ур народ был одним из соседних народов⁹.

В южной Месопотамии (Киш, III тысячелетие до н. э.) Бекстон и Рейс выделяют два долихокранных варианта: один, соответствующий евро-африканскому типу Серджи, и второй — медiterrаний¹⁰.

Б. В. Бунак в составе древнего населения Передней Азии выделяет три долихокранных варианта. Он различает:

⁵ H. Vallois, *Les ossements humains de Sialk*, в кн.: R. Chirshman, *Fouilles de Sialk, près de Kashan*, 1933, 1934, 1937, т. II, Paris, 1939.

⁶ A. Keith, *Report on the human Remains*, в кн.: H. Hall and C. Wooley, *Ur Excavations*, т. I, стр. 2; Al-Ubaid, *The Cemetery*, Oxford, 1927, стр. 214—240.

⁷ H. Vallois, Указ. раб.

⁸ W. M. Krogman, *Racial types from Tepe-Hissar, Iran. From the late fifth to the early second millennium B. C.*, «Verhandelingen der Koninklijke Nederlandsche Academie van Wetenschappen», Afdeeling naturkunde, Tweede sectie, deel 34, No. 2, Amsterdam, 1940.

⁹ A. Keith, Указ. раб., стр. 240.

¹⁰ D. Buxton a. T. Rice, *Report on the human remains found at Kish*, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain», т. 61, 1931, стр. 57—119.

1-й тип — резко долихокранный с сильно развитым надбровьем, резко обозначенным затылком, средним носовым указателем с небольшим прогнатизмом (Ал-Убаид; в Кише — меньший прогнатизм и меньшая латеральная уплощенность мозговой коробки);

2-й тип — долихокранный, с меньшим рельефом, равномерно округлым сагиттальным контуром, шириной лица больше 130 мм, с изменчивым носовым указателем (Ур, Киш, Дамган, Астрабад, Алишар);

3-й тип — долихокранный, с большой высотой мозговой коробки, умеренной ее шириной и умеренным скапулевым диаметром, без заметного прогнатизма (видоизмененный тип 1, хронологически более поздний, найден в Дамгане, Астрабаде);

4-й тип — мезо-брахиокранный (Дамган, Алишар и другие места)¹¹.

Значительная вариабельность долихокранных серий эпохи бронзы на территории Передней Азии по общей массивности черепов, большей или меньшей степени долихокранности или высоты черепов, большей или меньшей ширине скапулевого диаметра, прогнатизма, ширине грушевидного отверстия и изменчивости других признаков — создает значительные трудности при выделении типов. Однако все эти серии роднят между собой долихокрания и относительная, а в большинстве серий и абсолютная высоколицесть.

Немногочисленная серия черепов из Сиалка (V—IV тысячелетия до н. э.) отличается от черепов из Кара-Тепе более крупными абсолютными размерами черепов, большей долихокранностью, более низкоорбитна и более узконосая. Степень выраженности альвеолярного прогнатизма такая же¹².

Другая серия из Передней Азии, которую мы считаем возможным сблизить с исследуемой нами, происходит из южной Месопотамии (из Ура) и датируется II тысячелетием до н. э. (данные Кизса)¹³. Черепа этой серии обладают абсолютными размерами и пропорциями строения черепной коробки, близкими к черепам из Кара-Тепе, но лицевой скелет несколько выше как по абсолютным, так и по относительным размерам, орбиты значительно выше, грушевидное отверстие несколько уже.

При сравнении рассматриваемых серий необходимо, конечно, принимать во внимание недостаточность числа наблюдений и возможность служащих величин, характеризующих отдельные признаки.

Уточняя диагностику преобладающего расового типа в серии черепов из Кара-Тепе, его, возможно, следовало бы отнести к тому варианту средиземноморского типа, которому Серджи присвоил название «евроафриканского».

Не будем останавливаться на прослеживании распространения среди средиземноморских антропологических типов на других территориях; напомним лишь, что некоторые варианты средиземноморского типа в эпоху бронзы (II—I тысячелетия до н. э.) установлены в Закавказье (Самтавро, по данным Абдушишвили; Мингечаур, по данным Р. Касимовой)¹⁴, на территории Малой Азии и широко распространены в Средиземноморье.

При сравнении серий мужских черепов из Кара-Тепе с сериями черепов эпохи бронзы с территории Средней Азии, Казахстана, Алтая и Минусинского края, а также древнеямной культуры нижнего Поволжья можно констатировать, что все эти серии резко отличаются от исследуемой более высоким носовым указателем (мезокранным), значительно

¹¹ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», II, 1947, стр. 76—79.

¹² Н. Vallois, Указ. раб.

¹³ А. Keith, Указ. раб.

¹⁴ М. Г. Абдушишвили, К палеоантропологии Самтаврского могильника, Тбилиси, 1954; Р. Касимова, Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук, М.—Л., 1956).

более низким и широким лицевым скелетом (по абсолютным и относительным данным) и более уплощенным лицом. В большей части серий преобладает другой европеоидный антропологический тип, получивший название «андроновского» (Дебец)¹⁵. Черепа древнеямной культуры нижнего Поволжья характеризуютсяprotoевропейским типом (по Дебцу)¹⁶. Серия черепов из могильника Кокча 3 отличается сильной смешанностью.

Серии черепов эпохи срубной культуры из Поволжья¹⁷ по ряду признаков занимают промежуточное положение между черепами с преобладанием древнего средиземноморского типа (серия черепов из Кара-Тепе) и сериями черепов древнеямной культуры из Нижнего Поволжья, а также тазабагъябской и андроновской культур из Средней Азии¹⁸, Казахстана¹⁹, Алтая и Минусинского края²⁰. Особенно близкой к серии из Кара-Тепе по ряду морфологических признаков оказывается серия черепов эпохи срубной культуры, происходящая из Среднего Заволжья (могильники у селений Хрящевки и Ягодного), исследованная Г. Ф. Дебецом²¹. Как можно видеть из табл. 3, по средним данным величины большинства размеров этой серии очень близки к средним величинам большинства размеров черепов из Кара-Тепе²². Серия черепов из могильников у Хрящевки и Ягодного отличается от нашей серии несколько большей шириной и меньшей высотой мозговой коробки, несколько более низким и немного более широким лицом, более узким и сильнее выступающим носом, большим ортогнатизмом, более профицированными горизонтальными углами, более высоким дакриальным указателем. Рельеф этих черепов развит сильнее. В остальном обе серии очень близки. Вряд ли это сходство можно считать случайным. Не говорят ли эти особенности антропологического типа у северной группы населения срубной культуры о примесях южных средиземноморских элементов?

Из сопоставления табл. 2 и 3 можно сделать следующие основные выводы:

1) черепа эпохи бронзы из южной Туркмении по преобладающему в этой серии древнему средиземноморскому типу тяготеют к Передней Азии, где этот тип был широко представлен в эпоху бронзы (в V—II тысячелетиях до н. э.), и резко отличаются от приблизительно синхронных им черепов древнеямной культуры Нижнего Поволжья с преобладающим там protoевропейским типом;

2) по более поздним краинологическим материалам эпохи тазабагъябской и андроновской культур с территории южной части Кара-Калпа-

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 70—76.

¹⁶ Там же, стр. 102—103.

¹⁷ Там же, стр. 104—106.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древне-го Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 11—16.

¹⁹ В. Б. Гinzбург, Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, вып. 1, Алма-Ата, 1956.

²⁰ Сводка В. П. Алексеева по данным Комаровой, Дебца и Гинзбурга. См. В. П. Алексеев, Палеоантропология Южной Сибири (диссертация на соискание степени кандидата историч. наук, М., 1955. Рукопись хранится в библиотеке Ин-та этнографии АН СССР).

²¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры среднего Заволжья, «Материалы и исследования по археологии СССР», (МИА), 42, М.—Л., 1954, стр. 485—499.

²² Средние данные по серии черепов из могильников у Хрящевки и Ягодного, а также некоторые указатели и средние данные по сериям северной и южной групп срубной культуры среднего Заволжья вычислены нами по индивидуальным данным, опубликованным Г. Ф. Дебцом в его работах «Материалы по палеоантропологии СССР, Нижнее Поволжье», «Антропологический журнал», 1936, № 1, и его же «Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры среднего Заволжья», стр. 494—499.

Таблица 3

Черепа из Карап-Тепе и некоторые сравнительные серии черепов эпохи энеолита и бронзы с территории СССР

Таблица 4

Черепа эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении

Мужские

Признаки	Местонахождение памятника или его название										Женские		
	Кара-Тепе		Серакш. р-н		Гахир- бай III раскоп погр. 2		Кара-Тепе		Серакш. р-н		Тахирбай III раскоп I погр. 11/погр. V		
	IV—III тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.	III—II тыс. до н. э.	II тыс. до н. э.		
Эпоха													
Гинзбург, Трофимова	M	N	Min—max	Гинз- бург Индивидуальные данные	Ошанин бург	Гинз- бург, Трофимова	M	N	Min—max	Трофи- мова	Серджи шин	Оша- ниин	
Гинзбург, Трофимова	M	N	Min—max	Гинз- бург Индивидуальные данные	Ошанин бург	Гинз- бург, Трофимова	M	N	Min—max	Трофи- мова	Серджи шин	Оша- ниин	
1 Продольный диаметр	192,4	10	185—204	196?	207	180,7	8	174—191?	173	185	177	175	181
8 Поперечный »	135,4	10	125—142	128?	144	132,7	8	126—142	138	141?	138	140	137
17 Высотный »	144,5	6	140—150	—	138	136,7	4	134—141	13	—	—	—	—
9 Наименьший лобный диаметр	95,9	11	86—100	86?	—	92,3	7	88—96	92	95	—	94	100
8:1 Челюстной указатель	70,5	10	61,9—76,8	65,3?	73,5	68,6	73,4	71,6—75,3	79,8	76,2	78,0	80	75,7
17:1 Высотно-продольный указатель	75,6	6	71,1—79,5	—	—	66,7	75,2	72,4—79,2	77,5	—	—	—	—
17:8 Высотно-поперечный указатель	106,3**	6	98,6—120,0	—	—	97,2	100,6	96,5—105,2	97,1	—	—	—	—
9:8 Лобно-поперечный »	70,6	10	66,9—72,6	67,2	—	73,9	69,9	64,8—72,7	66,7	67,4	—	67,4	73,0
48 Верхняя высота лица	73,3	11	68—81	80!	—	73	67,0	64—70	72	—	—	67	67
45 Скуловой диаметр	131,0	11	120?—142?	126	—	142	123,6	9	117—128?	—	—	—	128?
48:45 Верхне-лицевой указатель	56,1	11	51,4—67,5	63,5	—	51,4	54,3	51,6—57,3	—	—	—	52,3	53,6?
54:55 Носовой указатель	51,8	14	45,6—59,2	40!	—	50,9	50,6	45,8—55,3	46,0	—	—	44,0	50,0
52:54 Орбитный »	73,9	10	65,4—82,9	60,6?	—	84,4	77,1	67,5—82,9	77,5	—	—	92,7	75,0
52:51a Орбитный »	78,0	8	68,3—85,4	—	—	90,5	82,9	9	73,0—89,2	83,3	—	97,4	80,5
32 Угол лба	82,6	8	74—89	—	—	69	87,2	5	82—90	—	—	—	85
72 Общий угол лица	82,7	8	79—89	—	—	85	81,2	77	—	—	—	—	83
74 Альвеолярный угол носовых костей	73,4	8	65—81	—	—	74	68,6	5	65—76	—	—	—	—
75(1) Угол носовых костей	34,6	7	27?	—	—	—	37?	26,6	7	20?	—	—	31
77 Назомаклярный угол	134,7	11	121,8—139,6	—	—	—	138	135,9	7	129,3—139,8	—	—	149
D:DC Зигомаклярный угол	125,6	10	116,2—131,4	—	—	—	120	125,1	6	119,4—128,3	—	—	130
SS:SC Симортический »	61,5	5	46,4—68,0	—	—	—	54,8	7	48,3—61,9	—	—	—	55,0
	52,6	5	43,5—58,7	—	—	—	—	—	34,0—52,3	7	41,8	—	48,3

* Череп юношеский (juvenile).
** Без черепа № 37 M = 103,5 (5).

кии, Казахстана, Алтая и Минусинского края констатируется преобладание другого европеоидного типа — андроновского или близкого к нему;

3) на территории Поволжья в эпоху срубной культуры был распространен европеоидный тип, по ряду признаков сближающийся с древним средиземноморским типом, представленным в южной Туркмении (по материалам могильника в Кара-Тепе); наиболее отчетливо это сходство прослеживается в черепах из Заволжья (северная группа), происходящих из могильников у поселений Хрящевка и Ягодное.

При сравнении черепов из Кара-Тепе с другими краниологическими материалами из южной Туркмении можно отметить, что мужской череп из Тахирбая (раскопки ЮТАКЭ под руководством В. М. Массонов в 1955 г. на поселении Тахирбай в 12 км севернее колодцев Новый Кишман в Марыйской области), изученный Гинзбургом²³ и датируемый второй половиной II тысячелетия до н. э., отличается по ряду признаков от черепов из Кара-Тепе. Так, он отличается исключительно большой величиной продольного диаметра, меньшей высотой, значительно большей величиной наименьшего лобного и скулового диаметров, относительно низким лицом по указателю, более покатым лбом, очень высокими орбитами и некоторыми другими чертами, которые позволяют сближать этот череп сprotoевропеоидными формами (см. табл. 4). Мужской череп из Серахского района (раскопки А. А. Марущенко), синхронный черепам из Кара-Тепе, оказывается к ним очень близким. Среди женских черепов из Анау²⁴, Намазга-Тепе²⁵, Серахского района и из Тахирбая намечается выделение второго, более короткоголового типа (табл. 4).

Приводя здесь чертежи черепов из Кара-Тепе (№ 90 из раскопок 1957 г., рис. 1, и № 47 из раскопок 1956 г., рис. 2), следует указать, что первый череп мы рассматриваем как представительный для серий — высоколицый средиземноморский тип; второй череп существенно отличается от первого пропорциями лицевого скелета и больше напоминает черепа protoевропейского типа. Разработка нового материала, возможно, позволит выделить аналогичные черепа в качестве особого компонента этой серии.

Рассматривая краниологические материалы I тысячелетия н. э. с территории Маргианы²⁶, Хорезма²⁷, Бактрии²⁸ и Согдианы²⁹, можно считать вероятным, что древнее население эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении или другое, родственное ему по антропологическому типу, вошло одним из основных слагаемых в состав позднейшего населения Средней Азии (см. табл. 2). Не вдаваясь в подробную аргументацию этого тезиса, считаем необходимым остановить внимание читателей на главнейших отличиях серий черепов I тысячелетия н. э. с территории Средней Азии, привлеченных для сравнения. Сопоставляя более поздние материалы с более ранними, необходимо принимать во внимание эпохальные изменения. Общими чертами в морфологии черепов из Кара-Тепе и других взятых для сравнения серий является строение лицевого скелета, относительно высокого по указателю, с близкими средними величинами скулового диаметра и верхней высоты лица. Отличия рассматриваемых серий от черепов из Кара-Тепе сказываются в более высо-

²³ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии южной Туркмении в эпоху поздней бронзы (Черепа из Тахирбая), рукопись.

²⁴ G. Sergi, Указ. раб.

²⁵ Л. В. Ошанин, Указ. раб., стр. 31—32; В. Я. Зезенкова, Указ. раб., стр. 97.

²⁶ Т. А. Трофимова, Черепа из оссуарного могильника возле Байрам-Али. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1959, приложение (в печати).

²⁷ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, стр. 17—27.

²⁸ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА, 15, 1950, стр. 241—250.

²⁹ В. В. Гинзбург, Материалы к краниологии. Согда, МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 157—167.

ком черепном указателе (мезо-брахиокранном), слабее развитом рельефе, в более высоких орбитах, большей ортогнатности и в несколько более уплощенном лицевом скелете в области назомалярного угла. При этом надо отметить, что одни серии сближаются с черепами эпохи энеолита по одним признакам, другие — по другим, причем серия черепов из Мервского оазиса IV—VI вв. н. э. может считаться наиболее близкой по своим морфологическим особенностям к черепам из Кара-Тепе. Таким

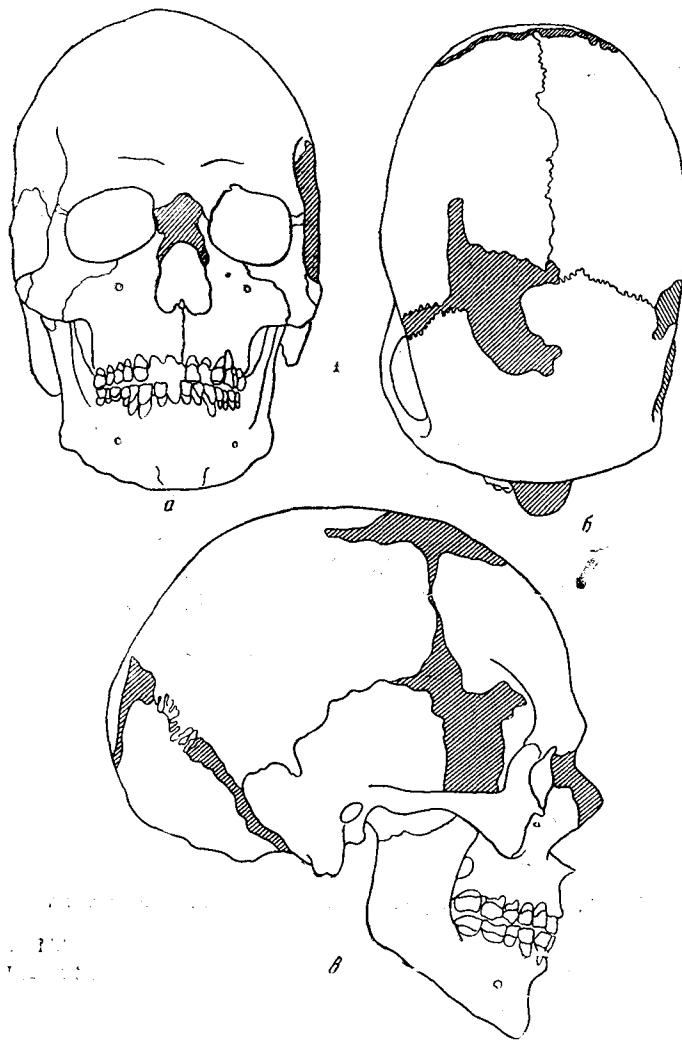

Рис. 1. Мужской череп № 90 средиземноморского типа

образом, не исключая примесей иных расовых типов в составе населения южной Туркмении, которые проникли сюда со временем энеолита, отличие более поздней серии из южной Туркмении вполне удовлетворительно объясняется процессами эпохальных изменений (брахицефализации и грацилизации лицевого скелета). Необходимо также принять во внимание, что более высокий черепной указатель таких серий, как черепа из Байрам-Али и из оссуарных захоронений дворцового здания крепости Калалы-Гыр 1, объясняется не только эпохальными изменениями, но и влиянием затылочно-теменной деформации, распространенной в то время у населения этих областей.

Приведенные соображения позволяют считать, что в основе этих групп представлен один из вариантов средиземноморского типа. Применительно к современному населению Л. В. Ошанин предложил назвать

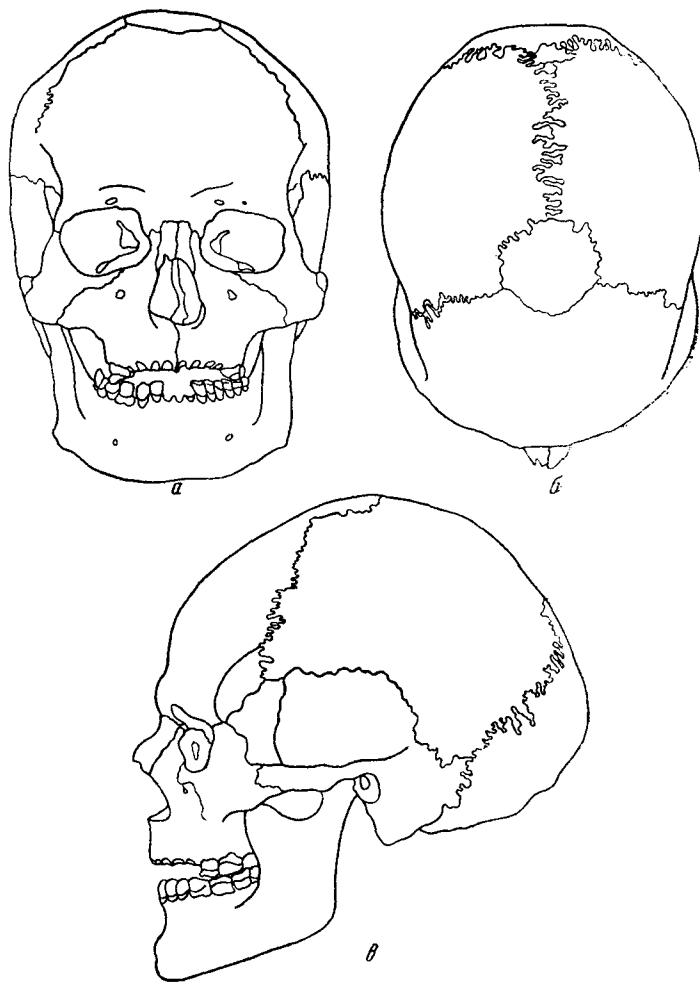

Рис. 2. Мужской череп № 47protoевропейского типа

этот тип «закаспийским». Это наименование мы считаем возможным отнести также и к мезокранным, относительно высоколицым сериям черепов I тысячелетия н. э.

Выводы

1. Исследуемая серия черепов из Кара-Тепе морфологически наиболее близка к некоторым сериям Передней Азии, характеризующимся преобладанием древнегреческого средиземноморского типа, в особенности к черепам из Сиалка (по Валуа) и Ура (по Кизсу).

2. Черепа из Кара-Тепе резко отличаются от черепов тазабагъябской культуры Средней Азии (из могильника Кокча 3, по Трофимовой) и андроновской культуры Казахстана, Алтая и Минусинского края (данные ряда авторов) и древнеямной культуры Нижнего Поволжья. Вместе с тем необходимо указать, что различия черепов из Кара-Тепе и серий черепов срубной культуры менее резки.

3. Можно считать вероятным, что средиземноморский тип, свойственный древнему населению Туркмении, вошел одним из основных слагаемых в состав позднейшего населения Средней Азии.

А. В. СМОЛЯК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДНОСТЕЙ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ

История народностей, населяющих наше Приамурье и Приморье, еще не изучена. Вопросы их древних судеб выяснить очень сложно, ибо эти народности в прошлом не имели своей письменности и оставили только вещественные памятники.

Археологическое изучение Советского Приморья ведется в настоящее время весьма интенсивно; районы же нижнего течения р. Амур изучены еще крайне недостаточно¹. Но даже если бы эти археологические памятники были исследованы сами по себе хорошо, еще нужно решить, в какой степени их можно использовать для характеристики культуры предков современных обитателей этой территории.

Время и пути формирования современных этнических групп, населяющих низовья Амура и Приморье, еще являются предметом исследования.

Интерес к прошлому нашего Приморья возник уже в 60—80-х годах XIX в.; в периодической печати того времени одно за другим появляются сообщения о находках в южной части бассейна р. Уссури развалин древних крепостей, рвов, дорог, городов. Первые систематические исследования там были проведены архимандритом Галладием (Кафаровым). Обнаруженные памятники древней культуры он впервые связал с историей Маньчжурии и отнес их к периодам существования государств Бохай и Цзинь², о которых сообщали китайские письменные источники. Позднее там производил раскопки археолог Ф. Буссе, обнаруживший в Приморье памятники более ранней культуры; он связал их с племенами илоу, о которых также сообщали китайские исторические хроники³.

В хрониках сообщалось, что в древности на территории Маньчжурии жили племена сушэнь (с древнейших времен до III в. до н. э.), илоу (появились после сушэней и жили до IV—V вв. н. э.), можэ (V—VI—VIII—IX вв. н. э.); что в VIII — начале X в. на территории Маньчжурии существовало государство Бохай (пало под натиском киданей), а с начала XII до XIII в.— государство чжурчженей (Цзинь).

Точка зрения Ф. Буссе была поддержана многими учеными, и о племенах илоу стали писать как об обитателях Приморья в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры. Вполне закономерно, что вслед за признанием илоу древними племенами Приморья исследователи писали

¹ Археологические разведки были здесь проведены в 1935 г. А. П. Окладниковым, но богатые материалы этой экспедиции до сих пор почти не опубликованы. Результаты проведенных работ отражены лишь в трех небольших по объему статьях А. П. Окладникова: «К археологическим исследованиям 1935 г. на Амуре» («Сов. археология», 1936, № 1), «Древнее поселение в пади Большой Дурал на Амуре» («Сов. археология», XV, 1951) и «Неолитические памятники как источники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока» («Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941).

² Галладий, Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край, «Изв. Русского географического Об-ва» (РГО), т. VII, № 2, 1871.

³ Ф. Буссе, Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ, Улахэ, «Записки об-ва изучения Амурского края», Владивосток, 1888.

о сушэнях и о мохэ, как о народностях, также обитавших в Приамурье и Приморье.

Литература о сушэнях, илоу, мохэ, бохайцах, чжурчженях очень обширна, причем эти племена и народности всегда считались предками маньчжуров.

Об этом писали сами маньчжуры и китайцы. В «Мань-чжоу юань-люкао» император Цянь-Лун сообщал, что цзинь произошли от рода мохэ на старой территории сушэней, и что цзинь — предки маньчжуров⁴. Палладий указывал, что, согласно китайским данным, сушэнь — это чжурчжины и предки маньчжуров; точно такой же точки зрения придерживались и другие русские востоковеды, основываясь на данных китайских хроник⁵.

Современные китайские авторы (Хуа Шань, Ван Гэн-тан) также считают сушэней, илоу и мохэ предками чжурчженей⁶. Западноевропейские китаеведы XIX в. разделяли эту точку зрения⁷.

Весьма примечательно, однако, что китайские и западноевропейские историки, а также русские ориенталисты не проявляют тенденции помещать сушэней, илоу и мохэ непременно в низовьях Амура или в Приморье. Об этом стали писать русские исследователи, практически работавшие в этих районах в более поздний период. Взгляды Ф. Буссе поддержали А. В. Гребенщиков⁸, А. Н. Липский⁹, Н. А. Липская¹⁰, А. М. Золотарев¹¹. Они писали о сушэнях, илоу и мохэ, как о предках современных народностей, проживающих ныне в Приамурье и Приморье (нанайцев, ульчей, нивхов, орочей). Однако ни в одной работе указанных авторов не делается попытки поставить вопрос о том, в какой степени оправдана такая идентификация.

Очень много для выяснения ранних этапов истории советского Приморья сделано советскими археологами. А. П. Окладников в работах, посвященных проведенным в Приморье археологическим исследованиям, следует установившейся в литературе традиции: он говорит о племенах илоу и мохэ, живших в древности в Приамурье и Приморье. В чрезвычайно интересной, богатой новыми фактами работе «У истоков культуры народов Дальнего Востока» (1954) он развивает мысль, что в Приамурье и

⁴ См. *Teggien de Lacoouregie, The Djurtchen of Manchuria*, «Journal of the Royal Asiatic Society», New Series, т. XXXI. London, 1889, стр. 436. Эти данные приведены и в хронике XII—XIII вв. (см. «Цзинь-ши», перевод А. Маякина, Харбин, 1942).

⁵ См. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г., «Записки РГО по общей географии», т. IV, 1871, стр. 387; А. Горский, Начало и первые дела маньчжурского дома, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I, Пекин, 1858, стр. 4; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—III, М.—Л., 1950—1953; т. II, стр. 8; В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., Труды Восточного отдела Русского археологического об-ва, ч. IV, вып. I, 1858, стр. 30—31, 196—197.

⁶ Хуа Шань, Ван Гэн-тан, О разложении родового строя и образовании государства у чжурчженей, «Вэньшичжэ», 1956, № 6 (на кит. языке).

⁷ См. *Teggien de Lacoouregie*, Указ. раб., стр. 432—434, 440; Е. Parkes, The Manchus, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», т. XV, Yokohama, 1887; H. E. James, The long white mountain, London, 1888, гл. II.

⁸ А. В. Гребенщиков, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912, стр. 1—7.

⁹ А. Н. Липский писал, что группа мохэ (хэй-шуй-бу) обитала по нижнему течению Амура, от устья Сунгари до океана; в IV—X вв. «племя хэй-шуй, т. е., видимо, нынешние гольды, стояли на низкой ступени развития; это племя получило свое имя по названию нижнего течения Амура — Хэй-шуй» (см. его статью «Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура» в сборнике «I туземный съезд Дальневосточной области», Хабаровск, 1925, стр. VII).

¹⁰ См. «Народы Сибири», М.—Л., 1956 (глава «Нанайцы», исторический очерк).

¹¹ А. М. Золотарев, К вопросу о генезисе классообразования у гиляков, «За индустриализацию Советского Востока», 1933, № 3. В другой работе он писал более осторожно: «Сушэнь, илоу, мохэ — собирательные названия для ряда древних племен, считающихся предками тунгусо-маньчжуров. Вероятно, неолитическое население Амура входило в число народов, собирательно обозначавшихся китайскими летописями под этими названиями» (А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 7).

Приморье с древнейших времен развивалась культура племен илоу, мохэ, бохайцев и чжурчжэней. Уже племена илоу в Приморье знали земледелие, скотоводство, ткачество; их культуру наследовали мохэ, бохайцы. Нанайцы, ульчи, нивхи — потомки этого древнего населения. «Монголы варварски разрушили земледельческую культуру приморских племен и физически уничтожили или уввели в плен ее носителей... Удар, нанесенный монгольскими завоевателями, был настолько силен и опустошителен, что Приморье и соседние с ним районы Дальнего Востока уже не могли более оправиться и остались в запустении вплоть до того момента, когда там в половине XVII в. появились русские и заложили основу новой, несравненно более передовой и высокой культуры... Потомки же древнего населения Приморья, создавшего в течение веков яркую и своеобразную культуру, — ульчи, гиляки и нанайцы — в дружной семье советских народов создают теперь новую, социалистическую культуру Дальнего Востока»¹². В той же работе проводится мысль, что культура бохайского и чжурчженьского государства выросла на почве, подготовленной племенами мохэ и илоу¹³.

Мы уже отмечали, что вся востоковедческая литература признает сушэней, илоу, мохэ, бохайцев, чжурчженей предками маньчжуров. Сказать, что эти же племена явились и предками современных народов Приамурья и Приморья, — значит предопределить вопрос о происхождении последних. Между тем, этногенез народов Приамурья и Приморья до конца еще не выяснен и время их формирования не установлено. По имеющимся нынешним, происхождение этих народов весьма сложно; в их состав вошли самые различные компоненты. Но проблема этногенеза — это тема самостоятельного исследования; автор данной статьи хочет лишь обратить внимание на то, что вопрос о расселении сушэней, илоу и мохэ, судя по литературным данным, до сих пор не является вполне ясным.

Согласно китайским источникам, сушэни жили в Маньчжурии с древнейших времен до III в. до н. э. Иногда их представители появлялись в Китае, принося в качестве дара луки и стрелы из дерева «ку» с каменными наконечниками. Сведения о сушэнях, приводимые китайскими хрониками, крайне скучны, что объясняется, по-видимому, недостаточным знакомством китайских летописцев с отдаленными областями Маньчжурии¹⁴ (хотя археологические данные могут свидетельствовать о наличии каких-то связей древних обитателей Приморья с китайцами). В китайских сочинениях новейшего времени (XVIII—XX вв.) появляются попытки определить по китайским древним хроникам границы расселения сушэней¹⁵, хотя в древности вопросами их расселения, естественно, никто не занимался. Однако определить территорию расселения сушэней, которые на протяжении тысячелетий жили в стране, недостаточно знакомой китайцам, — вещь совершенно нереальная; тем более нельзя говорить о точной локализации сушэней в низовьях Амура или Приморья. Этот вопрос, конечно, не ставился древними китайскими авторами, которые плохо знали столь отдаленные земли (хотя и слышали о существовании Амура).

По-видимому, именем сушэнь китайцы называли все население Маньчжурии, безотносительно к его этнической принадлежности, а возможно, и население более северных районов¹⁶.

¹² А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, сб. «По следам древних культур», М., 1954, стр. 259—260.

¹³ Там же, стр. 258.

¹⁴ Д. Н. Позднеев вообще сомневается в существовании сушэней: «... существование сушэней подвергается сомнению за недоказанностью сведений о них» («Описание Маньчжурии», т. I, СПб., 1897, стр. 7).

¹⁵ Это, в частности, попытался сделать Ху-Вэй, автор книги «Юйгун-Чжунчжи» (1633—1714); см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, 1950, стр. XXV.

¹⁶ В «Да-мин и-тун-чжи», изданной в 1461 г. в Пекине, говорится, что к произведениям страны сушэнь относятся «китовые зрачки» и «моржовые клыки» (цит. по рукописному переводу Н. В. Кюнера; стр. 105 указана по китайскому оригиналу).

Гораздо больше сведений китайские хроники сообщают о племенах илоу, которые жили в Маньчжурии, начиная с последних веков до нашей эры. Илоу, согласно этим данным, жили оседло, занимались земледелием, свиноводством и охотой, строили землянки, делали хорошие луки и стрелы с каменными наконечниками, умели строить суда; соседи страдали от их набегов¹⁷.

О территории расселения илоу китайские хроники говорят: «...На востоке прилежат к Великому морю, на юге смежны с во-цзюй. Как далеко простираются на север — неизвестно»¹⁸. Западная граница илоу здесь также не определяется. Итак, илоу жили в районах, с востока омыемых «Великим морем». Раскопки, проведенные за последние годы в южных частях Советского Приморья, в значительной степени дополняют сведения китайских хроник о культуре приморских илоу. Советские археологи относят эпоху «раковинных куч» к периоду существования в Приморье илоуских племен¹⁹. У населения Приморья в эту эпоху существовала специализированная культура рыболовов и морских зверобоев, которые строили крупные морские суда. Находки здесь каменных зернотерок и пряслиц свидетельствуют, по мнению А. П. Окладникова, о развитии у приморских илоу земледелия и ткачества²⁰.

В подтверждение тезиса о высокой культуре обитателей этих мест приводятся сведения из мало известной в научной литературе китайской хроники, в которой говорится, что «основой хозяйства илоу были земледелие и скотоводство: они имели пять видов [хлебных] злаков, коров, лошадей; кроме того, они любили разводить свиней, занимались охотой на соболей»²¹.

А. П. Окладников приводит эти сведения китайских хроник, не комментируя их, хотя они никак не согласуются с той картиной культуры илоу, которая вырисовывается на основе раскопок, произведенных в Приморье. Действительно, приморские «илоу» — это морские зверобои, охотники, у которых лишь найденные в незначительном количестве каменные зернотерки могут рассматриваться как косвенное свидетельство наличия земледелия²². Наличие каменных зернотерок, думается, не является неопровергнутым доказательством существования здесь земледелия, так же как и наличие пряслиц не служит доказательством существования ткачества у приморских илоу. На зернотерках можно было растирать ягоды черемухи и других растений; зернотерками илоу могли также пользоваться, приобретая от своих юго-западных соседей зерна гаоляна или проса. Пряслица могли употребляться при изготовлении с помощью веретена нитей для сетей²³. В Приморье не было обнаружено также ни костей лошадей, ни костей коров — животных, которых, как говорится в китайских хрониках, разводили илоу.

Доказательство наличия у племен илоу земледелия А. П. Окладников видит также в употреблении ими полуулунных каменных ножей с отверстиями; такие ножи в древнем Китае употреблялись в качестве серпов. Но сходные по форме ножи с отверстиями были найдены при археологических

¹⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 23—24.

¹⁸ Там же, стр. 23.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, М., 1956, стр. 409—410 (автор раздела «Племена Сибири и Дальнего Востока» — А. П. Окладников).

²⁰ «Очерки истории СССР...», стр. 409—410.

²¹ Там же, стр. 410.

²² А. П. Окладников, У истоков культуры народов Дальнего Востока, стр. 251.

²³ Многие северные народности Сибири и Дальнего Востока изготавливали сети из крапивных ниток, спрятанных с помощью веретена; веретена были известны даже такой северной народности, как юкагиры. Но нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании у этих народностей в прошлом искусства ткачества.

раскопках на Чукотском полуострове, однако никто не рассматривает их как доказательство существования здесь земледелия.

Данные о культуре земледельческих илоуских племен, содержащиеся в китайских хрониках, не могут быть отнесены к населению приморских районов. Они касаются населения иных мест. В данных китайских хроник о расселении илоу не указана ни северная, ни западная границы обитания этих племен.

Н. Я. Бичурин писал, что илоу жили в восточной части Гириньской провинции²⁴. Но, по-видимому, область расселения этих племен была шире: они обитали также в западных районах и в южной Маньчжурии. Об этом свидетельствуют данные топонимики: в 60—80 ли от Мукдена, по сообщению Палладия, расположено местечко Илу, «построенное на месте старины города Илоусяня, названного так в память древнего народа Маньчжурии — илоу»²⁵. На исторической карте, составленной самим Н. Я. Бичурином и приложенной к книге «Собрание сведений...», племя илоу отмечено в местности, расположенной несколько севернее Мукдена. В географическом описании Маньчжурии, переведенном с китайского языка В. П. Васильевым, упоминается местечко Илоу в 35 верстах к северу от Мукдена, где находятся развалины древнего города Илоу²⁶. В «Историческом атласе Китая», изданном в 1935 г.²⁷, илоу помещены к юго-западу и юго-востоку от озера Ханка.

По всей вероятности, племена илоу занимали обширную область, которая включала район современного города Мукдена с его окрестностями, бассейн Сунгари — реки, проходящей через всю территорию Маньчжурии, и земли к востоку от этой реки. Еще более вероятно предположение, что название илоу (как и сушэнь) китайцы давали не определенному народу, но обитателям большей части Маньчжурии²⁸.

Естественно, что на столь обширной территории обитали племена различного уровня развития; данные же китайских хроник суммарны и не учитывают этих различий.

Механически переносить на население приморских районов все культурные достижения илоу центральных районов, о которых говорится в китайских хрониках, было бы неправильным.

В III в. н. э. в китайских исторических источниках появляется название «уги», относимое к племенам, обитавшим в Маньчжурии (некоторые авторы сближают название уги с уцзи, воцзи, что в переводе значит «лесные»). Большинство синологов XIX в. признавало, что уцзи были мохэскими лесными племенами, но название мохэ появляется в хрониках лишь с V—VI вв. О племенах мохэ в китайских исторических хрониках сообщается, что они занимаются земледелием, разведением свиней и лошадей, охотой и рыболовством, а также торговлей (продажей киданям мехов, рыбных шкурок и рыбьего клея, лошадей)²⁹. Жили мохэ зимой в землянках со входом сверху, а летом — в шалаشاх.

По сообщению китайских источников, мохэ делились на семь «поколений», из которых самое южное занимало районы, смежные с государством Гаоли на севере Корейского полуострова. К сожалению, китайские хроники не дают определенных сведений о местах обитания всех мохэских пле-

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 24.

²⁵ Палладий, Дорожные заметки..., стр. 373.

²⁶ В. П. Васильев, Описание Маньчжурии, «Записки РГО», т. XII, 1857, стр. 63.

²⁷ Albert Heegtagap, Historical and commercial atlas of China, Cambridge—Massachusetts, 1935, карты 27 и 31.

²⁸ Подтверждением этому служит мнение П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чирикова о том, что в область распространения илоу входила «вся восточная часть Хэйлунцзянской провинции и Гириньская провинция, а впоследствии и Уссурийский край» («Северная Маньчжурия», т. II, Хэйлунцзянская провинция, Харбин, 1919, стр. 417); границей Хэйлунцзянской и Гириньской провинций, как известно, была р. Сунгари.

²⁹ В. П. Васильев, История и древности Восточной части Средней Азии, стр. 27.

мен; известно лишь, что группа мохэ жила по Сунгари (сумо мохэ) и по Амуру (черноречные — хэй-шуй мохэ, от китайского названия Амура — Хэй-шуй, буквально — Черная река) ³⁰.

Н. А. Липская, А. Н. Липский и А. М. Золотарев утверждали в своих работах, что черноречные мохэ обитали по нижнему течению Амура ³¹. А. В. Гребенщиков полагал, что средоточием всех племен мохэ были земли по р. Сунгари и по Амуру, где мохэ расселялись до самого устья ³². Эта точка зрения воспринята и другими современными историками ³³.

А. П. Окладников писал, что мохэские племена, жившие в Приморье, в долинах Уссури и Амура, занимались земледелием и скотоводством, изготавливали железные орудия; они вступали в прямые сношения с Китаем, с 417 г. регулярно направляя посольства к китайскому двору, но большая часть мохэ была независима от Китая, и соседи боялись их ³⁴.

При внимательном рассмотрении исторических источников можно убедиться, что в них нет никаких сведений об обитании мохэ на нижнем Амуре. Сообщения о черноречных мохэ касаются совершенно иного района.

Н. Я. Бичурин сообщает, что черноречные мохэ жили в Хэйлунцзянской провинции ³⁵, которая, как известно, с севера была ограничена Амуром, а с востока — Сунгари. Более того, он указывает, что они «занимали правую сторону Амура в верховьях сей реки... Они принадлежали к числу тех тунгусских поколений, потомки которых ныне обитают по обоим берегам Науна под родовыми названиями солонов и дахуров» ³⁶. А. В. Гребенщиков считает, что название хэй-шуй мохэ происходит от названия Хэйшуй, которое китайцы давали не всему Амуру, а только среднему его течению ³⁷, и что устье р. Бира было западной границей расселения мохэ по Амуру.

В верховьях Амура, вплоть до устья р. Зеи, найдено много археологических памятников (развалины крепостей, рвы, валы); археолог Г. С. Новиков-Даурский рассматривает их как мохэские ³⁸. Современные китайские историки именно здесь, а не в низовьях реки, помещают черноречных мохэ — предков чжурчженей ³⁹.

Черноречные мохэ жили по Амуру и западнее устья Зеи. Это подтверждают данные топонимики: на Амуре и поныне сохранилось название Мохэ для местечка, расположенного близ слияния Шилки и Аргуни ⁴⁰.

³⁰ А. В. Гребенщиков, Дальний Восток. Исторический очерк, «Северная Азия», 1926, № 5—6, стр. 100; его же, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912, стр. 3—4.

³¹ Н. А. Липская, Указ. раб.; А. М. Золотарев, Из истории народов Амура, «Исторический журнал», 1937, № 7; А. Н. Липский, Указ. раб., стр. VII.

³² А. В. Гребенщиков, Дальний Восток..., стр. 105.

³³ См. «Очерк истории СССР. Период феодализма», ч. I, М., 1953, стр. 746.

³⁴ А. П. Окладников, У истоков культуры..., стр. 257. В разделе о древних племенах Дальнего Востока в труде «Всемирная история» (т. II, М., 1956, стр. 719—720) говорится, что илоу и мохэ жили в приморских районах и на Амуре, занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой; мохэ вели торговлю с китайцами и корейцами. Все семь племен мохэ автор раздела помещает на Амуре, указывая лишь, что в низовьях реки и на Уссури жили наиболее отсталые мохэ.

³⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 8.

³⁶ Там же, т. I, стр. 380.

³⁷ А. В. Гребенщиков, Дальний Восток..., стр. 105. Китайцы делили Амур на его протяжении по цвету воды: река Сунгари приносит в Амур мутные, глинистые воды, и, начиная от места ее впадения в Амур, вода его становится светлой, резко отличаясь от чистой «черной» воды, которую имеет Амур в верхнем и среднем течении; это обычно отмечается во всех географических описаниях Маньчжурии.

³⁸ Г. С. Новиков-Даурский, Приамурье в древности, «Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения», т. II, Благовещенск, 1953. А. П. Окладников считает вполне правомерным отнесение этих памятников к племенам мохэ. См. его рецензию на указанную работу Г. С. Новикова-Даурского в сборнике «Сов. археология», XXII, 1955.

³⁹ Хуа Шань и Ван Гэн-тан, Указ. раб.

⁴⁰ Д. Н. Позднеев, Описание Маньчжурии, т. I, СПб., 1897, карта.

В отрогах Хингана берет начало р. Мохэ (русское название Желтуга), впадающая в Амур⁴¹.

На карте, приложенной к книге З. Н. Матвеева «Бохай», черноречные мохэ помещены в районе верхнего и среднего течения р. Амур⁴².

Таким образом, нет неоспоримых данных, которые говорили бы, что черноречные мохэ жили по нижнему течению Амура; свидетельств же их расселения по среднему и верхнему течению имеется достаточно. Нет также оснований считать, что амурские мохэ были сильнейшими из всех других мохэских племен. Напротив, здесь была периферия расселения мохэ, и амурские мохэ оставались в стороне от всех событий, происходивших в более южных районах Маньчжурии.

Многочисленные данные китайских хроник о сношениях мохэ с Китаем касаются тех групп, которые обитали в районах, расположенных значительно южнее р. Амур. В хрониках неоднократно указывается, что с корейским владением Гаоли граничили мохэские племена⁴³. Именно эти южные группы вступали в сношения с Китаем и Гаоли; в борьбе последних между собою они принимали то сторону Китая, то сторону Гаоли. В VII в. мохэ окончательно стали союзниками Гаоли; во всех сражениях всегда впереди выступала сильнейшая мохэская конница, насчитывавшая десятки тысяч всадников. В китайских хрониках Бэй-ши, Суй-шу и Тан-шу имеется по этому поводу много сообщений⁴⁴.

Мохэская знать иногда завладевала корейскими землями. Так, в VII в. мохэ получили часть владения Боцзи, расположенного в южной Маньчжурии⁴⁵. Отец основателя государства Бохай — мохэец с верховьев р. Сунгари — имел владение в Гаоли⁴⁶. Между мохэцами и корейцами, по-видимому, не было столь резкой географической границы, какая образовалась позднее между Маньчжурией и Кореей. Мы полагаем, что какие-то группы корейцев вследствие тесных связей вошли в состав южных маньчжуков; в свою очередь отдельные группы маньчжуков входили в состав северных корейцев.

Итак, племена мохэ занимали обширную страну от верхнего и среднего течения Амура на севере до границ Кореи на юге. Население этой территории было неоднородным по своему этническому составу и по уровню культурного развития.

В «Очерках по истории СССР» говорится: «Мохэские племена по языку принадлежали к тунгусо-маньчжурской группе; потомками нижнеамурских и уссурийских мохэ «являются нанайцы (гольды), обитающие сейчас по пр. Уссури и Амуру около Хабаровска»⁴⁷. По нашему мнению, этого утверждать никак нельзя, так как о языке мохэ не имеется почти никаких сведений, а специальных исследований в этой области не проводилось.

Считать мохэ предками нанайцев нет оснований не только потому, что амурские мохэ обитали в верховьях и среднем течении Амура, а нанайцы ныне живут по Уссури и нижнему течению Амура⁴⁸, не только потому, что этнический состав нанайцев очень сложен и они включают роды различного происхождения⁴⁹, но и потому, что, сказав — нанайцы произо-

⁴¹ Сюй Цзюнь-лян, Очерки Хэй-лун-цзяня, Перевод с китайского, Приложение к газете «Жизнь на восточной окраине», кн. I, Чита, 1896, стр. 18.

⁴² З. Н. Матвеев, «Бохай», Труды Дальневосточного государственного университета, серия 6, № 7, Владивосток, 1929.

⁴³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 91, 98 и др.

⁴⁴ Там же, т. II, стр. 69—72, 83, 85, 92, 104—105, 111—112, 118, 129; т. III, стр. 28.

⁴⁵ Там же, т. II, стр. 129.

⁴⁶ Там же, стр. 136.

⁴⁷ «Очерки по истории СССР. Период феодализма», стр. 746. Об этом писал и А. Н. Липский (Указ. раб., стр. VII).

⁴⁸ Можно допустить, что какие-то группы мохэ со среднего течения Амура могли переселяться в его низовья, но это еще нуждается в доказательствах.

⁴⁹ Они включают в свой состав, например, очень много эвенкийских родов и какие-то остатки доэвенкийского аборигенного населения.

шли от мохэ — мы ничего не определим. Мохэ — это собирательное название для населения обширной территории Маньчжурии, разнородного как по этническому составу, так и по уровню культурного развития.

Их западными соседями были племена шивэй, которые, судя по данным китайских хроник, также были весьма неоднородными по культуре. Об этнической принадлежности их трудно что-либо сказать. Даже этническая принадлежность киданей (также западных соседей мохэ), о которых сохранилось гораздо больше сведений в исторических источниках, до сих пор не вполне ясна.

Были ли мохэ, илоу, сушэнь тунгусами? Этот вопрос очень сложен и выходит за рамки настоящей работы. Существуют различные теории об их происхождении. Можно думать, что авторы «Очерков по истории СССР» считают мохэ тунгусо-маньчжурами. Считали тунгусами все население Маньчжурии и историки XIX — начала XX в. (Горский, Бичурин, Матвеев и др.), причем Бичурин даже корейцев относил к южным тунгусам⁵⁰. Однако спустя почти пятьдесят лет после появления теории Н. Я. Бичурина, считавшего тунгусов аборигенами Маньчжурии, П. П. Шмидтом была выдвинута новая теория — о существовании в Маньчжурии дотунгусского населения⁵¹. Автор данной статьи не ставит задачи решить вопрос об этнической принадлежности мохэ, илоу, сушеней; однако думается, что его ныне нельзя решать так просто, как это делалось во времена Н. Я. Бичурина. История мохэского населения нам неизвестна, а скучные, весьма суммарные данные о нем китайских хроник дают слишком мало для конкретного представления об этом населении. Что представляли собой в этническом и культурном отношении различные группы мохэ? Каковы были их взаимоотношения? Как они развивались на протяжении нескольких веков и какова была поздняя история отдельных групп? На все эти вопросы китайские хроники, конечно, не дают никакого ответа.

Что касается истории мохэ в VIII—X вв., то принято считать, что они в этот период целиком вошли в состав Бохайского государства. Однако имеются данные о том, что некоторые группы мохэ остались вне этого государства⁵². История этих обособленных мохэских групп (особенно южных) в VIII—X вв. и позднее совершенно не выяснена.

⁵⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 7.

⁵¹ П. Шмидт изложил свои взгляды в ряде статей, напечатанных в журнале *Acta Universitatis Latviensis* (см. P. Schmidt, The language of Negidals, V, 1923; The language of Olchas, VIII, 1923; The language of Oroches, XVII, 1928). В книге И. Лопатина «Гольды» (Владивосток, 1922) опубликовано письмо П. Шмидта, где изложены его взгляды по данному вопросу. Теория П. Шмидта о палеоазиатах в Маньчжурии была поддержана С. М. Широкогоровым (S. M. Shirokogoroff, Social organization of the Northern Tungus, Shanghai, 1929, стр. 142—146). Однако если Шмидт считал население Маньчжурии палеоазиатским вплоть до X в. до н. э., то Широкогоров даже в отношении сушеней не дает ясного ответа — были ли они тунгусами или палеоазиатами. Современный китайский этнограф Лин Чунь-шэн (Ling Chun-sheng, The goldi tribe on the lower Sungari River, Nanking, т. I—II, 1934, Введение), следуя П. Шмидту и С. Широкогорову, признает существование дотунгусского населения в Маньчжурии; но он оставляет открытый вопрос о принадлежности сушеней к палеоазиатам или к тунгусам. Этот вопрос требует еще больших и углубленных исследований. Мы хотим здесь лишь обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство: все китайские источники, говоря о сушенях, сообщают, что они делали стрелы из дерева «ку». Данных о языке сушеней чрезвычайно мало; указанный же термин повторяется в том же значении у современных нивхов — палеоазиатской группы, живущей в низовьях Амура и на Сахалине. Думается, что такое совпадение не может быть случайным. Правда, нивхи словом «ку» называют стрелы, а не дерево, из которого они изготавливались, но нам такое различие не представляется существенным.

⁵² Черноречные мохэ жили за границами Бохайского государства. В южной Маньчжурии также имелись группы мохэ, не вошедшие в его состав. В китайской хронике имеется интересное сообщение о том, что земли Боцзи были разделены между Бохай и Синъло (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 129). Бохай и Синъло были государственными образованиями, а что представляли собою южные мохэ — неизвестно. В начале VIII в. Бохай и Мохэ совместными силами опустошили г. Дын-чжеу в южной Маньчжурии (там же, стр. 133).

Древнейшая история народностей Советского Дальнего Востока и Маньчжурии, тесно связанных между собой уже в весьма отдаленные времена, до сих пор еще недостаточно изучена, а такое изучение могло бы пролить свет на сложные вопросы этногенеза. Значительную роль в решении проблем, касающихся этногенеза и истории народностей нашего Приамурья и Приморья, а также обширной территории Маньчжурии, должны сыграть археологи, для чего необходимо широким фронтом проводить на этой территории археологические исследования в сочетании с этнографическими и лингвистическими.

В заключение хочется обратить внимание на то, что территория низовьев Амура и Уссурийского края историками, археологами и этнографами часто рассматривается как единая. Это не совсем правильно. Когда речь идет о прошлом Уссурийского края, то можно говорить и о Бохайском (VIII—X вв. н. э.) и о Цзиньском (XI—XII вв. н. э.) государствах, периферией которых являлись южные районы Уссурийского края. Что же касается населения отдаленной территории низовьев Амура, то оно не входило непосредственно в состав двух указанных государств. На нижнем Амуре мы видим только остатки землянок, керамики и примитивных орудий, а памятник более высокой культуры относится лишь к началу XV в., когда на Тырской скале была сооружена стела в память о походе сюда китайцев (как известно, и этот поход не привел к установлению тесных связей китайцев с местным населением). Таким образом, население низовьев Амура и северной части Приморья развивалось относительно самостоятельно от населения более южных районов, хотя нельзя не учитывать влияния на него высоких южных культур и цивилизаций.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Д. В. НАЙДИЧ-МОСКАЛЕНКО

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

*(Место прикрепления тяговой силы как основной
признак классификации)*

В процессе изучения русских народных сельскохозяйственных орудий при составлении «Русского историко-этнографического атласа» мы пришли к выводу, что необходимо внести полную ясность в типологию основных русских народных пахотных орудий. Это необходимо, во-первых, для более точного определения их хозяйственного назначения, во-вторых, для выяснения происхождения пахотных орудий и, в-третьих, для изучения этногенеза и культурных связей русского народа.

Первую попытку классифицировать русские народные пахотные орудия в русской литературе сделал В. Фрибе в самом начале XIX в. в статье «О сравнительной доброте пахотных орудий». Он делил полевые орудия на «два рода»: 1) сохи и 2) косули. Род сох составляют: 1) самая простейшая соха, 2) простая соха с одним железным сошником, 3) малая татарская соха, 4) двойная соха, подобная крюку или вилам, 5) соха с колесами, 6) рало или орало. Род косуль составляют: сложные косули без колес и плуги с колесами. К косулям без колес автор относит российскую соху с резцом или косулю (т. е. собственно косулю) и сердобольскую или карельскую косулю (т. е. собственно сердобольскую двузубую соху). К плугам с колесами В. Фрибе относит только «большой украинский плуг»¹. В этой классификации «самую простейшую соху» представляло украинское однозубое рало без железного наральника. Фрибе считал, что в виде рала было сделано человеком первое пахотное орудие с применением тяговой силы животного. «Простую соху с одним железным сошником» представляло украинское однозубое рало с железным наральником. «Двойная» (т. е. двузубая соха), по Фрибе, имела много вариантов разницы между которыми он видит «в одних только железных сошниках»². Здесь речь идет о коловых и первовых сохах. К ралам отнесено многозубое рало или «орало», применявшееся на Украине и на юге России. Таким образом, автором объединены в род «сохи» орудия разного типа (рала и сохи), так же как и в род «косули» (косули, сохи, плуги)³.

В этой классификации трудно определить принцип, который положен автором в ее основу. Рало здесь отнесено к сохам, сохи-«односторонки» (с неподвижной полицей) совсем не выделены, кроме «сердобольской (карельской) косули», которая отнесена к косулям. О соах-односторонках

¹ В. Фрибе, Ответ на задачу 1804 года, о сравнительной доброте пахотных орудий в России, «Труды Вольного экономического общества», т. LX, СПб., 1808, стр. 265.

² Там же, стр. 270.

³ Там же, стр. 281.

известных в народе под названием «косуль», упоминается только при описании сошников сердобольской косули, когда автор говорит, что у нее сошники плоские, а у русской косули «накривлены или загнуты», из чего можно заключить, что он подразумевал, видимо, под словом косуля соху односторонку. Косулю же в этом тексте он называет «русская большая косуля»⁴. Плуг и сабан Фрибе считал одним орудием с разными названиями: по-русски — плуг, по-татарски — сабан.

В середине XIX в. попытка классификации пахотных орудий восточной полосы России была сделана Г. В. Фирстовым. Он разделил их «по внешнему виду» следующим образом:

«I. Плуги — орудия, имеющие все части, необходимые для возможно совершенной обработки земли, а именно: резец, сошник, отвал, полоз, стойку, гредиль и рукоятки. Место приложения силы влечения находится здесь не выше сошника.

II. Сохи, имеющие совершенно отличное от плугов устройство и состоящие из двух сошников, палицы, рассохи, оглобель и рукояток, но лишенные резца, настоящего отвала и полоза. Место приложения силы влечения находится здесь далеко выше сошника.

III. Косули, занимающие середину между плугом и сохой и заимствующие от первого: резец, сошник и отвал, а от последней рассоху, оглобли и рукоятки. Место приложения силы влечения находится здесь или далеко выше сошника, или над самым сошником»⁵.

Плуги автор делит на «малороссийский» плуг и сабан с его разновидностью — казанским сабаном. «Малороссийский» плуг, по мнению автора, кроме Украины, употреблялся с незначительными изменениями в Крыму, на Кавказе, в Бессарабии и местами в губерниях Саратовской, Астраханской, особенно на луговой стороне Волги, и кое-где в Оренбургских степях. Сабан он считал не национальным татарским орудием, а измененным «малороссийским» плугом, применявшимся татарами в Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Казанской губерниях.

В категории сох автор выделял и однозубые сохи (отнеся к ним только однозубое украинское рало) и двузубые сохи: «сохи грубые» с перекладной полицей и сохи, улучшенные самими крестьянами, — односторонки. В «грубых соехах» он отметил две разновидности по форме и установке сошников — коловые и первые. В соехах-односторонках выделены только сохи с брылой — вертикальным загибом пера левого сошника и неподвижной полицей, и разновидность их — кунгурская соха с отвалом вместо палицы. Сохи с перекладной полицей — «двусторонки» были оборотными орудиями и применялись для пахоты большей частью русского крестьянства, сохи с неподвижной полицей — «односторонки» применялись чаще в северо-восточной части Европейской России. Автор совершенно не упоминает об усовершенствованных однозубых соехах («лемехе», курашимке, чегандинке и др.), хотя подробно описывает сохи Казанской, Вятской, Пермской губерний, так как эти усовершенствованные сохи, видимо, появились позже.

Косули он делил на «грубые», более распространенные, и «усовершенствованные», менее распространенные. Первые отличались высоким прикреплением тяговой силы, вторые — низким, почти над самым сошником. К первым относилась костромская косуля с разновидностями: казанской и вятской, различавшимися формой сошника, резца и отвала. Ко вторым — ярославская косуля — «самолет» с ее разновидностью — «оралом», у которого еще ниже, чем у «самолета», были укреплены оглобли и сошник стоял более «отвесно», почти вертикально. Г. Фирстов, как и В. Фрибе, относит однозубые рала к соехам, а многозубые он считает «боронильными орудиями».

⁴ В. Фрибе, Указ. раб., стр. 280.

⁵ Г. В. Фирстов, Грубые пахотные орудия Восточной полосы России, «Записки Казанского экономического общества», Казань, 1854, кн. 3, март, стр. 186.

В начале XX в. Д. К. Зеленин классифицировал восточнославянские пахотные орудия, положив в основу производственный принцип⁶. К сожалению, классификация была проведена без учета специфики работы каждого орудия. Д. К. Зеленин делит пахотные орудия на три главных «отдела» по различию задач пахоты или по различию функций пахотного срудия. Первый отдел — «черкающие орудия», которые взрыхляют, по-народному «черкают», землю, но не могут отваливать ее в определенную сторону — земля валится по обе стороны борозды. Второй отдел представляют «пашущие» орудия, которые не только черкают землю, но и «пашут» (метут)⁷ ее, т. е. увлекают с собою особым приспособлением — полицей, отвалом, отсутствующим у черкающих орудий.

Третий отдел пахотных орудий — это «оряющие» орудия. «Орать» землю — значит отрезывать пласт сбоку ножом, подрезывать снизу лемехом, поднимать и опрокидывать верхний слой почвы отвалом. Эти орудия имеют два острых режущих приспособления — нож и лемех. Отрезанный пласт земли не просто валится, а хорошо оформленным изогнутым отвалом переворачивается верхней частью вниз.

Исходя из этой типологии, Д. К. Зеленин следующим образом классифицирует пахотные орудия:

I. Черкающие орудия. Они делятся на однозубые, двузубые и многозубые. К однозубым относятся: однозубое рало и однозубая черкуша; к двузубым — цапулька (или цапуга), черкуша двузубая, двузубое рало; к многозубым — рало тройчатое и рала многозубые, трехзубая соха и многозубые сохи (насошки).

II. Пашущие орудия. Они делятся на сохи с перекладною полицейю и сохи-односторонки. К сохам с перекладной полицейю относятся: коловая соха с цельной рассохой, «обыкновенная великорусская» первая соха с цельной рассохой, соха-«двойчатка», у которой рассоха состоит из двух брусков, соха первая — «оралка» с низким прикреплением тяговой силы. К сохам-односторонкам относятся: московская соха — «косуля» с одним вертикальным, а другим горизонтальным сошником («согна на один сошник»), «литовская», или «полесская», соха и соха с брылой — «косуля». К сохам с брылой автор относит «вятскую соху», «сибирскую колесуху» и «рогалию», туринку, кунгурскую соху и нежинскую «косинную соху». Он выделяет соху с отрезом — «косулю» и двуральную соху — сердобольскую или корельскую косулю, а также двуральную соху с омешками (сожниками) на одной стороне.

III. Оряющие орудия, или орудия «плужного типа», делятся на плуги, сабаны, косули, курашимки. К плугам относятся: плуг украинский (малороссийский по прежней терминологии), к сабанам — татарский сабан, который автор считает измененным украинским плугом. Косули он подразделяет на ярославскую, костромскую с ее разновидностью — царевококшайской косулей, «клопик», «межеумок». К курашимкам, имевшим пятую, автор относит лемех, чегандинку, туташевский сабан, зуевку.

П. Н. Третьяков в работе «Подсечное земледелие в Восточной Европе»⁸ дал краткую классификацию пахотных орудий «по роду их работы», выделив две основные категории: сохи и плуги. К первой категории отнесены орудия, бороздящие и разрыхляющие землю, но не переворачивающие ее (бороны-суковатки и сохи), ко второй — переворачивающие — плуги. К однозубым сохам отнесен «чертеж», к орудиям плужного типа — однозубые усовершенствованные сохи: лемех, курашимка, а также косули.

Этим и исчерпываются в основном известные в русской литературе классификации русских пахотных орудий. Ниже автор настоящей статьи

⁶ См. Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907.

⁷ См. В. Даль, Толковый словарь, т. 3, М., 1935, стр. 22.

⁸ См. П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, «Изв. Гос. Академии истории материальной культуры», т. XIV, вып. 1, Л., 1932.

излагает попытку классифицировать эти орудия по основному принципу — характеру работы орудия, положив в основу классификации место прикрепления тяговой силы, определяющее специфику работы.

Каждое пахотное орудие было приспособлено к ландшафту местности, где оно применялось (степи, лесу), и почвам — тяжелому чернозему, каменистой, легким лесным почвам. Решающее значение при создании того или иного земледельческого орудия имела система земледелия (поднятие целины, залежная система с перелогом, подсека с лесным перелогом, паровая).

Крестьяне очень тонко разбирались во всех особенностях своих пахотных орудий. Они прекрасно понимали, какие орудия необходимы на дернистых, тяжелых, черноземных почвах при поднятии целины и залежи, какие нужны на легких, лесных почвах при подсеке и лесном перелоге, при наличии множества корней и камней, и какие нужны на распаханных землях трехполья.

Крестьянин стремился приспособить свое пахотное орудие к выполнению разнообразных работ. Так, сохой он поднимал пар, двоил, троил, запахивал семена. При помощи подтягивания и опускания чересседельника или скручивания и раскручивания подвоев он регулировал глубину пахоты при работе сохой. В плуге это производилось путем применения клиньев для различного закрепления грядиля, а также путем определенного прикрепления грядиля к передку. Колышки и подобные им средства закрепления деталей, конечно, создавали затруднения при пахоте, частые остановки и поправки орудия; но все же эти орудия пахали более или менее хорошо, к большому удивлению крупных специалистов по сельскохозяйственной технике. Вот как описывал М. В. Неручев в 1873 г. пахоту крестьянским «хохлацким» самодельным плугом в Балашовском уезде Саратовской губернии: «Мы видели весьма большое пространство, взметанное этим плугом в начале нынешнего мая, и если б нам не сказали, что его пахал русский загадочный плуг, мы готовы были бы предложить, что пахота произведена одним из лучших английских орудий...»⁹. Улучшенный в Англии в XIX в. «малороссийский» плуг поступил обратно в Россию в виде дорогого плуга Рансома марки HWB, HWC, HWD¹⁰.

Крестьяне эмпирически прекрасно знали, какая деталь и при каком именно расположении ее по отношению к другим деталям дает наилучший результат во время работы орудия. Они понимали, что решающее значение имело место прикрепления тяговой силы, которое меняло род работы пахотного орудия. Поэтому все сохи и косули с низким прикреплением тяговой силы народ объединял под названием оралок, ралок, орал, орав, как бы отделяя их от орудий с высоким прикреплением тяговой силы, которые называл сохами и косулями. Д. К. Зеленин отнес все рала и сохи без полиц к первому отделу своей классификации — черкающим орудиям. Но рала «черкали» землю совсем иначе, чем сохи. В рале место прикрепления тяговой силы было расположено низко, что прижимало к земле ральник и заставляло его проводить непрерывную борозду, как бы разрывая на две части густую тяжелую дернину черноземного поля. Высоко расположенное место прикрепления тяговой силы в сохах заставляло их как бы черкать сверху слой лесной почвы, то погружаясь в землю, то выскакивая из нее, перепрыгивая через корни, пни и камни лесных полей. Это совсем другое «черкание», чем у рала. Это были две различные работы и делали их различные орудия.

При классификации пахотных орудий необходимо учитывать их первичное назначение. По этому признаку русские пахотные орудия делятся на орудия для обработки южных дернистых степных почв и ополь-

⁹ М. В. Неручев, Несколько дней в степи, «Русское сельское хозяйство», т. XIII, М., 1873. № 4, стр. 182.

¹⁰ «Груды Вольного экономического общества», т. III, вып. 4, декабрь, СПб., 1881, стр. 514.

ных мест в лесостепи с очень сильным переплетением корней громадного количества трав и на орудия для обработки северных лесных почв с покрывающими их корнями, пнями и валунами. На равнинах — в степях и лесостепи — при поднятии целины, залежи и перелога требовались орудия, плотно сидящие в земле, ровно шедшие вперед и разрезавшие, вернее разрывавшие, дернину. Таковыми являлись пахотные орудия с низким прикреплением тяговой силы, заставлявшим их плотно сидеть в земле и прижимавшим их к ней. Это были рало и плуг. В лесной зоне, на легких почвах с наличием громадного количества пней и корней деревьев и кустарников, а также валунов, засорявших поля, применять орудие, глубоко и плотно сидящее в земле, было невозможно, так как оно беспрерывно цеплялось бы за эти препятствия, останавливалось или ломалось. Здесь нужно было легкое пружинящее орудие, с высоким прикреплением тяговой силы, не прижимавшим орудие к земле, а тянувшим его по поверхности. Такими орудиями были соха и косуля. Г. В. Фирстов в своей классификации отметил место прикрепления тяговой силы в каждом типе пахотного орудия, но не принял его за основной признак первоначального деления орудий, а Д. К. Зеленин и П. Н. Третьяков совсем не придали значения в своей классификации этому признаку.

Место прикрепления тяговой силы определяет главную функцию пахотных орудий и должно поэтому лечь в основу их классификации. Исходя из этого, пахотные орудия русских можно разбить на следующие два класса, содержащие различные по функции и конструкции орудия:

- 1) орудия с низким прикреплением тяговой силы, применявшимся на дернистых и тяжелых черноземных почвах при обработке целины, залежи и перелога;

- 2) орудия с высоким прикреплением тяговой силы, применявшимся на каменистых и легких лесных почвах при подсеке и лесном перелоге.

На распаханных почвах, при двуполье, пестрополье и трехполье стало возможным применение тех и других орудий.

Каждый класс пахотных орудий делится на свои основные типы: первый класс — на рало и плуг, второй — на борону-суковатку, соху, косулю.

Для орудий первого класса исходной формой являлось однозубое рало, из которого развился плуг. Оно сохранилось на Украине и представляло, по существу, усовершенствованный крюк, что уже отмечалось и в литературе XIX в.¹¹ Однозубое рало, бытовавшее на Украине в XVIII в., состояло из дышла (стебла), ральника (копысти), наральника, стойки (снозы), ручки (держака)¹². Рало разрывало почву, раздвигая ее на обе стороны и образуя борозду, но не переворачивало землю, так как не имело отвала. Наличие ручки давало возможность пахать глубже или мельче и управлять ралом. Развитие ралашло по двум линиям: улучшения качества обработки земли и увеличения пласта земли, захватываемого одним орудием. Так появилось в первом случае рало однозубое с полозом, во втором — многозубое. Во время работы полоз, двигаясь горизонтально, делает прямую и правильную борозду и придает ралу устойчивость, не давая ему выскакивать из борозды и делать «огрехи». Что многозубое рало развилось из однозубого, видно по конструкции рала тройчака, состоявшего из однозубого рала с добавленными по сторонам двумя зубьями¹³. У русских (на Дону, в Воронежской, Курской, Ставропольской, Оренбургской, Саратовской, Самарской губерниях) в конце XIX в. бытовали многозубые рала; количество зубьев у некоторых достигало двадцати. Ручка у рала этого типа отсутствовала, и оно могло

¹¹ См. А. Сидорович, Рало и экстирпатор, «Труды Вольного экономического общества», т. III, вып. 3, СПб., 1871, стр. 321.

¹² «Описание некоторых в Малой России употребительных плугов (Из путешествий Гильденштедта)» — «Технологический журнал», т. I, ч. 2, СПб., 1804, стр. 3—4.

¹³ Там же, стр. 5—6.

поэтому применяться только на распаханных почвах. Однозубое рало с полозом сохранилось на Украине. В Киевской губернии оно состояло из полоза с железным остроугольным наральником, дышла (грядки), одной ручки (чепиги) и двух стоек (столб). Все было деревянное, кроме наральника¹⁴.

Второй тип пахотного орудия с низким прикреплением тяговой силы представлял плуг, функционально и конструктивно родственный однозубому ралу с полозом. Оба обрабатывали плотную, дернистую черноземную, тяжелую почву, оба имеют одинаковый корпус. Полоз у плуга более

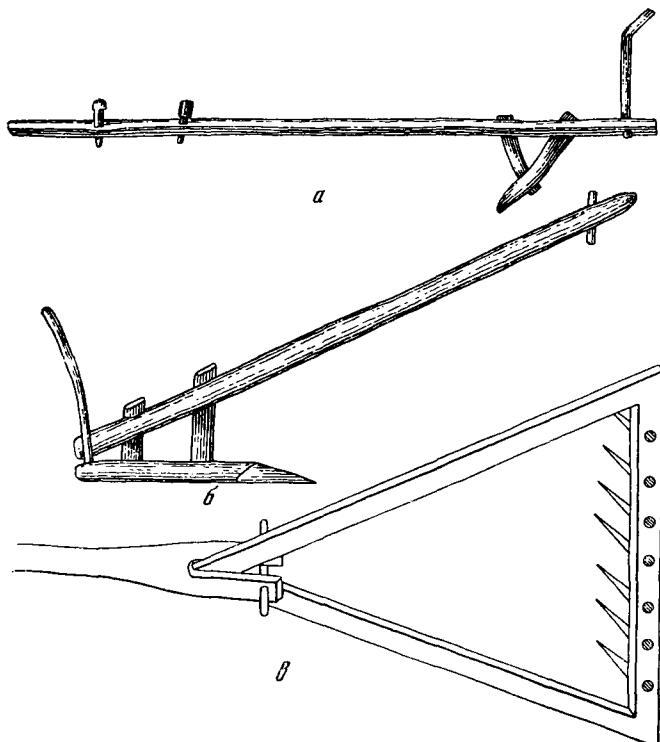

Рис. 1. Разрывающие орудия (рала): а — рало однозубое без полоза (Черниговская и Полтавская губ., 1768); б — рало однозубое с полозом (Киевская губ., 1871); в — рало многозубое (Саратовская губ., 1854)

мощный, чем у рала, мощный грядиль заменяет грядку рала, у обоих имеется лемех, стойка, ручки. Но у плуга дополнительно был еще нож для отрезывания пласта и отвал для его переворачивания. Поэтому он не рвал и не раздвигал землю, как рало, а отрезал, подрезал и переворачивал пласт нижней частью вверх, приваливая один пласт к другому.

Плуг — наиболее совершенное пахотное орудие, применяющееся при всех системах земледелия, кроме подсечной. Как рало, так и плуг являются древними пахотными орудиями восточных славян. В древней Руси применялись оба орудия. В летописи имеется сообщение под 964 г. о том, что вятичи платили дань хазарам от рала, а Владимиру в 981 г. — от плуга¹⁵. При наличии больших «полей» (степных пространств) между лесами, тянувшихся иногда на десятки верст, вполне понятно наличие здесь рала и плуга. При археологических раскопках обнаружены железные наральники, плужные лемехи и ножи на территории Поднепровья и

¹⁴ См. А. Сидорович, Указ. раб., стр. 321.

¹⁵ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 47, 58.

Поднестровья. На наличие развитого пашенного земледелия у восточных славян в IX—XI вв. указывает массовая находка лемехов в городище Екимауцы в раскопках Г. Б. Федорова¹⁶. Железные лемехи XII—XIII вв. из раскопок на Правобережье в Райках Житомирской области¹⁷ по размерам почти совпадают с наральниками однозубых рал, применявшихся в конце XIX в. на Черниговщине¹⁸: длина первых доходит до 21 см, вторых — до 19 см; ширина втулки у первых доходит до 12 см, у вторых — до 10 см. Лемех у обоих симметричный. Небольшой размер лемехов и наличие чересла в Екимауцы и Райках говорят о том, что плуги применялись на старопахотных землях при уже развитом пашенном земледелии.

У русского народа были плуги четырех видов: 1) русский, 2) украинский, 3) сабан однолемешный, 4) сабан двулемешный.

Русский плуг, применявшийся во Владимирском Ополье в XIX в., имел длинный грядиль, две рукоятки, деревянный отвал, очень широкий (три четверти аршина) лемех и обыкновенный резак¹⁹. Запрягали в передок двух лошадей, так как плуг был легче тяжелых плугов, применявшихся на степном черноземе. Плуг XVIII в. из Орловской губернии имел те же составные части, что и владимирский, только передняя часть грядиля была вогнута, лемех имел вид треугольника, ручек было две. Две изогнутые оглобли прикреплялись кольцами к поперечному вальку, соединенному с передком перпендикулярным бруском. Русский плуг был менее громоздок, чем южные степные плуги, и имел более высокое прикрепление тяговой силы.

«Малороссийский» плуг применялся на юге и юго-востоке в степных черноземных местах на очень плотной дернистой почве для подъема целины, залежей и перелога, а также для пахоты при трехполье. Почва в степи очень уплотнялась от сильной жары и от множества корней сорных трав, дающих вязкий и твердый дерн, поэтому здесь и были необходимы мощные плуги. «Малороссийский» плуг был тяжел и громоздок. Корпус его, как уже упоминалось, состоял из полоза, рукояток, обычно составлявших одно целое с полозом, немного изогнутого вверх и влево грядиля, укрепленного задним концом в левой рукоятке (над пятой), и стойки, укрепленной нижней частью в полозе, а верхней — в грядиле. Рабочую часть составлял лемех, представлявший железный прямоугольный треугольник, надетый при помощи трубницы на полоз, железный нож, деревянный отвал — «доска». Плуг имел передок с двумя колесами, в который запрягали до шести пар волов. Кроме того, бытовали плуги со стойкой, состоявшей из двух частей — матки и подматочника; в этих плугах лемех соединялся с грядилем металлическим винтом — подмогой.

Сабан являлся пахотным орудием нерусского населения Среднего и Нижнего Поволжья, но его применяло и русское население для поднятия целины, залежей и перелога. В описании татарского сабана, сделанном П. Рычковым в 1758 г.²⁰, указаны отличительные черты его. Грядиль укреплялся задним концом на полозе между рукоятками и имел очень большой выгиб вверх, похожий на лук, почему и назывался у татар сабанным луком. Подобное укрепление грядиля имелось и в мордовском сабане, описанном И. Лепехиным в 1768 г.²¹. В сабане, описанном в

¹⁶ См. Г. Б. Федоров, Городище Екимауцы, КСИИМК, 2, М., 1953, стр. 122.

¹⁷ См. П. Н. Третьяков, Сельское хозяйство и промыслы, «История культуры Древней Руси», ч. I, М.—Л., 1948, стр. 59.

¹⁸ См. В. С. Мамонов, Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре, «Сов. этнография», 1952, № 4, стр. 76.

¹⁹ См. С. Харизоменов, Промыслы Владимирской губернии, вып. V, М., 1884, стр. 160.

²⁰ «Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» — «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб., 1758, май, стр. 433—434.

²¹ «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768-м и 1769 гг...», ч. I, СПб., 1795, стр. 126.

середине XIX в. Г. Фирстовым, видны изменения по сравнению с сабаном XVIII в. Выгнутая «стрела» (грядиль) была укреплена в нижней части левой рукоятки, как в украинском плуге, полоз соединялся со стрелой при помощи «матки» и «конька», а лемех — металлической подмогой. В XIX в. известны также сабаны с двумя отвалами, укрепленными по обе стороны лемеха.

Двулемешный сабан встречался в 1766 г. в Уфимской провинции Оренбургской губернии. Он имел длинный полоз с двумя лемехами, между обухами которых была узкая щель. Прямой грядиль задней частью укреплялся в левой рукоятке над пятой и лежал на полозе, где был укреплен клином перед лемехом, откуда у грядиля начинался большой выгиб вверх. Отвал в виде длинной доски находился справа под острым углом к месту укрепления грядиля и составлял вместе с прямой частью грядиля как бы два отвала — правый и левый²². Плуги и сабаны, как более дорогие орудия, требовавшие также больше скота для пахоты, заводили наиболее зажиточные хозяева.

Для орудий второго класса — с высоким прикреплением тяговой силы — исходной формой являлась борона-«суковатка», исполнявшая на подсеке роль пахотного, разрыхляющего и заделывающего семена орудия. На происхождение сохи из бороны-суковатки указывал А. Сержпутовский, считавший, что «вершалина» скорее напоминает соху, чем борону, и что «от идеи волокушки вместе с мотыкой уже прямой переход к сошке и дальше к сохе»²³. П. Н. Третьяков также считал, что «с уменьшением числа зубьев суковатка превратилась в соху»²⁴. Этого же мнения придерживается и А. К. Супинский²⁵.

Мы думаем, что соха развились не из бороны «вершалины», представлявшей верхнюю часть ствола ели, а из следующей стадии ее развития — из бороны-«суковатки», или «смыка», составленной из нескольких продольных пластин с сучьями, соединенных параллельно одна другой двумя поперечинами и с укрепленными сверху оглоблями. Следует напомнить, что оба эти названия применялись и к «вершалине», что породило в специальной литературе некоторую неясность. Соха развились из бороны путем уменьшения количества зубьев в каждой пластине до одного, а затем уменьшения количества самих пластин. Подобную трехзубую соху мы видим на миниатюре конца XVI в.—«Пахота» — из «Жития Сергия Радонежского»²⁶. В этой сохе нет рогаля и ручек; пахарь руками нажимает на задние концы параллельных пластин, где сохранилось по одному зубу.

Из суковатки развились, по-видимому, одновременно однозубые, двухзубые и многозубые коловые сохи без полицы. Появление ручек позволило улучшить обработку почвы путем регулировки движения орудия и углубления пахоты. Эти орудия — суковатка и сохи — были действительно «черкающими» орудиями, так как высокое прикрепление тяговой силы не прижимало их к земле, а тянуло по ней, только черкая почву.

На севере в VII в. бытовали двузубые коловые сохи, что подтверждается нахождением сошника при раскопках в Старой Ладоге. Это, по всем данным, правый сошник коловой сохи. Неизвестно, имела ли эта соха полицу, но существование двузубой сохи допускает ее наличие.

²² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 91, оп. 1, д. 381, л. 100.

²³ А. Сержпутовский, Земледельческие орудия белорусского Полесья, «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 48, 52.

²⁴ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 58.

²⁵ См. А. К. Супинский, К истории земледелия на русском Севере, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 138.

²⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. II, XIV—XV вв., М., 1953, стр. 29.

Применение сохи даже без полицы говорит о довольно развитом земледелии.

С дальнейшим развитием земледелия в лесной полосе для глубокой запашки семян стали применяться черкающие «пашущие» орудия — коловые и перовье сохи-«двусторонки», которые пахали глубже и не

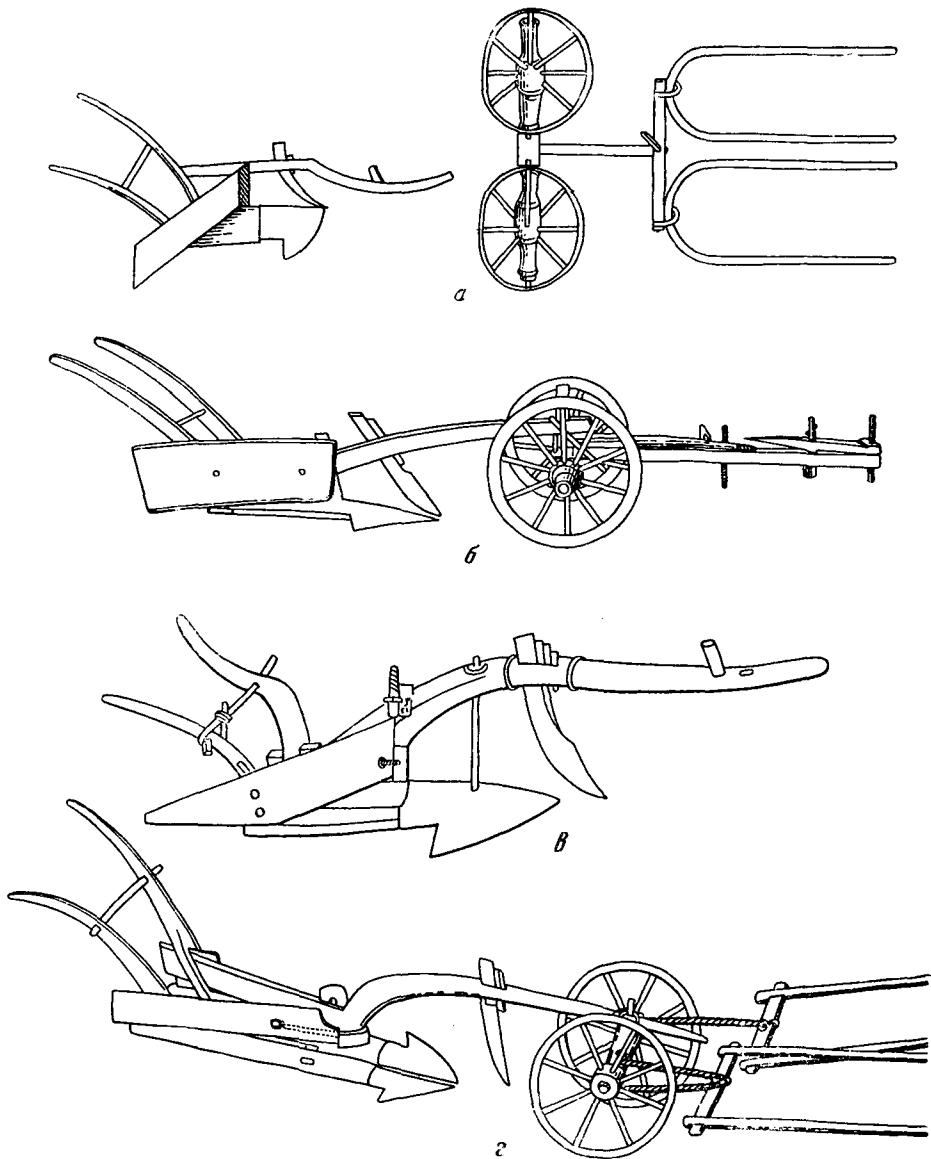

Рис. 2. Разрывающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия с полозом (плуги): а — плуг русский (Елецкая провинция, 1766); б — плуг «малороссийский» (Оренбургская губ., 1897); в — сабан однолемешный (Самарская губ., 1854); г — сабан двулемешный (Уфимская провинция, 1766)

только черкали почву, но и переворачивали ее, хотя и неполностью. Эти сохи были однозубыми и двузубыми, многозубые же, как не имевшие полицы, остались только «черкающими» и применялись для разрыхления почвы и для более мелкой заделки семян. Чтобы на подсеке и лесном перелоге можно было работать сохами с полицами, изобрели «чертеж»

(отрез, резец) — режущее орудие типа плужного ножа, насаженное на деревянный брус-плотину лезвием вперед, разрезавшее пласт вертикально и перерезывавшее корни деревьев и кустов. Он имел высокое прикрепление тяговой силы. За «чертежом» непременно для пахоты шла соха или косуля.

«Чертеж» не является самостоятельным пахотным орудием, и его невозможно относить к сохам. Это подсобное режущее орудие, которое только разрезает почву лезвием (как нож в плуге и косуле), даже не раздвигая ее. «Чертеж» требовал при работе отдельной лошади, поэтому бедные крестьяне его не имели. С дальнейшим развитием земледелия, при преобладании распаханных полей, это орудие потеряло свое значение.

* * *

При двуполье, пестрополье, трехполье на распаханных лесных почвах, кроме черкающих оборотных сох-двусторонок, бытовали черкающие первые сохи-односторонки (однозубые и двузубые), пахавшие загонами как плуги и глубже, чем сохи-двусторонки. Они имеют дополнительные приспособления для лучшего отваливания земли в виде широких или узких дощечек (отвалец, перышко, крыло), прикрепленных справа рассохи.

В односторонках сошники установлены близко друг к другу, почти горизонтально, что делает естественным образование пяты в сохе. У кунгурской двуральной сохи с брылой (в Пермской губ.) имеется рассоха с зачатком пяты и большим отвалом вместо полицы. Кроме двузубых односторонок, были более усовершенствованные однозубые сохи-односторонки с брылой, пятой и вогнутым отвалом (курашимки, чегандинки и др.), лемех которых представлял равнобедренный треугольник, полученный от соединения двух сошников. Появились они, видимо, в Пермской губернии со второй половины XIX в.

Кроме черкающих пашущих орудий, у русских бытовали и разрывающие пашущие орудия с низким прикреплением тяговой силы. Это были двузубые сохи-двусторонки — «оралки» и «ралки» и однозубые односторонки — «туринки». У первых рассоха обычно состояла из двух отдельных рассошников с сошниками. Они известны в Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской губерниях. Туринки имели плаху с пятой, сошник с брылой и отвал; они известны в Пермской губернии. Их появление было, по-видимому, связано с наличием легкого сабана на данной территории; возможно, что от сабана были заимствованы отвал и пятя в туринке.

Переходными от разрывающих пашущих орудий к разрывающим плужным орудиям являлись легкие сабаны: 1) одноральный курашимский сабан и 2) двуральный сабан (сибирская колесуха). Они имели низкое прикрепление тяговой силы (у первого оно было гораздо выше), плаху с рогалем, стрелу (грядиль), полоз и большой отвал, а также передок. Само название народом этих орудий сабанами говорит о том, что он связывал их не с сохами, а именно с сабанами.

Рядом с черкающими пашущими орудиями у русских бытовало черкающее, отрезывающее, подрезывающее и переворачивающее пласт орудие — косуля, имевшее высокое прикрепление тяговой силы, лемех, отрез и отвал, но не имевшее полоза. Название «косуля» связывало происхождение этого орудия с сохой-односторонкой — «косулей» по народной терминологии.

В Ярославской губернии, где исстари были опольные места, бытовала косуля с низким прикреплением тяговой силы, по народной терминологии — «орало». Это название связывало ее с ралом, но не с сохой. Орало представляло разрывающее, отрезывающее, подрезывающее и переворачи-

вающее пласт орудие, имевшее все части плуга (но без полоза), которым пахали на более легких, чем чернозем, лесных почвах.

Односторонки, легкие сабаны и косули стоили дороже сох, требовали борон с железными зубьями и более сильного скота для паходы; они были только у зажиточных хозяев. С преобладанием паровой системы земледелия, при распашке степи, особенно в XIX в., соха и косуля распространились на степные черноземные земли, а более легкие усовершенствованные плуги — на лесные почвы.

Таким образом, изученный нами материал говорит о том, что основными типами русских паходных орудий являются рало и плуг для орудий с низким прикреплением тяговой силы, соха и косуля для орудий с высоким прикреплением. Так как в литературе встречается смешение этих орудий, когда плугом и сохой называют также и рало, нам кажется, что будет правильным дать следующее точное определение этих типов:

1. Рало — разрывающее безотвальное паходное орудие с низким прикреплением тяговой силы, без полоза и с полозом, подрезывающее почву ральником и раздвигающее ее по обе стороны борозды.

2. Плуг — разрывающее паходное орудие с низким прикреплением тяговой силы, с полозом, отрезывающее ножом, подрезывающее лемехом и переворачивающее отвалом пласт почвы на одну сторону борозды.

3. Соха — черкающее паходное орудие с высоким прикреплением тяговой силы (в рогале), без полоза, подрезывающее сошником и неполностью переворачивающее полицей пласт земли на одну сторону борозды.

4. Косуля — черкающее паходное орудие с высоким прикреплением тяговой силы (в рогале), без полоза, отрезывающее ножом, подрезывающее лемехом и переворачивающее отвалом пласт земли на одну сторону борозды.

Можно утверждать, что наличие однозубого рала среди народных паходных орудий говорит о том, что пашенное земледелие у данного народа зародилось на дернистых почвах степей или опольных мест в лесах. Наличие только сохи говорит о зарождении пашенного земледелия у данного народа на лесных почвах с корнями и валунами. В Древней Руси имелись те и другие орудия. На юге были рала и плуги, на севере — сохи. Соха является самым рациональным паходным орудием на подсеке, на которой не выкорчеваны пни с корнями. Если на подсеке пни выкорчевывали и уничтожали корни, что обычно бывало при подсочивании, то на ней можно было применять любое орудие — от мотыги до плуга. Но у восточных славян больше практиковалась подсека без быстрой выкорчевки пней и корней, и поэтому появилась соха — самое рациональное орудие паходы при подобной подсеке вначале для лучшего запахивания семян, а в дальнейшем и для лучшей паходы.

Подводя итог классификации, можно сделать вывод, что русские паходные орудия делятся на две основные группы:

А. Паходные орудия с низким прикреплением тяговой силы — разрывающие.

Б. Паходные орудия с высоким прикреплением тяговой силы — черкающие.

Группу А можно подразделить на пять подгрупп.

1) Разрывающие орудия — рала. Варианты: рало однозубое без полоза, рало однозубое с полозом, рало многозубое без полоза.

2) Разрывающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия с полозом — плуги. Варианты: плуг русский, плуг украинский, сабан однолемешный, сабан двулемешный.

3) Разрывающие, подрезывающие и неполностью переворачивающие пласт орудия — пашущие. Варианты: двузубая «оралка», «ралка» и однозубая «туринка».

4) Разрывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия

Рис. 3. Разрывающие, подрезывающие и неполностью переворачивающие пласт орудия (пашущие): а — двузубая соха «оралка», «ралка» с перекладной полицеей (Рязанская губ., 1905); б — однозубая соха «туринка» с неподвижным отвалом (Пермская губ., 1897)

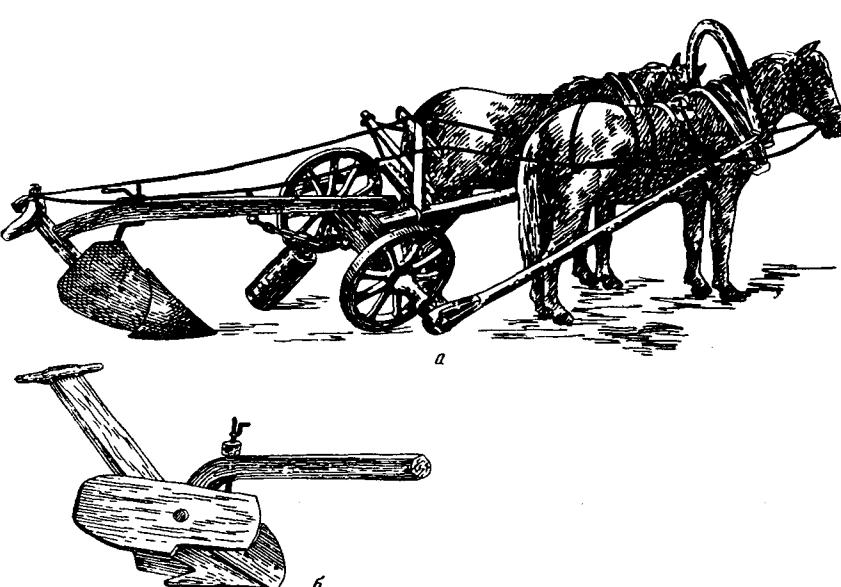

Рис. 4. Разрывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия с полозом, переходные от пашущих к плугам: а — курашимский, или кунгурский, сабан (Пермская губ., 1897); б — легкий двуральный сабан (Пермская губ., 1897)

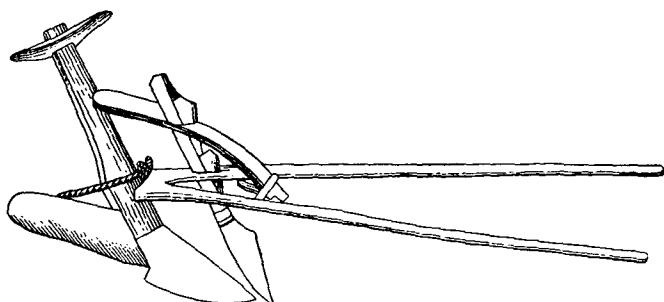

Рис. 5. Разрывающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия без полоза. Ярославская косуля «орало» (Ярославская губ., 1839)

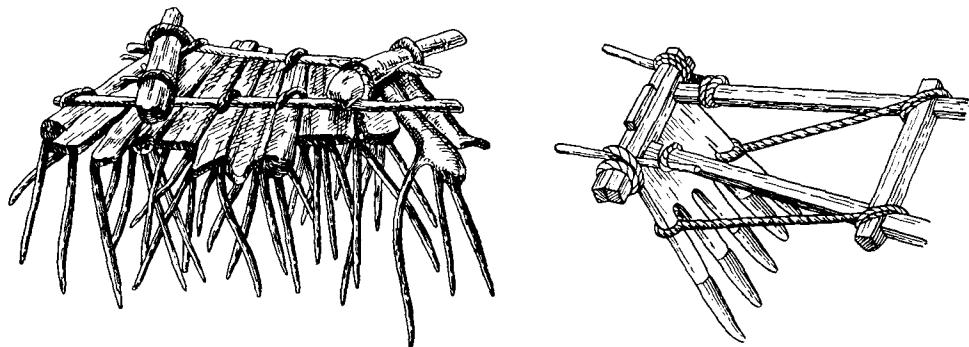
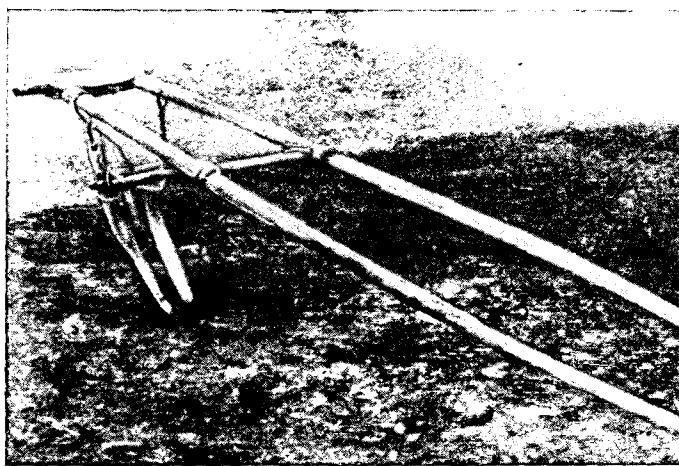
*a**б**в*

Рис. 6. Черкающие орудия: *а* — борона-суковатка (Новгородская губ., 1925); *б* — многозубая соха. Реконструкция (Вологодская обл., бывшая Новгородская губ., 1949); *в* — коловая двузубая соха без полицы (Архангельская обл., бывшая Олонецкая губ., 1948).

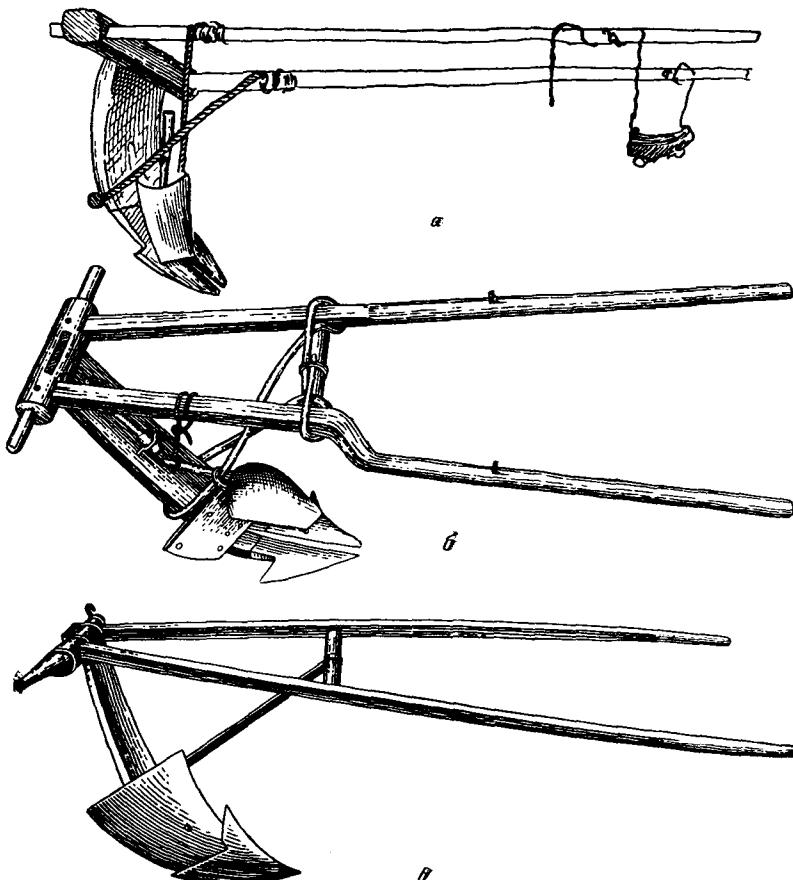

Рис. 7. Черкающие, подрезывающие и неполностью переворачивающие пласт орудия (пащущие): а — соха двузубая перовая с перекладной полицей (Тульская губ., 1853); б — соха двузубая перовая с брылой, с неподвижной полицей или отвалом — «односторонка» (Вятская губ., 1889); в — соха однозубая с брылой, с неподвижным отвалом и с пятой — «курашимка» (Пермская губ., 1884)

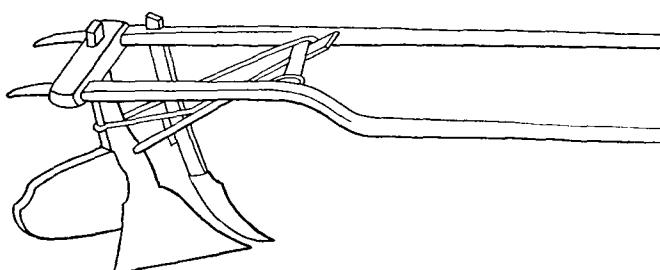

Рис. 8. Черкающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия без полоза (косули). Костромская косуля (Костромская губ., 1854)

с полозом, переходные от разрывающих пашущих к плугам — легкие сабаны. Варианты: курашимский сабан, легкий двуральный сабан.

5) Разрывающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия без полоза — орало («ярославская косуля»).

Группу Б можно подразделить на три подгруппы.

1) Черкающие орудия. Варианты: борона-суковатка, коловые сохи без полицы (однозубые, двузубые, многозубые).

2) Черкающие, подрезывающие и несовершенно переворачивающие пласт орудия — пашущие. Варианты: сохи-двусторонки (коловые и перовые), сохи-односторонки двуральные, сохи-односторонки одноральные с пятой (курашимки, чегандинки и др.).

3) Черкающие, отрезывающие, подрезывающие и переворачивающие пласт орудия без полоза — косуля костромская и ее разновидности.

Ш. АННАКЛЫЧЕВ

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА РАБОЧИХ-НЕФТЯНИКОВ НЕБИТ-ДАГА

На современном этапе развития советской этнографической науки одной из главных задач этнографов является изучение быта рабочего класса разных национальностей. Это важно не только из-за многих его особенностей по сравнению с бытом колхозного крестьянства, но и потому, что рабочий класс является в нашу эпоху передовым классом общества. Однако до сих пор для изучения жизни рабочих этнографами как в нашей стране, так и за границей пока еще сделано очень мало. Труды, написанные советскими учеными до Великой Отечественной войны, были посвящены в основном истории формирования рабочего класса. В первые послевоенные годы были сделаны отдельные попытки изучения социалистической культуры рабочего класса на основе историко-этнографических материалов¹. Но эта тема не нашла должного отражения в имеющихся публикациях.

На этнографических совещаниях 1951 и 1956 гг. было обращено особое внимание на необходимость изучения рабочего быта, и уже с 1953 г. стали появляться исследования, посвященные разработке этой темы². В настоящее время изучение быта рабочих занимает все большее место в трудах этнографов нашей страны и некоторых стран народной демократии (Чехословакия, Венгрия).

Изучение путей развития культуры и быта рабочих особенно важно в таких национальных республиках, как Туркмения, где рабочий класс сформировался лишь после победы Октябрьской революции, так как в дореволюционный период Туркмения была отсталой, аграрной колониальной окраиной царской России. Настоящая статья, написанная на основе полевых этнографических материалов, является первой попыткой исследования истории формирования коллектива туркменских нефтяников Небит-Дага и их быта³.

Историю формирования коллектива рабочих-нефтяников Небит-Дага можно разделить на три этапа: с 1927 по 1941 г.; годы Великой Отечественной войны; с 1945 г. по настоящее время.

Промышленная разработка нефти на Небит-Дагском месторождении производилась с 1882 г. русскими нефтепромышленниками Коншиным,

¹ Н. Н. Чебоксаров, Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих, «Сов. этнография», 1950, № 3.

² В. Ю. Купянская, Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в., «Сов. этнография», 1953, № 1; А. И. Робакидзе, Некоторые стороны быта рабочих Чирчукской марганцевой промышленности, Тбилиси, 1953; А. С. Кунцкий, Социалистический быт рабочих Ворошиловградского завода им. Октябрьской революции, Автореферат кандидатской диссертации, Киев, 1953; А. Г. Трофимова, Бакинские рабочие-нефтяники, Рукопись кандидатской диссертации, М., 1954, и др.

³ Материалы собраны автором в 1956 и 1957 гг. при подготовке кандидатской диссертации.

Симоновым и представителями Закаспийской военной железной дороги. Однако неблагоприятные природные условия Небит-Дага (продолжительное, чрезвычайно жаркое и ветреное лето), неэффективность результатов проводимых разведочных и эксплуатационных работ при весьма малом количестве получаемой нефти и ряд других причин привели к полному прекращению добычи нефти в 1887 г. Надежды нефтепромышленников не оправдались, ибо они рассчитывали израсходовать незначительные средства и получить колоссальные прибыли.

Поэтому история рабочих-нефтяников Небит-Дага начинается по существу со времени возобновления буровых работ на Небит-Дагском месторождении уже в советское время — в 1927 г.

В начальный период нефтяная промышленность была слабо обеспечена квалифицированными кадрами. Национальных кадров не только на Небит-Дагском промысле, но и на Челекене, где, по документальным данным, добыча нефти производится с начала XVIII в., почти не было, если не считать нескольких десятков рядовых рабочих. Для примера укажем, что в 1925/26 отчетном г. на нефтепромыслах Туркмении работало всего 185 чел., в 1926/27 г. — 184, в 1927/28 г. — 190, а на 1 января 1929 г. — 193 чел.⁴.

Туркмен, поступавших на нефтяные промыслы, сначала использовали как подсобных рабочих, затем их прикрепляли к более опытным нефтяникам в качестве учеников. Опытные мастера — русские, азербайджанцы, работавшие на промыслах, постоянно передавали свой опыт рабочим туркменам. Так, геолог треста «Туркменбурнефть», украинец по национальности, Иван Никитич Алифан — один из старейших работников нефтяной промышленности Туркмении, в 1936 г. по путевке приехал в Небит-Даг и с тех пор обучил и подготовил десятки высококвалифицированных нефтяников из среды туркмен. Один из его учеников — геолог Аширов сам сейчас работает на Челекенском месторождении. Бывший колхозник Ш. Дурдыев 19 лет назад приехал в Небит-Даг, под наблюдением И. Н. Алифана с каждым днем повышал свои знания и стал квалифицированным мастером подземных работ.

Воспитанником И. Н. Алифана был и Сатлык Удаев. Он принадлежит к туркменской группе иомудов-джафарбайцев. Сатлык родился в 1901 г., в местности Огланлы, неподалеку от Небит-Дага. Отец его работал батраком (ойденчи) у Избасак-бая, затем в течение 12 лет — пастухом у местного суфи Ханмурадсопы; умер он в 1916 г. Мать Сатлыка тоже родилась в Огланлы; долгое время ей приходилось работать ковровщицей у местных баев. После смерти мужа она с двумя детьми перешла в дом своего брата. Но и здесь ее ожидала, как и всех молодых вдов того времени, горькая жизнь. Когда ее вторично выдали замуж, то лишили детей, так как обычно, когда вдова выходила замуж за чужого, ее детей оставляли при родственниках умершего мужа. Семья дяди, где жил Сатлык, была бедная, и ему пришлось с раннего возраста зарабатывать себе кусок хлеба. Один из баев — Аннадурды-бай поручил 16-летнему Сатлыку пасти свое стадо — около 800 голов. Заработка мальчика был настолько ничтожен, что за десять лет работы у бая он не мог даже приобрести себе что-либо новое из одежды. В 1927 г. Сатлык работал возчиком на строительстве; там же был и его дядя, потом — по добыче соли, на заготовках дров. В конце 1933 г. он приехал в Небит-Даг на нефтяной промысел. С этого времени начинается его трудовая жизнь рабочего-нефтяника — сначала, в течение двух лет, в качестве рядового рабочего. С каждым годом повышая квалификацию, уже в 1938 г. он стал помощником бурильщика. За месяц до начала Великой Отечественной войны ему присвоили звание бурильщика, а с 1 мая 1949 г. по

⁴ Н. Задский, Итоги республиканской промышленности, «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 4, стр. 9.

настоящее время он работает буровым мастером. Как и некоторым другим туркменам, кадровым нефтяникам, Сатлыку Удаеву не пришлось в свое время получить образование, но благодаря упорному труду, повседневной помощи товарищей ему удалось достигнуть успехов в работе. В настоящее время имя бывшего пастуха широко известно не только среди нефтяников Туркмении, но и за ее пределами. В промысловых конторах вывешены плакаты, призывающие нефтяников к внедрению в производство опыта мастера Сатлыка Удаева. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть», почетной грамотой нефтяной промышленности СССР, девятью почетными грамотами объединения «Туркменнефть», в 1952 г. по приказу Министерства нефтяной промышленности ему было присвоено почетное звание «Лучшего бурового мастера» СССР. Сатлык Удаев — депутат поселкового, городского и областного Советов депутатов трудящихся, заседатель народного суда, член пленума ЦК профсоюзов работников нефтяной промышленности Туркменской ССР и СССР. За годы работы на промыслах он подготовил 25 нефтяников; среди них есть туркмены, татары, казахи, русские и другие.

Показательна и жизнь бурового мастера Акайли Дурдынязова, который одним из первых среди местных туркмен поступил на промыслы. Акайли принадлежит к той же группе иомудов-лжафарбайцев. Предки его жили в местности Аккуйы, расположенной в Каракумах, на расстоянии около 100 км от станции Джебел. Основным занятием родителей Акайли и их предков было скотоводство. Трудовая деятельность Акайли началась с 1919 г., когда ему было всего 10 лет. Вначале он был помощником (чолук) старшего брата — пастуха у одного из баев. В 1927 г. Акайли отказался пасти байские стада и поехал в Небит-Даг. Здесь он был подсобным рабочим, наливальщиком цистерн, а затем работал у механического насоса, но всегда внимательно приглядывался к работе бурильщиков. Вскоре, учитывая его склонность к этой профессии, его перевели на буровую. В 1937 г. он стал одним из первых бурильщиков среди туркмен на Небит-Дагском промысле, а спустя девять лет получил звание бурового мастера. Акайли Дурдынязов занимал многие ответственные должности в нефтяной промышленности: был заместителем директора буровой конторы, с 1949 по 1954 г.—заместителем управляющего трестом «Туркменнефтеразведка», затем — директором по подготовке новых нефтяных площадей, а с начала 1956 г.—начальником буровой площадки на промысле. Правительство наградило Дурдынязова двумя орденами Ленина, орденом Знак почета, медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». За это время Дурдынязов учился у других и учил сам, воспитав и подготовив десятки нефтяников-бурильщиков различных национальностей.

Ходный жизненный путь прошли многие кадровые нефтяники-туркмены: буровой мастер Хаджимамед Культаров, бурильщики Аннамамед Байрамкулиев, Язмамед Шерипов и другие.

Управление «Туркменнефтетреста» с первых же дней образования (1930) организовало курсы по обучению русскому языку рабочих-туркмен и туркменскому языку — рабочих других национальностей. Эти мероприятия способствовали быстрому освоению процессов добычи нефти рабочими различных национальностей. С развитием добычи в Небит-Даге, а особенно с 1933 г., с каждым днем увеличивалось число нефтяников-туркмен. Жители близлежащих туркменских аулов группами приходили к Небит-Дагу работать на промыслах. Именно тогда началось тяготение туркменского населения к нефтяным промыслам Небит-Дага, ибо третий по счету мощный нефтяной фонтан в Небит-Даге, забивший 30 января 1933 г., окончательно определил перспективность этого месторождения. В результате этого численность рабочих на промыслах «Турк-

меннефтетреста» в том же году увеличилась по сравнению с предыдущим с 735 до 1500 чел., в основном за счет местного населения⁵.

Большое значение в деле подготовки национальных кадров имели различные курсы, организованные Управлением «Туркменнефтетреста», а также школы ФЗО Азербайджанской ССР, куда были направлены сотни юношей-туркмен. В августе 1939 г. был организован Небитдагский нефтяной техникум, существующий и поныне, а в 1940 г.— ремесленное училище, сыгравшие большую роль в деле обеспечения нефтяных промыслов квалифицированными кадрами. В годы Великой Отечественной войны многие нефтяники были мобилизованы в ряды Советской Армии. На место ушедших на фронт пришли их жены, братья, отцы, сыновья. Кроме

Рис. 1. Молодые нефтяники-туркмены, выпускники Небитдагского ремесленного училища, на производстве (1956 г.).

Фото автора

того, ряды нефтяников Туркмении пополнили рабочие из других союзных республик. Только в конце 1942 г. из Баку в Небит-Даг прибыло более 300 нефтяников, среди них русские, украинцы, татары, азербайджанцы, армяне. Быстро осваивали также специальности нефтяников рабочие других профессий и служащие, эвакуированные с Украины, из Белоруссии и других районов страны.

После окончания Великой Отечественной войны значительно возросло число рабочих-нефтяников, туркмен по национальности, приехавших в Небит-Даг из разных районов республики. Этому способствовало обнаружение в 1949 г. нефти в Кум-Даге, расположеннном в 42 км к югу от Небит-Дага. За годы четвертой пятилетки численность рабочих-туркмен возросла в 3,5 раза⁶. За один 1951 год приняли на работу 1991 человека. Среди рабочих, поступивших на нефтяные промыслы в этот период, были и мои информаторы—операторы: А. Артыков, у которого отец и деды (с отцовской и материнской стороны) были рыболовами,

⁵ Архив объединения «Туркменнефть», г. Небит-Даг, ф. 1, д. 270, оп. 2.

На 1 октября 1957 г. количество работников нефтепромысловых предприятий объединения «Туркменнефть» достигло уже 15 728 чел. из них 4001 туркмен.

⁶ См. Т. Г. Саедов, Туркменский народ в борьбе за выполнение четвертой пятилетки, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1952 стр. 7.

⁷ Архив объединения «Туркменнефть», г. Небит-Даг, ф. 1, д. 188, оп. 2.

животновод в прошлом А. Аннакулиев, его брат — мастер подземного ремонта Аман Аннакулиев, инженер-нефтяник Чары Атабаев и многие другие.

Подготовка рабочих и инженерно-технических кадров для нефтяной промышленности шла разными путями. Большинство кадровых рабочих туркмен — в прошлом скотоводы, земледельцы и рыболовы — начали свою работу на нефтяных промыслах, не имея теоретических и практических навыков, специального образования. Большое значение в приобретении ими различных специальностей, как уже было сказано, имели хорошо организованные курсовые, бригадные, индивидуальные учебные занятия, проводившиеся на промыслах, а также помочь кадровых нефтяников других национальностей.

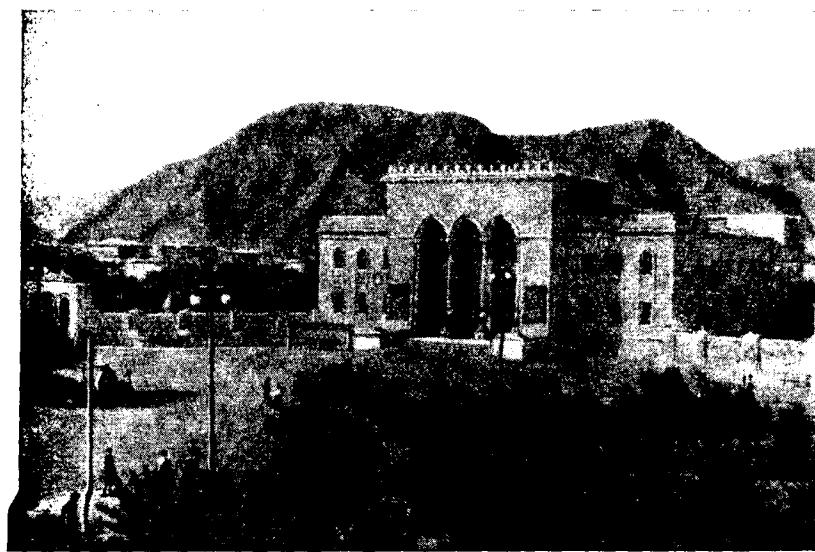

Рис. 2. Дворец культуры нефтяников Небит-Дага

Организованные в самом Небит-Даге и в Ашхабаде ремесленные училища, школы ФЗО, техникумы, учебные курсовые комбинаты, высшие учебные заведения Баку, Грозного, Москвы, Ленинграда, Ташкента и ряда других городов также готовили высококвалифицированных нефтяников для Туркменской республики. Начиная с третьей пятилетки, число нефтяников возросло в основном за счет молодежи, которая благодаря общему образованию за короткий срок специального обучения достигла больших успехов.

Таким образом, одной из важных особенностей рабочего класса Туркмении, и в частности коллектива рабочих-нефтяников Небит-Дага, по сравнению с рабочими промышленных центров РСФСР и ряда других республик нашей страны, является то, что это — молодой рабочий класс, сформировавшийся за годы Советской власти на территории прежней колониальной окраины, в значительной части из местного населения, в результате последовательного проведения ленинской национальной политики и забот Советского правительства.

Формирование кадров рабочих-нефтяников в относительно короткий срок привело к тому, что в среде рабочих еще устойчиво сохраняются не только национальные особенности культуры и быта, но даже некоторые черты бытового уклада, свойственного бывшим племенным группам туркмен — иомудов, атабайцев, джафарбайцев и др. Это особенно заметно при изучении обычая и обрядности, сохранившихся в семейном

быту рабочих-туркмен. Но в основном их материальная и духовная культура претерпела значительные изменения. Резче всего это сказалось на типе поселений и жилищ. Вместо маленьких разбросанных аулов, состоявших из нескольких юрт родственных семей скотоводов⁸, возникли рабочие поселки и города, хотя еще в конце 1930-х годов преобладающим типом жилища рабочих-туркмен по-прежнему оставалась юрта. В связи с этим и возник так называемый аул № 1, или, как его обычно называют, Казахаул, примкнувший к Небит-Дагу с южной стороны. Название присвоено этой части города потому, что, когда в 1933 г. перенесли рабочий поселок со станции Джебел и старого Небит-Дага в новый Небит-Даг, в Казахаул первыми переселились рабочие-казахи, а также семьи казахов-скотоводов из близлежащих местностей. С северной стороны к городу примкнул так называемый аул № 2, или, как его обычно называют, Туркменаул, возникший так же, как и Казахаул.

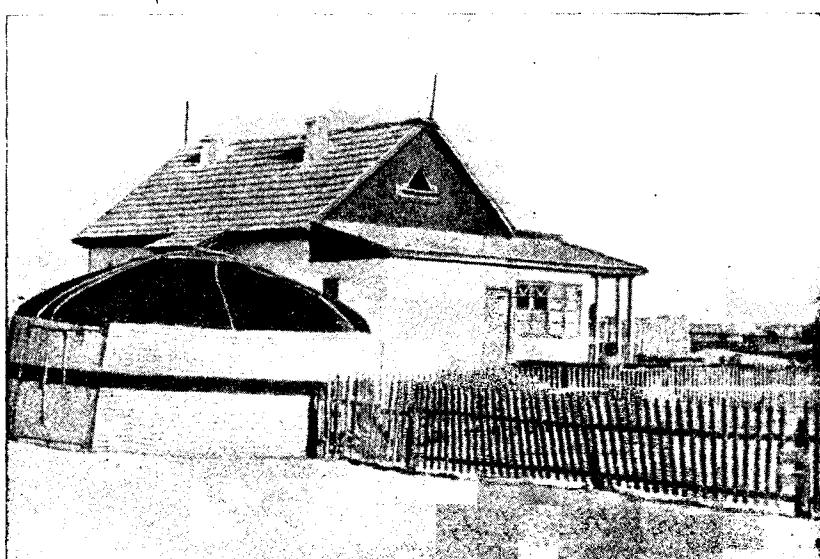

Рис. 3. Дом нефтяника-туркмена. Рядом с домом — юрта, сохраняющаяся как подсобное помещение

Фото автора

Строительство обоих пригородов осуществлялось стихийно, и нормы планировки, застройки не соблюдались. Поэтому в Казахауле большинство домов построено вплотную друг к другу, а вместо улиц там тропинки. Туркменаул отличается от Казахаула лишь тем, что здесь дома не примыкают друг к другу.

Одной из причин сохранения этих пригородов является то, что часть рабочих, которые населяют их, воздерживаются от перехода в коммунальные дома, построенные в городе, так как многие семьи нефтяников продолжают по старой привычке содержать домашний скот и даже верблюдов; проживание на окраине города представляется им поэтому более удобным. Юрта в настоящее время еще остается одним из видов жилища в сельских местностях, расположенных вблизи Небит-Дага, сопутствуя и там благоустроенному дому. Но в быту рабочих юрта совершенно утратила прежнее значение, сохранившись лишь как подсобное помещение.

⁸ В конце XIX — начале XX в. население аулов, расположенных вблизи современного Небит-Дага, в основном занималось скотоводством.

Дома в пригородах — каменные, из сырцового кирпича (размером $40 \times 20 \times 15$ см) местного производства, деревянные, каркасные. Преобладает двускатная кровля, но встречается и плоская (усти ясы-там); та и другая обычно крыты шифером, асбофанерой и толем.

Жилые дома в Небит-Даге и в его пригородах обычно двухкомнатные; как правило, теперь нет прежнего деления жилища на женскую и мужскую половину, существовавшего еще в 1930-х годах. Первая комната (агыз-там) служит одновременно прихожей, столовой, спальней; во второй комнате — (дуйпки бай), богаче убранной, принимают гостей.

Когда в 1933 г. основали новый Небит-Даг, дома для рабочих строили спешно. Они большей частью были деревянные сборные; участков

Рис. 4. Жена мастера-нефтяника Якуба Велиева за приготовлением пищи в кухне «аш-бай»

Фото Ю. А. Аргиропуло

для подсобного хозяйства рабочих не отводилось. В домах ставили железные печи, которые топили дровами и углем. Внутренняя обстановка дома мало отличалась от обстановки юрты; столы, стулья, кровати и другая мебель встречались редко. Освещали дома керосиновыми лампами.

С ростом добычи нефти и увеличением населения Небит-Дага быстрыми темпами росло и строительство новых жилых домов. Наряду с прежними двухэтажными деревянными домами стали строить одноэтажные — для одной-двух семей, а также кирпичные двухэтажные восьми квартирные. С 1945 г. город стал лучше обеспечиваться водой. Рабочим начали отводить участки под сады и огороды. С 1950 г. расширилось строительство домов из камня — «гюша», привозимого из Красноводска. В настоящее время в Небит-Даге почти все дома строят из этого камня и жженого кирпича. Строители Небит-Дага, учитывая естественные условия района, возводят дома с верандой или балконами, дающими тень и отчасти защищающими жилье от пыли, приносимой ветрами.

В 1952 г. в Небит-Даг был проведен газ, и это окончательно вытеснило из быта неудобные железные печи. Они сохранились лишь в квартирах, расположенных в пригородах, куда газ еще не проведен, а также

в сельских местностях вблизи Небит-Дага. Газ обходится жителям Небит-Дага в 10 раз дешевле, чем саксаул.

Лишь в немногих квартирах рабочих еще сохраняются керосиновые лампы; везде, за исключением некоторых домов пригорода, имеется электрическое освещение.

С улучшением жилищных условий туркменских нефтяников изменилось и внутреннее убранство рабочих квартир. Прежде всего, важно отметить чистоту, поддерживаемую в них, несмотря на постоянно дующие в этом районе ветры, несущие в большом количестве пыль и песок.

Уже в начале 1940-х годов в домах многих рабочих-туркмен можно было встретить современную городскую мебель: никелированные кровати, столы, стулья, этажерки для книг; однако в большинстве туркменских и казахских рабочих семей до сих пор, по старой традиции, предпочитают спать и сидеть на полу (в особенности старшее поколение и женщины). Нередко встречаются туркменские семьи, у которых так сильны еще старые привычки, что даже школьники приготовляют уроки, располагаясь на ковре или кошме, хотя у них есть полная возможность заниматься за столом.

В настоящее время нет в Небит-Даге туркменских рабочих семей, в квартирах которых не было бы радиорепродукторов или радиоприемников, патефонов, швейных машин, электрических и чугунных утюгов (раньше туркмены белье не гладили). В некоторых семьях имеются пылесосы, вентиляторы, холодильники. Эти новые предметы домашнего обихода распространены и среди населения пригородов Небит-Дага — Казахаула и Туркменаула, а также среди сельского населения его окрестностей. В условиях тесного общения и дружбы с другими национальностями в многонациональной среде рабочих-нефтяников постепенно вырабатываются некоторые общие формы быта. Так, влияние на быт рабочих туркмен русской и азербайджанской культуры особенно сказывается в убранстве квартир. В свою очередь, некоторые черты туркменской национальной культуры (в частности, ковры) входят в быт рабочих других национальностей.

Следует отметить, что в быту рабочих-туркмен сохранился и комплекс старинных предметов домашнего обихода, особенно — у рабочих, живущих в Казахауле и Туркменауле. Это — ковровые мешки для хранения одежды (чувал), ковровые сумки, в которые кладут ложки и другие мелкие предметы (торба), деревянные бочки (челек), ступки (соки), ручные мельницы (даш дегирмен), чугунные котлы (газан), бурдюки, гребни для чесания шерсти (юн дарак) и пр.

При изучении поселений выявляется, что в быту рабочих-туркмен еще не окончательно изжито расселение по признаку принадлежности прошлом к тому или иному племени или роду. Так, почти все семьи туркмен-текинцев в Казахауле, приехавших в разное время, населяют его юго-западную окраину; большинство семей туркмен-иомудов в Туркменауле живут компактно. В остальных частях Небит-Дага, однако, эта особенность расселения уже изжита.

Полукочевой образ жизни туркмен этого района западной Туркмении в прошлом не давал возможности расширять ассортимент пищевых продуктов. В основном употреблялись пшеница, ячмень, джугара, мясо (баранина, говядина, верблюжатина) и молочные продукты; таким же оставалось питание туркмен-рабочих и в 1930-х годах. В настоящее время стали употреблять много привозных (из южных районов республики) овощей и фруктов, а также других покупных продуктов. Общение с семьями рабочих других национальностей, приехавшими в Туркмению, оказалось заметное влияние на питание рабочих-туркмен. В их семьях стала готовить украинский мясной борщ, зеленые щи, котлеты, салат из огурцов и помидоров; от казахов переняли «бешбармак», употребление чаи с молоком; от азербайджанцев — «доломо» (голубцы) и т. д. В своих

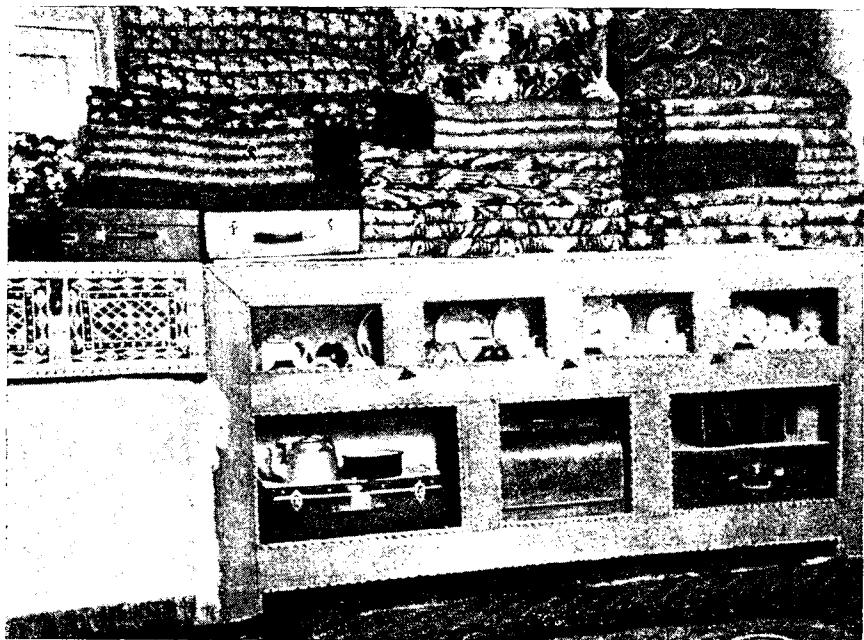

Рис. 5. Уголок в доме рабочего-нефтяника: «дукан» (букв. «магазин») — шкафчик для хранения домашних вещей; наверху сложены постельные принадлежности; рядом на столике — деревянный с инкрустацией алюминием сундучок — «сандык» работы местного кустаря

Фото Ю. А. Аргиропуло

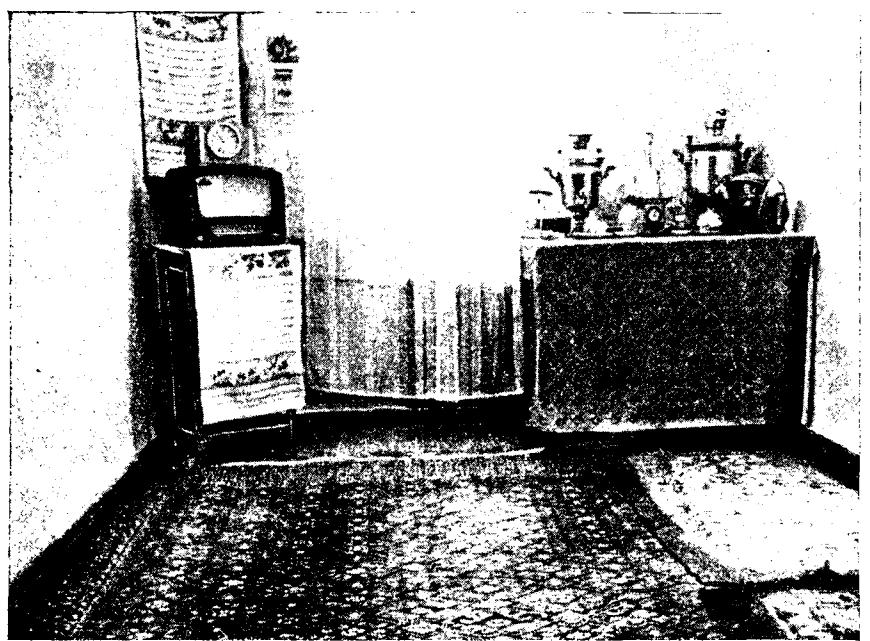

Рис. 6. Уголок в доме мастера-нефтяника Якуба Велиева. На полу иомудские палас и кошма; на стене и на столике украинские вышивки

Фото Ю. А. Аргиропуло

очередь любимыми блюдами в семьях русских и украинцев стали восточные кушанья — «кебаб», «шашлык», «пити» и др.

Изменился также ассортимент посуды. В семьях рабочих-туркмен уже редко встречаются старинные блюда из дерева (chanak) и деревянные ложки (чемче), широко бытующие еще среди туркмен сельских местностей, расположенных вблизи Небит-Дага. В прошлом мужчины и женщины — члены туркменской семьи — принимали пищу отдельно, причем женщины, независимо от возраста, получали меньшую долю, чем мужчины; в настоящее время такое обособление уже не существует в повседневном быту, хотя соблюдается еще во время некоторых обрядовых трапез (на свадьбах, похоронах). В Небит-Даге и на промысловых участках хорошо организована сеть общественного питания.

Заметная перемена произошла и в одежде туркмен — жителей Небит-Дага, особенно мужчин. Старинные длинные мужские халаты (дон), большие мохнатые шапки (телпек) были неудобны при работе на промыслах. Это являлось одной из главных причин того, что их переставали носить. Мужчины, поступив на промыслы, начинали носить на производственную фабричного изготовления одежду и постепенно отвыкали от традиционного костюма.

В настоящее время все рабочие-туркмены носят городской костюм, за исключением части пожилых людей, сохранивших еще некоторые элементы старинного национального костюма; к ним относятся мохнатая папаха, рубахи (сопы яка и чяк яка) и штаны (джульбар, балак) старого покрова.

Ворот рубахи (сопы яка) — без стойки, с круглой горловиной, продолженной горизонтальными разрезами на плечах; его обшивают полоской какой-нибудь ткани и завязывают тесемкой (яка юп). Рубаху «чяк яка», которую прежде носили юноши и мужчины среднего возраста, обычно кроили с застежкой на правой стороне груди; вертикальный разрез ворота обшивали той же тканью, из которой шили рубаху, и стягивали его у шеи двумя тесемками, пришитыми по обоим краям ворота, или застегивали на пуговицу. Мужские штаны кроили из целого куска ткани; между двумя штанинами, в верхней части их, вшивали прямоугольный, иногда квадратный кусок ткани. Их шили вверху широкими, преимущественно из синей или черной полосатой ткани. Суживаясь книзу, они доходили до щиколотки. Аналогичен и покрой женских штанов. Низ штанины обычно отделяли каймой, называемой «чуйдже бурун» (цыплячий нос). Праздничные штаны (kyrmizы балак) шили из шелковой ткани местного кустарного производства.

Редко встречается теперь старинная обувь — «елкен» и «чарык». Елкен делают из толстой обработанной кожи, вырезая только подошвы с одним отверстием в их передней части и с двумя отверстиями по бокам, через которые пропускают шнурок, привязывая обувь к ноге. Чарык шьют из прямого куска сыроймятной бычьей или верблюжьей шкуры, шерстью наружу, загнув и сшивая два передних угла в виде мыса. По краям делают петельки вокруг всего чарыка и, продергивая в них крепкий шнур из верблюжьей или бараньей шерсти, стягивают ее и обматывают вокруг ноги.

Многие молодые туркмены носят кубанки и ушанки из серых и черных каракулевых шкурок (их носят и рабочие других национальностей). За последнее время любимой рубахой мужчин стала украинская «гуцулка», которую носят не только туркменские, но и армянские, азербайджанские, русские юноши; носят ее также женщины и девушки, кроме казашек и туркменок.

Что касается женской одежды, то она с 1930-х годов не претерпела больших изменений ни в покрове, ни в цвете. Если до недавнего времени основным материалом для женской одежды служили ткани домашнего производства, то в настоящее время ее шьют исключительно из фабрич-

ных тканей. Как и мужчины, женщины стали носить фабричную обувь. Верхней одеждой у большинства молодых туркменок служит обычно пальто городского покроя, хотя и сохранились старинные халаты. Интересно, что национальную одежду в некоторых случаях частично изменяют, делая более удобной для работы. Например, женщины носят платья намного короче, чем раньше, в край рукава продерживают резинку. Белье стало обычной частью одежды. Интересно отметить появление физкультурного костюма — майки и шаровар у учениц. Однако, несмотря на все эти изменения, в женском костюме прочнее держатся национальные формы, чем в мужском.

При изучении семейного быта туркмен необходимо учитывать, что у многих из них еще живы представления о принадлежности их к определенному родоплеменному подразделению. В прошлом туркменский народ состоял из множества родов (уруг) и родовых подразделений (тире), которые входили в состав тех или других племенных групп (тайфа). Среди них устойчиво сохранялись старые родовые традиции, унаследованные от предыдущих этапов развития их общественного строя. Каждая родовая группа имела одного или нескольких главенствующих лиц, которых называли «яшулы» (старшина), «аксакал» (буквально — белобородый). Аналогичные названия носили лица, возглавлявшие тире, члены которых считались потомками одного предка, т. е. кровными родственниками. Каждая семья имела своего главу — «машгала яшулысы» (старшина семьи), «ёй аксакалы» (буквально: белобородый дома). Каждое тире и каждый уруг имели определенное название и отличительные знаки (тагма), используемые при клеймении скота. До сих пор сохраняются в памяти пожилых рабочих предания о предках и предводителях своего тире, история которого обычно насчитывает пять-шесть поколений. Многие помнят и предания о происхождении своего уруга.

В конце XIX — начале XX в. у иомудов западной Туркмении была распространена большая семья, хотя наряду с ней существовала и малая семья. В настоящее время семья туркмен-рабочих обычно состоит из супружеской пары и детей, но встречаются иногда и неразделенные семьи, включающие родителей, братьев и сестер мужа и жены.

Еще в 1930-х годах семейный уклад туркмен-рабочих почти не отличался от бытового уклада скотоводов, рыболовов, земледельцев, из среды которых они вышли. Еще недавно занимаясь сельским хозяйством в привычной замкнутой среде своих сородичей и близких родственников, туркмены на нефтяных промыслах столкнулись с совершенно новыми условиями производства. Им впервые пришлось работать совместно с рабочими не только других этнографических (племенных) групп, но и других национальностей. Среди рабочих-туркмен в те времена еще крепко держались пережитки старых патриархальных порядков и влияние мусульманской религии. Часть членов их семей по-прежнему продолжала заниматься сельским хозяйством, особенно скотоводством, и рабочие не теряли с ними связь. Враждебные элементы в первые годы Советской власти усиленно убеждали их не работать на промыслах, не доверять рабочим других национальностей, пытались разжечь национальную рознь. Понадобилась огромная воспитательная работа, в первую очередь партийных организаций, чтобы преодолеть это. Не меньше трудностей встречалось и на пути преобразования семейной жизни.

В туркменской семье главенство принадлежало старшему по возрасту мужчине; в его руках находилась судьба каждого члена семьи. В особо тяжелом и принижении положении находились женщины. Туркменка, жизнь которой была опутана дикими средневековыми обычаями и правилами, установленными исламом, во всех отношениях была зависима от мужчины. Она не могла заниматься общественно-по-

лезным трудом, и длительное время на промыслах Небит-Дага не было ни одной туркменки.

Мероприятия Советской власти, направленные на раскрепощение женщины, привели к большим изменениям в туркменской рабочей семье. В настоящее время в Небит-Даге нет такого участка хозяйственного и культурного строительства, где бы не работали туркменки.

Если в дореволюционной Туркмении не было ни одной грамотной женщины-туркменки, то в настоящее время только в Небит-Даге и его окрестностях учатся в разных учебных заведениях более тысячи туркменок; женщины и девушки туркменки работают преподавателями, директорами школ, многие из них имеют высшее образование⁹. На предприятиях Небит-Дага насчитывается 200 женщин-туркменок¹⁰. Всей республике хорошо известны имена операторов по добыче нефти — депутата поселкового совета Халлыгозель Аннамурадовой, окончившей Азербайджанский индустриальный институт, и Хаджибиби Артыковой, замерщицы Патмы Тойлиевой, мастера по добыче нефти Эне Шараповой, инженера Эджеғыз Бабаевой и многих других женщин, работающих на нефтяных промыслах. Семь туркменок работают в Небитдагском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института нефти.

При изучении семейной жизни туркменских рабочих выявляются многие факты, свидетельствующие о дружественных отношениях туркмен с семьями рабочих других национальностей. Об этом свидетельствует и то, что теперь нередко встречаются смешанные браки туркмен, особенно с украинцами и русскими. Сейчас не бывает такой свадьбы, как и общественных праздников, в которых не участвовали бы совместно представители разных национальностей. Рабочие различных национальностей живут по соседству в одном доме. Наряду с этими новыми явлениями сохраняются некоторые старые традиции и религиозные пережитки в семейной жизни туркменских рабочих. Немало еще семей, в которых соблюдаются мусульманский пост «ураза» и традиционный праздник «курбан-байрам»¹¹. Сохранились также традиционные туркменские обряды, связанные с рождением и воспитанием детей и свадьбой.

В вопросах воспитания детей привычные взгляды и обычаи значительно изменились. Прежде у туркмен лишь рождение мальчика вызывало большую радость, а появление девочки встречали равнодушно. Среди туркмен были распространены многочисленные рассказы и поговорки, в которых отражались их взгляды на рождение мальчика и девочки: «Сын — это богатство, дочь — обуза» и т. п. Рождение девочки в семье никогда не отмечалось, а в честь новорожденного мальчика устраивали торжество, так называемый «оглу той» (празднество сына).

В настоящее время при воспитании детей в туркменской рабочей семье изжито неравноправие девочек. Внимательное отношение родителей к детям, повседневные заботы об их регулярном питании, опрятной одежде, создание им дома всех условий для выполнения школьных заданий — все это является результатом общего подъема культурного уровня туркмен. Более 230 детей рабочих-туркмен учатся в русской школе; русский язык для школьников стал вторым родным языком. Многие дети воспитываются в яслях и детских садах, школьники участвуют в различных кружках. В школах Небит-Дага и его окрестностей учатся более 5760 детей из них 2687 — туркмены¹². В первой половине 1956 г. в

⁹ Материалы Небитдагского городского отдела народного образования за 1957 г.

¹⁰ Газ. «Вышка», 25 ноября, 1956 г.

¹¹ Интересно отметить, что иногда в первые дни уразы по вечерам группы мальчиков и девочек с песнями обходят дома, и их одаривают деньгами, лепешками, сладостями.

¹² Материалы Небитдагского городского отдела народного образования за 1958 г.

Небит-Даге и его поселках более 50 многодетных матерей были награждены орденами и медалями¹³.

Хотя культурный уровень туркмен-рабочих Небит-Дага непрерывно повышается, все же в их среде еще наблюдается бытование некоторых старых обрядов, распространенных в прошлом.

По предписанию ислама в день, когда рождается мальчик, приглашали муллу или кого-нибудь другого из духовных лиц для чтения молитвы «азан» в честь новорожденного. Азан должен был совершаться днем. Иногда, по съобщению стариков, он совершался даже при рождении девочки, если ее родители были представителями духовенства, богатыми людьми или супругами, долго не имевшими детей.

На сороковой день после рождения ребенка, независимо от его пола, 8—10-летние девочки и мальчики из рода отца ребенка несли его на руках показывать соседям. Этот обычай назывался «чиледен чыкармак» (выходит из чилле)¹⁴. Первые сорок дней, по старинным поверьям туркмен, ребенок подвергается различным опасностям со стороны «джиннов», «арвахов» — злых духов, которые якобы приносят новорожденному различные беды.

При появлении первых зубов у ребенка — безразлично мальчика или девочки — жена одного из родственников его отца (енге) и какая-нибудь пожилая женщина брали его на руки и обходили до семи домов соседей. Затем возвращали ребенка матери, которая заранее приглашала к себе соседей на так называемый «дишлик той» (празднество зуба). Ребенка клади на пол посреди комнаты. Енге или тетка с материнской стороны (дайза) госяпала голову ребенка жареной пшеницей (говурга), а присутствующие подбирали ее. Этот обряд выполнялся для того, чтобы, по поверью туркмен, зубы у ребенка в будущем были крепкими, острыми. В «празднество зуба» принимали участие дети, девушки и замужние женщины.

«Гулпак той» (празднество косичек) проводилось через два года после рождения ребенка. Церемония стрижки первых волос называлась «чилле сач» (косы чилле); по обычаю, стрижку производил дядя с материнской стороны (дайы). На следующий день родители устраивали небольшое угощение.

«Суннет» (обряззание) производили, когда мальчику исполнялось пять, шесть, но не более семи лет. После обрезания мальчик у туркмен считался вполне взрослым, хотя, по шариату, мальчик взрослым считается с 12 лет.

Довольно устойчиво эти старые обряды держатся в среде рабочих-туркмен, живущих в Казахауле и Туркменауле, а также среди сельского населения окрестностей Небит-Дага.

Еще в начале XX в. выдача замуж девочек, достигших возраста 9—12 лет, была обычным явлением. Об этом свидетельствуют собранные пами материалы, в частности биографии некоторых туркменок. Мальчиков женили в возрасте 12—15 лет. Выбор жениха или невесты и говор о браке осуществлялся их родителями. Иногда брак заключали до рождения детей или когда они были еще младенцами. Существовали обычай «тэлпек ник» (венчание с шапкой жениха), «дакма» (левират), сорорат. У туркмен-иомудов не была распространена, как, например, у каракалпаков, родовая экзогамия¹⁵. И сейчас разрешается и даже рекомендуется кросскузенный брак — между двоюродными, троюродными

¹³ Материалы отдела социального обеспечения Небитдагского горисполкома за 1956 г.

¹⁴ Чилле — сорокадневный период после рождения ребенка; в течение этого периода строго соблюдался ряд запретов и обрядов, существовавших у туркмен, как и у других народов Средней Азии и Кавказа.

¹⁵ См. Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 53.

Рис. 7. Свадебное празднество в Небит-Даге

Фото Ю. А. Аргиропуло

Рис. 8. Свадебный поезд. На головной машине — традиционные свадебные украшения «дуе башлык» и «дуе халык». Девушки на машине держат «кеджебе»

Фото Ю. А. Аргиропуло

братьями и сестрами. Такой брак больше распространен среди иомудов-джафарбайцев, чем иомудов-атабайцев.

В настоящее время юноши и девушки вступают обычно в брак свободно, по взаимному согласию и любви.

Традиционный свадебный обряд до сих пор повсеместно соблюдается; у иомудов-джафарбайцев он несколько отличается от обрядов, существующих у других туркменских групп, в том числе и у родственных джафарбайцам иомудов-атабайцев. Наряду со старинной обрядностью в современной свадьбе наблюдаются новые черты: большее участие девушек в свадьбе, исполнение русских и азербайджанских песен и плясок и т. д. Интересно, что невесту теперь увозят из родительского дома к жениху не на лошади или верблюде, как это было раньше, а большей частью на автомобиле (причем приезжают за ней нередко на двух-трех автомашинах, легковых такси, мотоциклах). Радиатор автомобиля невесты иногда украшают покрывалом «дуе башлык», с борта кузова свешивают ковровую сумку «дуе халык», а девушки, стоя над кузовом, держат растянутый богато расшитый полог «кеджебе» (рис. 8); в этом можно видеть трансформацию старинного обычая увозить невесту в шатре, укреплявшемся на спине верблюда и носявшем то же название — кеджебе.

Одним из центральных моментов свадьбы иомудов-джафарбайцев являются пляски «зикир»¹⁶, сопровождаемые пением, которые раньше на свадьбе не исполнялись.

Еще в конце XIX в. зикир исполнялся с целью излечения больного порханами («вызывающий злых духов»). Наличие порханов, как считают многие дореволюционные и советские исследователи, является доказательством существования в прошлом у туркмен шаманства, подвергшегося затем сильному влиянию ислама¹⁷. Порханы (как и «баксы» у казахов, «фолбин» у узбеков) своими заклинаниями призывали джиннов, пери, с помощью которых якобы могли выяснить причину болезни и средства лечения больного, в частности — душевнобольного; они занимались также предсказанием судьбы человека. Теперь зикир потерял прежнее значение, и эти танцы исполняются в рабочей среде во время свадеб, вечеринок и других семейных и даже общественных праздников молодежью обоего пола.

На свадьбах иомудов-джафарбайцев наблюдаются и другие традиционные обычаи и обряды. Когда прибывшая к жилищу жениха невеста и сопровождающие ее лица подходят к «оругей ёй» (дому одного из родственников жениха, отведенному для молодых), участвующая в свадебном празднике молодежь закрывает дверь изнутри и пропускает прибывших только по получении от них подарков. Почти обязательна на свадьбе шуточная борьба (далаш) между гостями со стороны жениха (гелиналиджи — «берущие невесту») и со стороны невесты. Когда гелиналиджи приезжают за невестой, несколько родственниц жениха (йигит енге) входят в дом, где находится невеста, сидящая с закрытым лицом. «Ов енге» (одна из родственниц невесты) вытаскивает из «букджа» (сумки, сшитой в виде конверта из разноцветных кусков материи, куда кладут новую одежду, платки, разные украшения невесты) платок и набрасывает его на невесту. Это служит началом шуточной борьбы между женщинами обеих сторон, в которую затем вступают и мужчины. Такая борьба бытует и у других групп туркмен.

Почетное место на свадьбе занимает национальная борьба — «гореш». Глашатаи — «жарчи» заранее объявляют о предстоящей борьбе, на ко-

¹⁶ Слово «зикир» — арабского происхождения и означает также радение дервишей (см. Турецко-русский словарь, М., 1945, стр. 590).

¹⁷ См. К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 412; С. П. Толстов, Религия народов Средней Азии, Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, М., 1931, стр. 260.

торую собирается много зрителей. Гореш начинается в день, когда привозят невесту в дом жениха. В этой борьбе теперь принимают участие представители различных национальностей, в том числе русские, азербайджанцы, казахи и др. Собравшиеся садятся или становятся вокруг специальной площадки, усыпанной песком. Задолго до начала борьбы родственники, друзья, товарищи жениха приносят различные подарки и отдают их родителям жениха. Фамилию, имя принесшего, а иногда и название его рода заносят в особый список. Иногда по просьбе принесшего отмечают имя того борца, которому в случае победы должен быть отдан приз. Роль почетных судей исполняют четверо пожилых мужчин. Гореш продолжается 4—5 часов. Победителей награждают деньгами, шерстяными и шелковыми платками, цветными тканями, иногда мелким рогатым скотом.

Большую роль в свадебных церемониях иомудов-джафарбайцев играет «мусаиб»¹⁸, близкий по своим функциям к «дружке» в русской свадьбе. Мусаиб всюду сопровождает жениха и должен во всем помогать ему, чтобы в будущем, на своей собственной свадьбе, получить такую же помощь. Во время свадьбы мусаиб за свой счет устраивает богатое угощение для товарищей жениха, которые приходят к нему в течение трех дней свадебной церемонии. В случае, если кто-нибудь из братьев или родственников-мужчин невесты предъявляет какие-либо претензии, когда представители жениха придут за ней, мусаиб должен успокаивать их, делать им подарки (деньги, туфли, костюм и т. п.). После возвращения новобрачной в дом своих родителей мусаиб заходит за ней и зовет ее к мужу, который скрытно от родственников и родителей жены встречается с ней. Существование мусаиба, как и танцев зикир, зафиксировано среди туркмен только у иомудов-джафарбайцев. Можно предполагать, что функции мусаиба являются пережитком древних форм брачных отношений, но этот вопрос требует дальнейшего исследования с привлечением этнографических данных по другим народам.

Сейчас редко встречаются такие обычаи, как «кайтарма» (возвращение невесты на определенное время в родительский дом), «гизлемек» (избегание зятем и невесткой старших родственников) и т. д. Изжиты быту рабочих-туркмен и калым. Однако наблюдаются случаи, когда калым берется в скрытой форме, в виде «подарка» со стороны семьи жениха, достигающего иногда крупной суммы в несколько тысяч рублей.

Как ни велики изменения, произшедшие в семейном быту рабочих туркмен, преодоление вредных пережитков в их семейно-бытовом укладе еще не завершено. Их поддерживает чаще всего старшее поколение. Со всем этим ведется борьба путем массовой научно-просветительной и воспитательной работы, но, видимо, недостаточно активно. Очевидно, однако, что это наследие прошлого при надлежащем отношении советской общественности не сможет долго сохраняться в среде рабочих туркмен.

¹⁸ Термин «мусаиб» — арабского происхождения и означает «приятель», «товарищ», «собеседник». См. Л. Булагов, Сравнительный словарь турецко-татарского наречия, т. II, СПб., 1871, стр. 235.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. Б. ЛЕТНЕВ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОРОДЕЗИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Вопрос о социальных сдвигах в африканской деревне, являющейся частью вопроса о развитии капиталистических отношений в недрах африканского общества, долгое время замалчивался буржуазными этнографами. Для них было важно дать детальное исследование родоплеменных институтов, чтобы с позиций функциональной школы разработать «научные» методы их консервации. Но теперь они уже не могут игнорировать такие факты, как развитие товарно-денежных отношений и рост отходничества в Африке южнее Сахары. Тем не менее специальных исследований, посвященных развитию социальных отношений в африканской деревне, пока все еще нет. Конкретные материалы по этому вопросу, собранные различными авторами и бессистемно разбросанные в их работах, все еще недостаточны для создания цельной картины.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить становление новых социальных отношений в северородезийской деревне. Этот вопрос рассматривается в статье на примере племен, которые принято объединять — по принципу языковой и культурно-хозяйственной общности — в группу бемба¹. Таким образом, говоря в данной статье о бемба, мы имеем в виду как собственно бемба, самое большое по численности племя Северной Родезии, так и другие бембаязычные племена — луунда, тва, унга, нгумбу и др. Все перечисленные племена населяют северо-восток Северной Родезии (а также прилегающие районы Бельгийского Конго) — сильно заболоченный озерный край, который пересекает водная система Чамбези — Луапула, принадлежащая к бассейну Конго.

Бемба — мотыжные земледельцы тропического пояса. Основой их хозяйства до сих пор является подсечно-огневое земледелие, так называемая система «читемене». Удобрений они не употребляют, поэтому почва в течение пяти-шести лет истощается. Отсюда частые перемещения деревень с одного места на другое. Выращивают просо, маниок, рис, бататы, тыквы.

Рыболовство служит подспорьем для всех бемба. Но в некоторых районах значение рыбной ловли для населения выходит за рамки подсобного промысла. Так, луунда, населяющие берега Луапулы, живут именно рыбной ловлей. Однако это не значит, что земледелие здесь вовсе отсутствует. Несмотря на сильную заболоченность долины, в ней имеется достаточное количествогодной для обработки земли. Наиболее плодо-

¹ См. Л. Д. Яблочкин, Коренное население Британской Центральной Африки «Африканский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XLIII, М., 1958, стр. 163; его же, Центры этнической консолидации коренного населения Северной Родезии и Ньясаленда, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 122.

родные земли тянутся по кромке болот, где и сконцентрирована основная масса населения. Аналогичная картина наблюдается в приозерных районах (озера Мверу и Бангвеоло) и в долине р. Чамбези. В более возвышенных районах — на Танганьикском плато — преобладает земледелие.

Рассмотрим вкратце элементы старых производственных отношений сохранившиеся у бемба.

Бемба принадлежат к числу народов, у которых до сих пор сохранились институты, свойственные материнскому роду. Брак (по крайней мере вначале) матрилокален, сохраняется матрилинейный счет родства, существуют определенные отношения между дядей с материнской стороны и племянником². Однако остатки родового строя у бемба существуют в сильно измененном виде. Главное заключается в том, что род уже не представляет собой экономического единства.

Введение колониальной администрацией денежного налога и появление необходимых в быту европейских товаров, которые можно купить только за деньги, вынуждали крестьян уходить на заработки, главным образом на шахты «медного пояса» — крупнейшего горнопромышленного района Северной Родезии, — но иногда и за пределы Северной Родезии в Бельгийское Конго или Южно-Африканский Союз. По свидетельству английского этнографа Одри Ричардс, среди бемба трудно найти человека, который никогда не уходил бы на заработки³. Процент отходничества обычно колеблется в пределах от 40 до 60.

Английский этнограф У. Уайтли сообщает следующие официальные данные по трем дистриктам Северной провинции (1948)⁴.

Дистрикт	% налогоплательщиков, уплативших налог вне своего постоянного места жительства	Из них	
		в Северной Родезии	за пределами Северной Родезии
Касама	53,55	17,06	36,49
Чинсали	39,54	10,74	28,8
Мпика	28,62	3,9	24,72
В среднем ⁵	40,47	10,56	30,00

Следует отметить двойственное влияние отходящих промыслов на родовые отношения. С одной стороны отходничество их окончательно порывает, с другой — в какой-то степени способствует сохранению таких старых институтов, как матрилинейный счет родства и матрилокальное поселение. Высокое положение женщины, хранительницы домашнего очага и основной рабочей силы в поле, сохраняется отчасти именно из-за постоянного отсутствия большинства взрослых мужчин. Однако несмотря на то, что женщина пользуется большим уважением и домашнее хозяйство находится в ее руках, налогоплательщиком является мужчина, именно его колониальные власти признают главой семьи.

На примере бемба можно, таким образом, еще раз проследить влияние внешних противоречий — между африканской деревней и иностранным капиталом — на развитие внутренних противоречий, свойственные самой этой деревне. В самом деле, борьба между материнским и отцовским правом еще не закончилась, материнский род у бемба еще не сменился.

² A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, Oxford, 1932, стр. 17; M. Gluckman, J. C. Mitchell, J. A. Bargess, Village Headman in British Central Africa, «Africa», т. XIX, № 2, London, 1949, стр. 90.

³ A. I. Richards, Указ. раб., стр. 23.

⁴ W. Whately, Bemba and Related Peoples of Northern Rhodesia; J. Slasky, Peoples of the Lower Luapula Valley, London, 1951, стр. 22.

⁵ Так в источнике.

окончательно отцовским, а в деревне уже существует классовое расслоение, которое, очевидно, будет все более возрастать по мере развития товарно-денежных отношений.

Такое переплетение внутренних противоречий с внешними осложняет анализ социальных отношений в деревне и, в частности, анализ некоторых институтов родоплеменной организации, свойственных бемба.

Сказанное в полной мере относится, например, к институту вождей племен. Во главе племени бемба стоит верховный вождь, носящий титул читимукулу (Большое Дерево), власть которого передается по наследству по материнской линии одного и того же рода Крокодила. Читимукулу через подчиненных ему вождей низшего ранга управляет всем племенем, но под его непосредственным руководством находится центральная часть страны бемба — Лубемба. Подобную иерархию мы встречаем и у других племен, входящих в группу бемба. Так, в позовьяхLuapula, населенных в основном луунда, верховному вождю, носящему титул казембе, подчиняются семь ниже его стоящих вождей⁶.

В Северной Родезии мало английских колонистов, земля там находится во владении родоплеменных общин. Непосредственное распоряжение землей составлено в руках вождей и старшин родов. По свидетельству Одри Ричардс, читимукулу считает, что ему принадлежат земля, рабочая сила людей, ее обрабатывающих, и вся произведенная ими сельскохозяйственная продукция⁷. Правда, вождь не может продать землю⁸ и формально не может считаться землевладельцем в полном смысле этого слова. Но в отношении пользования землей крестьянин целиком зависит от вождя. Каждый общинник признает себя поданным вождя, на территории которого он проживает. Он не может поселиться в данной деревне в качестве полноправного члена общины без разрешения вождя.

Общинники отбывают ряд повинностей в пользу вождя. Раз в год в течение двух-трех дней они занимаются расчисткой лесных участков, обработкой полей, постройкой домов. Собранный урожай идет на содержание семьи и свиты вождя, иногда довольно многочисленной. Вождям выплачивается дань в виде зерна, пива, рыбы, дичи, в последнее время денег (отходниками)⁹. Эти ежегодные подношения вождей собирает с жителей деревни старшина, который ставит у входа в свой дом пустую корзину и ждет, пока каждая хозяйка положит в нее свою долю.

Для того чтобы основать новую деревню (в связи с истощением почвы на старом месте), старшина должен иметь не только список 15 налогоплатильщиков, которые признают его главенство и готовы следовать за ним, но и разрешение вождя на поселение в данной местности¹⁰. Практически это не обходится без денежного подарка, который старшина преподносит вождю.

Из сказанного следует, что в деревне рассматриваемого района Северной Родезии до сих пор существуют отношения, основанные на эксплуатации фактическим собственником земли непосредственного производителя — крестьянина, что крестьянин обязан взамен пользования землей отчуждать в пользу ее фактического собственника — вождя известную часть своего труда, либо непосредственно, либо продуктами, либо в денежной форме. Иными словами, перед нами — феодальная рента, феодальные отношения. Разумеется, это не классическая форма феодализма, характерная, например, для европейского средневековья.

⁶ W. White! у, Указ. раб., стр. 28.

⁷ A. I. Richards. Указ. раб., стр. 244—245.

⁸ A. I. Richards, The Political System of the Bemba Tribe, North-Eastern Rhodesia (в сб.: M. Fortes and E. Evans-Pritchard (ed.), African Political Systems, London, 1941, стр. 116).

⁹ A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, стр. 253, 257.

¹⁰ I. Cunnison, Kinship and Local Organization on the Luapula, «Communications from the Rhodes — Livingstone Institute», V (1950), стр. 7, 8.

И отработочная, и натуральная рента в данном случае выступает в специфической патриархальной форме. Отчуждение части крестьянского труда или продукта в пользу вождя мотивируется существованием древнего обычая «помощи» вождю¹¹. Таким образом, вождь выступает скорее как носитель патриархально-феодальных отношений, т. е. таких производственных отношений, которые по своему экономическому содержанию являются феодальными, но формой своего проявления тяготеют скорее к патриархальным родовым отношениям.

Следует подчеркнуть, что этого своеобразия феодализма в Африке южнее Сахары не хотят признать буржуазные этнографы. Небольшие и нигде не зафиксированные размеры дани, взимаемой вождями, постоянные перемещения бемба с места на место, наконец, обилие годной для обработки земли вызывают у некоторых английских авторов сомнения относительно феодального характера отработочной и натуральной ренты, которая — пусть в специфической патриархальной форме,— но все же присваивается вождями. По мнению О. Ричардса, рента вообще выплачивается лишь в том случае, если установленное количество труда или продукта отчуждается взамен права на пользование определенным земельным наделом. Поскольку система землепользования у бемба не отвечает этим требованиям, дань, взимаемая в пользу вождей, по Ричардсу, вообще не подпадает под понятие ренты. Она считает эту дань всего лишь «элементом в системе отношений взаимозависимости между подданным и вождем»¹². Зависимость общинника от вождя она усматривает в том, что общинник соглашается на признание политической власти вождя, взамен чего ему гарантируется право на обработку любого земельного надела. Зависимость вождя от общинника выражается, по ее мнению, в том, что вождю необходимы рабочие руки для обработки полей и для содержания своей свиты.

Подобная трактовка затушевывает важный принципиальный вопрос о феодальном экономическом содержании земельных отношений в северородезийской деревне. Оттого, что размеры ее не зафиксированы на бумаге или незначительны, феодальная рента не перестает быть таковой. Не отчуждая своего труда или продуктов в пользу вождя, иначе говоря, не выплачивая в той или иной форме ренты, общинник вообще не может пользоваться землей. В этом существо дела.

Мы подошли к главному вопросу нашей темы, к вопросу о становлении капиталистических отношений в северородезийской деревне.

До появления европейцев хозяйство бембаязычных племен было натуральным. Правда, в XIX в. арабы уже торговали с бемба. Но это был простой обмен, при котором деньги еще не являются мерой стоимости. Лишь с начала XX в. стали развиваться товарно-денежные отношения. Их рост наметился с начала 1930-х годов, когда в Северной Родезии была создана меднодобывающая промышленность.

Известное представление о степени развития товарно-денежных отношений есть специальный доклад по этому вопросу, составленный экспертами ООН по тропической Африке в 1954 г. Из доклада явствует, что в 1950 г. денежные доходы африканцев Северной Родезии исчислялись суммой в 21 млн. американских долларов. Из них только один миллион был получен за счет реализации сельскохозяйственной продукции, а остальные 20 млн.— за счет оплаты труда отходников¹³.

Развитие товарно-денежных отношений создало дополнительные возможности для обогащения представителей родоплеменной верхушки, для их превращения в капиталистических предпринимателей. Раньше вожди и родовые старшины сами потребляли поступавшую в их распоряжение

¹¹ A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, стр. 251, 257.

¹² Там же, стр. 262.

¹³ «Enlargement of the Exchange Economy in Tropical Africa», United Nations, Department of Economic Affairs, New York, 1954, стр. 26.

дань. Естественно, что в этих условиях размеры дани были ограничены размерами потребления. Затем появилась возможность превращения натуральной ренты в деньги. Отсюда тенденция к увеличению размеров дани и одновременно к расширению хозяйства вождя, иными словами тенденция к увеличению размеров как натуральной, так и отработочной ренты. По свидетельству У. В. Брэлсфорда, который специально занимался изучением хозяйства рыбаков племени унга (район оз. Бангвеоло), значительная часть рыбы, получаемой вождями унга в порядке дани, идет теперь на продажу, тогда как раньше вся рыба шла на личное потребление¹⁴.

Родоплеменная верхушка втягивается в торговые операции, скапивает и продает крестьянскую продукцию, заводит свои лавки и магазины. Типичным примером такого рода деятельности является участие вождей в развитии соляного, а также рыбного промысла. Вожди охотно продают полученную от крестьян соль. В районе оз. Мверу, где существуют сезонные соляные промыслы, до войны вождь выручал за сезон до 50 фунтов стерлингов от продажи соли¹⁵.

Для расширения своего личного хозяйства вождь привлекает уже не только даровую рабочую силу, но и нанимает рабочих¹⁶. В данном случае перед нами типичный пример столь распространенного в африканской деревне переплетения феодальных отношений с капиталистическими. Как носитель феодальных отношений, выступающих в специфической патриархальной форме, вождь отчуждает прибавочный труд крестьянина в виде ренты. Как капиталист он присваивает прибавочный труд сельскохозяйственного рабочего в виде прибыли.

Разбогатевшие вожди по своему образу жизни резко отличаются от соплеменников. Английский этнограф Мур, посетивший одного из таких вождей, описывает его дом как вполне современный по виду — оштукатуренный и хорошо меблированный; вещи европейского производства совершенно вытеснили в нем изделия местных мастеров¹⁷.

Недостаток фактического материала заставляет нас отказаться от обобщений по вопросу об обуржуазивании родоплеменной верхушки. Большее количество имеющегося материала делает возможным более углубленное исследование процесса выделения буржуазных элементов из числа самих крестьян.

Наибольшая степень развития капиталистических отношений наблюдается в тех районах, где природные условия позволяют возделывать высокодоходные культуры (какао, кофе, хлопок, сизаль, масличную пальму, арахис и т. д.), идущие на экспорт. Северная Родезия в этом смысле сильно отстала от таких колоний, как Берег Слоновой Кости, Сенегал, Уганда, Танганьика. Культура кофе, а также табака и хлопка только начинает внедряться. По сообщениям родезийской печати, 53 африканских фермера (дистрикт Исока, Северная провинция) за последние четыре года посадили в общей сложности 4 тыс. кофейных деревьев. Один фермер, Дональд Сивале, посадил в 1956 г. 400, в 1957—150 кофейных деревьев и рассчитывает увеличить в 1958 г. общее количество саженцев до 700¹⁸. Кофе — культура многолетняя, первый урожай фермеры снимают лишь в 1958—1959 гг., поэтому рано еще говорить об их доходах. Но живой интерес, проявляемый ими к экспортным культурам, уже сам по себе весьма показателен.

В некоторых районах рассматриваемой части Северной Родезии

¹⁴ W. V. Brelsford, Fishermen of the Bangweulu Swamps, Livingstone, 1946, стр. 90.

¹⁵ R. J. Moore, Industry and Trade on the Shores of Lake Mweru, «Africa», т. X, № 2, 1937, стр. 144.

¹⁶ A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, стр. 259.

¹⁷ R. J. Moore, Указ. раб., стр. 145.

¹⁸ «The Rhodesian Herald», Salisbury, 3 января 1958, стр. 21.

успешно развивается добыча соли и торговля ею. Пользуясь тем, что в иных местах ощущается нехватка соли, солевары с оз. Мверу сбывают ее. Часть соли продается на соляных промыслах, куда африканцы приезжают и приходят иногда за сотни километров. Некоторое количество соли попадает в Бельгийское Конго. Остатки ее развозятся перекупщиками на велосипедах по всей стране. Их можно встретить, например, в Аберкорне, более чем за 350 км от озера.

Соляной промысел связан с тяжелым, изнурительным трудом, который приносит самим солеварам весьма скучные доходы. До войны алевар за сезон мог заработать на продаже соли не больше пяти фунтов стерлингов¹⁹. Но на промыслах успела уже сложиться прослойка торговцев-посредников, которые скапают соль на месте ее добычи и первоначально продают в других районах, наживаясь на непосредственных производителях-солеварах. Данные об их торговой прибыли отсутствуют. Можно предположить, что она достаточно велика, если перепродажа соли превратилась в особое ремесло.

Соляные и рыбные промыслы способствуют складыванию рынка спросу на самые разнообразные продукты крестьянского хозяйства. В торговый оборот втягивается, в частности, основной продукт питания — просо, причем в роли его покупателей выступают люди, порвавшие земледелием и ушедшие на промыслы. Просо покупают также африканское городское население и религиозные миссии.

Хотя в целом товарность хозяйства племен бемба пока невелика, а возможность накопления денег с их последующим превращением в капитал довольно относительна, этот общий вывод неприменим к отдельным специфическим районам. Мы имеем в виду область расселения рыболовов — берега Луапулы и Чамбези и приозерные области. В этих местах разложение родовых отношений зашло далеко, а рост капиталистических отношений идет более быстрыми темпами, чем в других.

Рыболовам легче превратить продукт их хозяйства в товар, чем земледельцам, выращивающим просо. Улов всегда можно сбыть, выручив за него европейские деньги. В приозерных районах активная меновая торговля рыбой велась и до колонизации. Рыба обменивалась на грибы, мед, дикорастущие фрукты. До сих пор часть ее непосредственно обменяется на просо. Но основная масса выловленной рыбы теперь идет на рынок и продается именно за деньги²⁰.

На рыбной ловле основано хозяйство луунда, унга, биса. Но не только коренные жители речных и озерных районов занимаются теперь ловлей рыбы. С 30-х годов XX в. в долину Луапулы начали прибывать жители плато, привлеченные выгодами рыболовства. Некоторые из них, например чишинга, никогда не забрасывали невода и не умели строить лодок, что не помешало им быстро овладеть новым ремеслом и стать заправскими рыболовами.

Рыбная ловля ведется все более интенсивно. Если несколько лет назад на оз. Мверу рыбаки забрасывали сети пять раз в неделю и довольствовались работой в течение нескольких месяцев в году, то теперь они забрасывают сети семь раз в неделю и заняты на рыбных промыслах значительно большую часть года (данные 1955 г.). В последнее время африканцы проявляют возрастающий интерес к разведению рыб в садках. Уже существуют хозяйства, владельцы которых получают год по три с лишним тонны рыбы с одного гектара пруда²¹.

Развитие горнодобывающей промышленности Катанги (Бельгийское Конго) и «медного пояса» (Северная Родезия) привело к созданию весьма выгодного рынка. Именно это обстоятельство послужило причиной

¹⁹ R. J. Moore, Указ. раб., стр. 146.

²⁰ J. Slaski, Указ. раб., стр. 85.

²¹ «Northern Rhodesia, 1955», Colonial Reports, Lusaka, 1956, стр. 27.

перехода многих африканцев к торговле рыбой. Среди нахлынувших в долину Луапулы пришельцев, о которых говорилось выше, были не только жители Северной Родезии, но и Бельгийского Конго. Рядом с европейским рыботорговцем появился купец-африканец.

Мы не располагаем исчерпывающими сведениями о том, какая часть улова попадает в руки африканских перекупщиков, а также о том, какая именно его часть продаётся на месте. Известно только, что рыбаки продают рыбу и европейским перекупщикам, и африканским. Кроме того, сам рыбак может сбыть улов в городе, причем покупателем может быть и европеец, и африканец. Наконец, рыбу может закупить религиозная миссия или группа крестьян-земледельцев, пришедшая издалека специально для этой цели.

Наибольшая часть рыбы, выловленной в Луапуле, продается не в Северной Родезии, а в Бельгийском Конго. Распродажа улова на месте приносит небольшую выгоду. Гораздо выгоднее переправить его на лодке на бельгийский берег реки и сдать в Касенга, где имеется холодильник. Касенга связан к тому же прямым сообщением с крупным горнопромышленным центром Бельгийского Конго — Элизабетвиллем. С еще большей выгодой рыбу сбывают в городах «медного пояса», например в Муфулире, где оборудованы специальные рыбные ряды. Но до Муфулиры далеко, доставка свежей рыбы туда затруднена и влечет за собой большие транспортные расходы. Очевидно, что такую сложную торговую операцию, как продажа улова в «медном пояссе», могут позволить себе не простые рыболовы, а состоятельные рыботорговцы.

У. В. Брэлсфорд в 1943 г. произвел опрос рыболовов унга. Ему удалось выяснить, что три четверти опрошенных обычно продавали свой улов на стороне и лишь одна четверть — непосредственно на берегу оз. Бангвеоло. При этом основная часть улова, сбываемого на стороне, продавалась либо в Капалала (Бельгийское Конго), либо в довольно отдаленных горнопромышленных центрах Северной Родезии, таких, как Ндола, а не в близлежащих населенных пунктах²². Эти данные в какой-то степени свидетельствуют о наличии тенденции к сбыту улова как можно дальше от места промысла в целях обеспечения наибольшей прибыли.

Чем больше выручает от продажи рыбы африканский рыболов, тем уже становится для него рамки родовой организации. Пережитки родового строя задерживают накопление богатств в руках одного лица. Это неизбежно вызывает враждебную реакцию капиталистических элементов, которые любой ценой стремятся избавиться от бремени кровного родства.

Для богатых рыбаков весьма нежелательно соседство бедных родственников, которые, пользуясь правом родства, выпрашивают часть улова. Иногда они просто берут рыбу, иногда помогают тянуть сети. На оз. Мверу каждый из таких помощников получал до войны до 30 рыбин с улова²³. Отказать нельзя, ибо это противоречит элементарным нормам обычного права. Выход из этого положения богатые рыбаки находят в длительных отлучках из деревни. Даже если деревня стоит на самом берегу реки, многие переселяются на весь сезон рыбной ловли во временные жилища, которые специально строят подальше от деревни, иногда за сотню километров.

Старшина обычно убеждает молодых рыбаков не отлучаться слишком далеко и надолго из деревни в поисках удачного места, не забрасывать домашних дел. Здесь явственно проступает антагонизм между родовым колlettivistским началом и личным стремлением к наживе. Впрочем, подобные увещевания не имеют особенного эффекта. Об этом сви-

²² W. V. Brailsford, Указ. раб., стр. 111.

²³ R. J. Moore, Указ. раб., стр. 153.

действует хотя бы приводимая ниже таблица средней длительности отлучек из одной приозерной деревни, составленная У. В. Брэлсфордом в 1943 г. на основании опроса 200 рыбаков унга²⁴:

В 1943 г. отсутствовали: в течение 1—2 месяцев 31 человек

“ ”	2—3	”	52	”
“ ”	3—4	”	70	”
“ ”	4—5	”	43	”
“ ”	5	”	2	”
“ ”	6	”	2	”

Разбогатевшие рыболовы уже не испытывают должного почтения в отношении не только к старшине, но и к вождю. Когда вождь посыпает в рыбачью деревню сборщика дани с требованием выделить ему часть улова (практически одну-две рыбы с каждого хозяйства), то случается, что его посланец возвращается с пустыми руками. При этом откликавшиеся дать рыбу не подвергаются никакому наказанию²⁵. Между тем, до войны каждый рыбак обычно выделял часть улова (у унга—20—30 рыбин) в порядке дани своему вождю. Эта практика почти прекратилась с введением колониальной администрацией системы лицензий на ловлю рыбы сетями (1943). Отказ делиться с вождем своим уловом рыбаки мотивируют тем, что оплата ими лицензии отынче освобождает их от подношений в пользу вождя²⁶.

Таким образом, мы указали на основные возможные в условиях Северной Родезии источники обогащения крестьянина. Следует подчеркнуть, что, по свидетельству многих авторов, перечисленные сферы хозяйственной деятельности, сулящие наибольшую экономическую выгоду, привлекают главным образом людей, уже побывавших на заработках в городе. Этому не приходится удивляться. Перед человеком из деревенской глупши, хоть раз побывавшим в капиталистическом городе, возникает стремление накопить денег и обзавестись «крепким» хозяйством.

Конечно, далеко не всем удается превратить такую возможность в действительность. Как правило, отходник влечит жалкое существование полугородского, полусельского жителя. Часть отходников превращается в кадровых пролетариев. Некоторой, очень незначительной части удается кое-что скопить. Вернувшись в деревню и располагая известными суммами, весьма значительными в общих условиях низкого уровня жизни африканского сельского населения, такие люди мыслят и действуют уже совершенно иначе, чем их сородичи. Дух предпринимательства, который проникнут бывший отходник, несовместим с родовыми отношениями. Отсюда неизбежность конфликтов между представителями родоплеменной верхушки и наиболее активной частью общины — молодежью, вернувшейся с заработка.

Новые для африканской деревни капиталистические отношения утверждаются в упорной борьбе со старыми, процесс их становления весьма сложен и подчас противоречив. Борьба капиталистических элементов против уравнительных тенденций родового строя, против деспотической власти вождей принимает иногда весьма острые формы.

Отходник ясно осознает, что для того, чтобы стать самостоятельным хозяином, он должен работать на себя, а не на вождя. Разбогатевшие крестьяне сами нуждаются в рабочей силе для обработки полей, особенно в горячую пору уборки урожая. Они нанимают сезонников, часто используя для этой цели дальних родственников. Расплачиваются с ними продуктами питания, реже деньгами. Сезонники либо питаются за общим

²⁴ W. V. Brelsford, Указ. раб., стр. 128.

²⁵ I. Cunnison, Указ. раб., стр. 2.

²⁶ W. V. Brelsford, Указ. раб., стр. 40, 85.

столом, либо получают небольшое количество зерна нового урожая. Чаще всего в роли сезонников выступают женщины, разведенные или покинутые мужьями, которые вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы кое-как перебиться в тяжелое время года. Описанная система найма рабочей силы у бемба именуется «укупула». Иногда богатые крестьяне собирают односельчан, расплачиваясь с ними только пивом, которое выставляется по окончании работы. Такая система, напоминающая русскую «помощь», носит название «укутумья»²⁷.

Суть обеих этих систем сводится к эксплуатации батраков кулаками, с той только особенностью, что иногда в качестве батраков используются родственники. Эта эксплуатация маскируется нормами обычного права. Но ясно, что в рамках системы «укупула», например, не остается места для родовых отношений взаимопомощи. Батрака кормят вовсе не в порядке оказания помощи сородичу или гостеприимства, а в порядке сугубо экономического обмена между кулаком-работодателем и батраком. Последний, со своей стороны, получает пищу, зерно или деньги вовсе не по праву родства, а в порядке оплаты своего труда. Кулак, следовательно, обеспечивает свое хозяйство дешевыми рабочими руками, ловко используя древний обычай взаимопомощи сородичей, но не придерживаясь его на деле.

О выделении в деревне рассматриваемого района прослойки зажиточных крестьян косвенно свидетельствуют данные о развитии кооперации. Английский этнограф Ян Каннисон, в течение ряда лет серьезно занимающийся изучением хозяйства луунда, приводит интересные сведения о кооперативах, созданных в долине Луапулы. В 1950 г. там существовал только один сбытовой кооператив. Но уже тогда в органы колониальной администрации было подано много заявлений с просьбой разрешить организацию новых кооперативов. Характерно, что большинство авторов этих заявлений — люди, побывавшие на рудниках «медного пояса»²⁸. Неизвестно, сколько кооперативов было в долине Луапулы через пять лет. Мы располагаем только данными по всей Северной Родезии, но они достаточно убедительны: на декабрь 1955 г. было зарегистрировано 122 африканских кооператива. Установлено, что каждый месяц власти регистрируют примерно два новых кооператива²⁹.

В заключение на примере долины Луапулы отметим влияние новых социальных отношений на поселения и жилища бембаязычных племен. Начать с того, что благодаря тяге крестьян к рыболовному промыслу произошло массовое перемещение самих деревень из лесной полосы на запад, к кромке болот, тянувшихся по берегам Луапулы. За полвека (1900—1950) число поселений между Казембе и Мбереси увеличилось с 4 до 27³⁰. Расстояние между двумя населенными пунктами не превышает и 20 км. Это дает некоторое представление о плотности населения в долине, охваченной подлинной «рыболовной лихорадкой».

Планировка новых поселений и жилищ в них коренным образом отличаются от старых (последние, разумеется, численно преобладают). Деревня старого типа состоит из нескольких десятков хижин; явственно выделяются группы хижин, объединенных общим хозяйством. Улиц в такой деревне нет. Жилища строятся круглые (встречаются квадратные) в плане, с конусообразной крышей, крытой соломой; края крыши выступают над стенами. Основным строительным материалом служит глина, которой обмазывают плетеный каркас.

Новая деревня спланирована иначе. Прежде всего, деревни теперь строятся с таким расчетом, чтобы рядом обязательно проходила авто-

²⁷ A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, стр. 145—146.

²⁸ I. Cunnison, Указ. раб., стр. 8.

²⁹ «Northern Rhodesia, 1955», стр. 21.

³⁰ I. Cunnison, Указ. раб., стр. 3.

магистраль, которая пересекает всю долину с севера на юг. Поселения тесно примыкают друг к другу, составляя чуть ли не единую нить, которая тянется по самой кромке болот вдоль автомагистрали³¹.

Наблюдается тенденция равномерно застраивать домами главную улицу, от которой под прямым углом расходятся все остальные. Улицы обсаживают масличными пальмами, которые, кроме тени, приносят их владельцам и экономическую выгоду. Дома уже не всегда группируются вокруг нескольких центров, они более или менее рассредоточены. Отсутствует какой-либо общий центр тяготения, характерный для старой общины (хижина для отдыха пришельцев, площадь для обсуждения деревенских дел или место для совместной трапезы мужчин).

Существуют поселения, насчитывающие по 150—200 домов. В Казембе — резиденции верховного вождя луунда — в 1950 г. проживало 3 тыс. чел. Казембе связан прямым автобусным сообщением с городами «médного пояса» и наводнен дельцами и специалистами чисто городских профессий; он официально считается «сити», т. е. поселком городского типа, а не деревней.

В поселениях нового типа изменились и жилища. Большая часть новых домов сооружается не из глины и веток, а из кимберлитового кирпича. Такие прямоугольные в плане кирпичные дома строятся не только в Казембе, но и в любой деревне; их охотно продают и покупают. Постройка кирпичного дома обходится примерно в 20 фунтов стерлингов, что лишний раз свидетельствует о существовании определенной прослойки зажиточных людей, которым уже по карману довольно значительные расходы. Человека, уважаемого за богатство, крестьяне луунда называют особым словом — «муканкала».

Ян Каннисон приводит в одной из своих работ³² интересный план деревни Чубулва, зарисованный им в августе 1949 г. Всего на плане изображено 43 дома, из них 35 глинобитных и 8 кирпичных (в том числе дом старшины). Следовательно, по меньшей мере около 20% принадлежало зажиточным крестьянам.

Вследствие недостатка фактического материала настоящее исследование имеет сугубо предварительный характер. И все же уже сейчас можно сделать некоторые выводы.

Социальные отношения в северородезийской деревне представляют собой весьма сложный комплекс, который сложился на базе тесного переплетения остатков родовых отношений с патриархально-феодальными и нарождающимися капиталистическими отношениями³³. О переживаемом родезийской деревней периоде социальных сдвигов в сторону развития капитализма свидетельствует ряд фактов. Сюда относятся рост отходничества, бурное развитие торговли рыбой и солью, организация кооперативов, возделывание экспортных технических культур и, как результат всего этого, рост имущественного неравенства, появление деревенских кулагов и богатых торговцев, с одной стороны, бедноты — с другой.

Однако прослойка сельской буржуазии, которая складывается в деревне Северной Родезии, еще немногочисленна и слаба. Классовая дифференциация идет там сравнительно медленно.

³¹ I. Cunnison, Headmanship and the Ritual of Luapula Villages, «Africa», т. XXVI, № 1, 1956, стр. 3

³² Там же, стр. 24.

³³ Такое переплетение элементов различных производственных отношений является характерной чертой современной африканской деревни вообще (см. об этом И. И. Потехин, Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни, «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956).

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

М. В. РАЙТ

СОМАЛИЙЦЫ

На северо-востоке Африки расположена страна Сомали, населенная единственным народом — сомалийцами. Более полувека назад, в результате империалистического раздела Африки, сомалийцы оказались расчлененными между четырьмя колониями: Французским, Итальянским, Английским Сомали и Кенией, часть сомалийцев осталась в пределах Эфиопии. Общая численность сомалийцев определяется примерно в 3 млн. чел., из них 2 млн. живет в трех Сомали, где они составляют более 97% населения¹. В Кении, согласно переписи 1948 г., обитает 81 тыс. сомалийцев. Численность же сомалийцев, проживающих в Эфиопии, неясна, так как там до последнего времени не производилось переписи, а литературные источники содержат крайне противоречивые сведения: по одним данным в Эфиопии живет до 350 тыс. сомалийцев², по другим — 1,2 млн.³.

На севере и северо-западе Французского Сомали живут близкие по языку и культуре к сомалийцам данакильцы, на юге подопечной территории Сомалии, бывшей итальянской колонии, — народы банту: вагоша, вабони, амарани и др.

В Сомали, помимо основного африканского населения, живут арабы, индийцы и европейцы (итальянцы, французы, англичане, греки и др.). Общая численность европейцев не превышает 7 тыс. чел. Это — служащие колониальной администрации и колониальных монополий, мелкие торговцы и плантаторы. Рабочих-европейцев мало, это главным образом железнодорожники.

Страна Сомали представляет собой плато, являющееся продолжением Эфиопского плоскогорья. Высота Сомалийского плато — 500—800 м над уровнем моря, на юге оно сменяется низменностью. На севере параллельно береговой полосе расположены горные массивы, отдельные вершины достигают 2000—2500 м над уровнем моря. На северо-востоке горы местами подходят к самому берегу, круто обрываясь к морю. На северо-западе горные хребты расположены на расстоянии 50—100 км от берега и ступенями спускаются к побережью.

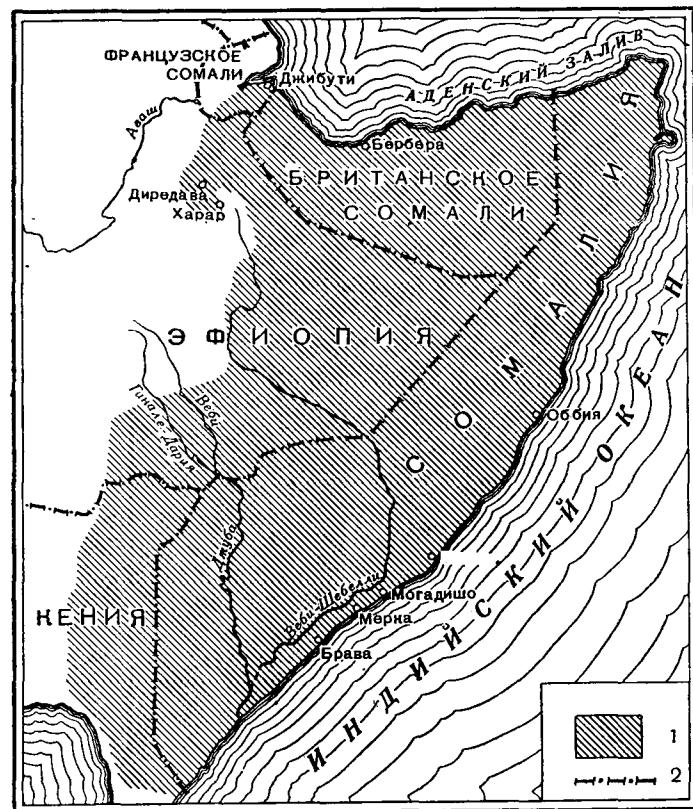
Страна в целом отличается сухим, жарким климатом, недостатком влаги, скудной полупустынной растительностью. Особенно засушливы ее северные районы. В среднем в году на севере выпадает менее 200 мм осадков, на юге — около 500 мм. Сухие периоды года «джилал» и «хага»

¹ «Rapport du Gouvernement italien à l'Assemblée Générale des Nations Unies sur l'administration de tutelle de la Somalie», 1956, Roma, 1957; «Non-self Governing Territories. Summaries of information transmitted to the Secretary-General during 1956», United Nations, New York, 1957.

² I. M. Lewis, Peoples of the Horn of Africa (Ethnographic survey of Africa. North Eastern Africa, 1), London, 1955.

³ Mc Dougald. The Languages and press of Africa, Philadelphia, 1944.

чередуются с дождливыми «гу» и «дхайр». Джилал соответствует янв арю — марту, гу — апрелю — июню, хага — июлю — сентябрю, дхайр — октябрю — декабрю. Самые жаркие месяцы на севере — июль и август на юге — апрель и март. Разница в средней температуре самого жаркого и самого «холодного» месяцев невелика. Так, на северном побережье средняя температура января $+25$ — $+30^{\circ}$, средняя же температура июля $+33^{\circ}$. На юге эта разница еще меньше, в 2 — 3° . Суточные же колебания весьма значительны, особенно во внутренних районах Сомали разница между максимальной и минимальной температурами иногда достигает 30° .

Расселение сомалийцев (схематическая карта)
1 — территория расселения сомалийцев; 2 — государственные границы

Речная система Сомали крайне бедна, особенно на севере. С юга на север и с запада на восток спускаются с плато небольшие мелководные речушки — туги, русла которых наполняются водой только в период больших дождей. Вблизи побережья большинство туг теряется в песках. Наиболее значительными из туг на севере являются Иссуган, текущий по направлению к Аденскому заливу, Ногал и Даррор, впадающие в Индийский океан. Верховья рек Даррор и Ногал наполняются водой только в период дождей, зато нижние течения их всегда богаты водой; берега покрыты яркой зеленью, высокими деревьями, необычными для окружающей полупустыни. В северо-восточном Сомали местность, по которой протекают Даррор и Ногал, наиболее богата и благоприятна для скотоводства.

Юг Сомали гораздо лучше обеспечивается водой. На Эфиопском плоскогорье берут свое начало реки Веби-Шебели, Дава-Парма, Ганале-

Дория и Веби-Джестро. Последние три, сливаясь, образуют реку Джубу, впадающую в Индийский океан. Джуба и Веби-Шебели — самые большие и наиболее полноводные реки Сомали. Даже в период хага, самое жаркое и сухое время года в южном Сомали, Джуба и Веби-Шебели никогда полностью не высыхают. Обе реки судоходны.

Характер растительности меняется по направлению с севера на юг. На севере и северо-востоке Сомали, на песчаной прибрежной низменности, образно называемой сомалийцами «губан» (сожженная), преимущественно растут низкорослые кустарники и невысокая трава, появляющаяся только после дождей. Для Сомали особую ценность представляют растущие на всем северном побережье камеденоносные деревья. Мирра, ладан и другие ароматические смолы с древнейших времен являлись основными предметами торговли населения «африканского рога» (как называют Сомалийский полуостров) со странами Средиземноморского бассейна и Индией.

По мере продвижения в глубь страны полупустыня сменяется кустарниковой саванной. Чем дальше на юг, тем трава становится выше и гуще. На горных хребтах и на Сомалийском плоскогорье часто встречаются тропические деревья: ливанский кедр, финиковая пальма, пальма дум и др. Повсеместно растет акация различных видов. На юге, по берегам Джубы, имеются густые леса.

* * *

Древнейшая история народов «африканского рога» еще недостаточно изучена. До второй мировой войны серьезных археологических исследований на Сомалийском полуострове не проводилось. Археологические находки, за редким исключением, представляли собой собранный на поверхности так называемый подъемный материал. В 1941—1946 гг. на территории Сомали проводил археологические исследования известный английский археолог Дж. Д. Кларк. В опубликованном в 1954 г. труде⁴ Кларк обобщил весь собранный им и его предшественниками археологический материал и изложил результаты своих раскопок.

Обнаруженные на территории Сомали каменные орудия и костные остатки человека неандертальского типа свидетельствуют о том, что Сомалийский полуостров был заселен еще в древнейшие времена. На Сомалийском плоскогорье найдены кремневые орудия различных этапов палеолита, ручные рубила, скребла, скребки разной формы и т. д. Поздний палеолит и мезолит представлены местными археологическими культурами: сомалийский магосиан, харгейсан, сомалийский вильтон и лоин. Две последние можно датировать уже началом неолита, так как в верхних и средних слоях этих культур, наряду с кремневыми орудиями, были найдены остатки керамики.

Во многих местах Сомалийского плоскогорья в пещерах обнаружены наскальные изображения, окрашенные охрой, либо высеченные острым камнем. Среди изображенных животных встречается крупный рогатый скот породы зебу и верблюды. Возраст наскальных рисунков Сомалийского полуострова пока не определен. Правда, вблизи некоторых пещер, где обнаружены рисунки, был собран подъемный материал, датируемый почти всегда мезолитом. По мнению Кларка, наскальные рисунки Сомалийского плоскогорья относятся к гораздо более позднему времени: он датирует их первыми годами н. э. или несколько более ранними⁵.

На севере Сомалийского полуострова сохранились остатки сложных ирригационных сооружений, свидетельствующие о том, что в далекой

⁴ J. D. Clark, The prehistoric cultures of the Horn of Africa, Cambridge, 1954.

⁵ Там же, стр. 314—315.

древности население северного побережья Сомали знало сложную технику террасового земледелия. Пока не установлены ни время возникновения ирригационного земледелия на севере Сомали, ни причины его упадка. Вероятно, не одни только изменения климатических условий вызвали прекращение террасового земледелия и запустение ранее процветавших поселений. Причину, видимо, следует искать в исторических событиях имевших место на Сомалийском полуострове и в сопредельных странах.

Вдоль побережья полуострова и во внутренних районах Сомали встречаются развалины — остатки древних жилищ, поселений, городов. Большинство их было осмотрено А. Т. Кэрлом и Р. Х. Р. Тейлером еще в 1934 г., но исследователям удалось произвести расчистку только двух домов. Внешний осмотр и собранный подъемный материал позволили датировать большинство памятников примерно XV—XVI вв. н. э.⁶. Этому по мнению Кэрла, — остатки городов, входивших в состав мусульманских сultanатов XIV—XVI вв. Развалины на острове Саад-Дин А. Т. Кэрл датировал XII в. н. э. Однако послевоенные работы известного археолога А. Дж. Мэтью показали, что отдельные городища представляют собой памятники различных эпох. В частности, Амуд (памятник, найденный на юге Британского Сомалиленда) включает два слоя, датируемые разными историческими периодами. Амуд I, по мнению Мэтью, был выстроен еще до проникновения ислама в Сомали, датируется II—VII вв. и относится к периоду расцвета Аксумского государства. На развалинах его был выстроен город Амуд II, где обнаружены остатки мечетей. Другой памятник, расположенный в окрестностях г. Могадишо, — городище Аммар Джиаджеб, площадь которого достигает 5 км², также был выстроен задолго до проникновения ислама в Сомали⁷.

Будущие археологические исследования должны помочь восстановить не только первобытную, но и античную историю народов Сомалийского полуострова, которые, как это показывают отдельные памятники, прошли длинный путь исторического развития.

Сомали, страна мирры, ладана и других благовоний, была хорошо известна египтянам, финикиянам, грекам и римлянам еще с древнейших времен. В середине III тысячелетия до н. э., в эпоху Древнего царства египетские фараоны отправляли морские экспедиции в «страну Пунт» в первую очередь за благовониями для храмов. Вопрос о местоположении страны Пунт до сих пор является спорным. Одни исследователи полагают, что под этой страной следует понимать все африканское аравийское побережье Красного моря, Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива. Другие ищут страну Пунт значительно южнее, в восточноафриканском побережье Индийского океана, где-то в районе Занзибара. Акад. Б. А. Тураев, а также Л. Шапарелли и Дж. Серджи отождествляли страну Пунт с Сомалийским берегом⁸. Несомненно, что Сомали, где до настоящего времени растут камеденосные деревья, были если не целиком страной Пунт, во всяком случае частью ее.

Морские экспедиции в Пунт участились в эпоху Нового царства особенно при фараонах XVIII—XIX династий. На стенах храма в Дей эль-Бахари, воздвигнутом царицей Хатшепсут, изображены части страны Пунт, жители этой страны, их жилища, встреча пунтийцев с участниками египетской морской экспедиции и т. д. Судя по барельефам храма уже в то время Сомалийский полуостров был заселен народами эфиопской и негроидной рас. Дж. Серджи и Дж. Ревуаль даже видят в временных сомали прямых потомков древних пунтийцев. Торговля Египтом со странами Красного моря, в том числе и с Сомали, продолжалась с санскритскими фараонами и в греко-римскую эпоху. Так, по сообщению Геродита

⁶ A. T. Curle, The ruined towns of Somaliland, «Antiquity», September, 1937, стр. 317.

⁷ G. Caniglia, Genti di Somalia, Roma, 1937, стр. 26, 31.

⁸ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, Л., 1936, т. I, стр. 67, 71, 263 и др.

та, фараон Нахао (610—594 до н. э.) направил морскую экспедицию в страну Пунт и далее вокруг Африки. Экспедиция состояла главным образом из финикиян, знаменитых мореплавателей древности⁹.

Индусы, греки, персы и особенно арабы из Южной Аравии вели обширную торговлю с жителями африканского побережья Красного моря и Аденского залива задолго до появления ислама. Ко времени расцвета Аксумского государства (первые века н. э.) в Сомали стали возникать довольно крупные поселения и города. Так, расположенный на побережье Сомалийского полуострова г. Ауалит (большинством исследователей отождествляемый с современным портом Зейла) был для Аксума транзитным портом в торговле с Индией. Пока нет точных данных о том, входило ли Сомали или какая-то часть его в состав Аксумского государства. Можно только предполагать, что отдельные города и поселения Сомали временами попадали в подчинение Аксуму, особенно в период господства аксумских царей над южноарабскими государствами.

Начиная с VII в. н. э., вскоре после возникновения ислама, значительно участились переселения арабов на Сомалийский полуостров. Не только на побережье, но и во внутренних районах страны стали появляться города мусульман. Одни из них вырастали на месте прежних торговых центров или античных городов, другие же создавались впервые. Ислам получил довольно широкое распространение. В XII—XVI вв. на Сомалийском полуострове существовали довольно крупные султанаты: Зейла (Адал), Ифат, Хадъя и др.¹⁰. Во главе их стояли правители, называемые эфиопами «кат», а арабами — «султаны». Население занималось земледелием и скотоводством, разводило верблюдов, овец и коз. В городах процветали ремесла (ткачество, гончарство) и торговля. Султанаты вели широкую торговлю с Египтом, Аравией, Персией, даже с Китаем. Султанаты в начале своего существования находились в вассальной зависимости от Эфиопии. В XIII—XVI вв. имели место многочисленные войны между их правителями и негусами негести Эфиопии¹¹, так как султаны стремились к отделению от Эфиопии и получению самостоятельности.

Большинство западноевропейских исследователей полагают, что до X—XI вв. сомалийцы жили в основном на севере Сомалийского полуострова, главным образом в современном Британском Сомалиленде. Они отмечают, что основное население Сомали составляли галла и народы, говорящие на языках банту¹². Судя же по сообщениям арабских географов аль Идриси, Ибн-Баттуты и др., в XII—XIII вв. сомалийцы населяли уже большую часть современной страны Сомали. Возможно, что в X—XII вв. сомалийские племена, теснимые арабами, двинулись на юг. Передвижения сомалийцев вызвали, в свою очередь, переселения галла на юг и юго-запад. Во всяком случае, в XII—XVI вв. на территории Сомали жили те же народы, которые населяют ее и в настоящее время: по всей стране — сомалийцы, на северо-западе — данакиль, на юге и юго-западе — галла, на южном побережье Сомали и вдоль рек Джуба и Веби-Шебели — банту. Многовековое общение населения Сомалийского полуострова с арабами оказало известное влияние на сомалийцев, но в целом они сохранили свой язык, свою культуру, обычай.

В конце XV — начале XVI в. ряд городов Сомалийского побережья

⁹ Дж. Қанилья высказывает предположение, что первыми основателями древнего Могадиши были финикияне. См. G. Caniglia, Указ. раб., стр. 31.

¹⁰ Эти султанаты иногда входили в более крупные объединения, названия которых часто менялись. Так, иногда Адал входил в состав государства Ифат, в других случаях Ифат подчинялся Адалу.

¹¹ В литературе императора Эфиопии часто называют «негусом», тогда как его официальный титул — «негус негести» (царь царей).

¹² I. M. Lewis, Указ. раб., стр. 45—47.

Индийского океана был завоеван португальцами. Одновременно на Красноморском и Аденском побережье Африки укрепились османские турки, предпринявшие большое наступление на Эфиопию. На их стороне выступили попавшие в зависимость от них мусульманские султаны Сомали. Война с Эфиопией закончилась поражением турок и их союзников. Многие города Зейлы были сожжены португальцами, прибывшими «помочь» Эфиопии. К концу XVI — началу XVII в. мусульманские государства Сомали, в результате хозяйствования турок и португальцев на полуострове, распались на мелкие, не зависимые друг от друга эмирата.

В XVII в. султаны Маската вытеснили португальцев с Сомалийского побережья Индийского океана, а к середине XIX в. эта часть Сомали попала в зависимость от султанов Занзибара. Северное же побережье Сомали в XIX в. находилось в номинальной зависимости от вассала Турции — Египта.

С открытием Суэцкого канала резко возросло значение Сомалийского полуострова, который оказался расположенным на важнейших морских торговых путях. Еще в 1862 г. капитан Флерио де Лангле, по поручению французского правительства, заключил с одним из вождей данакиль договор о «покупке» порта Обок. В 1883 г. Обок был занят французами. Вслед за этим в течение четырех лет Франция вынудила отдельных сомалийских султанов признать французский протекторат. Таким путем Франция захватила все побережье Таджурского залива. В 1896 г. приобретенные Францией территории были объединены в одну колонию «Французский Берег Сомали».

Столь же поспешно действовала Англия. В 1884—1886 гг. она заключила ряд договоров с вождями сомалийцев о признании ими английского протектората. Тогда же Англией были заняты важные порты: Зейла, Бербера и Булхар. 20 июля 1887 г. Англия известила другие страны об установлении британского протектората на Сомалийском берегу от Джубы до Бендер-Зиада.

Одновременно с Англией и Францией в дележе Сомалийского полуострова приняла активное участие Италия. Итальянский консул на о. Занзибар В. Филонарди навязал в 1889 и 1905 гг. султанам Оббии, Миджуртини и Ногал итальянский протекторат. В 1892 г. султан Занзибара представил Италии в аренду сроком на 50 лет порты Бенадира, а в 1905 г. за денежное вознаграждение совсем отказался от своих прав на эти порты. Владения Италии на Сомалийском берегу в 1908 г. были объединены в колонию «Итальянская Сомалия». В 1924 г. Англия за участие Италии на стороне Антанты в первой мировой империалистической войне уступила Италии Джубаленд с г. Кисимайо.

Сомалийцы всегда испытывали острый недостаток в пахотных землях. С установлением итальянского господства усугубилось и без того бедственное положение крестьянства, создался земельный голод даже в тех районах, где его раньше не было. Итальянские империалисты захватили в свои руки все лучшие земли. Один только герцог Абруццкий, основавший «Итало-сомалийское сельскохозяйственное общество», получил во владение 25 тыс. га хорошей пахотной земли. На землях, отобранных у сомалийцев, итальянские компании создали плантации бананов, хлопка, сизаля, сахарного тростника, земляных орехов и кукурузы, а обезземеленных крестьян превратили в плантационных рабов. Итальянские империалисты широко применяли принудительный труд сомалийцев на различных работах. Чтобы заполучить дешевую рабочую силу, итальянские колонизаторы отправляли в отдаленные районы страны карательные экспедиции. Вооруженные банды нападали на мирные деревушки и под конвоем уводили мужчин, женщин и детей. Условия труда этих колониальных рабов были крайне тяжелые. За малейшую провинность и непослушание надсмотрщики били их кнутом из гиппо-

потамовой кожи, за вторичную провинность подвешивали за руки на несколько часов к деревянной виселице¹³.

Свободолюбивые и смелые сомалийцы сразу же после установления колониального режима поднялись на борьбу с империалистами. В 1899 г. эта борьба приняла организованные формы. Во главе национально-освободительного движения сомалийцев встал мулла Хааджи Мохаммед бин Абдуллах Хассан, объявивший себя «махди». Это движение, принявшее религиозную окраску и продолжавшееся более 20 лет, охватило различные слои сомалийского общества. Английские и итальянские колониальные власти посыпали против борющихся сомалийцев войска, карательные экспедиции, натравливали одни племена на другие, старались различными интригами дискредитировать личность «махди». У колонизаторов не было для Хааджи Мохаммеда иного имени, кроме прозвища «Бешеный мулла». Движение не только не прекращалось, но с каждым годом усиливалось, так что в 1910 г. англичане были вынуждены временно эвакуировать свои войска из внутренних областей в прибрежные районы.

Деятельность Хааджи Мохаммеда не ограничивалась отдельными военными выступлениями против колонизаторов. Он и его помощники поставили перед собой задачу сплотить сомалийский народ, ликвидировать межплеменные распри. Хааджи Мохаммеду и его помощникам удалось создать военную организацию, выстроить на юге и юго-востоке Британского Сомали — в Телехе, Медише и других местах — ряд крепостей. Хааджи Мохаммед всячески способствовал развитию земледелия среди сомалийцев. При нем начало создаваться централизованное сомалийское государство.

В 1920 г. английские власти двинули против повстанцев значительные сухопутные и военно-воздушные силы. Крепости в Медише и Телехе были подвергнуты сильнейшей бомбардировке. Хааджи Мохаммед был вынужден бежать в Эфиопию, где вскоре умер. Крепость в Телехе была взорвана английскими военными инженерами, но в 1947 г. колониальные власти по настоятельному требованию национальных организаций сомалийцев были вынуждены объявить остатки этой крепости национальным памятником. Сомалийцы глубоко чтут Хааджи Мохаммеда за его стойкое сопротивление колонизаторам, за его любовь к своему народу и вославляют его как национального героя.

Во время второй мировой войны сомалийцы вместе с народами Эфиопии и другими народами Восточной Африки мужественно сражались против итальянских агрессоров.

После окончания второй мировой войны, в результате поражения Италии, встал вопрос о судьбе бывших итальянских колоний, в том числе об Итальянском Сомали. В ноябре 1949 г. на четвертой сессии Генеральной ассамблеи ООН была установлена международная опека над Сомалией сроком на десять лет с тем, чтобы в 1960 г. предоставить ей независимость. Однако, вопреки логике, опекуном была назначена та же империалистическая Италия. Сомалийцы, десятилетия страдавшие под гнетом итальянских фашистов, протестовали против опеки Италии, но решение осталось в силе.

С установлением в 1950 г. международной опеки над Сомалией, с расширением политических прав сомалийцев, экономическое положение Сомалии, особенно в последние два-три года, несколько улучшилось. Созданное в 1956 г. сомалийское правительство проводит мероприятия, способствующие развитию земледелия и скотоводства: построены новые колодцы, водоемы, оросительные каналы, несколько улучшена ветеринарная служба. Всячески поощряется деятельность различных сельскохозяйственных кооперативов, особенно так называемых объединений ир-

¹³ S. Sylvia Pankhurst, Ex-Italian Somaliland, London, 1951, стр. 139.

ригаторов. Это — объединения мелких землевладельцев, совместно выполняющих только ирригационные работы. Однако средств для преобразования народного хозяйства Сомалии не хватает: значительная часть всех расходуемых средств (доходов государства и дотаций от итальянского правительства) идет на содержание государственного аппарата и полиции.

В течение всего периода колониального господства над Сомали полуостров был важен для английских, французских и итальянских колонизаторов главным образом своим стратегическим положением на мировых торговых путях. Поэтому империалисты вкладывали средства преимущественно в строительство портов. Очень мало сделали колонизаторы для развития индустрии. Сомали и поныне остается сугубо аграрной страной. В экспорте основное место продолжают занимать продукты сельского хозяйства. Так, в экспорте подопечной территории Сомалии на первом месте стоят бананы, выращиваемые преимущественно на итальянских плантациях (58,6% всего экспорта за 1956 г.), на втором — кожи и шкуры, на третьем — хлопок. Из Британского Сомали вывозят преимущественно скот (55% всего экспорта за 1955—1956 гг.), кожи и шкуры (40,1%), из Французского Сомали — кожи, шкуры, соль. Во все три части Сомали ввозят в первую очередь продовольствие, текстиль и горючее.

Недра Сомали еще мало исследованы. По всей территории страны ведутся поиски нефти, пока не увенчавшиеся успехом. В окрестностях г. Бербера обнаружены значительные залежи гипса, но разработка его только начинается. Предполагается наличие железной и оловянной руды, слюды, серы, аметистов, угля. В подопечной Сомалии и Французском Сомали добывают пока только соль, в Британском Сомали — колумбит и бериллий.

Промышленность Сомали еще очень слабо развита. Это главным образом небольшие предприятия обрабатывающей промышленности в Сомали — кожевенный и рыбоконсервный заводы, текстильные и кондитерские фабрики, во Французском Сомали — мясохолодильники, предприятия по производству искусственного льда, кожевенное производство.

* * *

Основное занятие сомалийцев — скотоводство, изредка в сочетании с земледелием. Но если во Французском и Британском Сомали население занимается преимущественно кочевым скотоводством, то в подопечной территории Сомалии положение несколько иное: 28,1% населения занимается земледелием и скотоводством, 19,9% — земледельцы, 42,9% — скотоводы.

На севере разводят главным образом верблюдов, овец, коз, реже — крупный рогатый скот, на юге — также верблюдов, но в большей степени крупный рогатый скот местной породы. Больше всего сомалийцы ценят верблюдов и лошадей. Своей выносливостью верблюду незаменим в пути: мясо и молоко его идут в пищу, из шкуры изготавливают обувь, шкурами покрывают жилища.

Имущественное расслоение среди сомалийских скотоводов весьма значительно, но отсутствие статистических данных не дает возможности определить, как далекошел этот процесс. Большинство сомалийцев имеет не больше 1—2 верблюдов, встречаются семьи, не имеющие одного. Сами сомалийцы считают зажиточными имеющих дюжину верблюдиц, 2—3 верблюдов и значительное количество мелкого рогатого скота. Нередко крупные скотовладельцы дают верблюдов на выпас своим родственникам, под видом родственной помощи, используя их в качестве пастухов.

В северных областях перекочевки совершаются по направлению с се-

вера на юг и обратно, к побережью, на юге — в направлении с запада на восток. Откочевывают обычно целыми деревнями. Впереди идут ребятишки и несколько взрослых со стадом овец и коз. Вслед за ними движутся юноши с верблюдами. Шествие замыкают женщины, ведущие верблюдов, нагруженных вещами. Мужчины, как правило, переходят из одной группы в другую, следя за порядком. Когда приходят на место, снимают с верблюдов свои легкие переносные жилища и устраивают лагерь. Обычно мужчины и юноши с верблюдами и крупным рогатым скотом уходят с утра на пастбища подальше от жилья, женщины же остаются пасти мелкий рогатый скот вблизи жилища, одновременно занимаясь прядением или плетением веревок. Скот доят перед отгоном на пастбище и вечером по возвращении. По издавна сложившемуся обычаяу верблюдиц доят только мужчины, коров — юноши, которым иногда помогают девушки, овец и коз пасут и доят девушки и женщины.

До прихода европейцев сомалийские кочевники, владеющие верблюдами, активно участвовали в караванной торговле.

Основное питание скотоводов составляют молоко и молочные продукты. Мясо едят только по большим праздникам, бедняки же вообще почти не видят мяса. Кочевники широко употребляют в пищу и различные продукты земледелия: кукурузу, просо, бобы. Кочевники сами выращивают в свободное от пастьбы скота время некоторые земледельческие продукты, другие же покупают на деньги, вырученные от продажи молока и молочных продуктов.

Земледелие развито преимущественно на юге Сомали, однако из 8 млн. га пригодной к обработке земли под пашню используется только 400 тыс. га. Повсеместно применяют подсечно-огневую систему земледелия. Обработка почвы производится с помощью мотыги; в Огадене (Эфиопия), а в последние годы и в подопечной территории Сомалии стали применять плуги. Посев производят сразу же после периода дождей. Основные сельскохозяйственные культуры: кукуруза, просо, сладкий картофель, маниок, бобовые, папайя, бананы, сезам, хлопок. В некоторых местностях сеют рис. Оседлые сомалийцы просо сеют дважды: в мае и сентябре, урожай собирают в августе и январе. Едят лепешки из кукурузной и просянной муки, всевозможные каши из кукурузы, бобовых, проса и других зерновых, поджаренные в масле кофейные зерна, пьют кофе.

Вдоль берегов рек и на побережье Аденского залива население занимается рыболовством. Рыбу ловят удочками и сетями. Пойманную рыбу солят, высушивают на солнце и закапывают на один день в горячий песок. На побережье Таджуры ловят жемчуг. До сих пор на севере и северо-востоке Сомали население занимается сбором ароматических смол. Как правило, сбор этот происходит в течение длительного времени, начиная с февраля — марта и до сентябрьских дождей.

Охота в жизни сомалийцев некогда играла очень большую роль, известное значение сохраняет она и сейчас, особенно во время засушливого сезона. Охотятся на газелей, антилоп и других животных. Применяют луки и стрелы, копья, всевозможные силки и капканы.

Довольно высокой ступени развития достигли домашняя промышленность и ремесло. Во многих местностях ремесло уже полностью отделилось от земледелия. Появились корпорации ткачей, кожевников, деревообделочников, резчиков по кости и др. Начался процесс расслоения среди ремесленников, часть которых стала уже использовать наемный труд. Одной из форм наемного труда является ученичество. Родители, отдающие своих детей обучаться какому-нибудь ремеслу, должны преподнести мастеру подарок. Ученик живет и работает у мастера и после окончания срока обучения он в течение длительного времени должен оставаться у мастера и работать на него, чтобы оплатить якобы потраченные на него мастером средства. Если же он хочет стать независимым,

то должен внести определенную плату мастеру, возвратить ему орудия труда и обязательно устроить пиршество.

На всем побережье, особенно на юге Сомали, довольно широкое распространение получило гончарство. Работают на деревянном ножке гончарном круге. Затем глиняная посуда подвергается обжигу. Из дерева вырезывают большие сосуды для воды; орнаментированные тарелки и другие виды утвари. Плетение циновок и водонепроницаемых сосудов распространено главным образом на юге Сомали, а также в диких местах.

Славятся сомалийцы своими тонкими клетчатыми и одноцветными тканями «фута-бенадир», идущими на пошивку национальной женской и мужской одежды. Женский традиционный костюм состоит из длинной и широкой юбки, поверх которой обертывают вокруг корпуса большой кусок ткани, укрепляемый на правом плече. Раньше в деревнях жилих хов и мусульманских священнослужителей (вадаад и др.) можно было отличить по цветным жилетам и чулкам. В настоящее время же ская национальная одежда в городах постепенно сменяется платьем европейского покроя. Мужской костюм состоит из двух кусков ткани, одним обертывают туловище, также наподобие юбки, другой набрасывают на плечи. Когда накидкой служит длинная и широкая ткань, сомалиец красиво драпируется в нее. В городах сомалийцы носят длинные штаны и рубахи, а нередко — полный европейский костюм. Мужчины особенно исповедующие ислам, носят шапочку «кофия», а поверх — чалму. Сомалийцы большей частью носят кожаные сандалии.

Жилище кочевых сомалийцев, естественно, отличается от жилища оседлых. «Аггал», или «гуриги» — разборное жилище кочевников. Это решетчатый овальный каркас, покрытый толстым слоем высушенной травы, поверх которой набрасывают шкуры или циновки. Внутри жилища, по обе стороны от двери, устраивают настилы для спанья. Иногда несколько таких «аггал» располагают по кругу, создавая естественный загон для скота. Иным является «мондулло» — жилище оседлых сомалийцев. Это круглого плана жилище с конической соломенной крышей. Стены представляют собой плетеный каркас, обмазанный глиной. Окно и дымового отверстия нет (очаг расположен у входа и дым выходит через дверь). Легкая перегородка делит жилище на мужскую и женскую половины.

На побережье можно встретить еще один тип жилища. Это «ариши» — четырехугольное жилище с плоской или двускатной крышей. Стены также плетеные, обмазанные глиной. Ариш — типичное жилище горожан, состоит обычно из нескольких помещений: для приема гостей, для спальни, для приготовления пищи, для хранения продуктов.

В городах встречаются и двухэтажные арабского типа дома с минaretами.

Сомалийцы живут небольшими семьями, состоящими, как правило, из мужа, жены и двух-трех детей. Согласно мусульманским обычаям сомалийцы могут иметь до четырех жен, но полигамия среди сомалийцев встречается очень редко, преимущественно у богачей. Если у сомалийца несколько жен, то каждая из них имеет отдельное жилище, небольшое количество мелкого рогатого скота. Брак — патрилокальный. Девушка выходит замуж в возрасте 15—17 лет, юноши женятся 20 лет.

Сомалийцы исповедуют ислам преимущественно шафиитского толка, однако мусульманская обрядность, особенно среди кочевников, сведена до минимума. Отмечают главным образом те мусульманские праздники, которые совпадают с традиционно сложившимися народными праздниками (дважды в год сомалийцы отмечают скотоводческие праздники). До настоящего времени среди сомалийцев еще очень сильны различия доисламские верования (культ природы, предков и др.), а также широ-

бытуют свои, отличные от шариата законы обычного права, называемые «тестур» или «хэр».

Сомалийцы — веселый, жизнерадостный народ, любящий песни и танцы, они создали богатый, красочный фольклор. Речь сомалийцев всегда полна пословицами и поговорками. Народная мудрость ярко выражена в такой замечательной пословице: «Кто оставляет жить в мире других, тот сам живет в мире». В баснях и сказках, где главными героями выступают животные (чаще всего лев, гиена и шакал), метко и точно показано экономическое и социальное неравенство в современном сомалийском обществе.

Очень близка к фольклору современная сомалийская литература, развивающаяся пока преимущественно в форме поэзии. Это касииды — стихотворения, слагаемые в честь пророка и святых, габай и геераар — поэмы исторического и философского содержания. Среди сомалийских писателей и поэтов наибольшей известностью пользуются Хааджи Мухаммед бин-Хассан, оставилший большое количество рукописей, Абдаллах ибн-Юусуф аль-Каланкооли, Абурахмаан аз-Зейла, Абдурахмаан Шейх Нуур, Уваис ибн-Мухаммед аль-Бараави, Мухаммед Абди Макаахиил, Ибраахим Абдаалах Майал, Исмаан Юусуф Кенадиид и, наконец, Мууз Хааджи Исмааиил Галаал — один из наиболее талантливых современных авторов. До последнего времени сомалийская литература создавалась на арабском или сомалийском языке, но на основе арабской графики. Писатели Исмаан Юусуф Кенадиид и Абдурахмаан Шейх Нуур сделали попытку создать новую сомалийскую письменность. Однако ни письменность «исмаания», предложенная Исмааном Юусуф Кенадиид, ни «гадабуурси», изобретенная Абурахманом Шейх Нууром, пока широкого применения не получили.

Велика тяга сомалийцев к знанию, культуре, но, как и повсюду в африканских колониях, возможности получения образования крайне ограничены. Так, в Британском Сомали в 1956—1957 гг. имелись всего 102 начальные школы, из которых правительственные только 22. В начальных школах обучалось 3602 чел. Во Французском Сомали в 17 начальных школах учится 1719 чел. В обеих колониях имеется несколько средних и технических школ и по одному учительскому колледжу. Некоторые улучшения в постановке образования можно наблюдать только в подопечной территории Сомалии, где в 1956—1957 гг. училось 25 тыс. детей и взрослых. В 1954 г. в Сомалии создан Институт юридических, экономических и общественных наук — тем самым заложены основы высшего образования.

До настоящего времени в Сомали преподавание ведется не на сомалийском, а на арабском или одном из европейских языков — итальянском, английском или французском. Это служит препятствием к быстрому овладению знаниями, особенно взрослыми сомалийцами.

Постепенно создается сомалийская интеллигенция, активно участвующая в национально-освободительном движении. Это учителя, писатели, поэты, медицинские работники, служащие колониальной администрации. Молодая сомалийская интеллигенция, являющаяся выражителем растущего национального самосознания, борется против отсталых, тормозящих общественное развитие родоплеменных институтов, в сохранении которых заинтересованы колонизаторы и их социальная опора — вожди племен.

В настоящее время идет довольно интенсивный процесс перемещения населения на территории Сомалийского полуострова, усилился процесс перехода сомалийцев к оседлости, особенно в подопечной территории Сомалии. Происходит сглаживание диалектальных различий, характерных для различных сомалийских племен в прошлом. Родоплеменная структура сохраняется лишь формально, в основном играет роль генеалогическая принадлежность сомалийцев к той или иной группе, ведущей

свое происхождение от общего предка. Формируются классы капиталистического общества. Крупные скотовладельцы, торговцы, разбогатевшие ремесленники составляют складывающийся класс сомалийской буржуазии. Формируется городской и сельский пролетариат — железнодорожники, строительные рабочие, рабочие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственные рабочие на европейских плантациях, наконец, пастухи и батраки.

* * *

Борьба против итальянской оккупации в годы второй мировой войны всколыхнула широкие народные массы сомалийцев. Впервые в истории сомалийского народа были созданы политические организации — «Лига младосомалийцев», «Демократическая партия Сомали» и другие, принимающие активное участие в национально-освободительном движении.

Освободительную борьбу народов бывшей итальянской колонии Сомали возглавляет «Лига младосомалийцев», созданная на основе ранее существовавшего «Клуба сомалийской молодежи». Этот Клуб, организованный еще в 1943 г., преследовал главным образом просветительные цели — добиться образования для сомалийской молодежи и путем разъяснительной работы ликвидировать межплеменные распри. В 1947 г. «Клуб сомалийской молодежи» был переименован в «Лигу младосомалийцев», ставшую ныне ведущей политической партией сомалийцев, объединяющей торговцев, ремесленников и представителей интеллигенции. В программу Лиги входит: установление республики со свободно избираемым демократическим правительством, проведение социальных реформ, ликвидация родоплеменной системы.

Другая партия — «Хизбия дигил мирифле» объединяла сомалийцев, принадлежащих к племенам дигил и мирифле. Классовый состав этой партии несколько отличался от «Лиги младосомалийцев». Среди членов «Хизбия дигил мирифле» преобладали вожди племен, землевладельцы, скотовладельцы, крестьяне и торговцы. «Хизбия дигил мирифле» стояла за создание федеративной республики и за сохранение племенных институтов. «Демократическая партия Сомали» была создана путем объединения ряда политических организаций и групп. Эта партия в основном объединяет представителей городской буржуазии и интеллигенции, ее программа мало отличается от программы Лиги младосомалийцев.

За годы, прошедшие со времени установления международной опеки над Сомалией, сомалийцам удалось добиться значительных политических преобразований в стране. Активная деятельность политических партий, в первую очередь «Лиги младосомалийцев», неоднократные обращения лидеров партий в Совет по опеке при ООН вынудили администрацию ускорить создание в Сомалии выборного законодательного органа и сомалийского правительства.

Выборы в первое Законодательное собрание, во время которых все политические партии объединились в Национальный фронт, состоялись 29 февраля 1956 г. «Лига младосомалийцев» требовала всеобщего, прямого тайного голосования, однако ее требование не было принято управляющей властью, и в голосовании приняли участие только мужчины, достигшие 21 года, причем в городах голосование было прямым, в сельских же местностях — двухступенчатым. Из 70 мест в Законодательном собрании 60 предоставлялось сомалийцам, остальные 10 распределялись следующим образом: арабы и итальянцы получили по 4 места, индийцы и пакистанцы — по 1. Большинство мест завоевала «Лига младосомалийцев» (43 из 60), «Хизбия дигил мирифле» получила 13 мест, «Демократическая партия Сомали» — 3 места, «Союз Меррехан» — 1. Президентом Законодательного собрания был избран Аден Абдуллах

Осман, председатель «Лиги младосомалийцев». Генеральному секретарю Лиги Абдуллахи Иесса Мохаммуду было поручено формирование первого в истории страны сомалийского правительства.

В 1956—1958 гг. функции сомалийского правительства были значительно расширены. В настоящее время управляющая власть занимается главным образом вопросами внешней политики и обороны. В ближайшее время должны быть проведены всеобщие выборы в новое Законодательное собрание, которое призвано выработать конституцию сомалийского государства. В 1958 г. появилось несколько новых партий и группировок, в том числе партия «Великое Сомали» (*Grande Lega Somalia*). Партия «Хизбия дигил мирифле» была переименована в «Хизбия Дестур Мустагил Сомали» (Независимая конституционная партия).

В 1960 г. Сомалия получит статут независимого государства. В связи с этим, естественно, остает вопрос о будущем Французского и Британского Сомали, а также о сомалийцах Эфиопии.

Недруги сомалийского и эфиопского народов приложили немало усилий к тому, чтобы поссорить будущее государство с Эфиопией, создать напряженность в их отношениях. Однако государственные деятели подопечной территории Сомалии и Эфиопии, используя испытанный и единственно разумный метод разрешения споров — метод переговоров, сумели найти приемлемое для обеих сторон решение вопроса. В декабре 1957 г. председатель Законодательного собрания и премьер-министр подопечной территории Сомалии отправились в Аддис-Абебу, где вели переговоры с императором Эфиопии Хайле Селассие I. В совместном коммюнике об итогах переговоров было записано, что оба правительства стремятся к развитию дружественных, братских отношений между Эфиопией и Сомалией и выражают твердую уверенность, что любые спорные вопросы будут разрешаться мирным путем. В коммюнике специально подчеркивается, что обе страны сделают все от них зависящее с целью помешать распространению в пределах их границ пропаганды, враждебной интересам обеих стран, а также попыткам вызвать недоразумения между их народами. Коммюнике заканчивается пожеланием шире развивать экономические и торговые связи между обеими странами¹⁴.

Перспектива образования независимого сомалийского государства вызывает тревогу у французских и английских колонизаторов. Они опасаются, что с появлением независимого сомалийского государства значительно возрастет национально-освободительное движение в Британском и Французском Сомали и в Кении, где сомалийцы все еще живут в условиях колониального режима.

Во французской части Сомали 28 сентября 1958 г. состоялся референдум по новой конституции, предложенной правительством де Голля. Большинство сомалийцев проголосовало за принятие конституции и образование Франко-Африканского Сообщества. Но, как и в других колониях, референдум не был свободным волеизъявлением народа. Французские власти путем обмана и угроз навязали народам выгодное им решение. Территориальная ассамблея Сомали высказалась за сохранение статута «Заморской территории в рамках Французской республики», что фактически означает сохранение колониального режима в новой форме.

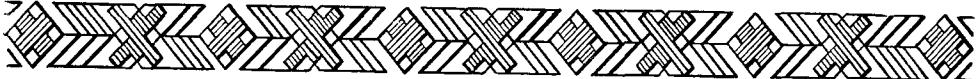
Под давлением сомалийцев вынуждена была пойти на некоторые уступки Англия. В 1957 г. в Британском Сомали был создан давно обещанный Законодательный совет под председательством губернатора. Однако все члены Совета были не избраны, а назначены губернатором. Но в декабре 1958 г. колониальными властями было принято решение о том, чтобы 13 из 34 членов Законодательного совета не назначались, а избирались местным населением.

¹⁴ См. «Менен» (эфиопский журнал на амхарском языке), 9 января 1958 г., Аддис Абеба; «Ethiopia Observer», London — Addis Abeba, 1958, т. II, № 4.

Спекулируя на стремлении сомалийцев к объединению в независимое государство, английские колонизаторы выступили с планом объединения сомалийцев в составе Британского содружества наций. Английская колониалистская печать называет решение ООН о предоставлении Сомали независимости «безрассудным и безответственным», а сомалийцев — еще примитивным, первобытным народом¹⁵. Английские колонизаторы по-прежнему пытаются закрыть сомалийцам дорогу к независимости.

Народы Британского и Французского Сомали с каждым днем усиливют борьбу за освобождение от колониализма. С осуждением колониализма на Конференции солидарности стран Азии и Африки в Каире выступали представители всех трех частей Сомали. На стороне сомалийцев, борющихся за свободу и независимость, симпатии прогрессивных сил во всем мире. Представители сомалийцев приняли активное участие в конференции народов Африки, состоявшейся 5—13 декабря 1958 г. в Аккре и прошедшей под лозунгом: «Империалисты, вон из Африки! Африка должна быть свободна!»

¹⁵ См. «East Africa and Rhodesia», 2 января 1958, стр. 570.

С О О Б Щ Е Н И Я

К. В. ВЯТКИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Археологические материалы, о которых идет речь в настоящем сообщении, собраны в 1948—1949 гг. этнографическим отрядом историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР, возглавляемой чл.-корр. АН СССР С. В. Киселевым. Наряду со сбором этнографических материалов отряд имел задание произвести фиксацию археологических памятников, встречавшихся по пути его следования. В 1948 г. отряд провел работу в западной части Республики, пройдя на автомашине по маршруту: Улан-Батор — Эрдени-цзу — Цэцэрлэг — Цаган-олом — Кобдо — Улан-гом и оттуда по южной окраине оз. Убса-нор через Турун сомон и далес Сонгин сомон выехал к г. Улясуату. Из Улясуатая, выйдя на Цаган-олом, отряд замкнул свой круг и вернулся в Улан-Батор по старому маршруту. В 1949 г. отряд вел работу в восточной части МНР, пройдя из Улан-Батора в Мёнгё-морито сомон, откуда вышел в направлении на г. Ундуру-хан. Проведя далее работу в районах Кентея и бассейна р. Онона, отряд взял направление на г. Чойбалсан, отсюда им были совершены выезды на левый берег р. Керулены; далее отряд вел работу на правом берегу этой реки и спустился на юг до Гал-шарын сомона, откуда вернулся через Ундуру-хан в Улан-Батор. За это время отряд проделал свыше 10 тыс. км. В составе его под руководством автора настоящей статьи работали студенты Монгольского государственного университета имени Чойбалсана и сотрудница Комитета наук Г. Б. Багаева.

Археологические памятники, находящиеся на территории МНР, издавна привлекали внимание исследователей. Как известно, открытие в 1889 г. Н. М. Ядринцевым развалин древней монгольской столицы Кара-Корум (Хара-Хорин) и одновременное открытие им же на Орхоне рунических надписей повлекли за собой организацию в 1890 г. финляндской экспедиции под руководством Гейкеля, а в 1891 г.—специальной экспедиции Академии наук во главе с тюркологом акад. В. В. Радловым. Однако после этого вплоть до установления народной власти в Монголии (1921) планомерной разведки и раскопок археологических памятников на территории МНР не велось.

Раскопки могильников гуннской знати в горах Ноин-ула, произведенные в 1924 г. советской экспедицией, возглавляемой П. К. Козловым, привлекли внимание ученых к истории населения монгольской территории. В 1925 г. специальной экспедицией Академии наук была обследована долина р. Толы. В 1948 г. были начаты раскопки Хара-Хорина С. В. Киселевым.

Собранные нами в порядке разведки археологические материалы представляют несомненный интерес, так как некоторые из них обнаружены впервые. К ним следует отнести прежде всего руническую надпись, являющуюся пока единственной, найденной в восточной части Монгольской Народной Республики в районе Кентея. Нахodka этой надписи как древнего исторического памятника представляет большой интерес¹.

Напомним, что упомянутые выше орхонские рунические надписи после открытия их Ядринцевым и изучения русской и финляндской экспедициями получили точную лингвистическую расшифровку и стали важнейшим источником для изучения древнего тюркского общества VI—VIII вв.².

¹ Попытку расшифровки этой надписи см. выше в статье китайского ученого Фэн Цзя-шэна.

² См. работы: Н. М. Ядринцев, Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г., Сб. Трудов Орхонской экспедиции, V, СПб., 1901; В. В. Радлов, Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологических исследований бассейна реки Орхона, Сб. Трудов Орхонской экспедиции, I, СПб., 1892; его-

В литературе о тюркских памятниках на территории МНР нет описаний рунических надписей, встречающихся на востоке далее меридиана Улан-Батора (точнее Налайхи, где находится хорошо известный памятник Тоньюкука; нет также исследований и другого рода памятников тюркского времени этих районов — «каменных баб», «киргисюров» (каменных насыпей) и др., которые вместе с руническими надписями составляют связанный комплекс исторических документов тюркского времени. Только сотрудник Комитета наук МНР А. А. Амстердамской удалось, по ее устному сообщению, в 1927 г. зафиксировать две каменные статуи в районе верхнего течения р. Керулена³, а Б. Я. Владимировым был обнаружен в 1925 г. тюркский могильник с каменной бабой близ Налайхи, в местности Байн даванэ аман⁴.

Нашему отряду, наряду с рунической надписью, удалось найти несколько каменных изваяний, большое количество киргисюров, в некоторых случаях — обнаружить длинные ряды балбал⁵, идущих от разрушенных мест погребений, а также зафиксировать в местности Табан толой Кентейского аймака хорошо сохранившийся тюркский саркофаг, сходный по своей форме и орнаменту с саркофагом, стоящим на месте памятника Тоньюкука. Все эти добывшие нами материалы — очевидное доказательство распространения тюркских памятников далеко на восток от Улан-Батора.

Из числа не зафиксированных до сих пор памятников Восточной Монголии следует указать целый ряд памятников более ранних периодов, относящихся к первым векам нашей и до нашей эры. Среди них впервые было зарегистрировано нами гунское городище, а также найдены в большом количестве плиточные могилы, сопровождаемые хорошо сохранившимися «оленными камнями»⁶. По нашим, хотя и ограниченным, наблюдениям мы все же можем сказать, что западной границей распространения «оленых камней» является центральная часть республики (точнее — район Хангая).

К первым векам мы склонны отнести и так называемый «вал Чингис-хана», который нам удалось пересечь в разных местах, о чем подробно скажем ниже. Кроме перечисленных, мы зафиксировали в восточных районах, также впервые, еще ряд интересных памятников.

Перейдем к описанию встреченных нами археологических памятников, располагающихся в порядке следования отряда по указанному выше маршруту.

* * *

Чаще всего нам встречались плиточные могилы, каменные курганы и небольшие каменные насыпи, за которыми мы, как и Г. И. Боровко, исследовавший в 1925 г. среднее течение р. Толы⁷, сохраняют название «керексю», «киргисю». Плиточные могилы обычно бывают окружены оградками из поставленных на ребро массивных каменных плит. Курганы представляют собой огромной величины каменные насыпи, окруженные в один или несколько рядов каменными выкладками. В отличие от курганов киргисюри имеют каменные насыпи меньшей величины, иногда совсем малозаметные, и они в большинстве случаев также обрамлены в виде круга или квадрата каменными выкладками. Иногда кругов бывает несколько, и они имеют много вариантов в сочетании с неполными кругами. Все эти памятники у монголов известны под названием «киргис-ур» (киргизские могилы), что, однако, в записях старых русских путешественников было передано термином «киргисю», который в дальнейшем и укоренился в русской литературе. В восточных районах республики среди халха-монголов был распространен термин «булш» (могила, курган). Могильные столбы и каменные изваяния, врытые у каменных оградок, монголы называют «хорошо чулун».

Первая фиксация памятников (киргисюров и плиточных могил) была сделана нами близ курорта Худжирте Убурхангайского аймака. Не будем останавливаться по-

же, Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии, вып. 1—4, СПб. 1892—1899; Д. Клеменц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г., Сб. Трудов Орхонской экспедиции, II, СПб., 1895; П. М. Мелиоранский Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, «Журнал министерства народного просвещения», ч. 317, 1898, июнь, отд. 2, стр. 263—292; его же, Памятник в честь Кюль-Тегина, СПб., 1899; «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise, 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne», Helsingfors, 1892; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; А. Бернштам, Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л. 1946, и др.

³ См. В. А. Казакевич, Намогильные статуи в Дарнинганге, Л., 1930, стр. 21.

⁴ См. Б. Я. Вадимиров, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Угипском и Кентейском районе, «Северная Монголия», II, Л., 1927, стр. 38—41.

⁵ Балбал — древнетюркский термин, означавший статую убитого выдающегося врага или камни, врытые в землю в направлении на восток от поминальных оград и обозначавшие число убитых рядовых воинов.

⁶ Олениные камни — стилизованные изображения оленей, высеченные на стоячих каменных плитах; датируются серединой и концом I тысячелетия до н. э.

⁷ См. Г. И. Боровко, Археологическое обследование среднего течения р. Толы «Северная Монголия», II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927.

дробно на этой группе памятников, так как здесь велись в дальнейшем раскопки С. В. Киселевым и Л. А. Евтуховой и подробная характеристика их дана в материалах археологического отряда данной экспедиции⁸. Следует лишь отметить, что нами здесь была подмечена одна из особенностей расположения киргисюров, а нередко и плиточных могил,—у подножия наиболее почитаемых гор. На эту особенность в свое время обратил внимание Г. Н. Потанин⁹; подтверждение этому мы находили всюду при посещении как западной, так и восточной части МНР. При этом наибольшее число подобных памятников можно было наблюдать у подножия гор, окружающих озерную котловину или речную долину. Все это наводит на мысль о связи этого рода памятников с культом гор.

В Худжирте большое число киргисюров располагается у подножия горы Шонхолой, которая до сих пор почитается населением. На расстоянии 2 км от горы находится курорт Худжирте, сернистые источники которого обладают большой целебной силой. Открытие этих источников народные легенды связывают с охотником Шонхолоем, именем которого называется и данная гора. На ней Шонхолой охотился за священной антилопой (гёрбэс), которой простирил ногу. Вскоре охотник увидел, что животное направилось к горячему источнику, где залечило свою ногу. Шонхолой был хром, он направился к тому же источнику и тоже вылечил ногу.

Как мы могли видеть, на вершине горы находилось обо¹⁰, на котором лежали черепа архара и лошади. Здесь же находились хадаки¹¹ и несколько деревянных костей (некоторые больные, излечившиеся на курорте, возвращаются на Шонхолой и оставляют свои кости на обо). На расстоянии примерно полутора километров от горы Шонхолой, против курорта, находятся небольшие выветренные гранитные скалы, на которых нами обнаружены изображения животных. Среди них отчетливо выступают изображения пяти фигур горных козлов (рис. 1). Они нанесены на южной стороне небольшой скалы на высоте не более 2 м от земли; рядом на почти горизонтально лежащей плите найдено еще одно изображение козла. Все фигуры выбиты сплошь на глубине 1 мм. У местного населения эта скала носит название «Техин герь» (Жилище козла).

Далее по пути следования к Кобдо большое число киргисюров и плиточных могил отмечено нами за г. Цэцэрэгом в долине р. Тамир — притока Орхона, где они также расположены у подножия гор. Совершив от Тамира тяжелый путь среди моренных отложений по берегу р. Чолуту и преодолев высокий перевал Эггин-дава, мы снова стали встречать огромное количество киргисюров и плиточных могил, которые перестали попадаться лишь за Баян-хонгор сомоном, где путь пролегал по безводной холмистой равнине до населенного пункта Цаган-олом, расположенного на скрещении дорог на г. Кобдо и г. Улясутай.

Выходя на Кобдоский тракт за Цаган-оломом, мы еще отмечали киргисюры и плиточные могилы, однако далее за перевалом Улан-дава археологические памятники не были нами встречены. Путь пролегал по безлюдным местам, пересекая степи, перемежающиеся сыпучими песками. У подножия Алтайского хребта и берега оз. Харасуя дорога была усыпана галькой и щебнем, и до самого г. Кобдо нами не было отмечено ни одного памятника.

За Кобдо по дороге на Улан-гом мы снова стали встречать большое количество плиточных могил и киргисюров. Особенно поражало обилие их у самого г. Улан-гома, расположенного на расстоянии 1 км к северу от горы, покрытой красноватыми гранитными скалами. Вокруг горы, у самого ее подножия в большом количестве располагаются плиточные могилы. Такое расположение нас уже более не удивляло, так как оно еще раз подтверждало наши наблюдения о древних традициях, связывающих археологические памятники с почитаемыми горами.

В годы пребывания здесь ранее русских исследователей (Потанина, Позднеева, Адрианова, Владимирикова) на месте нынешнего города находился большой монастырь, возле которого располагались помещения дербетского князя. Эта местность и районы, прилегающие к оз. Убса-нор, в XVII в. были владениями Алтын-ханов, хорошо известных в русской истории. Через ставку Алтын-хана и горы Хан-хухэй отважные русские путешественники Василий Тюменец и Иван Петлин направлялись в северо-западную часть Монголии, а последний и далее — в Пекин. Очевидно, район Улан-гома в различные исторические периоды играл существенную роль для его населения. Можно думать, что и описанные нами могильники были связаны с исторически важным местом.

Направляясь на восток, мы между госхозом Турун и Турун сомоном на берегу р. Турун в 7 км от госхоза впервые на нашем пути нашли стоящее перед четырехугольной каменной оградкой каменное изваяние высотой около 1,2 м, с овальной го-

⁸ См. Л. А. Евтухова, О племенах центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов), «Сов. археология», 1957, № 2.

⁹ См. Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, СПб., 1881—1883, вып. II, стр. 48.

¹⁰ Обо — каменная насыпь на вершине горы или сопки, являющаяся местом поклонения духам.

¹¹ Хадаки — дарственные узкие платки из тончайшего шелка голубого, белого или желтого цвета, подносимые почетным лицам в знак уважения; хадаками также украшаются изображения будд и развешиваются в местах поклонения духам.

ловой и слабыми рельефными очертаниями лица, ориентированного на восток (рис. 2). От изваяния к востоку отходит несколько камней. Рядом с первой оградкой на южной стороне находится вторая, не имеющая изваяния. На расстоянии 100 м от оградок находится группа киргисюров.

Рис. 1. Наскальные изображения в Худжирт сомоне

Рис. 2. Каменное изваяние перед четырехугольной каменной оградкой. Убсанорский аймак, берег р. Турун

Перевалив горы Хан-хухэй, мы снова встретили киргисюры и оградки с изваяниями. В уроцище Цайдам, у подножия горы Хухэ нам попались две оградки с каменными изваяниями (рис. 3). Первое из них вытесано из плоской плиты высотой около 70 см, голова его овальная, глаза, рот и брови сделаны прорезью, нос рельефный. Изваяние находится у восточной стенки оградки, близ северо-восточного угла ее. К севе-

ру от первой оградки находится вторая с изваянием высотой также около 70 см; черты лица его выполнены прорезью, нос прямой, усы слегка опущены вниз, рука согнута в локте. Оба изваяния ориентированы лицом на восток.

К юго-западу оттуда на расстоянии примерно полукилометра находится каменный курган, вокруг которого выложена круглая ограда. К югу от него идут три киргисюра.

Между Банигол сомоном и Сонгин сомоном, в 10 км от последнего, обнаружены три четырехугольные каменные оградки с изваяниями, ориентированными лицом также на восток (рис. 4 а—в). Первое изваяние (а), находящееся у восточной стенки, достигает высоты 1 м. Оно вытесано из плоской плиты с округлыми боками, подбородок заострен, глаза, нос и усы сделаны рельефом путем углубления фона вокруг них. Второе изваяние (б) находится у восточной стенки соседней оградки, высота его около 80 см; черты лица, подобно первой фигуре, сделаны рельефом путем углубления фона, подбородок заострен; голова по своим размерам значительно превышает туловище. Изваяние, стоящее у третьей оградки (в), имеет 60 см высоты, изображение лица неясно.

Рис. 3. Каменное изваяние у урочища Цайдам

На восток от оградок отходит вереница каменных плит, врытых одним концом в землю.

На расстоянии около 100 м к северо-востоку от описанных памятников находится еще одна оградка, у восточной стенки которой стоит изваяние, высеченное из плоской плиты. Высота его 80 см, глаза, нос, рот и усы сделаны путем выборки фона. Так же сделаны руки, держащие на уровне груди шаровидный сосуд. К западу от этой оградки находится небольшой каменный курганчик.

В местности Улан-хада, близ Сонгин сомона, нами отмечены еще три изваяния, стоящие у каменных оградок.

В 52 км от Сонгин сомона, близ Намрыг сомона, в местности Цоргоингол в степи находится огромный каменный курган, имеющий удлиненную форму (рис. 5). Середина его частично разобрана. На вершине топографами выложена небольшая пирамидка, служившая, очевидно, для целей съемки. Высота кургана 3 м, окружность 150 м. Вокруг кургана идет кольцо каменной выкладки. На расстоянии 120 м на юго-запад от большого кургана находятся два небольших киргисюра.

На берегу р. Цоргоингол обнаружены две четырехугольные оградки; у одной из них близ северо-восточного угла находится каменное изваяние, вытесанное из плоского камня. Черты лица неясны.

В 45 км от г. Улясутая при слиянии речек Загастай и Теменый сюль нами отмечен сленный камень (рис. 6). До тех пор в районах западной Монголии оленные камни нам не попадались; можно предполагать, что район Хангая был тем рубежом, до которого они доходили.

На всем пути до г. Улясутая, пролегавшем главным образом по берегу р. Загастай, мы могли видеть большое количество плиточных могил, особенно по правому берегу, у подножия гор. Эти памятники, к сожалению, мы могли наблюдать только издали, так как перебраться через речку не представлялось возможным. Из Улясутая мы проехали по тракту на Цаган-олом, где по дороге нами были отмечены многочислен-

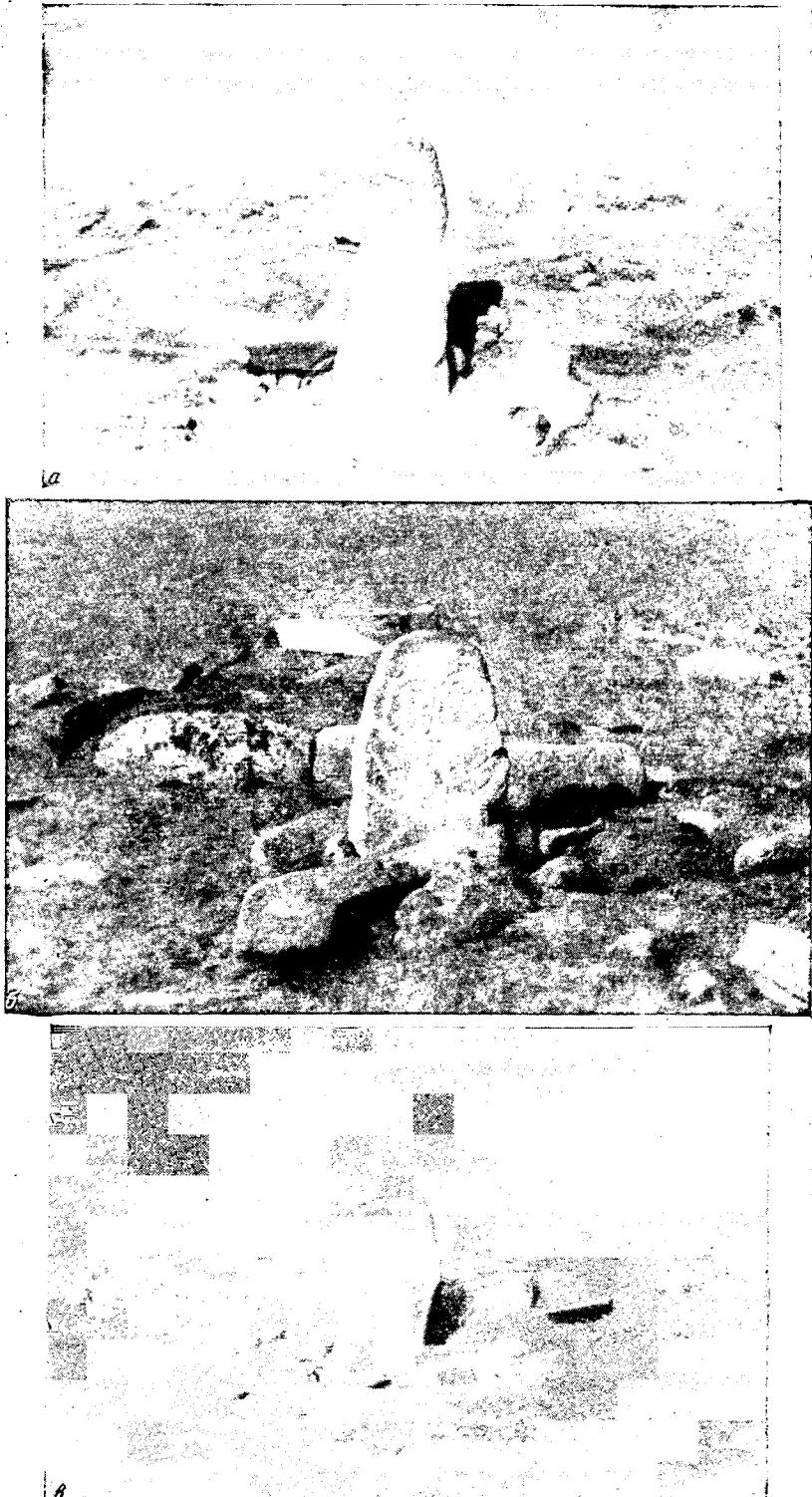

Рис. 4. Каменные изваяния в местности между Байнгол сомоном и Сонгин сомоном

кие киргисюры. Из Цаган-олома мы вышли на дорогу, упомянутую в начале статьи, и по ней вернулись в Улан-Батор.

В 1949 г. наша работа, как сказано, протекала в восточной части МНР. Направляясь из Улан-Батора в район Мёнгё-морито сомона, мы в местности Хуца увидели киргисюры и большую группу плиточных могил, расположенных на склоне горы. Далее, в районе Мёнгё-морито сомона, нами было впервые на территории Монголии обнаружено гуннское городище. Оно находится в 32 км от сомонного центра, на левом

Рис. 5. Каменный курган в местности Цоргоингол близ Намрыг сомона

Рис. 6. Олений камень, местность Улан-Эриг

берегу р. Терельжин-гол, в широкой долине, окаймленной лесистыми горами. Монголы называют это место Терельжин-Дюрбольжин. В далеком прошлом, по разъяснению нашего проводника Санжи, бывшего шамана, Терельжин называли Турген.

В 1925 г. городище посетил акад. Б. Я. Владимицов, который назвал его городом Хасара, но, к сожалению, ничего не написал о нем в своих отчетах. Можно думать, что основанием для такого наименования послужила легенда, в которой это место связывается с пребыванием там Хасара, брата Чингис-хана. В легенде Терельжин-Дюрбольжин называют «харальчи харэмгин балгас» — город (развалины) черной стауки (колдуны).

Городище окружено квадратным валом, каждая сторона которого равна 200 м. На каждой стороне вала имеются посередине перерывы. Внутри вала хорошо замечены четыре высоких холма-кургана. На одном из них прорыта Б. Я. Владимирцовым траншея в 0,5 м глубины. Подъемный материал — керамика, взятый нами из траншеи, также с поверхности других курганов и с холмиков, образованных землей, выброшенной тарбаганами из нор, сходен с гуннской керамикой из кургана из Нанитэ-Су, опубликованной Г. И. Боровко и датируемой I в. н. э.¹². На черепках имеется орнамент в виде врезанной волнистой линии (рис. 7).

Из Мёнгё-морито сомона мы перенесли нашу работу в Ценкер-мандал сомон Кейтского аймака. У самого сомона нами отмечены две плиточные могилы и длинные грядки балбалов, однако у начала их ничего не обнаружено.

В 25 км от сомона в местности Шивеный узур на вершине горы найден огромный курган под названием «шивеный булш», или «шулмын киргисюр». Окружность кургана около 130 м. До сих пор мы привыкли находить на вершине горы обозначение кургана было отмечено нами впервые. Следует подчеркнуть, что «шиве» — древ-

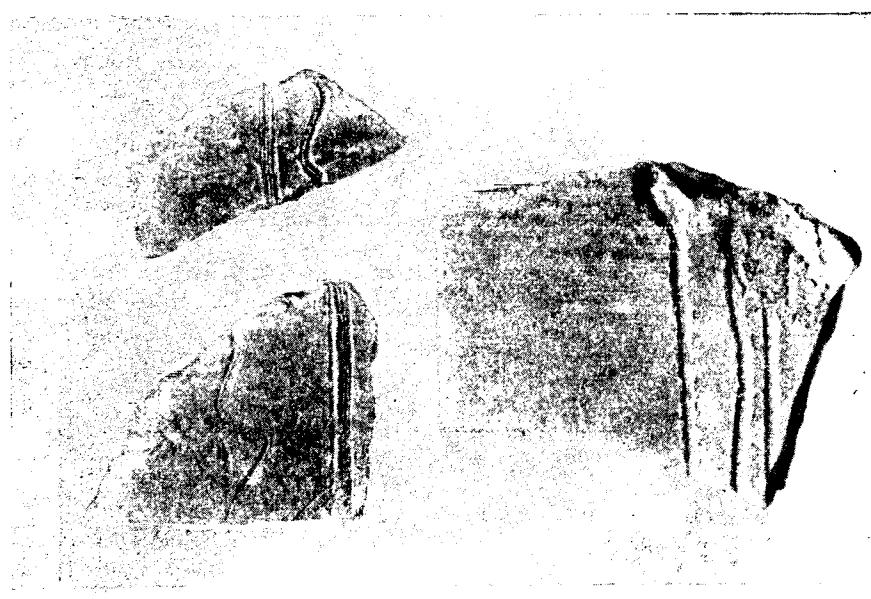

Рис. 7. Образцы керамики с гуннского городища

племенное наименование — сохраняется здесь в названии горы с курганом. В монгольском письменном языке оно звучит — «шибе», что означает «укрепление», «убежище», «крепость». Сохранение этого термина в современной топонимике говорит о том, что некогда в этих районах племени шиве или шивейцев — тунгусов¹³, которые по историческим данным, занимали восточную часть территории Халхи¹⁴. С термином «шиве» нам пришлось встретиться и в другом районе Кентея, о чем скажем ниже.

Спустившись с горы, мы попали в местность Наран, расположенную неподалеку от оз. Нуухунбурде, где нашли оленные камни около воронкообразной ямы окружностью 25 м. Один из оленных камней, разбитый на две части, находился на краю воронки. Одна часть, высотой 1 м, имела с двух сторон изображения оленей, вторая часть высотой 78 см, лежала рядом, на ней отчетливо выступал пояс из двух волнистых линий, над которыми были изображены олень и скифский кинжалчик. На дне воронки находились разбитые оленные камни. Можно думать, что они были намеренно свалены в яму. Не раз нам приходилось слышать, что местное население из северного страна перед непонятными памятниками иногда сбрасывает их в ямы. Возможно, что и здесь имел место подобный случай.

Несколько дальше, примерно на расстоянии полукилометра к востоку от оленных

¹² См. Г. И. Боровко, Указ. работа.

¹³ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 307.

¹⁴ Там же, стр. 378.

камней, мы, по указанию местного жителя, нашли каменное изваяние, также сброшенное в воронкообразную яму. Высота его 1,5 м, ширина в плечах 40 см. Вытянув изваяние с помощью автомашины из ямы, мы смогли его зарисовать и сфотографировать (рис. 8). Эта находка служит убедительным подтверждением распространения каменных изваяний, или каменных баб, не только на западе МНР, но и в районах Кентея, что до сих пор оставалось неясным и порой спорным.

В Ценкер-мандал сомоне нам удалось обнаружить еще ряд памятников, среди которых большого внимания заслуживает надпись на скале, сделанная runическими знаками. Местонахождение этой скалы носит название «Баян модныин бургастайн бичтей хад». Она находится в 14 км от сомона и 5 км от копей № 4. Здесь в логу на вертикально стоящей плоской гранитной поверхности скалы (точнее — глыбы), окруженной большим количеством других глыб, и высечена надпись. Нами был снят эстампаж, сделаны фото- и киносъемки. Надпись обращена на юго-восток и состоит из двух строк и тамги (см. выше, в статье проф. Фэн Цзя-шэна). Последняя представляет собой круг с точкой посередине, от которого идет длинная черта, загнутая на конце. Строки на скале идут вертикально, так что круглая тамга располагается внизу. На верхнем конце буквы немножко стерты. В прежнее время, по словам проводника, сюда приходили ламы и пытались стереть надпись.

Из сомонного центра мы переехали на левый берег Керулена, где в местности Мухур-гутайн-хошу против Мёнгё-морита сомона на вершине холма нами была обнаружена площадка, на которой стоят два оленных камня, возле восточного камня находится еще один, меньшего размера и без изображений. Оленные камни лицевой стороной обращены на юг. К северу от них на расстоянии 27 м находится каменный столб, который, по всем признакам, стоит на плиточной могиле. Последняя, по разъяснению местных жителей, была разрушена зимой какими-то неизвестными людьми, искавшими, по-видимому, ценности в виде золотых вещей и кладов. На площадке сохранились следы пребывания в виде костищ и беспорядочно разбросанных камней и земли.

В долине к югу от указанных памятников на расстоянии примерно 2 км находится большое количество киргисюров.

На противоположной стороне Керулена мы могли видеть два очень больших каменных кургана, приблизиться к которым у нас не было возможности.

В местности Ноныж-Юдаг нам встретился большой каменный курган, 78 м в основании и около 2 м высотой! Курган окружен каменной выкладкой, прерывающейся двумя небольшими киргисюрами. На расстоянии 2 км от него, вверх по логу расположен еще один курган, основание которого равно 61 м, высота 2 м, окружность оградки 135 м. С восточной стороны между курганом и оградкой идет в две параллельные линии выкладка камней.

Пробираясь по тропам в Кентей сомон, мы в 50—60 км от него, в местности Табан-тоголой, у подножия горы Баян-хан в широкой зеленеющей долине неожиданно обнаружили тюркский саркофаг, состоящий из четырех каменных плит (рис. 9).

Всякий более или менее заметный памятник монголы в этих местах окутывают легендарными сказаниями и связывают с именем Чингис-хана. Данный памятник они считают подставкой для котла, в котором приготовляли пищу для Чингиса во время его охоты в этой местности.

Плиты саркофага, поставленные на ребро, образуют почти квадратный ящик. Южная и западная плиты имеют одинаковый орнамент, северная и восточная не орнаментированы. По своей форме и орнаменту этот саркофаг сходен с тем, который находится рядом со стелами Тоньюкука близ Налайхи. Вокруг саркофага отчетливо выступают края ямы, поросшие травой, причем растительность, идущая по краю ямы, заметно отличается по своему оттенку от окружающей.

К востоку от саркофага на расстоянии примерно одного километра находятся небольшой киргисюр и олений камень, рядом стоят плиты без изображений.

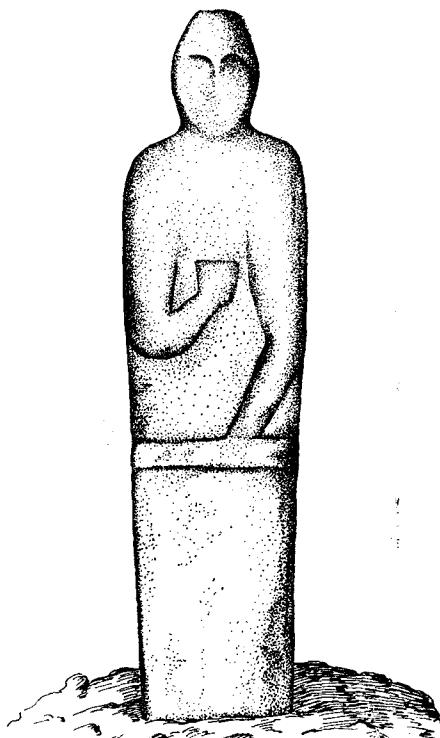

Рис. 8. Каменное изваяние в местности Нараан, Кентейский аймак

Доехав до Кентей сомона, мы получили сведения о группе могильников с оленями камнями, после чего не замедлили к ним отправиться. Могильники находятся в местности Дундах в 1-м баге¹⁵, на расстоянии примерно 30 км на северо-запад Кентей сомона (на прилагаемой схеме, рис. 10, обозначено их расположение). На ней из плит (рис. 11 а) в верхней части высечено лицо, ниже идут изображения оленей (на всех плитах изображения оленей находятся на южной стороне); на некоторых плитах (рис. 11 б, в) в верхней части имеется изображение круга и ниже — оленей. остальных плитах изображений нет.

На расстоянии 300 м к северо-западу имеются еще два могильника с высокими плитами; на одной из них (упавшей) заметны следы изображения оленя. Далее к паду на расстоянии около 0,5 км от второй группы могильников находится большой курган, на вершине сильно разрытый и поросший травой. От четырех углов кургана идут полосы каменных выкладок, образуя как бы четыре луча. Рядом с курганом с северо-западной стороны находятся две плиточные могилы, далее на расстоянии около 50 м — еще два могильника.

Рис. 9. Тюркский саркофаг в местности Табан-толой, Кентейский аймак

Направляясь из Кентей сомона в Биндер сомон, мы обнаружили ряд других археологических памятников. Прежде всего следует отметить находки неолитического времени на горе Биндер-ула, широко почитаемой населением. По существу это не очень высокая терраса, возвышающаяся над заболоченной, местами солончаковой равниной. На ее вершине, как и всякой другой почитаемой горы, находится оби. У подножия горы встречаются киргисюры и плиточные могилы. При подъеме на гору и около самого оби мы собирали на поверхности кремневые скребочки, нуклеусы и отщепы с характерным раковистым изломом. Из осторожности мы их отнесли к раннему неолиту, хотя не исключено возможности, что при детальном исследовании они смогут быть отнесены к палеолиту.

Несколько выше оби на невысоких скалах находятся высеченные рисунки, во многих случаях сильно стертые. На первой скале отчетливо выступает изображение козла и круга с двумя линиями. Возле козла высечены две непонятные фигуры. Изображения нанесены легкой выбивкой. Высота фигуры козла около 5 см, длина 8 см. Рядом с ней находится вторая скала, на ней заметны изображения человека и двух животных, один из которых напоминает лося (высота фигуры человека 12 см, длина лося около 30 см, длина фигуры второго животного 15 см). На третьей скале преобладают круги, четвертой находится изображения круга, козла и какой-то непонятной фигуры (диаметр круга и длина фигуры козла по 6 см). Ввиду позднего времени мы не могли тщательно осмотреть все скалы; возможно, что здесь имеются и еще рисунки.

Проехав 11 км на запад от Биндер-ула долиной р. Оглютч, мы нашли еще один любопытный памятник, сведения о котором нам не приходилось встречать ни в литературе, ни в устных рассказах. Памятник известен под именем «Чингисын хэрэг» (стена Чингиса) и представляет собой выложенную камнями стену, высота которой в отдельных местах достигает 3 м, ширина 10 м. Стена окружает с южной стороны скалистую густо поросшую лесом гору — шиве. Внутри огороженного пространства

¹⁵ Баг — низшая административная единица в сельской местности

возвышается скала, носящая название «коновязи Чингис-хана». Внутри же перпендикулярно к стене идет невысокий земляной вал. В центральной части стены хорошо выделяются разрывы — въезд на огороженную территорию. На вершине горы можно хорошо отличить широкие и высокие нагроможденные одна на другую каменные плиты. Судя по образованным плитами отверстиям, которые могли служить для наблюдения за всем, что происходило внизу, и мощной толщине стен, можно предполагать, что этот памятник имел какое-то военно-стратегическое значение. Для датировки его требуются более тщательное обследование и раскопки внутренней площадки.

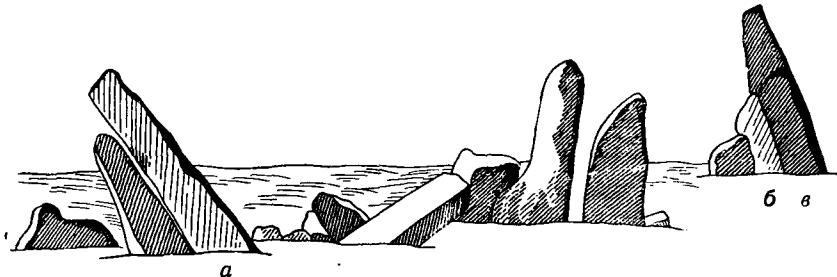

Рис. 10. Схема расположения могильников в местности Дундах (на плитах *а*, *б*, *в* имеются изображения)

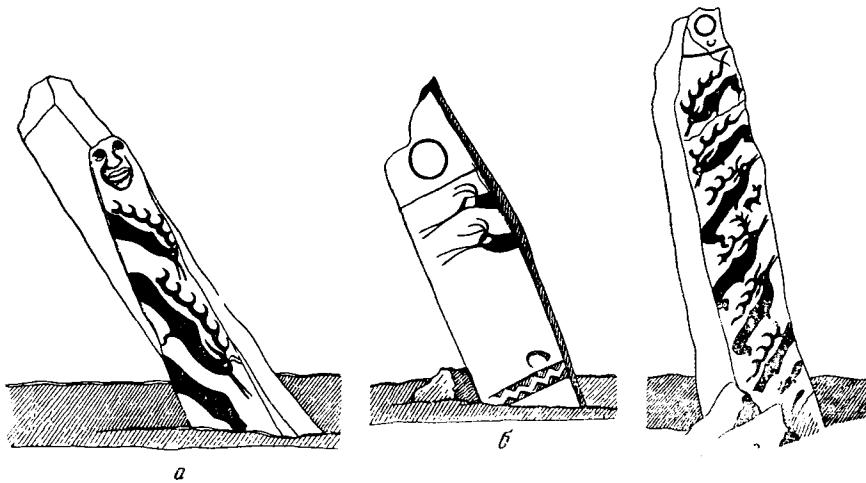

Рис. 11. Изображения на плитах могильников в Дундах

Дальнейший наш путь пролегал на Ундуур-хан, а оттуда снова в районы Кентея. Проводя работу на левом берегу р. Онон, мы видели большое количество плиточных могил с высокими камнями, стоящими по углам, у южного подножья горы Баян-цаган-ул. Могилы расположены группами до пяти могильников, вытянутых с севера на юг, в каждой.

От Онона мы направились на Баянул сомон, а оттуда — в г. Чойбалсан. На этом пути нами дважды был пересечен вал Чингис-хана. Вал представляет собой непрерывную насыпь, тянущуюся по МНР с юго-запада на северо-восток примерно на протяжении 600 км, до маньчжурской границы, где он проходит в 12 км от станции Маньчжурия и идет далее. Судя по литературным данным и картографическим материалам, вал Чингис-хана проходит в Маньчжурии близ Цицикара и идет непрерывно на юго-запад.

В обследованной нами части вал на самых высоких участках не превышает 1,5 м, местами он осел настолько, что следы его едва заметны. С северной стороны, по-видимому, находился ров, из которого на южную сторону выбрасывалась земля. С южной же стороны через определенные промежутки (30—40 км) встречаются квадраты, имеющиеся в легендах «квадратными рвами». Один из таких квадратов находится на пересечении вала Чингиса в местности Бумбат. Каждая его сторона состоит также из вала длиной примерно 65 м и шириной 10—15 м. Квадрат расположен на расстоянии 50 м к югу от основного вала.

Как вал, так и квадраты представляют собой, по-видимому, сооружение, имевшее

некогда большое военно-стратегическое значение. Все легенды, собранные нами о вале Чингиса, в разных вариантах повторяют один и тот же сюжет, повествующий о том что вал Чингиса, именуемый дорогой Чингиса, воздвигался во время его возвращения из Китая многочисленными пленниками-китайцами. Чингис ехал с сыном и невесткой а так как по старому монгольскому обычаю невестка не должна была совершать естественные отправления и ряд других действий на виду у Чингиса — сына неба отца ее мужа, то с этой целью и был воздвигнут вал; на местах почлега делал с двух сторон вала квадраты.

Сравнивая виденные нами гуннские городища и вал Чингиса, мы обратили внимание на многие черты сходства этих двух памятников.

До сих пор вопрос о датировке вала Чингис-хана не решен. Одно ясно — относить его ко времени Чингис-хана нет оснований. Наиболее правильным нам предста-

ляется относить его к I тысячелетию до н. э. Подтверждает это находка斯基фского котла в городке Чингис-хан (Маньчжурия) при проведении железной дороги¹⁶. Нет сомнения, что вал Чингис-хана, идущий на большом протяжении мог быть воздвигнут только большим количеством людей, вероятнее всего всеми нопленными и рабами. Из китайских источников (в переводе Н. Я. Бичурина известно, что, например, строительство Великой китайской стены было выполнено рабами. У Бичурина же мы находим многочисленные указания на то, что в первые века до нашей эры и после происходили жестокие битвы между гуннами и населением «Поднебесной империи». Только тщательные раскопки данного памятника могут дать полное решение вопроса о времени его появления.

По прибытии в Чойбалсан мы сделали выезд по Улан-Баторскому тракту на запад к памятнику Барс-хото (Тирговый город), находящемуся в 90 км от города. Предания связывают постройку этого памятника с именем Тогон-Тумура последнего хана из Юаньской (Монгольской) династии, изгнанного из Китая в 1368 г., который якобы после бегства из Китая задумал построить новую столицу; однако после того, как был построен вал и возведены стены башни ночью вдруг раздался рев барса, что по разъяснению кудесников, не предвещало добра, поэтому постройка города была заброшена.

В настоящее время здесь сохранилась одна башня (см. рис. 12); другая аналогичная этой по рассказам, была разрушена всего лишь несколько лет назад. Башня восьмигранной формы, на каждой грани в верхней и нижней

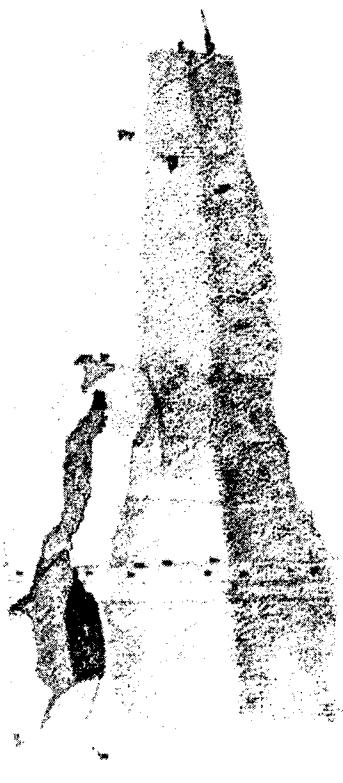

Рис. 12. Башня Барс-хото

частях имеются наблюдательные окна, с южной стороны помещается вход. К западу от башни на расстоянии 300 м имеется почти квадратный вал, внутри которого и находилась вторая, ныне разрушенная башня. Северная и южная стороны вала имеют длину 1700 м, восточная и западная — по 2 км. По углам вала ясно выступают высокие холмы. Кроме разрушенной башни, внутри вала находится квадратное основание какого-то здания, на поверхности которого выступают следы внутренних стен; на некотором расстоянии от квадратной постройки имеются холмы и киргисуры.

По характеру сооружения вала и башни можно думать, что это разновременные памятники. Наиболее древними следует считать вал и холмы внутри него. Не лишено основания, что здесь мы имеем дело с древним городищем.

В XIX в. урочище Барс-хото служило сборным пунктом всех сомонов, входивших

¹⁶ См. В. Я. Толмачев, Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии, «Вестник Маньчжурии», 1929, № 6. Скифский котел найден на площади городка Чингис-хана близ поселка Старо-Цурахайту. Городок, известный также под названиями Хубилар и Хунзилар, окружен валом квадратной формы.

в Керулен-Барс-хотский сейм (образованный из 23 хошунов Цецен-хановского аймака). Через каждые два года на третий в Барс-хото происходил сбор сомонов, во время которого производились проверка умения владеть оружием, скачки и стрельба из лука.

В известном китайском источнике «Мэн-гу-ю-му-цзи» (Записки о монгольских кочевьях) приводится следующее интересное сообщение о Барс-хото: «Автор Хоучу-сай-ци замечает, что во владениях Далай-бэйцзы есть город Барс-хотон, что в переводе значит «тигровый город». В городе есть весьма большая, запустелая кумирня, в заднем капище которой находятся 2 пагоды — одна в 7, а другая в 5 этажей. Нарисованные на стенах этих пагод изображения будд сохранились в целости. В семиярусной пагоде есть каменный стол, на котором поставлен деревянный ящик, длиной в 3 с лишком фута; в нем хранится свиток, на котором нарисованы будды трех веков (прощедшего, настоящего и будущего), Вэнь-шу, Пу-сянь и четыре махараизжи. Подле капища находится памятник с надписью, большая часть букв которой обвалилась, за исключением 2–3, которые еще можно разобрать. Памятник этот, по-видимому, относится ко временам династии Ляо (907—1119 гг. по Р. Х.)»¹⁷.

Рис. 13. Каменное изваяние в местности Бархи-жаргалат

Перейдя для дальнейшей работы на правый берег Керулена, мы в районе Мунхан хида собрали подъемный материал неолитического времени. Несколько неолитических орудий найдены нами также на территории Херленбаян сомона Чойбалсановского аймака.

В районе Гал-шарын сомона в местности Хотогинуха, находящейся в 7 км от сомона, нами обнаружена плиточная могила с высоким стоячим камнем.

Возвращаясь через Ундуру-хан по тракту в Улан-Батор, мы в Жаргалын-хан сомоне встретили большое количество киргисов. Местные жители сообщили нам о находящемся недалеко от сомона археологическом памятнике, известном под названием «Чингисын хэрэм» (стена Чингиса). При ближайшем осмотре этого памятника, расположенного в 14 км к юго-западу от сомона, он оказался городищем, напоминающим описание выше городище «Город Хасара».

Городище «Чингисын хэрэм» обнесено квадратным валом, каждая сторона которого равна 400 м; посередине каждой стороны имеются разрывы — ворота. Внутри вала находятся два больших и один маленький курган. К сожалению, никакого подъемного материала мы здесь не нашли; тем не менее, сравнивая этот памятник с «Городом Хасара», мы полагаем, что его также можно считать гунским городищем.

В 10 км к востоку от Жаргалын-хан сомона в местности Бархи-жаргалат мы увидели каменное изваяние, высеченное из гранита в виде круглой скульптуры, высотой около 90 см. Черты лица выступают рельефно; заметен головной убор. Изображение стоит на краю большой разрытой могильной ямы диаметром примерно 9 м. Рядом —

¹⁷ «Мэн-гу-ю-му-ци» (Записки о монгольских кочевьях). Перевод П. С. Попова, СПб., 1895, стр. 392—393.

вторая яма. Около изваяния на земле лежат два плоских камня, на одном из которых высечена спираль. На некотором расстоянии от них к западу лежит третья плита с изображением решетки (рис. 13).

Богатство и разнообразие встреченных нами на территории Монгольской Народной Республики памятников говорит о сложнейших исторических процессах, происходивших в жизни народов Центральной Азии. Здесь на протяжении многих веков создавали и исчезали объединения различных племен и народностей, наиболее могущественные из которых были гунны (III в. до н. э.—I в. н. э.), сяньбийцы (I—III вв. н. э.), жохане (начало V—половина VI в.), тюрки-огузы (VI—VIII вв.). В половине VIII века были разгромлены своими северными соседями — уйгурями, на смену которым (после падения уйгурского ханства и занятия его столицы Карабалгасун в 840 г.) пришли киргизы. Последних в X в. вытеснили кидане. Государство киданей — империя Ляо — этнически не было однородным, в состав его, наряду с другими племенами и народностями, входили и монголы.

С XII в. монголы, как известно, заняли значительное место на исторической арене.

Собранные нами разведочные материалы, относящиеся к различным эпохам и народам, помогут углубить дальнейшую работу в области изучения истории наследников территории МНР.

Х Р О Н И К А

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Подсекция славянского народного творчества

1—10 сентября 1958 г. в Москве проходил IV Международный съезд славистов. Основная тематика съезда была посвящена истории языков, литератур и фольклора славянских народов.

Вопросы изучения народно-поэтического творчества славян заняли заметное место в программе съезда.

На вечернем пленарном заседании съезда 1 сентября д-р Карл Стиф (Копенгагенский ун-т) прочитал доклад на тему: «Взаимоотношения между русским летописанием и народным эпосом». 2 сентября на пленарном заседании литературоведческой секции состоялся доклад чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского (Ленинград) «Этическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса».

В подсекции славянского народного творчества состоялось 11 докладов (из них 7 прочитано зарубежными учеными).

В работе подсекции приняло участие свыше 100 фольклористов — представителей 17 стран Европы, Америки и Азии. Советский Союз был представлен делегациями Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, учеными Латвии, Литвы, Эстонии, Киргизии, а также отдельных городов РСФСР — Петрозаводска, Уфы, Воронежа, Тамбова, Саратова, Орехово-Зуева, Иркутска, Саранска, Оренбурга, Новозыбкова и др. Среди зарубежных ученых на заседаниях подсекции присутствовали вице-президент берлинской Академии наук (ГДР) акад. В. Штейниц, заместитель директора Института фольклора Румынской академии наук и главный редактор журнала *«Revista de folclor»* М. Поп, основатель Славянского института в Базеле (Швейцария) проф. Е. Малер, д-р Ринчен (Монголия), проф. И. Матиль (Австрия) и другие известные фольклористы. К сожалению, состояние здоровья не позволило приехать на съезд некоторым ученым, известным своими работами в области фольклористики, — И. Гораку (Чехословакия), Ю. Кржижановскому (Польша), Г. Керемидчиеву (Болгария); заметный пробел в работе подсекции образовался отсутствие ожидавшихся докладчиков по сербо-хорватскому эпосу из Югославии — С. Матича, С. Назечича, Ж. Младеновича, М. Пантича — и М. Живковича (Румыния).

Заседания подсекции проходили под председательством доцента Софийского университета Ц. Вранской-Романской (Болгария), д-ра К. Стифа (Дания), проф. Геттингенского университета М. Брауна (ФРГ), д-ра А. Мелихерчика (Чехословакия), д-ра Х. Поленаковича (Югославия), чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского (РСФСР), акад. М. Ф. Рыльского (УССР).

Несмотря на некоторое отступление от программы, работу подсекции следует признать весьма активной и плодотворной. В обсуждении докладов приняло участие 44 человека.

Центральной проблемой, обсуждавшейся на заседаниях подсекции славянского народного творчества, была проблема героического эпоса, поставленная как в упомянутом выше докладе В. М. Жирмунского, так и в докладах, прочитанных в подсекции: П. Г. Богатырева (Москва) «Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов», Ц. Романской-Вранской (София) «Общие особенности болгарских и сербских гайдуцких песен», М. Брауна (ФРГ) «Южнославянский эпос и историческая действительность», В. Я. Проппа (Ленинград) «Основные этапы развития русского героического эпоса», А. Стендер-Петерсена (Дания) «Проблематика сборника Кирши Данилова», М. Ф. Рыльского (Киев) «Украинские думы и исторические песни».

Доклад В. М. Жирмунского¹ вызвал общий интерес. Выступившие в прениях д-р Хр. Вакарельский (Болгария), проф. И. Н. Голенищев-Кутузов (Москва), А. Н. Робинсон (Москва), Е. М. Мелетинский (Москва), К. В. Чистов (Петрозаводск), М. Я. Гольдберг (Дрогобыч, УССР) и др. единодушно отметили большую научную

¹ См. отдельное издание, М., 1958, а также публикацию в журнале «Вопросы литературы», 1958, № 6.

ценность доклада, своевременность и глубину постановки задачи сравнительно-исторического изучения эпоса разных народов. Они особо подчеркнули стремление докладчика противопоставить компаративистскому подходу к фольклору конкретно-историческое сравнительное изучение сходных явлений в эпическом творчестве разных народов, опирающееся на марксистскую методологию. Выделение докладчиком в качестве главной научной проблемы историко-типологического анализа, основанного на учете общих закономерностей в историческом и культурном развитии разных народов было воспринято весьма положительно. При обсуждении доклада В. М. Жирмунского было высказано немало существенных соображений. А. Н. Робинсон говорил о необходимости выяснения и определения конкретных признаков типологического сходства эпоса разных народов в отличие от явлений сходства генетического или сходства возникающего в результате культурного общения народов. Он выделил три возможных круга проблем историко-типологического анализа: 1) общее сходство исторического и идейного содержания эпоса как отражение сходных условий общественной жизни разных народов; 2) сходство эпических ситуаций, которое может быть объяснено однотипностью исторической обстановки; 3) сходство в области поэтических форм и стилей, наиболее трудно объяснимое. К. В. Чистов подробно остановился на вопросах методики сравнительно-исторического изучения эпоса, указав на то, что случайные и произвольные сопоставления разнородных явлений не только не продвигают решения проблемы, но безнадежно запутывают ее. К. В. Чистов подчеркнул также важность сравнительного изучения эпоса неродственных народов. Е. М. Мелетинский развил в своем выступлении гипотезу о происхождении эпоса в эпоху первобытнообщинного строя, отметив два возможных источника формирования исторического эпоса: мифы-былички и сказания о «культурных героях» или племенных предках. М. Я. Гольдберг сделал ряд замечаний по докладу и привлек внимание участников съезда к малоизвестным работам И. Франко, исследовавшего связи украинского фольклора с фольклором южных славян. Хр. Вакарельский подчеркнул важность привлечения юнацких и гайдуцких болгарских песен при изучении эпоса славянских народов.

Доклад П. Г. Богатырева² примыкал по своему содержанию к докладу В. М. Жирмунского и был посвящен главным образом задаче сравнительного анализа художественных особенностей эпоса славянских народов. В прениях по докладу выступили: д-р К. Дворжак (Чехословакия), д-р Хр. Вакарельский (Болгария), а также А. П. Евгеньева (Ленинград), И. А. Осовецкий (Москва), В. К. Соколова (Москва). Ф. И. Лавров (Киев). Ряд критических замечаний по докладу П. Г. Богатырева сделал проф. Н. И. Кравцов (Тамбов).

Доклады Ц. Романской-Вранской³ и М. Брауна⁴, прочитанные 3 сентября, были посвящены изучению эпоса южных славян.

Ц. Романска-Вранска в своем докладе объяснила идейную и художественную близость болгарских и сербских гайдуцких песен как результат общности исторических судеб и совместной национально-освободительной борьбы двух братских народов. В докладе были выделены такие признаки гайдуцких песен, как отражение в них национального и политического гнета, экономической эксплуатации народных масс, мужества, героизма, самопожертвования народных борцов. По мнению Ц. Романской-Вранской гайдуцкие песни отличаются глубоким реализмом, народностью, подлинным историзмом, демократизмом и оптимизмом. Выступивший в прениях Х. М. Поленаковиц обратил внимание на своеобразие македонских народных песен. В. К. Соколова (Москва) остановилась на проблеме сравнительного изучения русских исторических песен и гайдуцких песен, отметив ряд общих особенностей в историческом эпосе разных славянских народов. Н. И. Кравцов (Тамбов) и И. М. Шептунов (Москва), поддержав основные положения доклада, сделали ряд критических замечаний и высказали пожелание, чтобы при дальнейшем исследовании южнославянского эпоса обращалось большее внимание на национальное своеобразие песен у каждого народа и на их конкретно-историческое социальное содержание.

Основная задача доклада М. Брауна состояла в том, чтобы выявить сложные связи героического эпоса с исторической действительностью. На материале сербо-хорватского эпоса докладчик показал, что при рассмотрении эпической поэзии следует различать реальные исторические факты и условную «историческую истину», которая выражает представления и оценки коллектива. Эпический герой, по мнению докладчика, почти всегда восходит к реальному прототипу, но при этом вбирает в себя образы многих исторических лиц и становится обобщенным художественным типом. Докладчик отрицал обязательность заимствований при сходстве образов, ситуаций и мотивов в эпосе разных народов. Доклад М. Брауна был положительно оценен в выступлениях В. М. Жирмунского, Н. И. Кравцова и других, высказавших вместе с тем некоторые критические замечания.

² П. Г. Богатырев, Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, М., 1958.

³ Цв. Романска-Вранска, Общи особенности на българските и сръбските гайдушки песни, «Славистичен сборник», т. II — Литературознание и фольклор, София 1958, стр. 379—407.

⁴ Доклад М. Брауна будет опубликован в «Известиях литературы и языка АН СССР».

Обсуждение доклада В. Я. Проппа, прочитанного 5 сентября и посвященного изучению истории русского эпоса⁵, вылилось в серьезную научную дискуссию. Выступавшие в прениях положительно оценили направленность доклада против вульгарно-социологических построений, когда данные эпоса принимаются за бесспорные исторические факты. Деление докладчиком русского эпоса на хронологические этапы, основанное на учете его идеально-тематического содержания, было в основном принято участниками обсуждения. В то же время доклад В. Я. Проппа вызвал и ряд существенных возражений. А. М. Астахова (Ленинград) оспаривала характеристику последнего этапа в истории бытования былин, данную докладчиком, и, ссылаясь на большой фактический материал и полевые наблюдения во время фольклорных экспедиций на Севере, убедительно раскрыла длительный, сложный и противоречивый процесс затухания былинной традиции. Хр. Вакарельский высказал сомнение в правомерности выделения современного состояния эпоса как особого этапа его развития. Особенно решительно критиковали доклад В. Я. Проппа К. Г. Гуслистой (Киев) и М. М. Плисецкий (Ужгород). Первый упрекал докладчика в игнорировании важнейших этапов этнической истории восточных славян, второй указал на недооценку докладчиком исторического содержания эпоса. М. М. Плисецкий подчеркнул, что нельзя социальные идеалы народа противопоставлять отражению исторических событий. В. Е. Гусев (Ленинград) выразил мнение, что история эпоса может быть построена лишь при учете двух процессов: эволюции этнической природы эпоса и развития эпической формы как совокупности всех идейно-художественных средств отражения исторической действительности.

Украинскому эпосу был посвящен доклад акад. М. Ф. Рыльского⁶, сопровождавшийся выступлением кобзаря Е. Мовчана. П. Д. Павлий (Киев) охарактеризовал современное состояние украинского эпического творчества. Я. И. Шуст (Львов) остановился на сравнительном изучении украинских дум, русских былин и юнацких песен южных славян. Г. С. Сухобрус (Киев) говорила об изучении эпоса восточных славян украинскими фольклористами. В. А. Юзвенко (Киев) посвятила свое выступление связям украинской и польской фольклористики. В. И. Стelleцкий (Львов) указал на сходство дум со «Словом о полку Игореве».

О судьбах эпоса белорусского народа говорили С. И. Василенок (Москва) и К. П. Кабашников (Минск). Очень спорным было утверждение С. И. Василенка о том, что у белорусского народа сложился свой национальный эпос в форме былин, причем С. И. Василенок неправомерно относил к ним духовные стихи и исторические песни. К. П. Кабашников, не отрицая факта бытования у белорусов былин, созданных в период, когда белорусы еще не выделились из состава древнерусской народности, в то же время подчеркнул, что свой самобытный национальный эпос белорусский народ создал в форме исторических песен, преданий и легенд.

Наиболее острую полемику вызвал доклад датского ученого А. Стендер-Петерсена⁷. Докладчик подверг сомнению подлинно фольклорный характер известно-
ние, что сборник включает не записи произведений народного творчества, а обработаные Кирши Даниловым тексты. Выступившие в прениях В. Я. Пропп, П. Г. Богатырев и Б. Н. Путилов (Ленинград), не согласившись с некоторыми частными положениями доклада, в то же время признали убедительным основной вывод об активном редактировании Киршей Даниловым текстов. Б. Н. Путилов определил сборник Кирши Данилова как «народную книгу XVIII века». С концепцией А. Стендер-Петерсена решительное несогласие высказали А. П. Евгеньева (Ленинград), А. В. Позднеев (Москва), П. Д. Ухов (Москва) и аспирант Московского университета Игнатов, отстаивавшие утвердившееся в науке представление о фольклорном характере сборника и приведшие в пользу этого мнения ряд веских текстологических аргументов.

Обсуждение проблем эпоса показало, как много еще в этой области нерешенных задач, и с особой ясностью продемонстрировало необходимость сравнительного изучения эпоса славянских народов — как в связи с эпосом других народов, так и в соотношении с другими жанрами фольклора того же народа. Особенно слабо разработанным следует признать изучение истории эпоса в связи с этногенетическими процессами у славянских народов (в частности их этнической общностью), а также изучение эпоса как источника для характеристики материальной и духовной культуры народа, его мировоззрения и быта на разных этапах исторического развития общества.

На программе работы подсекции народного творчества сказалась недостаточная связь фольклористики с этнографией. Единственным докладом, в котором явления народной поэтической культуры рассматривались в этнографическом плане, был доклад С. Пирковой-Якобсон (США) «Проблемы славянского обрядового фольклора». Однако этот доклад в научном отношении оказался малоприемлемым. С. Пиркова-Якобсон на примере моравско-словацкого обряда «Jízda králu» предприняла попытку истолковать смысл весенне-летней обрядности славян в духе фрейдистской теории «Эдипо-

⁵ Концепция, изложенная в докладе, получила развернутое выражение в книге В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (2-е изд., Л., 1958).

⁶ См. «Філологічний збірник», Київ, 1958, стр. 245—265.

⁷ Доклад А. Стендер-Петерсена опубликован на русском языке в журнале «Scando Slavica», т. IV, Копенгаген, 1958.

ва комплекса». С обстоятельной критикой доклада выступили С. А. Токарев (Москва) и К. В. Чистов (Петрозаводск).

С. А. Токарев остановился на двух основных положениях доклада: 1) моравско-словацкий обычай «*Jízda králu*» (вместе с аналогичными обычаями других славянских народов) рассматривается как пережиток древнего обряда инициаций юношней и 2) сами эти инициации истолковываются с точки зрения фрейдистского психоаналитического метода как результат подавления сексуальных влечений, возникающих будто бы у ребенка в раннем возрасте. Первая из этих мыслей, сказал С. А. Токарев, в известной мере верна, но одностороння: народные обычай, сохранившиеся до наших дней, представляют собой всегда очень сложные явления, которые нельзя непосредственно водить к какому-то одному факту первобытной жизни; в данном случае в обычай «*Jízda králu*» есть, помимо черт, связывающих его с древними инициациями, и другие, более существенные черты: это прежде всего весенне-летний крестьянский земледельческий праздник, аналогичный многим другим земледельческим праздникам народов Европы.

Со второй же из основных мыслей доклада никак нельзя согласиться. Фрейдистское толкование народных обычаем, обрядов и верований, как порожденных будто бы сплошь сексуальной символикой, основано не на фактах, а на субъективной и произвольной их интерпретации. Фрейд пытался применить свой «психоаналитический» метод к изучению явлений культуры на основании чисто поверхностных сходств и непрородуманных аналогий. Сам он, однако, не претендовал на универсальность применения своего метода, сохраняя известную научную осторожность. Но его последователи (Рохейм, Рейк и др.) забыли о всякой осторожности и без колебаний интерпретировали всевозможные явления культуры, обычай, верования любого народа в духе сексуальной символики. Психоаналитический метод был одно время — в первые десятилетия нашего века модным в странах Европы. Его сторонники были и в СССР. Теперь это увлечение давно прошло. Но в США фрейдизм еще находит себе последователей. В докладе С. Пирковой-Якобсон фрейдистская концепция доведена до крайних пределов, но аргументация автора неубедительна. Едва ли можно, например, согласиться с тем, что запрет говорить, налагаемый на исполнителя обряда, есть символ «тенденции к самокastrации».

В заключение С. А. Токарев выразил надежду, что и сам автор доклада не останется на этих непрородуманных выводах, а пойдет в сторону более конкретного историко-этнографического анализа фактов.

Выступление К. В. Чистова содержало весьма конкретную и убедительную критику доклада С. Пирковой-Якобсон. Если бы в основе календарных обрядов лежали некоторые устойчивые психологические комплексы, сказал К. В. Чистов, то трудно было бы ожидать изменений в самом обряде. Между тем, сама докладчица не отрицает, что обряд с течением времени претерпел серьезные изменения. Из обряда выезда «строичного короля» С. Пиркова-Якобсон произвольно выделила «дипловскую триаду», лишив себя этим возможности объяснить ряд существенных моментов обряда. Между тем они, естественно, объясняются интересами сельской общины. Изменения в жизни общины и лежат в основе изменений обряда, оставшихся загадочными для докладчицы К. В. Чистов обратил внимание на плодотворность конкретно-исторического, материалистического подхода к народным обрядам, который дал положительные результаты в трудах ряда советских исследователей (В. И. Чичеров, Н. М. Никольский, С. А. Токарев и др.). Попытка же применить фрейдистский метод исследования не помогает объяснению ни содержания, ни конкретных деталей обряда. В заключение К. В. Чистов сказал, что исследовательницей описан очень интересный по своим формам и своему содержанию моравско-словацкий обряд; анализ этого обряда сопровождается рядом частных, подчас метких сопоставлений; однако истолкование самой сути обряда является очень искусственным. Положения доклада С. Пирковой-Якобсон не были поддержаны ни одним из участников подсекции народного творчества. Обсуждение этого доклада убедительно продемонстрировало плодотворность конкретно-исторического материалистического подхода к явлениям народной культуры и в то же время лишний раз подтвердило необходимость дальнейшего углубленного исследования советскими учеными народных обычаем и обрядовой поэзии и усиления работы в этой области.

В работе подсекции видное место заняло обсуждение проблемы воздействия народной поэзии на литературу. В центре дискуссии по этой проблеме оказался доклад К. Стифа⁸. Докладчик отрицал связи древнерусского летописания (до XV в.) с эпосом. С этим выводом не согласились научные сотрудники сектора древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР С. Н. Азбелев и Б. И. Дубенцов, а гакже М. Браун (ФРГ). Докладчика поддержали В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов, высказавшие мнение, что древнейшее русское летописание было связано не с героическим эпосом а с историческими преданиями.

Положительную оценку получили доклады чехословацких ученых К. Дворжака (Прага) и А. Заводского (Брюно), рассмотревших ту же проблему на материале на-

⁸ К. Стиф, Взаимоотношения между русским летописанием и эпосом, «Scandinavica», т. IV, Копенгаген, 1958, стр. 59—69.

родного творчества и литературы западных славян⁹. Выступившие в прениях по этим докладами П. Г. Богатырев, В. М. Сидельников (Москва) и В. С. Бобкова (Киев) сделали ряд интересных дополнений и рекомендаций по проблеме.

Особый интерес участников съезда вызвал доклад доцента Братиславского университета (Чехословакия) А. Мелихерчика, посвященный выяснению специфики фольклора. Докладчик выдвинул две проблемы: о предмете художественного изображения в фольклоре и о способах художественного изображения этого предмета. Докладчик высказал мысль, что предметом фольклора является жизнь человека во всем ее богатстве и разнообразии. Что касается способов изображения жизни, то они различны в разных жанрах фольклора. На примере словацких сказок и преданий о Яношике, докладчик сделал попытку показать разницу в способах изображения человека в разных эпических жанрах¹⁰. Выступавшие в прениях приветствовали постановку А. Мелихерчиком данной проблемы. Вместе с тем доклад вызвал дискуссию по некоторым общим вопросам теории фольклора. Э. В. Померанцева (Москва) выразила сожаление, что докладчик недостаточно учитывает коллективность и устность фольклора и зачастую сближает средства создания образов народной поэзии со средствами литературы. С. Г. Лазутин (Воронеж) и В. Е. Гусев оспаривали определение А. Мелихерчиком предмета фольклора, полагая, что предметом фольклора является не жизнь человека вообще, а жизнь народа в его отношениях к природе, обществу, другим классам; они говорили также об особенностях типизации в народной поэзии. Ряд дополнений и замечаний по докладу высказали д-р И. Кицимиу (Бухарест), П. Г. Богатырев, Г. Д. Гачев (Москва) и А. М. Кинько (Киев).

С большим интересом было выслушано сообщение П. Д. Ухова (Москва) «Незайдные песни собрания П. В. Киреевского».

Во время работы съезда славистов состоялось специальное совещание по вопросам сопирания и изучения эпоса в послевоенные годы. Обстоятельное сообщение о большой и разнообразной работе фольклористов национальных республик Советского Союза и о переводах на русский язык эпоса народов СССР сделал В. М. Жирмунский. Это сообщение было дополнено в выступлениях Ф. И. Лаврова (Киев), И. С. Гуторова (БССР) и ленинградских фольклористов А. М. Астаховой, Б. Н. Путилова и Т. С. Карской. Ц. Романска-Вранска и Х. Поленакович сделали информацию о состоянии и организации собирательской и исследовательской работы в Болгарии и Югославии.

Подсекцией славянского народного творчества было организовано для участников съезда прослушивание записанных в экспедициях последних лет на магнитофонные ленты и пластиинки русских былин и сказок, а также выступление кобзаря Е. Ф. Мовчана, исполнившего украинские думы, старинные и современные украинские народные песни.

В заключение следует отметить, что работа съезда была очень плодотворной. Съезд позволил судить о состоянии изучения славянского народного творчества в разных странах и в республиках Советского Союза, рассмотреть некоторые научные проблемы, волнующие современную фольклористику, укрепить деловые связи между заинтересованными научными учреждениями и личные контакты ученых. Участие советских фольклористов в съезде позволило им лучше оценить как сильные, так и слабые стороны своей работы. Положительные во многих отношениях итоги съезда очевидны.

Вместе с тем нельзя не пожелать, чтобы на V съезде славистов представительство фольклористов разных стран было более полным, а программа более разнообразной, охватывающей больший круг актуальных проблем и позволяющей познакомиться с изучением фольклора всех славянских народов и разных жанров народной поэзии.

Этим были продиктованы рекомендации подсекции славянского народного творчества Международному комитету славистов об организации на очередном съезде специальной фольклорно-этнографической секции и выдвижение для обсуждения, наряду с проблемой эпоса, проблемы генезиса и развития сказки, исторического развития и национальной специфики лирических песен, формирования и специфики рабочего фольклора, судеб фольклора в условиях строительства коммунизма, связей этнографии и фольклористики и др.

Съезду были также предложены рекомендации подсекции об издании международного славистического фольклорного журнала и об обмене участниками фольклорных экспедиций между отдельными странами и между научными учреждениями Советского Союза, занимающимися изучением славянского народного творчества.

Секцией народного творчества был высказан ряд пожеланий об организации международной славистической комиссии по сказкам, проведении международной научной конференции, посвященной эпосу славянских народов, проведении совещания по вопросам теории фольклора¹¹, издании Всесоюзной координационной комиссией по народ-

⁹ См. К. Дворжак, О предпосылках изучения влияния фольклора на литературу, «Česká literatura», Прага, 1958, № 3, стр. 288—301; Artur Závodský, Ké vzhází miemu vztahu lidové a knižní slouvesnosti — zvláště u Petra Bezruče, Сб. «Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Прага, 1958, стр. 403—418.

¹⁰ Andrej Melicherčík, K problematice specifickosti uměleckého obrazu vo folkloré, «Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», стр. 389—401.

¹¹ Такое совещание будет организовано Институтом русской литературы АН СССР.

ному творчеству при АН СССР информационного бюллетеня, упорядочении научно-фольклористической терминологии и составлении международного терминологического словаря, улучшении организации книгообмена между отдельными научными учреждениями.

Можно надеяться, что IV Международный съезд славистов послужит стимулом дальнейшему развитию славистики, к активизации обмена научными идеями между учеными разных стран и к развертыванию новых дискуссий на страницах научных пресс.

B. E. Гудз

ПОЕЗДКА К КЕТАМ ЕЛОГУЯ *

Кеты — представители одной из самых немногочисленных народностей Сибири. Живут они в настоящее время в Туруханском районе Красноярского края по рекам Подкаменной Тунгуске, Елогую, Курейке, Сургутихе и Пакулихе.

У елогуйских кетов я и побывала летом 1956 г.

Р. Елогуй, левый приток Енисея, — давнее место обитания кетов; по данным исторических источников, они жили здесь уже в XVII в. С приходом русских елогуйские кеты (под названием инбаков) вошли в состав Мангазейского уезда; в XVIII в. они образуют локальную группу в составе Верхне-Имбатской волости.

О давнем обитании кетов на Елогуе свидетельствует и топонимика: названия притоков, островов, яров — кетские. Топонимика, а также рассказы стариков дают возмож-

ность предположить, что сама р. Елогуй была освоена кетами на расстоянии до 400 км от устья; далее река порожиста и непроходима даже для долблених кетских лодок (веток).

До 1940-х годов кеты кочевали вдоль обоих берегов реки. В тайге встречаются старые кладбища (кеты хоронили умерших в определенных местах), расположенные обычно в сосняке на яру у реки, а также едва различимые очертания землянок (полутора-двух километрах от берега). Планировка ям старых жилищ не отличается от сохранившихся в некоторых случаях до настоящего времени; они имеют форму неправильного многоугольника, которую квадратной яме придает трапециевидный вырез со стороны входного отверстия. Научный интерес представляют остатки больших землянок, в которых, очевидно, жило не сколько семей. Длина стены (сторона квадрата) современной землянки 2,3—3 м, в старых же жилищах величина ее доходила до 7 м.

В тайге много следов и недавнего кочевания кетов (в основном 1930-х годов) — встречаются землянки, захоронения (удалось обнаружить захоронение ребенка в дупле дерева); в развалинах лабазов средневековой рухляди можно найти сломанные пуги, стрелы, утварь и т. п.

Рис. 1. Рыбак-кет

В настоящее время кетское население Елогуя сосредоточено почти целиком в поселке Келлог, расположенном в 220 км от Енисея. Почти все кеты являются членами колхоза имени Ленина. Всего кетов на Елогуе на 1 сентября 1956 г. насчитывалось 247 человек.

Помимо самого поселка, несколько семей кетов-колхозников живет постоянно около охотничьих и рыболовных угодий (таежное озеро Дында в верховьях Таза р. Исельчес), на расстоянии 80—100 км от Келлога. Летом 1956 г. на временных станках жили бригады рыбаков (реки Келлог, Хороба) и оленеводов (р. Колдоба). Несколько семей живет в станке Сигово, в 80 км от Келлога.

Поселок Келлог — один из наиболее удаленных от районного центра — Туруханска — населенных пунктов. Сообщение с поселком осуществляется по Енисею до станции Верхне-Имбатского, а оттуда по Елогую. Елогуй — быстроводная река, но местами

* Настоящая статья написана по материалам, собранным во время поездки в Туруханский район Красноярского края, куда я была командирована Институтом этнографии АН СССР летом 1956 г. Целью поездки было изучение хозяйства, культуры и быта кетов.

зачастую пересыхает, так что сообщение бывает затруднено. Теперь по реке ходят катер; раньше грузы и пассажиров перевозили на илимках, которые тянули бичевой.

Келлог — самый крупный населенный пункт на Елогуе. В поселке имеется около двух десятков жилых домов, школа с интернатом (рис. 3), клуб, сельсовет, правление колхоза, медпункт со стационаром, метеорологическая станция, хлебопекарня, кооператив, баня. В настоящее время население поселка резко увеличилось за счет трехгодичной экспедиции Абаканского нефтяного треста. Рядом со старыми зданиями вырос целый рабочий поселок, а еще недавно русских в Келлоге насчитывалось всего несколько семей.

Рис. 2. Девушка-кетка, студентка Красноярского Медицинского института

Кеты двуязычны; русский язык знают почти все, исключая детей дошкольного возраста и глубоких стариков, однако дома и между собой говорят исключительно на родном языке.

Елогийские кеты сейчас не имеют почти никакой связи с другими группами своей народности, исключая кетов, живущих на р. Сургутихе. Северных — туруханских и курейских — кетов они называют тыхэрянг (нижние люди), подкаменотунгусских — утерянг (верхние люди). Кеты Елогуя изолированы и от крупных массивов соседних народностей. Но несколько семей селькупов и эвенков живут в поселке, все они хорошо знают кетский язык. Отмечено несколько случаев браков кетов с селькупами и с эвенками. С другими народностями кеты встречались во время зимних охотничьих кочевок, территории которых очень велика. По сведениям стариков, еще в 1930-е годы отдельные семьи в период зимней охоты доходили до р. Оби. В настоящее время эта территория включает бассейн р. Елогуя до верховьев Таза на северо-западе и севере, верховья р. Большого Дубчеса на юге; восточные границы территории — побережье Енисея между станками Чулково — Алинское.

Колхоз имени Ленина по своим доходам занимает одно из первых мест в Туруханском районе. Валовой доход колхоза за 1955 г. составил 635 491 рубль. Основными занятиями елогийских кетов остаются пушной промысел, рыболовство, оленеводство.

Пушной промысел дает большую половину всех доходов. Тайга представляет собой прекрасные охотничьи угодья. В 1954 г. от реализации продукции пушного промысла колхозом было получено 370 322 р., в 1955 г. — 345 211 р. Основным объектом пушного промысла на Елогуе является белка. В меньшей степени добывается разведенная здесь ондатра. Добыча горностая, колонка, лисицы, росомахи незначительна. Охотничий сезон длится полгода — с середины октября по апрель. Сохранилось старое подразделение охотничьего сезона на «малую ходьбу» и «большую ходьбу». Первые три месяца охотятся сравнительно недалеко от поселка, чаще всего поднимаются вверх по р. Елогу. В декабре, «месяце коротких дней», как его называют кеты, большей частью не охотятся, отдыхают, готовятся к большой охоте. С конца декабря с семьями уходят далеко в тайгу.

Все елогийские кеты — прекрасные охотники. Охотничья бригада — самая боль-

шая; в ней насчитывается 69 чел., причем охотятся не только мужчины, но и подростки и женщины. Бригада разбита на семь звеньев, охотящихся в разных местах. Пушной промысел — основная статья доходов колхозников, дающая наибольшее количество трудодней (в 1955 г. — 13 080). Оплата пушнины производится следующим образом: 25% охотник получает наличными деньгами при сдаче пушнины, на остальную сумму начисляются трудодни из расчета 1,25 трудодня на 30 рублей сданной пушнины. Большую положительную роль в интенсификации охотниччьего промысла сыграло повышение государственных расценок на пушину (сейчас цена одной беличьей шкурки поднялась с 4 до 10 рублей).

Природные условия и традиционные навыки коренного населения благоприятствуют развитию пушного промысла на Елогуе, и эта отрасль должна стать основной в хозяйстве колхоза. Ясно, что подготовке, выявлению новых возможностей для лучшей организации промысла должно быть уделено главное внимание руководства колхоза и районных органов власти.

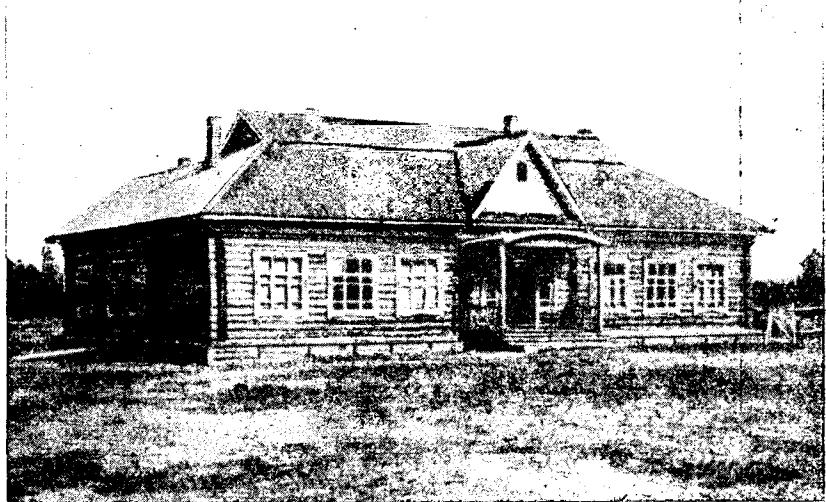

Рис. 3. Школа-семилетка в поселке Келлог

Рыболовство — также традиционная отрасль хозяйства кетов. Рыболовный сезон на Елогуе, его притоках и на таежных озерах продолжается с конца мая по октябрь. На Елогуе промысловое значение имеет так называемая частиковая рыба — щука, язь, окунь, лещ, а также (в меньшей степени) рыба и более ценных пород — сиговых: таймень, хариус. Наиболее употребительны ставные сети — пущальни, неволы; небольшие речки перегораживаются котцами (ковэ) (рис. 4); каждая семья изготавливает плетеные «мордушки» (бок) для индивидуального пользования.

Доходы от рыболовства значительно меньше, чем от охоты и использования оленей на транспорте. Обычно за год добывается около 400 ц рыбы; весь улов продается заготовительным организациям Туруханского рыбозавода.

Оленеводство на р. Елогуе носит характер исключительно транспортного. Оленистое стадо немногочисленно. Интересно отметить особую породу кетских оленей: они крупнее, сильнее эвенкийских и ненецких оленей (рис. 5). В самой системе оленеводства на Елогуе сохранялись до недавнего времени черты старого кетского оленеводства: оленей на лето отпускали в тайгу, а собирали их по первому снегу. Летом 1956 г. стан пастухов-оленеводов находился в 15 км от поселка Келлог. Для оленей выстроен сарай (сенус) с дымокурами, где животные спасаются от оводов, комаров. Зимой часть стада (отыхающие олени) находится в тайге также с пастухами, ежемесячно переходя на новые ягельные места.

Укреплению экономики колхоза содействовал отказ от некоторых отраслей хозяйства, нерентабельных в местных условиях, — разведения крупного рогатого скота, полеводства. Очевидно, что залог подъема колхозного производства — в выборе рационального направления хозяйства при максимальном учете природных условий и традиционных навыков населения.

В Келлоге есть кадры сельской интеллигенции — учителя, работники клуба и медпункта, проводящие большую культурную работу, но, к сожалению, среди них нет еще работников из среды самих кетов. В настоящее время кеты из Келлога учатся в Педучилище народов Севера в г. Игарке и на подготовительных курсах Медицинского института в Красноярске.

Политехнизация сельской школы в Келлоге должна проводиться в таком направлении, чтобы, оканчивая школу, кетская молодежь была подготовлена к работе в колхозе, получала необходимые знания основ зоотехники, ветеринарии, звероводства.

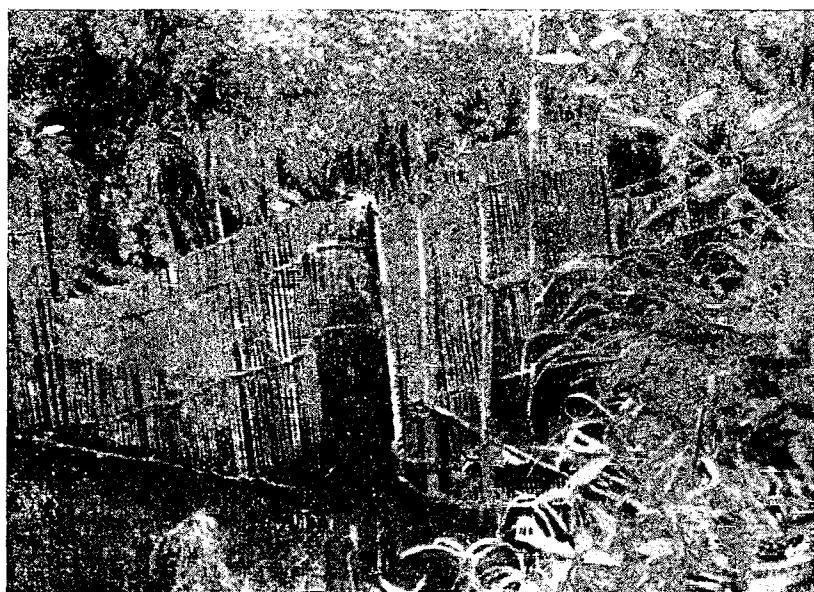

Рис. 4. «Котец» — заграждение для ловли рыбы на небольшой реке

Рис. 5. Олени «кетской» (крайние) и «эвенкийской» (в центре) породы

Изолированность и сравнительная труднодоступность района до последнего времени способствовали в значительной степени сохранению элементов традиционной национальной культуры у елгутайских кетов. Живут они летом и зимой в своих традиционных жилищах — шестовых чумах (кусь) конической формы, крытых берестой (рис. 7, 8). С мая до осени население, исключая бригады рыбаков, сосредоточено в самом Келлоге. Чумы ставят в низком ельнике, окружающем поселок; ежегодно места расположения чумов меняют. Четыре кетские семьи имеют срубные дома, но летом и они живут в чумах.

В октябре, с начала охотничьего сезона, и до «большой ходьбы» чумы ставят в полутора-двух километрах от Келлога; там же некоторые семьи строят землянки (бангусь). Еще недавно бангусь делали ежегодно; в настоящее время в них живут по несколько сезонов, весной и осенью, когда охотятся недалеко от поселка, что связано с более оседлым образом жизни. Надо сказать, что этот тип жилища сохранился только у елгуйских кетов¹.

В чуме и землянке сохраняется традиционная планировка — распределение площади между отдельными семьями и членами семьи.

Основу остова чума елгуйских кетов составляют семь еловых шестов, высотой до 3 м. Шесты устанавливают в строго определенном порядке. Сначала ставят два шеста — «сухосьянг» (сухось — середина чума, анг — шест), верхний конец одного из которых вставлен в развалку на конце другого. Затем на стороне, противоположной входному отверстию, ставят «котэнгданг» (котэнг — переднее, почетное место в чуме). В третью очередь устанавливают два дверных шеста — «алатэйданг» (алатэй — название двух маленьких листов тиски², закрывающих дымовое отверстие с передней и задней стороны чума). Наконец, ставят два угловых передних шеста — «котэнгданг», по обе стороны от центрального переднего шеста. Эти семь основных шестов заостренными нижними концами втыкаются неглубоко в землю, а изнутри скрепляются черемуховым обручем (тапь). К кольцу прислоняют 12 шестов меньшего размера (2—2,5 м) — «коктэйданг» (коктэй — жилое место в чуме справа и слева от очага, находящегося в центре), по три шеста с каждой стороны от обоих сухосьянг. Число остальных шестов — «имэнгнанг» (маленькие шесты) зависит от размеров чума (обычно диаметр 4—4,5 м). Остов чума покрывается берестяными тисками (кый).

Яма землянки — в плане четырехугольная, с трапециевидным углублением со стороны входного отверстия. Основу каркаса двускатной крыши составляют две пары стропил, вкопанных в землю. Со стороны входного отверстия и с противоположной стороны к стропилам прислонены наклонно более тонкие бревна — по четыре с каждой стороны. Обе пары стропил соединены поперечинами — по две с каждой стороны. Каркас землянки покрывается тонкими досками, дранкой. Сверху крышу засыпают землей и обкладывают дерном.

На промыслах летом широко распространены сводчатые шалаши (тунус), каркас которых делается из гибких веток черемухи, тальника и покрывается берестяными покрышками (кыйбол) меньших размеров, чем покрышки чума. В качестве временных убежищ в тайге ставится «получум» — колопусь, основу которого составляют два основных шеста (сухосьянг) настоящего чума. Сейчас на промыслах некоторые семьи живут в брезентовых типовых палатках (рис. 6).

Для хранения охотничьего инвентаря и утвари строят лабазы (рис. 9) — прямоугольные и треугольные настилы на высоких столбах, на которые складывают утварь, покрывая ее тиской, брезентом и т. д. Такие лабазы строят в тайге, чаще всего вблизи землянок или в местах, где охотники собираютсяставить осенью или зимой чумы. Летом зимнее снаряжение (одежда, меховые одеяла, упряжь, лыжи) обычно хранят в таких лабазах или держат сложенным на нарты, стоящие около чума. Раньше на Елгуге строили лабазы в виде срубного амбарчика на столбах (колий). Увидеть их не удалось. Такой лабаз, находившийся недалеко от поселка, оказался разрушенным.

Елгуйские кеты еще продолжаютупотреблять традиционную домашнюю утварь: изделия из бересты, деревянную посуду, колыбели, низкие столики и т. п. Наряду с этим в обиход вошли и покупные хозяйствственные товары — ведра, стиральные доски, посуда и т. д.

Одежда сейчас повсеместно распространена русского типа — покупная или сшитая из покупных тканей. Традиционную распашную летнюю одежду — котлам донашивают на промыслах или ее надевают во время дождей пожилые люди. Новую одежду такого покрова шьют очень редко старикам и маленьким детям вместо пальто.

Котлам (котл — сукно) в прошлом был широко распространен у кетов. Это — прямая распашная одежда, спецификой которой является край из одного полотнища, без боковых швов. Своим покроем котлам повторяет давно вышедшую из употребления ровдужную распашную одежду кетов — хэльтам (хэлэт — ровдуга), изготовленную из целой оленьей шкуры. Мужской котлам отличается от женского только длиной (мужской — до колен, женский — до щиколочки). Запахивают котлам на левую сторону и подпоясывают длинным (обычно красного цвета) поясом (кут). Края пол, подола и рукавов снабжены меховой оторочкой (сихоланг) из шкурок с лап белки, выдры, росомахи. Характерны для кетского костюма и полосы цветной материи, нашитые вдоль ворота и на плечах.

¹ В этнографической литературе имеются две специальные статьи по жилищу кетов, но только подкаменнотунгусских: Б. О. Долгих, Старинные землянки кетов на р. Подкаменной Тунгуске, «Сов. этнография», 1952, № 2; С. И. Вайнштейн, Чум подкаменнотунгусских кетов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXI, 1954. Собранные на Елгуге материалы по землянному жилищу целиком совпадают со сведениями Б. О. Долгих; что же касается чума, то имеется ряд расхождений, касающихся принципа конструкции (количество основных шестов, порядок их установки), терминологии и т. д., в связи с чем в данной статье более подробно описывается чум.

² Тиска — вываренная и выделанная береста.

В прежнее время широко была распространена и зимняя двойная распашная одежда на подкладке из заячего меха (бэсем).

На подкладку бэсема (рис. 10) идет полотнище, сшитое из шестнадцати с половиной заячьих шкурок. Матерчатый верх простегивается вместе с подкладкой. Бэсем также украшали меховой оторочкой. Полы стягивали завязками или засстегивали

Рис. 6. Палатка пастухов-оленеводов

Рис. 7. У чума — «кусь». Жаренье рыбы на рожне

на пуговицы. В настоящее время бэсем шьют только детям дошкольного возраста или (редко) — старикам.

Некоторые особенности традиционного покроя сохраняют платья женщин (соят), особенно пожилых.

Более распространена глухая парка ненецкого типа (сохуй), с капюшоном, сшитая из трех оленевых шкур мехом наружу и надеваемая зимой при перекочевках на оленях.

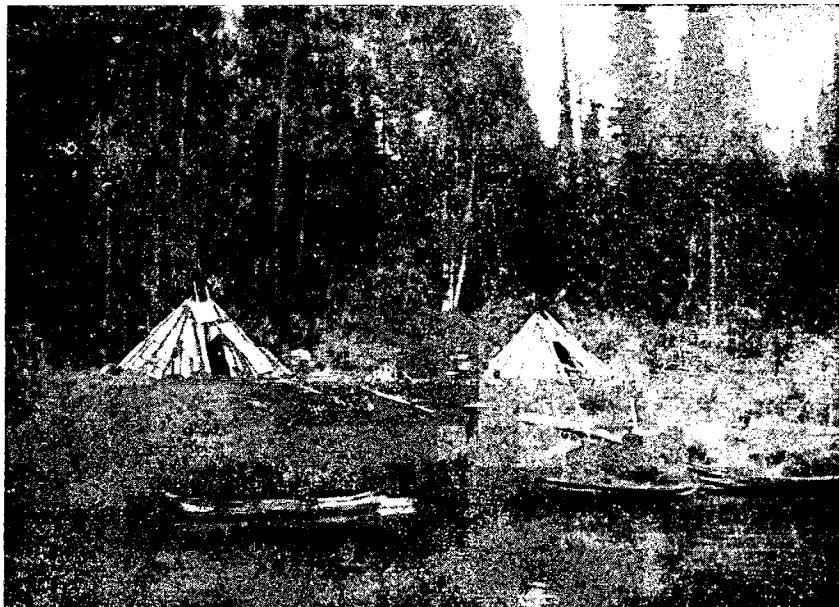

Рис. 8. Кетские чумы — «кусь»

Зимнюю обувь (ко тэсинг) шьют из камусов (подошва, головка) и сукна (голенище). К верхнему краю голенища пришиты ремешки для привязывания обуви к поясу. Под коленями надевают матерчатые орнаментированные подвязки (омэльганг) с длинными ремешками, которые обматывают вокруг ноги. Зимнюю кетскую обувь носит и теперь все население. Летняя ровдужная обувь (хэлэт тэсинг) несколько отлична по покрою — нижняя часть головки в подъеме заканчивается острым клином. В пятончай части пришиты ременные завязки. Летнюю обувь носят обычно женщины, дети и старики.

Зимой и летом мужчины и женщины носят на голове платок, завязывая его под подбородком. Зимой поверх платка мужчины надевают налобник (кэнут) из беличьих хвостов, защищающий лоб от ветра, а глаза — от яркого снега. Пожилые женщины и летом носят налобную повязку из свернутого платка, завязанного сзади узлом. Женщины иногда украшают прическу, укрепляя на затылке узкую полоску цветной материи (тыхэранг — буквально «затылочная веревка», длинные завязки на концах которой

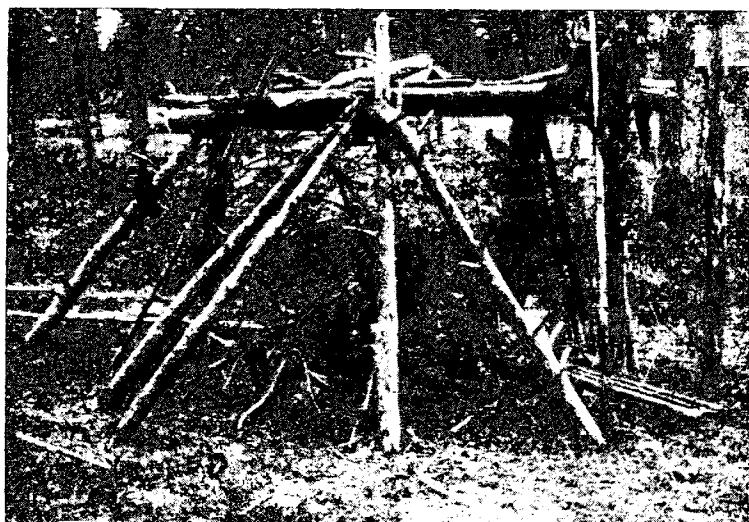

Рис. 9. «Лабаз» для хранения имущества в тайге

наносят различные изображения краской, представляющей собой окись металла; растворителем его является окись свинца. Оригинальна фарфоровая ваза в виде тыквы работы мастера Тэра Тосиро из г. Комацу (префектура Исикава).

Орнамент некоторых изделий отличается особой пышностью и яркостью; такова фарфоровая ваза с изображением крупного цветка (лотоса) на темном фоне, работы мастера Миянохара Кэн из г. Мацудо (префектура Тиба) (рис. 1). Целостность, умение использовать традиционные черты, изящество присущи большинству изделий. Этим отличаются фарфоровая ваза со сплошной поливной работы Ямагути Тамэо (г. Такео), керамическая ваза в виде чашечки с двумя причудливо изогнутыми ручками, покрытая растительными и геометрическими узорами, мастера Ясухара Кимэн (г. Токио), фарфоровая ваза с волнистым орнаментом работы неизвестного мастера.

Рис. 1. Ваза. Фарфор.

Раб. Миянохара Кэн

Для ряда изделий характерен перенос форм окружающего животного и растительного мира (рыб, цветов и т. п.) на бытовые уникальные изделия. Своеобразно декоративное решение вазы в виде карпа, работы мастера Суда Сеика (г. Канадзава, префектура Исикава), украшенной техникой «сомэцукуэ» (подглазурная роспись перед обжигом) (рис. 2).

На выставке представлены лучшие изделия народной бытовой керамики (народное ремесло «мингайха»): недорогие поливные кувшины, тарелки, чашки, чайники. Декорированные красочными пятнами или скорописными иерогlyphами, эти изделия отличаются благородством расцветки и целесообразностью формы; не случайно приемы и пропорции народной керамики служат источником творчества многих профессионалов.

Богатые художественные традиции характерны для большинства изделий из лака. Красочность и тонкость рисунка отличают вазу работы заслуженного художника Японии Мацууда Гонроку (ведущего в Токийском художественном училище курс художественной обработки лака), с изображением стоящей куропатки на черном фоне. Роспись сделана техникой «макиэ»: на металлической форме лаком наложен фон и

нанесен рисунок, который посыпан золотым или серебряным порошком; затем изделие вторично покрыто лаком и отшлифовано. Изделия Мацууда Гонроку, как правило, не вывозятся из Японии как большая ценность. Он долго работал в г. Надзава. В этом же городе (префектура Исикава) работают мастера — представители среднего и старшего поколений, изготавливающие лакированные ларцы, шкатулки, панели: Оба Сиогио, Иосида Баидо, Ясутани Бисэн и др. Особо сложны и красочны изделия мастера Оба Сиогио. Одна из шкатулок работы, с выдвижными ящиками, покрыта гирляндами цветов, выполненными техникой «хёмон» (рисунок вырезается из золотого или серебряного листа, приклеивается лаком и шлифуется) (рис. 3). Своеобразна шкатулка работы Иосида Баидо (г. Надзава, префектура Исикава) с крупным восьмилепестковым узором из красного лака.

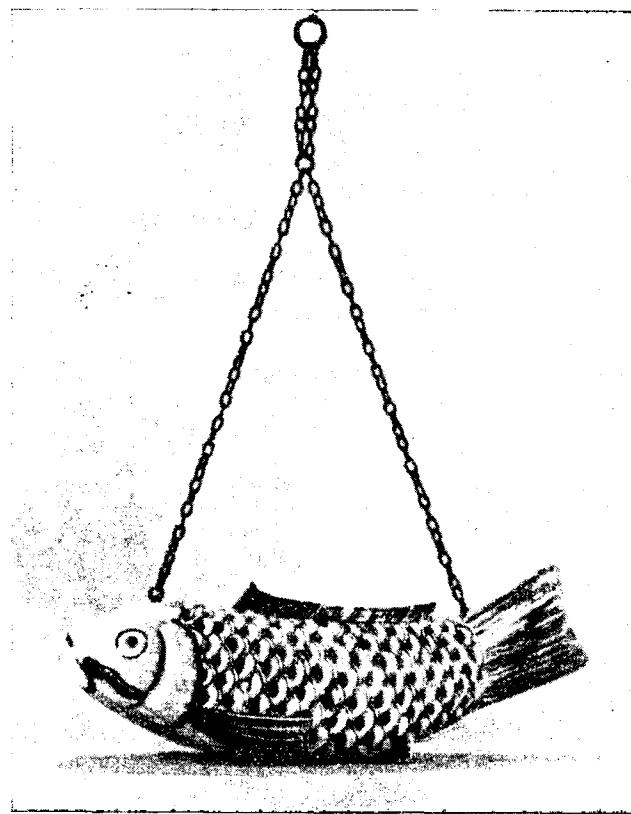

Рис. 2. Ваза в виде карпа. Фарфор.

Раб. Суда Сеика

на крышке. При изготовлении изделия мастер использовал метод «цусю» (поверхность металла, служащего основой, покрывается в несколько слоев лаком, с последующим тщательным вырезанием лака по контуру рисунка). В украшении шкатулки работы мастера Харуи (из г. Кобе), в тонкости рисунков растений, домов, облаков, сказывается животворное влияние выдающегося мастера художественной обработки конца XVII — начала XVIII в. Огата Корина.

Умело использованы старинные традиции на других изделиях: шкатулка с изображением бамбукового леса, работы мастера Такахаси Сэцуро (г. Токио), шкатулка с изображением листьев и летящих птиц работы Като Дзиго (г. Сендай, префектура Акита), ширма с изображением волн и орла, реющего над морем, работы Канадзимы Кейсукэ (г. Фукуока). Характерен для японских изделий морской пейзаж. Свободно и живо изображены лодки среди волн на лакированных панелях мастера Ясутани Бисэна (г. Канадзава, префектура Исикава).

Чрезвычайно динамично изображение мчащихся всадников, выполненное техникой «тинкин», на деревянной шкатулке «Свежее утро» мастера Фудзи Канбун (род. г. Вадзима, префектура Исикава, живет в г. Токио) (рис. 4).

Сочные и яркие цветы украшают шкатулку работы мастера Икеути Кацуми (г. Фунабаси, префектура Тиба). Как удалось мастеру получить столь яркие пят-

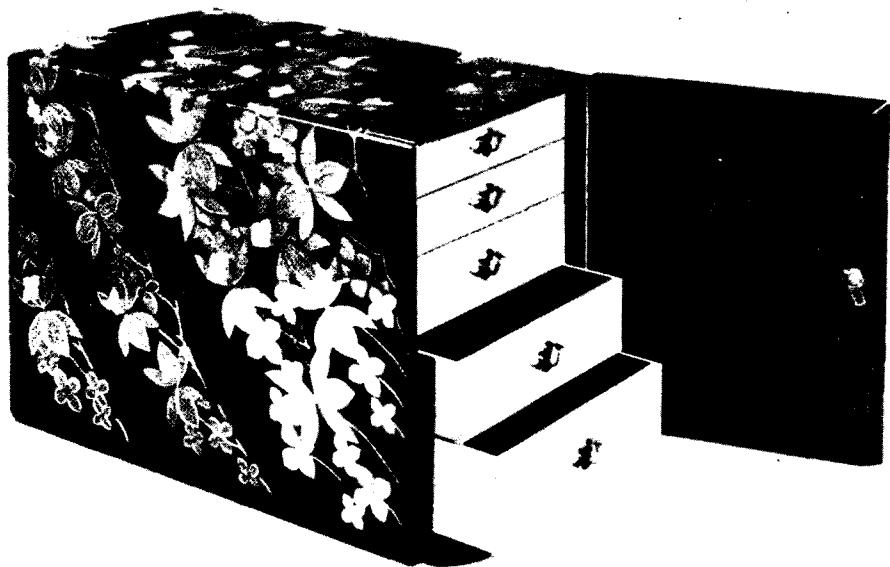

Рис. 3. Лаковая шкатулка с выдвижными ящиками. Техника хёмон».

Раб. Оба Сиогио

Рис. 4. Лаковая шкатулка «Свежее утро». Техника «тинкин».

Раб. Фудзии Канбуя

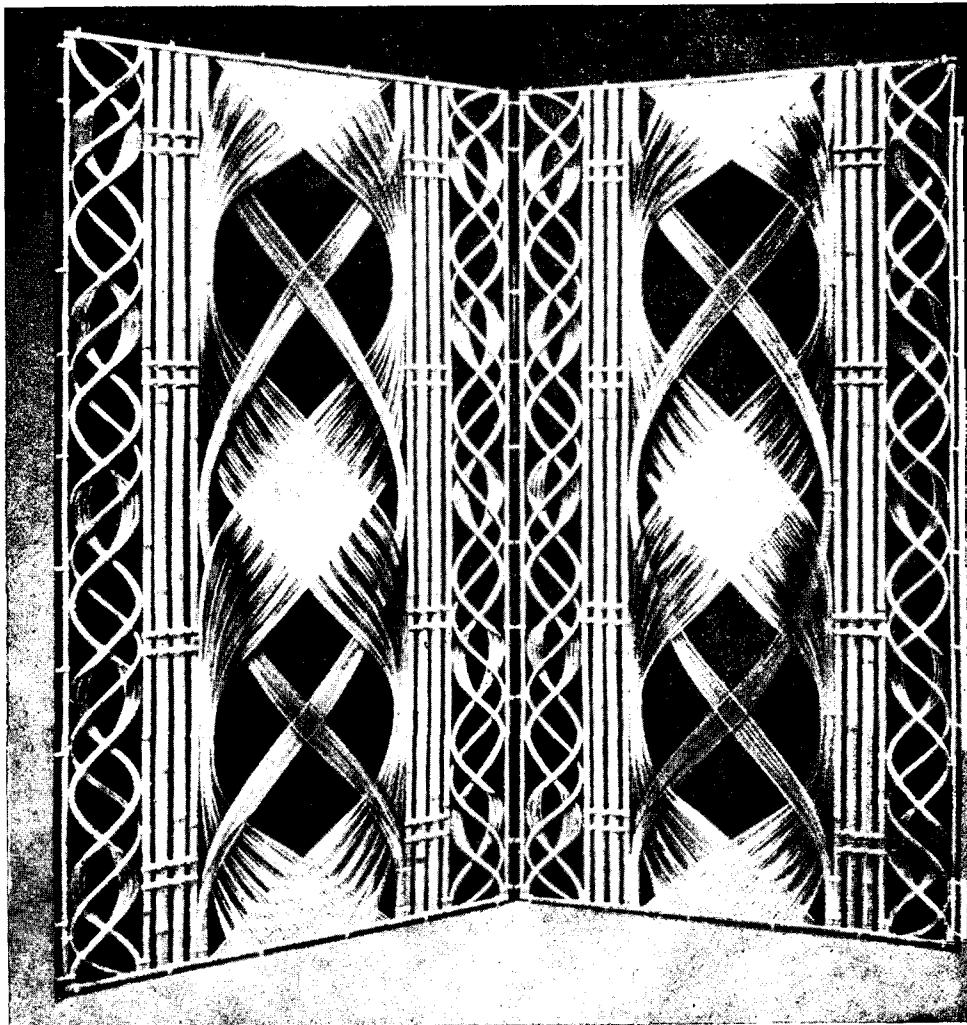

Рис. 5. Ширма из плетеного бамбука.

Раб. Хаяси Сиогэнусай

Рис. 8. Ширма. Роспись ткани.

Раб. Минагава Таидзо

Рис. 9. Всадница. Кованое металлическое изделие

Раб. Отани Харухико

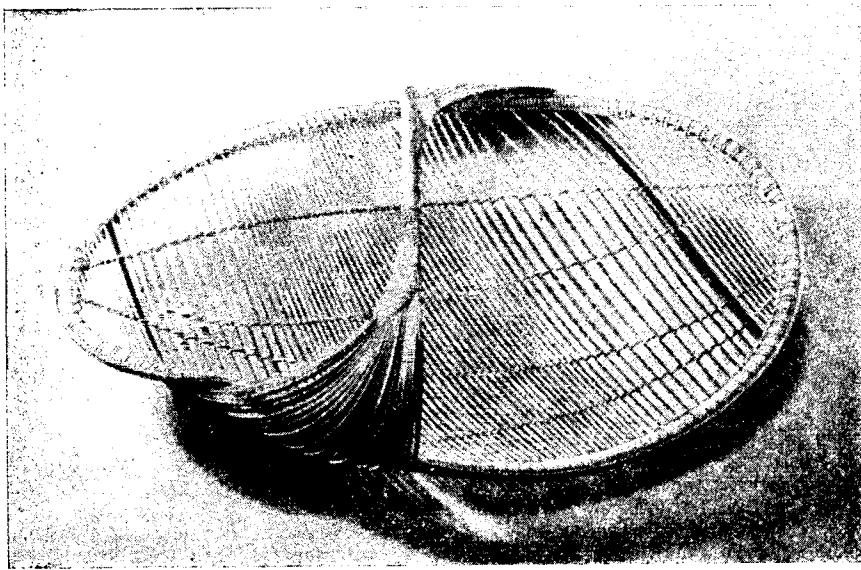

Рис. 6. Блюдо из белого бамбука

Раб. Сионо Сиоунсаи

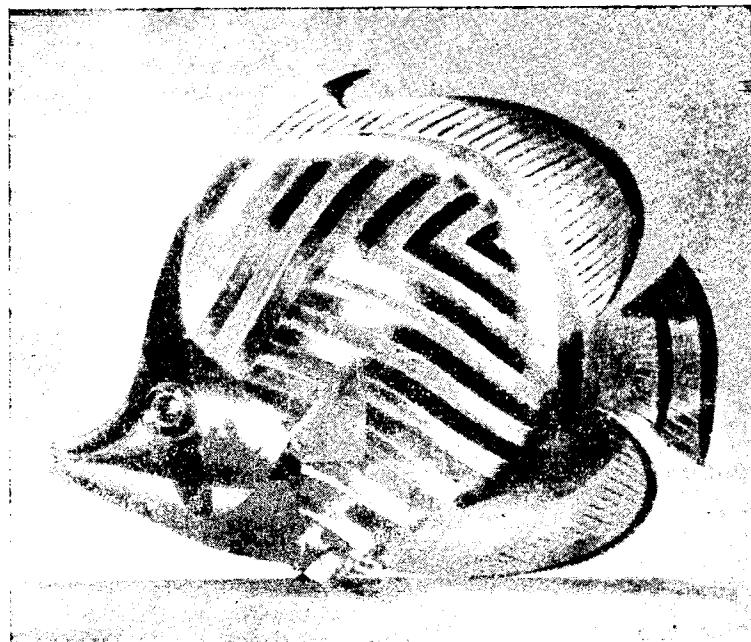

Рис. 7. «Рыба». Кованое металлическое изделие

Раб. Като Соган

красных цветов сливы? Для этого он использовал метод «тёсицу»: сначала поверхность основного материала несколькими слоями разноцветного лака, а путем выскабливания по контуру нанесенного рисунка отдельных слоев лака получилось изображение сливовых цветов. Аналогичным методом нанесены крупные красные цветы на другой шкатулке — работы Ямасита Иосаяи (г. Такамацу, префектура Кагава).

Конструктивной сложностью выделяются изделия, в которых мастера, ~~вы~~ стремились выразить все богатство традиционных форм японского искусства: ~~и~~ с изображением цветов, мастера Иосида Гендзюро (г. Токио), складная шкатулка работы неизвестного мастера; шкаф работы токийского мастера Уэмацу Хоби (1934), шкатулка, укращенная техникой «тёсицу», с контурным изображением лис и бабочек, мастера Осима Тадаси (г. Такамацу, префектура Кагава).

Художественная обработка металла (резьба, инкрустация и насечка с использованием старинных сплавов сибути, сентоку и сякудо, ковка, литье) — отрасль японской художественной промышленности, имеющая глубокие самобытные традиции.

В изделиях из металла отражены образы окружающей действительности. Блеск даря контрастному колористическому сочетанию необычайно эффектна шкатулка работы Кумагая Сионеи (г. Токио). Черная птица (вороны) охватила крылья шкатулки; фигура ее гармонирует с черной каймой, разделяющей крышки и корешки шкатулки из старинного сплава «сякудо» (медь и 3% золота).

Насечкой (техника «дзоган») отделаны железная статуэтка, изображающая ивы, гвина, работы мастера Кобаяси Сионмин (г. Киото), железная ваза мастера Ма Тадацугу (префектура Сага), железный графин с изображением ивы, работы мастера Касима Иккоку (г. Токио).

Чрезвычайно любопытно блюдо с тремя выпуклыми плавающими черепахами работы мастера Ямаваки Иодзи (г. Токио). В украшении блюда мастер использует сплавы сякудо и рогин (сплав, состоящий из 25% серебра и 75% меди с добавлением золота). Новым, присущим современности приемом является здесь скучное, схематическое изображение черепахи путем проковки двух выпуклостей — щита и головы. Черепахи — старый японский декоративный мотив. На блюде они расположены в окружении характерного японского криволинейного узора — так называемого «ми-току». Но сам этот синтез двух мотивов — черепах и мицутоку — является совершенно новым и необычным. Разнообразны способы художественной обработки стекла и рева. Стекло — новый материал для прикладного искусства Японии. Наиболее интересными из изделий этого рода на выставке были вазы в виде чаши цветка с золотыми крапинками внутри стенок, работы Ивата Тосити (г. Токио), и хрустальная ваза работы Такаги Сигэру (г. Токио).

Для японского художественного ремесла весьма типично употребление разнообразных комбинаций органических материалов. Так, лаковая посуда изготавливается путем прессовки в форме, выстланной многими слоями шелковой марли, пропитанной лаком, что предвосхищило новейшую технику текстолитов и волокнистых пластиков. Зачастую плетеные изделия — корзины, вазы и пр. — покрываются такой же сетью и промазываются лаком. Полученное изделие на вид напоминает керамическую ткань плетения, но необычайно легкий вес выдает природу его материала. Тем самым лак придает большое изящество плетеным корзинам, ларцам. Многие деревянные и бамбуковые изделия также покрываются лаком. Плетеные изделия из бамбука вообще отличаются необычайной виртуозностью выполнения (рис. 5 и 6). Блюдо из тутов дерева, работы Инаги Хигасисэнри из Токио тоже представляет комбинацию материалов: оно отделано лаком и обработано насечкой из серебра и ракушек.

Роспись тканей, украшение кимоно и ширм — также старинный вид прикладного искусства Японии. На выставке было представлено широе золотой нитью кимоно, а также более скромное кимоно, расшитое фазанами, выполненными в разных позах на светлом цветочном фоне.

Набивные ткани, представленные на выставке, используются для повседневной современной одежды. Из узких полотниц такой ткани шьют кимоно прямого покрова, сшивая в продольном направлении несколько неразрезанных полотниц.

Богаты и разнообразны возможности украшения ширм: на них изображены сюжетные и бытовые сцены, пейзажи (рис. 8). Поражает виртуозное умение различными оттенками одного цвета передать пейзаж взморья. Так, Хори Томосабуро из Токио прекрасно сумел оттенками синего цвета передать бьющиеся о скалы морские волны, пену, облака.

Очень хорошо переданы нахохлившиеся, сидящие на сучьях цапли на ширмах работы Нарутака Токо (г. Канадзава, префектура Исикава).

Обращает на себя внимание при украшении ширм сочетание традиционной японской тематики и композиции с присущими современному искусству строгими прямыми линиями и сдержанной цветовой гаммой. Очень своеобразны объемные изделия из кованого металла; изображение рыбы (рис. 7) работы Като Соган (г. Киото) и всадники (рис. 9) работы Отани Харухико (род. в г. Вакамацу, префектура Фукуока, живет в г. Токио). На выставке было представлено несколько образцов мелкой скульптуры, из которых следует отметить деревянную статуэтку «Отдыхающая женщина» работы известного художника Японии Хирата Гою (г. Токио) и статуэтку крестьянки работы мастерицы Итихаси Тосико (г. Иокогама).

Особенно красочна и жизнерадостна была экспозиция народной игрушки. Сделанные из дерева, глины, папье-маше игрушки часто чем-то напоминают хорошо знакомых нам матрешек и вятскую скульптуру малых форм. В ярких куклах типа матрешек нашли отражение культовые образы: буддийского бога Дарумы и богини Кудзумэ. Просто и остроумно сделаны фигурки зверей с качающимися при легком дуновении головами и хвостами и другие нехитрые, но очень забавные подвижные игрушки.

В экспозиции выставки частично отразились сложные культурные и этногенетические связи японского народа. Японские мастера восприняли, продолжили и творчески переработали многие достижения китайской и корейской культуры, легшие в основу японского художественного ремесла. Такие приемы, как батиковование ткани и возникшее по аналогии с ним в последние годы батиковование поделочной бумаги, напоминают нам о южных, индонезийских связях японского народа. На многих надверных занавесях можно увидеть айнские узоры. К айнским инау восходят, видимо, и некоторые игрушки — точечные куклы «кокэси» и деревянные фигурки, у которых шевелюра изображена при помощи кудрявых стружек.

Выставка современного японского прикладного искусства в Москве была очень интересна с разных точек зрения — технической, искусствоведческой, этнографической. Она выполнила благородное и нужное дело культурного сближения народов, служа идеям взаимопонимания, мира и дружбы.

В этом причина теплого внимания, оказанного выставке советскими людьми, в этом объяснение неизменно восхищенного тона отзывов ее посетителей.

С. А. Арутюнов, Н. М. Ильчук

В БУРЯТСКОМ КОМПЛЕКСНОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

Столетие со дня рождения М. Н. Хангалова

Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР провел в сентябре 1958 г. научную сессию, посвященную столетию со дня рождения замечательного этнографа и фольклориста, народного учителя Матвея Николаевича Хангалова. Сессию открыл председатель Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР Д. Ц. Цыремпилов. В работе сессии приняли участие представители г. Иркутска, Усть-Ордынского и Агинского национальных округов, а также дочь М. Н. Хангалова — Софья Матвеевна, проживающая в улусе Бильчир Осинского аймака Усть-Ордынского национального округа Иркутской области.

Такую же сессию провел окружной краеведческий музей в с. Усть-Орда Иркутской области.

На этих сессиях научные работники Улан-Удэ, Иркутска и Усть-Орды Г. Н. Румянцев, И. Е. Тугутов, В. И. Андреев, Ф. А. Кудряев и другие выступили с докладами о научной и педагогической деятельности М. Н. Хангалова.

Совет Министров Бурят-Монгольской АССР в увековечение памяти ученого постановил воздвигнуть в Улан-Удэ памятник М. Н. Хангалову, присвоил его имя краеведческому музею в Улан-Удэ. Назначена персональная пенсия его дочери.

По предложению доцента Иркутского университета П. П. Хороших, являющегося сподвижником и учеником Хангалова по этнографическому изучению бурят, решено устраивать в Улан-Удэ ежегодные «Хангаловские чтения». В Улан-Удэ приступили к изданию собрания сочинений М. Н. Хангалова в трех томах. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт готовит к печати сборник, посвященный столетию со дня рождения М. Н. Хангалова.

Этнографическое совещание в Бурятии

16 сентября в Улан-Удэ состоялось первое этнографическое совещание научных работников, занимающихся этнографией бурят. Созыв такого совещания в Улан-Удэ вполне закономерен. В свое время, благодаря научно-собирательской деятельности выдающегося бурятского ученого М. Н. Хангалова, этнографическое изучение бурят получило значительное развитие. После смерти М. Н. Хангалова (1918 г.) систематическим изучением современного быта и культуры бурят никто не занимался, если не считать отдельных любителей-краеведов и этнографов, поздававших до 1930-х гг. журнал «Бурятоведение» (Улан-Удэ) и «Бурятоведческий сборник» (Иркутск).

В годы социалистического преобразования сельского хозяйства снова оживилась этнографическая работа в Бурятии. Ею стали заниматься республиканские краеведческие музеи в Улан-Удэ и Кяхте, открылись такие музеи и в бурятских улусах (Жаргалантуй Селенгинского аймака и Арагде Курумканского аймака), развернувшие этнографические экспозиции. Бурятский филиал Всесоюзного географического общества с 1957 г. выпускает «Краеведческие сборники», на страницах которых публикуются этнографические материалы.

В текущем году этнографическим отделением Бурятского филиала Всесоюзного географического общества была организована экспедиция по изучению памятников культуры в Селенгинской Даурии. Экспедиция обнаружила ряд любопытных архитектурных памятников, связанных с именами декабристов Н. и А. Бестужевых К. Торсона.

Бурятский комплексный научно-исследовательский институт в последнее время приступил к изучению семейного быта сельского населения. Появился интерес к этнографии бурят и со стороны Института этнографии Академии наук СССР. В журнале «Советская этнография» опубликована статья о пище южных бурят. Следует напомнить о состоявшейся еще в 1952 г. сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной этногенезу бурят и о развернувшейся по этому вопросу дискуссии (см. «Советская этнография», 1953, № 1; 1954, № 1).

В работе совещания, кроме ученых, приняли участие представители общественности Иркутской и Читинской областей: краеведы, сельские учителя, журналисты, писатели, пропагандисты и др.

На совещании зачитан содержательный доклад сотрудника ленинградской части Института этнографии АН СССР К. В. Вяткиной о задачах этнографического изучения бурят. Большой интерес вызвал доклад заведующего монгольским сектором Бурятского комплексного научно-исследовательского института Г. Н. Румянцева «Этногенез бурят». Народному прикладному искусству бурят были посвящены доклады — доцента Иркутского университета П. П. Хороших и А. В. Тумахани. Задавший отделом литературы и фольклора Л. Е. Элиасов выступил с докладом о основных проблемах изучения устной поэзии народов Бурятии. Пишущий эти строки сделал доклад о материальной культуре бурят. Было прослушано четыре сообщения директора Республиканского краеведческого музея им. М. Н. Хангалова С. П. Кочрева и директора Кяхтинского краеведческого музея Р. Ф. Тугутова об этнографической работе в музеях, кандидата филологических наук И. Д. Бураева о выходах из Туркестана в долине Джиды — сартулах — и выпускницы Иркутского университета Г. И. Ильиной о быте семейских (русское старообрядческое население на территории Бурятии). С заключительным словом выступил директор Бурятского комплексного научно-исследовательского института Д. Д. Лубсанов.

Этнографы Бурят-Монгольской АССР, Агинского и Усть-Ордынского национальных округов и Иркутской области поделились на этом совещании опытом этнографической работы.

Бурятский комплексный научно-исследовательский институт готовит к печати этнографический сборник, посвященный итогам данного совещания.

Отрадно, что участники этого совещания, разъехавшись на места, сразу же активизировали свою работу. Так, Институтом получено интересное письмо от директора краеведческого музея с. Усть-Орда Иркутской области тов. Сабидаевой, в котором она сообщает, что участники этнографического совещания создают этнографический актив. Недавно в с. Усть-Орда после отчета делегатов совещания было решено создать этнографический кружок при окружном краеведческом музее. Кружковые этнографы обратились к нам за консультацией по программе развертывания их работы. Подобное сообщение мы получили и из с. Агинского Читинской области. Там участники нашего совещания приступили к этнографическому изучению семейного быта колхозных животноводов, живущих на далеких отгонных пастбищах (туртагах).

Таковы первые практические результаты нашего этнографического совещания. Институт продолжает получать письма от лиц, сожалеющих, что по тем или иным причинам не попали на совещание. Это говорит об интересе партийно-советской научной общественности Бурятии к этнографической науке.

И. Е. Тугутов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ *

В целях развития исследовательской работы по национальностям Академия наук КНР создала в июне 1958 г. Научно-исследовательский институт национальностей, имеющий три отдела: национального вопроса, этнографии и истории. В задачи Института входит изучение марксистско-ленинской теории по национальному вопросу и национальной политики КПК, истории национальных меньшинств нашей родины и взаимоотношений между ними, общественного строя национальностей; ознакомление с передовым опытом Советского Союза и стран народной демократии в решении национального вопроса и с достижениями науки этих стран в области изучения национальностей; подготовка научных сотрудников по национальному вопросу, истории и этнографии национальных меньшинств; помочь государственным учреждениям по делам национальностей в решении вопросов, требующих научного исследования; содействие

* Информация подготовлена по просьбе редакции журнала «Советская этнография» Институтом национальностей Академии наук КНР.

укреплению сотрудничества всех народов Китая и развитию социалистического строительства.

Одновременно с открытием Института национальностей в июне — июле 1958 г. Комиссия по делам национальностей при Всекитайском Собрании народных представителей и Центральная академия нацменьшинств созвали всекитайскую конференцию по изучению национальностей. На конференции были подведены итоги по изучению общественного строя и истории нацменьшинств. Отмечая достигнутые успехи, конференция подвергла серьезной критике проявления буржуазной идеологии и местного национализма в этнографической работе. Это — борьба за «свержение белого знамени и водружение красного знамени, за ликвидацию буржуазной идеологии и утверждение социалистической идеологии», борьба между большой правдой и большой неправдой.

Вступительный доклад на конференции сделал заместитель заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК и заместитель председателя Центрального комитета по делам нацменьшинств КНР Ван Фэн. С заключительным докладом, в котором были подведены итоги работы конференции, выступил заместитель председателя комиссии по делам национальностей при Всекитайском Собрании народных представителей Се Фу-мин.

Участники конференции, в духе выдвинутой ЦК КПК генеральной линии, «напрягая все силы, стремясь вперед, больше, быстрее, лучше, экономнее строить социализм», создали план «большого скачка» по исследованию национальностей. Главное содержание этого плана заключается в том, чтобы за короткий срок закончить первоначальное обследование общественного строя и истории пятидесяти нацменьшинств нашей страны.

В соответствии с этим планом Институт национальностей Академии наук КНР, Центральная академия нацменьшинств, Пекинский университет, Пекинский педагогический университет, Отдел искусств министерства культуры КНР, Революционный исторический музей, Институт языков нацменьшинств Академии наук КНР направили в национальные районы больше пятисот сотрудников, преподавателей и студентов. Часть из них влилась в ранее созданные экспедиции во Внутренней Монголии, Синьцзяне, Тибете, Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу, Гуандуне, Гуанси. Остальные организовали новые экспедиции в провинции Ганьсу, Цинхай, Ляолин, Гирин, Хэйлунцзян, Хунань, Фуцзянь и др.

В сентябре 1958 г. вышел первый номер издаваемого Институтом национальностей ежемесячного научного журнала «Минцзу цзяосю» («Исследование национальностей»). В журнале опубликована статья Се Фу-мина «Основные итоги двухлетней работы по обследованию общественного строя и истории нацменьшинств». Автор отметил достижения и вскрыл недостатки в этой области. Он подчеркнул, что в исследовательской работе по национальностям, как и во всякой работе, ведущее положение должно принадлежать политике, что исследовательская работа по национальностям должна вестись под руководством КПК.

В журнале помещен отчет экспедиции по изучению общественного строя и истории нацменьшинств провинции Сычуань — «Общественный облик национальности ий, живущей в Ляншане (провинция Сычуань), до демократической реформы». Этот отчет основан на оригинальных материалах, собранных экспедицией в течение полутора лет. Статья не только содержит научный анализ рабовладельческого общества ий, но и (это особенно важно) показывает, что народ ий под руководством КПК и народного правительства путем демократических реформ и социалистических преобразований переходит сразу от рабовладельческого общества к социалистическому. Тем самым на живом и конкретном примере доказывается величие и правильность национальной политики ЦК КПК, руководимого председателем Мао Цзэ-дуном. Журнал знакомит своих читателей с работой советских этнографов (опубликован перевод статьи «Работа Института этнографии Академии наук СССР в 1957 г.» из журнала «Советская этнография») и публикует план «большого скачка» на год, созданный Институтом национальностей Академии наук КНР.

Издательский план Института национальностей Академии наук КНР предусматривает подготовку большого числа научных работ. Центральное место в этом плане занимает 60-томная серия «Очерки этнографии и истории», посвященная всем нацменьшинствам. Такого монументального труда, предусматривающего всестороннее описание всех нацменьшинств многонационального Китая, еще не было в истории науки.

Другую серию составят сборники материалов по нацменьшинствам из старой исторической литературы. Уже началась подготовка первого тома «Сборника материалов по истории тибетского народа», который выйдет в свет в начале 1959 г.

С целью ознакомления с опытом Советского Союза и стран народной демократии в решении национального вопроса готовится сборник переводных статей по национальному вопросу, который выйдет в свет к концу этого года.

Институт национальностей Академии наук КНР уделяет большое внимание развитию сотрудничества с академиями наук стран социалистического лагеря.

В апреле текущего года сотрудник Института национальностей Фэн Цзя-шэн по приглашению Института этнографии АН СССР принял участие в этнографической экспедиции, работающей в Средней Азии.

По соглашению о сотрудничестве между академиями наук КНР и СССР

Институт национальностей направил одного аспиранта в Советский Союз для усовершенствования в области этнографии.

В августе текущего года директор Института литературы и языка Академии наук Казахской ССР С. К. Кенесбаев и заведующий отделом востоковедения этой института Ц. Д. Номинханов прибыли в Китай. Они посетили Институт национальностей Академии наук КНР. Центральную академию нацменьшинств, Институт языков нацменьшинств Академии наук КНР и другие учреждения. Гости побывали в автономной области Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурской автономной области.

По соглашению о сотрудничестве между академиями наук КНР и СССР был осуществлен обмен материалами музеев в области этнографии между КНР и СССР.

ПОЕЗДКА В ВЕНГЕРСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

В июне 1958 г. авторы настоящего сообщения были командированы Институтом этнографии АН СССР в Венгерскую Народную Республику. Срок нашей командировки был небольшой — всего две недели; за это время мы должны были обсудить с венгерскими учеными проспект подготовляемой ими статьи «Венгры» для издаваемого Институтом этнографии многотомника «Народы мира», а также познакомиться с работой этнографических и антропологических учреждений Венгрии.

В написании статьи «Венгры» участвуют виднейшие венгерские ученые. Раздел, посвященный этногенезу венгерского народа, и часть раздела «Экономика и хозяйственный быт» пишет проф. И. Талаши; вторую часть этого раздела и раздел по материальной культуре пишет проф. Бела Гунда; весь раздел по духовной культуре и общественному строю взял на себя проф. Д. Ортутан. Подбор иллюстративного материала и составление карт осуществляют научный сотрудник Института этнографии Будапештского университета Л. Ковач.

Во время нашего пребывания состоялось совещание авторского коллектива у ректора Будапештского университета проф. Д. Ортутана, на котором были обсуждены научные и организационные вопросы, связанные с подготовкой этого издания.

Значительную часть времени в Будапеште мы посвятили осмотру экспозиции и фондов Этнографического музея (директор проф. Д. Домановски) и ознакомлению с работой Института этнографии Будапештского университета (руководители — проф. Д. Ортутан и И. Талаши).

Один из участников поездки — М. Г. Левин — побывал также в отделе антропологии Естественнонаучного музея (заведующий — доктор Я. Немешкери), где ему была предоставлена возможность ознакомиться с основной тематикой работы отдела и осмотреть обширные коллекции по палеоантропологии Венгрии, накопленные в последние годы венгерскими учеными. В антропологическом институте Будапештского университета (руководитель проф. Л. Бартуц) мы познакомились с богатыми краинологическими и остеологическими материалами, собранными в конце прошлого и начале нашего века известным венгерским антропологом Тереком. А в Геологическом институте — с известной палеоантропологической находкой — скелетными остатками из пещеры Шубалюк. В Будапеште мы имели встречи со многими венгерскими этнографами и антропологами, любезно знакомившими нас со своими работами.

2 июля на совместном заседании Венгерского этнографического и Венгерского антропологического общества под председательством проф. Л. Бартуца М. Г. Левин выступил с докладом «Основные направления антропологических исследований в СССР».

Венгерские коллеги предоставили нам возможность совершить интересные поездки по стране. Маршрут этих поездок — более полутора тысяч километров на автомобиле — охватил восточную и юго-западную часть Венгрии. Благодаря исключительному гостеприимству и вниманию, которое было оказано нам венгерскими коллегами и работниками аппарата Венгерской Академии наук, гостями которой мы были, нам удалось за очень короткий срок многое увидеть и многому поучиться.

Этнография — одна из наиболее развитых отраслей венгерской науки; еще в XIX — начале XX в. было опубликовано много больших серьезных работ по этнографии венгерского и других народов, главным образом обских угров. И в настоящее время в Венгрии ведется значительная научная работа, начата разработка многих важных этнографических проблем.

Всей этнографической работой в Венгрии руководит Главная этнографическая комиссия при Венгерской Академии наук (Отделение общественно-исторических наук — II класс). В этой комиссии составляются общие планы работы в пределах страны. Сейчас, например, здесь разрабатывается перспективный план работы на 15 лет. Комиссия издает центральный этнографический печатный орган «Acta ethnographica».

Большую научную работу ведет также Венгерское этнографическое общество. В 1959 г. исполняется 70 лет со дня его основания. Общество организовано на добровольных началах, члены его платят взносы. Кроме того, общество получает материаль-

ю помочь от Академии наук, на средства которой, в частности, издается журнал «Ethnographia». В обществе есть три отдела: венгерского фольклора, материальной культуры венгерского народа и этнологии. На регулярных заседаниях этих отделов заслушиваются научные доклады и отчеты членов общества.

Три этнографических института Венгрии — при Будапештском, Дебреценском и Сегедском университетах — наряду с подготовкой научных кадров этнографов, ведут и исследовательскую работу.

Число студентов-этнографов в Будапеште и Дебрецене невелико. Каждый из них приобретает в университете и вторую специальность, которая делает возможным использовать его не только на научной работе, но и в качестве учителя средней школы, работника музея, библиотеки.

Специализация начинается с первого курса. Пятый курс отводится исключительно на практику в музеях и подготовку дипломных работ. В Будапеште и Дебрецене

Рис. 1. Здание Будапештского этнографического музея

нас познакомили с рядом дипломных работ студентов. Все эти работы основаны, как правило, на самостоятельно собранных полевых материалах; в них рассматриваются главным образом узкие, специальные вопросы венгерской этнографии (например: рыболовство на оз. Веленце, жилища отдельного селения, способы молотьбы в одном из комитатов).

С большим интересом просмотрели мы также несколько этнографических фильмов, созданных научными сотрудниками этнографического института Будапештского университета: «О старом способе жатвы серпом в северной Венгрии», «Уборка сена косой в центральной Венгрии», «Пастушеский быт в окрестностях Дебрецена», «Свадебные обычаи у полоцев» (этнографическая группа венгров).

Из основных этнографических проблем, которые сейчас разрабатываются в ведущих этнографических учреждениях Венгрии, следует прежде всего упомянуть составление Венгерского этнографического атласа. К настоящему времени закончен подготовительный этап этой работы: составлены и отпечатаны подробные анкеты по отдельным разделам материальной и духовной культуры. В каждой такой анкете, помимо подробного вопросника, есть и схематические рисунки различных типов сельскохозяйственных орудий, жилищ, одежды и пр., что должно значительно облегчить ответы на вопросы.

Намечены также основные области исследования и пункты в них, подлежащие более тщательному изучению. Исследование должно проводиться в 350 пунктах, равномерно распределенных по территории главным образом самой Венгрии, а отчасти на территории соседних государств: Чехословакии, СССР, Румынии, Югославии и Австрии, где имеется и венгерское население.

Венгерские этнографы начали также разработку новой для них проблемы «Современная культура и быт венгерского народа». Правда, еще не выработана методология этих исследований, не совсем ясно представляются и задачи их. Сейчас собирается материал по фольклору и быту некоторых групп рабочих в Будапеште, по этнографическому изучению населения нового промышленного города — Сталинвароша.

Интересную работу проводят венгерские этнографы совместно с так называемой Аграрной комиссией Академии наук. Цель этой работы — дать в историческом аспекте историю хозяйственного быта венгерского народа, включая сюда основные разделы материальной культуры и социальную организацию, выявить основные экономические и этнографические области Венгрии в их историческом развитии.

В этнографических учреждениях Венгрии ведутся обширные работы по истории народного жилища. Так, в Архитектурном институте Технического университета в Будапеште, директор которого проф. Ласло Варга живо интересуется и этнографией, собран большой материал по народному зодчеству (4 тыс. рисунков и 12 тыс. фотографий), который сейчас обрабатывается.

В планах работы этнографических институтов и музеев стоит много тем и по иным разделам материальной и духовной культуры.

Следует отметить, что основное внимание большинства венгерских этнографов направлено на изучение своего народа. Поэтому так много выходит отдельных трудов

Рис. 2. Экспозиция выставки народной одежды в Будапештском этнографическом музее

и статей по узким темам венгерской этнографии. В несравненно меньшей степени изучается этнография других народов, живущих в Венгрии,— славян, немцев.

Музейная работа в Венгрии ведется в широких масштабах. В шестидесяти городах страны имеются краеведческие музеи, в которых, как правило, есть и этнографические отделы, хотя не везде еще в них работают специалисты-этнографы.

Самый крупный этнографический музей находится в Будапеште (рис. 1). В музее работает 76 человек, из них 30 — научные сотрудники. Музей имеет отделы: венгерской этнографии, международный и музыкальный, обширный этнографический архив, богатые фонды и большую библиотеку. Каждый отдел разбит на ряд тематических подотделов, так называемых коллекций, имеющих своих хранителей. Так, первый отдел состоит из следующих коллекций: земледелие, скотоводство, рыболовство, жилище, пища, текстиль, керамика, прикладное искусство. У музея есть свои публикации: ежегодник «Néprajzi közlemények» («Этнографические записки»), «Néprajzi Értesítő» («Сборник по этнографии») и отдельные издания.

Из 15 тыс. m^2 площади музея только 5 тыс. m^2 отведено под экспозицию. Постоянной экспозиции по этнографии венгерского народа нет, ее заменяют отдельные выставки, функционирующие довольно продолжительное время.

В настоящее время открыта выставка венгерской народной одежды. В первых залах показаны основные части мужской и женской одежды в их историческом развитии, а затем выставлены на отдельных щитах комплекты одежды из разных этнографических областей Венгрии, причем с подразделением на одежду различных социальных и возрастных групп. Интересна техника экспозиции: манекенов нет, но показываемая одежда создает впечатление, что надета на человека (рис. 2).

В фондах музея хранятся также и большие этнографические коллекции по народам мира, собранные в разное время венгерскими путешественниками. Наиболее ценные океанийские коллекции венгерского орнитолога Самуэля Фенихеля (1891—1893 гг.) и энтомолога Биро Лайоша (1896—1902 гг.); коллекции по Африке врача Рудольфа Фусека (Либерия, 1930-е годы), этнолога Эмиля Тордай (Западная Африка, те же годы), путешественника Самуэля Телеки (Восточная Африка, 1845—1916 г.). Есть в фондах богатые материалы по этнографии обских угров (коллекции К. Панои, Я. Янко) и по другим народам Сибири.

Остановимся кратко на вопросах антропологии. Венгерская антропология имеет старые традиции и зарекомендовала себя уже в прошлом веке серьезными исследованиями. В настоящее время антропологическая работа в Венгрии ведется также в значительных масштабах.

Наибольшее количество специалистов-антропологов сосредоточено в антропологическом отделе Естественнонаучного музея (заведующий отделом — д-р Я. Немешкери, научные сотрудники — д-р Ш. Венгер, д-р П. Липтак, проф. М. Малан). Основное направление работ отдела — изучение антропологического типа древнего населения Венгрии, главным образом эпохи переселения народов и первых веков существования венгерского государства. В антропологическом отделе сосредоточены обширные палеоантропологические собрания, которые благодаря хорошо организованному контакту антропологов и археологов продолжают быстро расти. Венгерскими антропологами опубликована большая серия палеоантропологических исследований, позволяющая по-новому осветить многие важные вопросы этногенеза венгерского народа (работы Л. Бартуца, Ш. Венгера, П. Липтака, Я. Немешкери и др.). Одним из вопросов сложения антропологического типа венгров является роль монголоидного компонента в этом процессе. Наличие отдельных черепов выражено монголоидного облика в разных сериях из аварских могильников и могильников эпохи венгров-завоевателей отчетливо выявляется и при беглом осмотре коллекций, однако вопрос об удельном весе монголоидного элемента в древнем населении Венгрии остается еще недостаточно изученным и вызывает разногласия в среде венгерских антропологов.

К исследованиям по палеоантропологии примыкают работы, посвященные палеопатологии и «палеохирургии» (различные виды трепанации черепа и т. д.). В музее г. Печ мы видели в экспозиции большую прекрасно подобранныю коллекцию по палеопатологии эпохи великого переселения народов.

Весьма ценные материалы собраны венгерскими учеными и по антропологии современного населения Венгрии. Работы эти ведутся в разных районах страны рядом исследователей.

Назревшей представляется нам задача составления и опубликования сводной работы по этнической антропологии Венгрии, что будет связано с необходимостью конекции данных разных авторов и унификации методических приемов.

Наряду с работами по этнической антропологии в антропологических учреждениях Венгрии ведутся специальные исследования по морфологии человека. Д-р Я. Немешкери познакомил нас со своими работами, касающимися определения индивидуального возраста по состоянию спонгиозы эпифиза плечевой кости. Д-р М. Фехер — сотрудник проф. Л. Бартуца по Институту антропологии Будапештского университета — занят разработкой вопросов антропологии, связанных с практикой судебной медицины. Проф. М. Малан и его сотрудник в Дебреценском университете Т. Райкай собрали обширные материалы по антропологии детей разного возраста и по близнецам.

Преподавание антропологии ведется в трех университетах: в Будапеште и Сегеде (проф. Л. Бартуцом) и в Дебрецене (проф. М. Маланом). Курс антропологии читается на биологических факультетах, но специализация по антропологии ни в одном из университетов Венгрии учебными планами не предусмотрена.

Центральным органом венгерских антропологов является журнал *«Antropologiai közlemények»* («Антрапологические записки»), который издается антропологическим отделом Венгерского биологического общества (раньше журнал издавался под титулом *«Biologai közlemény. Pors anthropologia»*). Антропологический отдел Естественнонаучного музея издает с 1956 г. серию *«Crania Hungaria»*. Антропологические работы публикуются также в изданиях: *«Acta anthropologica universitatis szegediensis»* и *«Acta Debreciensis historico-naturalis»*.

Мы не имеем возможности в кратком отчете остановиться на содержании многочисленных публикаций венгерских антропологов. С удовлетворением отметим лишь, что большинство из них снабжено резюме на одном из западноевропейских и на русском языках.

К сожалению, из-за краткости нашего пребывания мы не смогли поработать над антропологическими коллекциями венгерских научных учреждений и вынуждены были ограничиться лишь общим ознакомлением с ними.

Наша поездка по стране была очень непродолжительной — всего пять дней; поэтому мы не имели, конечно, возможности вести какие-либо полевые исследования. Основное внимание было сосредоточено на осмотре некоторых местных краеведческих музеев и отдельных, наиболее интересных селений, встречавшихся нам по пути.

Целью первой поездки, во время которой нас сопровождал проф. М. Малан, было посещение г. Дебрецена. Мы проезжали мимо различных населенных пунктов, в некоторых из них останавливались, — как в больших селах с рядовой планировкой, так и

в отдельных хуторах — таньи. Дома в этих селениях по внешнему виду, да и по своей внутренней планировке, судя по первому впечатлению, довольно однообразны. Это саманные либо кирпичные побеленные здания с двускатной соломенной или чаще четырехскатной крышей (рис. 3). Характерна длинная галерея вдоль одной из боковых сторон дома, иногда — и перед фасадом, кровля которой поддерживается четырехугольными или круглыми колонками. С галереи вход ведет в отапливаемые сени, по одну сторону от которых расположена жилая комната, по другую — холодная горница или кладовая. Сзади, непосредственно к дому, примыкают хозяйственные постройки. Необходимая принадлежность каждого хутора — колодец с журавлем; такие же колодцы можно видеть и в селениях. Усадьба хутора либо огорожена плетнем, либо густо обсажена деревьями; в селениях открытый двор обычно обнесен высоким забором.

Рис. 3. Современный сельский дом

В г. Корцаге, где мы сделали первую остановку, мы осмотрели небольшой краеведческий музей. Особенно интересна здесь экспозиция по быту одной из этнографических групп венгров, так называемых налькум (куманы). В XIX в. эта группа еще сохраняла много специфики в материальной и духовной культуре. Основным занятием куманов было скотоводство; поэтому много места в экспозиции отведено показу кочевого пастушеского быта. В музее экспонировано много современных работ местных гончаров: обливные тарелки и кувшины (преимущественно коричневого или зеленого цвета) с черной или цветной подглазурной росписью.

Дебрецен славен своим университетом, огромное здание которого весьма примечательно по архитектуре.

В университете мы ознакомились с работой кафедры этнографии, возглавляемой проф. Б. Гунда, и с антропологической работой, которой руководит проф. М. Малан. Мы были приняты ректором университета проф. Беле и присутствовали на церемонии присуждения докторской степени ряду молодых ученых по разным специальностям. Эта церемония происходила в актовом зале университета при огромном стечении публики. Ректор и декан в мантиях, клятва вновь посвященных служить делу науки, напутственная речь ректора — все это создавало атмосферу большой торжественности. Традиция эта восстановлена в университете в самое последнее время.

Очень интересной для нас была организованная в Дебреценском университете встреча со студентами кафедры этнографии. Нельзя не отметить, что все студенты изучают русский язык и многие из них уже хорошо им владеют.

Из венгерских краеведческих музеев, осмотренных нами, Дебреценский музей имеет наиболее полную этнографическую экспозицию. В отдельных залах его размещены экспонаты по рыболовству, скотоводству, земледелию, жилищу. С особо большим интересом смотрятся восстановленные в музее мастерские венгерских кустарей (по изготовлению сукна, народной одежды, глиняной посуды) с воспроизведением полной обстановки их: оборудование, инструменты, образцы изделий и пр.

Из г. Дебрецен мы вместе с проф. Бела Гунда совершили выезд в небольшой городок Хайдусобосло, большинство жителей которого занимается сельским хозяйством; неподалеку от него, в степи, находятся пастушеские стойбища. Здесь мы осмотрели временные постройки пастухов овечьих стад, где они живут все лето. Это небольшие постройки из тростника или самана, крытые тростником. Загоны для скота, примыкающие к жилищу, отгорожены тростниковым же плетнем (рис. 4, а). Часто здесь же

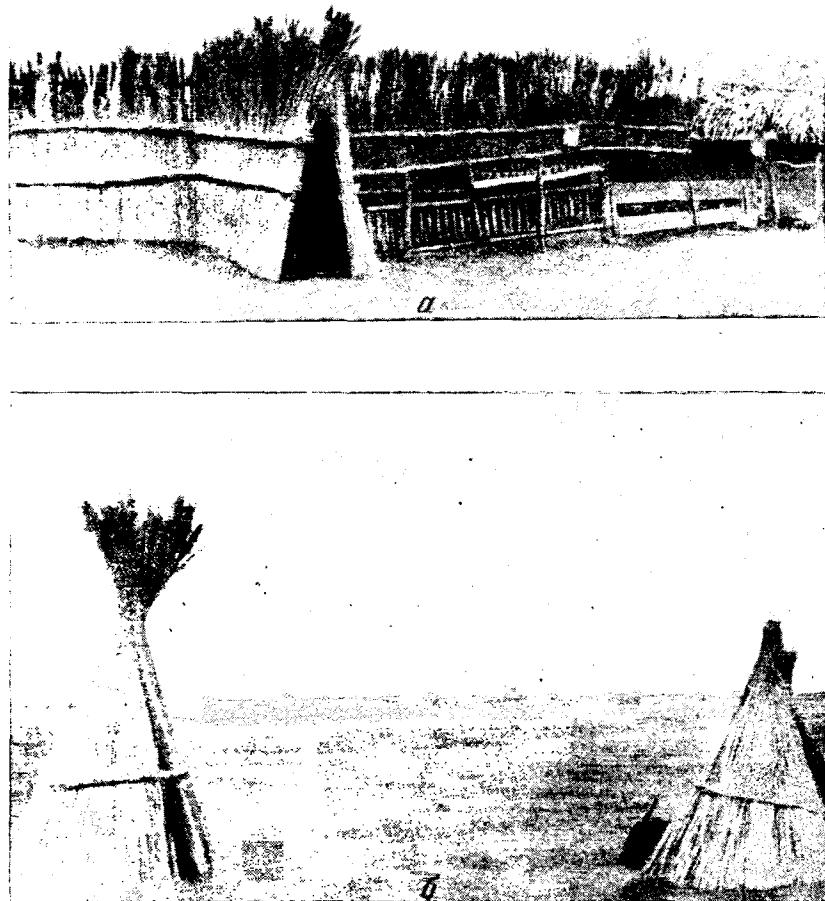

Рис. 4. Временные постройки пастухов в степи возле г. Хайдусобосло:
а — комплекс построек; б — шалаши

стоит тростниковый шалаш конической формы (рис. 4, б). В таких хижинах сохраняется еще много предметов пастушьего обихода, в том числе — посохи с медной рукояткой — крючком.

Осенью, в последний вечер пребывания овец на пастбище, пастухи обычно сжигают все тростниковые постройки.

Проф. Бела Гунда показал нам также несколько землянок лесников и рабочих — заготовителей леса. В конструкции этих землянок до сих пор видны следы архаичной строительной техники, в частности столбовая конструкция крыши и стен.

В Будапешт из Дебрецена мы вернулись другой дорогой, через города Мишкольц, Токай — один из центров венгерского виноделия, и богатый историческими памятниками

г. Эгер. Во втором по величине городе страны — Мишкольце имеется большой краеведческий музей. Этнографические фонды музея очень значительны. Следует отметить богатые археологические коллекции, среди которых особенный интерес представляют материалы по палеолиту Венгрии.

Большое впечатление осталось у нас от посещения г. Мезёкёвшда — центра расселения этнографической группы венгров — мато. В настоящее время мато насчитывают около 23 тысяч: большая часть их живет в Мезёкёвшде и соседних селах. Мато сохранили мало самобытных черт в своей культуре, однако еще в 1940-х годах они славились ярким, красочным народным костюмом, многочисленные образцы которого представлены в небольшом, но очень интересном местном краеведческом музее, где открыта экспозиция по старому быту мато (рис. 5). На выставке хорошо показан характерный для мато тип поселений — круговой формы (вокруг центральной площади селения группируются жилые дома, а их окружают хозяйствственные постройки). Наше внимание привлекла также карта расселения в прошлом больших семей в Мезёкёвшде. Вплоть до недавнего времени существовала патронимия: частично целые улицы были заселены только однофамильцами.

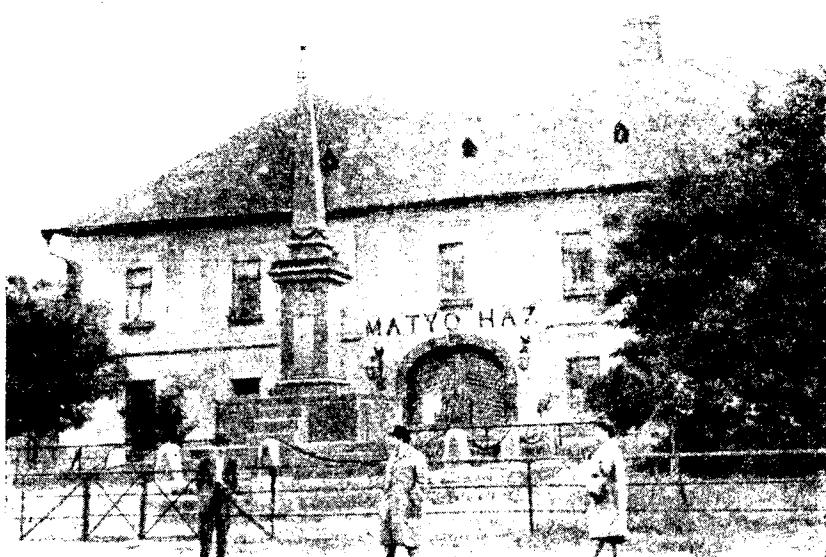

Рис. 5. Здание краеведческого музея в г. Мезёкёвшде

Сейчас многие мато переселились в промышленные города и стали рабочими. Из-за недостатка земли, отходничество было у них развито издавна и особенно усилилось с начала нашего века.

Вторая наша поездка была совершена в южную Венгрию (древнюю Паннонию), конечным пунктом был г. Печ.

Во время этой поездки мы побывали в рыболовецком кооперативе на оз. Веленце, где осмотрели лодки, рыболовные снасти. Озеро это сильно заросло камышом, заготовка которого составляет особый промысел местного населения. Этот камыш закупают в окрестных селах для покрытия крыш и строительства хозяйственных помещений.

Богатая экспозиция по рыболовству находится в краеведческом музее города Секешфехервара, находящегося близ оз. Веленце. Мы посетили также большой краеведческий музей г. Веспрема, где хранятся богатые фонды по археологии и этнографии края, затем поехали к оз. Балатон. В приозерном селении Тихай — несмотря на то, что это теперь модный курорт, — еще сохраняется много черт старины. Жители Тихая раньше в основном занимались рыболовством. Мы видели здесь еще много своеобразных каменных домов с соломенными крышами.

Большую часть времени мы уделили знакомству с историческими памятниками и музеями г. Печ.

Заслуживает большого внимания богатая экспозиция археологического музея г. Печ, где представлены главным образом результаты раскопок местных археологов. Интересен метод показа археологического материала; для экспонатов по каждому историческому периоду отведены отдельные комнаты, отличающиеся друг от друга расцветкой стен. Отдельные предметы хорошо дополняются рисунками на стенах или на щитах, так что посетителю ясно видно назначение и способ применения тех или иных орудий, предметов домашнего обихода и пр.

В этнографическом музее собраны большие коллекции по текстилю, гончарству и сельскохозяйственным орудиям как венгерского, так и живущего в этом комитате славянского населения. Как и в этнографическом музее Будапешта, постоянной этнографической экспозиции здесь нет; ее заменяют временные выставки. Мы осмотрели выставку народной одежды этнографической группы шокаков, южнославянской по происхождению.

Возвращаясь из Печи в Будапешт, мы заехали в большое село Деч. Здесь живет еще одна этнографическая группа венгров — шаркос. Небольшой краеведческий музей представляет собой обычный крестьянский дом этой области, построенный в начале нашего века, где полностью сохраняется интерьер того периода с образцами изделий народного прикладного искусства.

Сопровождавший нас в поездке научный сотрудник Будапештского этнографического института Е. Барабаш рассказал много интересного о группе шаркос. Так, по его словам, раньше в это богатое село приезжали женихи из других районов. Положение примаков в богатой семье было нелегким, они находились здесь на положении рабочников.

Здесь существует и сейчас очень интересное явление: женщина после замужества в быту сохраняет девичью фамилию, нередко детей называют не по отцу, а по матери. После же смерти женщины на памятнике над ее могилой высекают обычно только ее девичью фамилию. (Во всем этом можно видеть пережитки, связанные с матриархатом.) Е. Барабаш обратил наше внимание также на своеобразный способ погребения, существующий и в наши дни: погребальную яму роют с боковой нишней, в которую и кладут покойника.

По дороге в Будапешт мы осмотрели село Кокожд, в прошлом немецкое. После второй мировой войны немцы переселились в Германию. В настоящее время здесь живут секлеры (одна из больших и своеобразных по быту этнографических групп венгров, основная масса которых обитает в Румынии). Здесь мы побывали у народного сказителя Мольнара Анатоя (75 лет), который спел нам старинную балладу о девушке и четырнадцати разбойниках.

Нельзя не упомянуть нашего посещения нового города Венгрии — Стадинвароша. Этот промышленный центр был построен совсем недавно, после освобождения Венгрии. Его широкие, прямые улицы, застроенные многоэтажными домами, множество больших фабричных зданий, расположенных на окраине, производят большое впечатление и красноречиво говорят о тех преобразованиях, которые происходят в настоящее время в Венгерской Народной Республике.

* * *

*

С благодарностью вспоминаем мы гостеприимство наших венгерских коллег, радушное и внимание, оказанные нам представителями различных слоев венгерского народа в разных городах и селах, которые мы посетили. Мы многим обязаны нашему постоянному переводчику М. Иштвановичу, который хорошо изучил русский язык за время прохождения аспирантуры в Тбилиси и молодому венгерскому антропологу Т. Тотту, также помогавшему нам в качестве переводчика.

М. Г. Левин, И. Н. Гроздова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Thor Heyerdahl. *Aku-aku. Páskeoyas hemmellighet*. Oslo, 1957. Английское издание: *Aku-aku. The Secret of Easter Island*. London, 1958. Сокращенные русские переводы: Тури Хейердал. *Аку-аку. Тайна острова Пасхи*. «Юность», 1958, №№ 1—3; «Вокруг света», 1958, №№ 1—4.

В 1955—1956 гг. на острове Пасхи вела исследования археологическая экспедиция, организованная известным норвежским путешественником Туром Хейердалом. В составе экспедиции, помимо Хейердала, работали два американских археолога — проф. Уильям Мэллой из Вайомингского университета и проф. Карлайл Смит из Канзасского университета; норвежский археолог Арне Шелсвold; сотрудник музея Нью-Мексико Эдвин Фердон; студент-археолог Гонсало Фигероа из университета в Сантьяго; фотограф, водолаз и другие — всего 23 человека (стр. 26—27) ¹. Во время экспедиции велись раскопки в бухте Анакена (резиденция верховных вождей), в Винапу (храм и крематорий), Оронго («солнечная обсерватория»), Понке («оборонительная траншея») и в ряде других мест. Составлена карта с указанием пещер, обследованных экспедицией (стр. 48—49). Экспедиция приобрела у местных жителей большое количество каменной скульптуры и других предметов.

В книге «Аку-аку» Хейердал продолжает развивать свои взгляды, подробно изложенные им в монографии «Американские индейцы в Тихом океане»² и вкратце повторенные в книге «Путешествие на „Кон-тики“»³. В основном эти взгляды сводятся к тому, что древние цивилизации Мексики, Центральной Америки и области Анд были созданы таинственным белым народом, остатки которого впоследствии переплыли Тихий океан и создали цивилизацию на островах восточной Полинезии. «Когда в Перу пришли первые испанцы, они нашли в этой горной стране великую империю инков. Инки рассказали, что колоссальные, ныне заброшенные монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших ваятелей описывали как мудрых и миролюбивых учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков инков строительному искусству и земледелию, а также передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда; инки сами стали владеть страной, а белые учители навсегда остались побережье Южной Америки, исчезнув в западном направлении, среди Тихого океана»⁴. В другом месте Хейердал пишет: «Откуда появились у полинезийцев эти поразительные познания в области астрономии, кем был составлен их удивительно детальный календарь? Можно уверенно утверждать, что эти знания не были переняты у меланезийских или малайских народов на западе. Зато все тот же исчезнувший народ — «белые бородатые люди», передавшие свою замечательную культуру ацтекам, майя и инкам в Америке, — этот народ имел соответствующий календарь и обладал такими познаниями в астрономии, каких не имела Европа в те времена»⁵. Хейердал придерживается того мнения, что древние цивилизации появились в Америке внезапно: «Бросается в глаза и тот факт, что никому не удалось обнаружить следов, которые говорили бы о постепенности эволюции тех высоких культур, которые когда-то существовали на территории от Мексики до Перу. Чем дальше вглубь зарываются археологи, тем выше оказывается раскапываемая культура, вплоть до какого-то момента,

¹ Ссылки даются по указанному выше английскому изданию.

² Thor Heyerdahl, *American Indian in the Pacific*, London — Stockholm—Oslo, 1952.

³ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-тики», Л., 1958 (ссылки на страницы даны по этому изданию).

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 128.

когда находки говорят о том, что древняя цивилизация появилась здесь сразу, без всякой связи с прошлым местных примитивных племен»⁶.

По вопросу о том, откуда появились в Америке эти таинственные белые люди, у Хейердала нет определенного мнения. «Может быть, эти кочующие носители самобытной культуры были представителями одного из культурных народов Средиземноморья и когда-то, в незапамятные времена, отправились тем же простейшим способом, влекомые морскими течениями и пассатами, с Канарских островов к Мексиканскому заливу?»⁷. В других местах Хейердал пишет, что «белые люди» могли попасть в Америку из Азии, Африки или даже появиться в результате «местной эволюции»⁸.

Высказывая такого рода мнения, Хейердал явно находится под впечатлением научно-фантастических работ прошлого века. Одно время действительно было в моде разыскивать в Америке пропавшие «десять колен Израиля», таинственных атлантов, выходцев с берегов Средиземного моря и т. д. Об этом были написаны десятки книг. Начало серьезного изучения древних американских цивилизаций сразу же показало, что они созданы самими индейцами. С тех пор таинственные «белые учители индейцев навсегда исчезли со страниц научных трудов по американистике».

С другой стороны, утверждения Хейердала о том, что высокие культуры Америки и Полинезии созданы не индейцами и не полинезийцами, а таинственным белым народом, независимо от желания автора, по существу поддерживает антинаучную рапортскую пропаганду.

Как известно, в основе расизма лежат не соответствующие действительности положения о физической и психической неравнозначности человеческих рас и о зависимости истории человеческого общества и культуры от расовых различий. Как ни различные варианты расизма, но для всех них характерна пропаганда ложной человеконевиннической идеи «высших» и «низших» рас, из коих первые якобы являются единственными носителями цивилизации, создателями всех культурных ценностей, а вторые способны только на подражание и подчинение первым.

В своих работах Хейердал уделяет много внимания вопросу о связях между Америкой и Полинезией. Такие связи, несомненно, существовали. Общепризнано, например, что полинезийский сладкий картофель (кумара) — американского происхождения. Есть веские основания предполагать, что полинезийцы в своих плаваниях достигали Америки⁹. Имеются сообщения и о плаваниях инков на Галапагосские острова¹⁰. Хейердал подробно изучал вопрос об индейском мореплавании и доказал высокие мореходные качества бальзового плота¹¹. Не исключено, что отдельные перуанские плоты могли достичь Полинезии. Однако нет никаких оснований утверждать, что имело место переселение из Америки в Полинезию.

Теория заселения Полинезии из Америки была выдвинута впервые испанским миссионером Суньига, который в доказательство ее указывал на сходство нескольких филиппинских и южноамериканских слов и на трудность или даже невозможность плавать в Тихом океане против пассатов, с запада на восток¹². Уильям Эллис, известный исследователь Полинезии, также склонен был принять эту теорию, учитывая преобладание в Тихом океане восточных ветров. Он ссылался также на сходство в языках, обычаях, материальной культуре народов Америки и Океании¹³.

Позднее, по мере накопления этнографических сведений о народах Полинезии и Юго-Восточной Азии и особенно с установлением факта близкого родства полинезийских и индонезийских языков¹⁴, теория заселения Полинезии из Америки была признана несостоятельной. «И в самом деле,— отмечает С. А. Токарев,— языки и вся культура народов Полинезии связывают их с Юго-Восточной Азией. Это признают все современные ученые. Все сколько-нибудь серьезные попытки разобраться в вопросе о происхождении полинезийцев исходят из этого ныне несомненного факта»¹⁵. Следует

⁶ Там же, стр. 113.

⁷ Там же, стр. 112.

⁸ T. Heyerdahl, *American Indian in the Pacific*, стр. 252, 304, 314, 344—345.

⁹ Те Рангги Хироа (Питер Бак), *Мореплаватели солнечного восхода*, М., 1950, стр. 262—265; E. D. Merrill, *The Botany of Cook's Voyages*, Waltham, Massachusetts, 1954, стр. 214.

¹⁰ Thor Heyerdahl and Arne Skjølsvoldu, *Archaeological Evidence of Pre-spanish Visits to the Galápagos Islands*, «American Antiquity», т. XXII, № 2, ч. 3, октябрь 1956.

¹¹ Thor Heyerdahl, *The Balsa Raft in Aboriginal Navigation off Peru and Ecuador*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. II, 1955, № 3; Его же, *Guara Navigation; Indigenous Sailing of the Andean Coast*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 13, 1957, № 2.

¹² J. M. Zuniga, *Historia de las Islas Filipinas*, Sampaloc, 1803, стр. 26—30.

¹³ W. Ellis, *Polynesian researches*, т. 2, 1830, London, стр. 37—52.

¹⁴ На родство полинезийских и индонезийских языков впервые указал участник русской экспедиции 1815—1818 гг. естествоиспытатель А. Шамиссо. Проблема родства этих языков детально разработана в трудах Керна, Брандштеттера и Демпвольфа. См., например O. Dempwolff, *Vergleichende Laul Lehre des austronesischen Wortschatzes*, Berlin, 1934—1938 (три тома).

¹⁵ См. Те Рангги Хироа, Указ. раб., Предисловие, стр. 11.

отметить, что антропологические и археологические материалы подтверждают даны языка и этнографии. «Происхождение полинезийцев и микронезийцев,— пишут антропологи Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин,— несомненно, связано с Юго-Восточной Азией»¹⁶. Р. Хейне-Гельдерн, с своей стороны, показал, что формы каменных топоров полинезийцев связывают их с поздненеолитической культурой западной Индонезии

Наряду с этим постепенно становилось известным все большее число сходных черт в культурах индейцев Северной и Южной Америки и народов Океании. Так, население Перу имеет много черт культуры, общих с полинезийцами и еще больше с народа Юго-Восточной Азии. Население северо-западного берега Северной Америки имеет ряд общих черт с обитателями Новой Зеландии. Кроме того, установлено немало культурных параллелей между Индонезией и Меланезией, с одной стороны, и северной частью Южной Америки и районом Амазонки — с другой. Чем объясняется наличие этих параллелей? На эту тему писали Гребнер, В. Шмидт, Норденшельд, Диксон, проблема еще далека от разрешения. Очевидно, однако, что теория заселения Полинезии из Америки, даже если бы она не шла в разрез с фактом родства полинезийцев и индонезийцев, этой проблемы не решает, ибо черты, сходные с культурой американских индейцев, наблюдаются не только в Полинезии, но и в Меланезии, Индонезии и азиатском континенте.

Хейердал впервые изложил свои взгляды в 1941 г.¹⁸ Он повторил примерно аргументы Сувиги и Эллиса сто-полторастолетней давности, отметил культурные параллели между Америкой и Океанией, указал на преобладание в Тихом океане восточных ветров и трудность плавания против них и выдвинул, кроме того, новые соображения. Исходя из того, что заселение Полинезии началось не раньше V—VI вв. н. э. и что народы Юго-Восточной Азии в то время уже знали металл, он пришел к выводу, что полинезийцы также имели бы металл, если бы они пришли из Юго-Восточной Азии. Но у них не было металла, значит, по мнению Хейердала, они пришли оттуда, где в V в. н. э. металла не было, т. е. из Америки.

В 1947 г. Хейердал с пятью спутниками совершил путешествие на плоту древних перуанского типа из Южной Америки в Полинезию. Тем самым он добыл еще один и притом очень важный, аргумент: доказал возможность плаваний древних перуанцев на плотах из Южной Америки в Полинезию. После этого появились две его статьи в популярная книга о плавании на плоту²⁰ и, наконец, упоминавшаяся выше монография «Американские индейцы в Тихом океане», где Хейердал для обоснования своей теории заселения Полинезии из Америки привлекает данные этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, ботаники, метеорологии.

Как отметил один из рецензентов монографии Хейердала Гекель, специальное обсуждение того большого круга проблем, который связан с вопросом о происхождении полинезийцев, обязательно предполагает основательное знакомство с этнографией, лингвистикой, археологией и антропологией не только Океании, но также Восточной Южной Азии, равно как и западных районов Северной, Центральной и Южной Америки²¹. Критиковать теорию Хейердала оказалось поэтому нелегким делом. Кроме того, как часто бывает в науке, многие вопросы поныне еще неясны.

К настоящему времени весьма значительное число специалистов разных отраслей знания высказали свое отношение к монографии Хейердала «Американские индейцы в Тихом океане». В подавляющем большинстве они дали этой книге отрицательную оценку. Лишь отдельные части книги встретили положительный прием, но, как правило, те части, в которых учёные, оценившие их положительно, не являются специалистами. Так, лингвист Лэньюн-Орджил положительно оценил ту часть книги, где затрагиваются вопросы ботаники²², тогда как ботаник Меррилл, крупнейший специалист по флоре Океании, пишет: «Если многочисленные проблемы, обсуждаемые в этой книге Хейердала, столь же слабо им изучены, как и проблема 7-й главы, где он имеет дело с данными ботаники, то наука, вероятно, выиграла бы, если бы эта книга никогда не была опубликована»²³.

В полемике довольно скоро выявились слабые стороны книги Хейердала. «Прочтении его работы,— пишет Гекель,— постоянно наталкиваешься на пробелы в соответствующих областях знания. Объем книги и обширная библиография, занимающая 32 страницы, доказывают, что автор приложил много энергии и усилий. Однако библиографии опущен ряд важных работ... В оценке источников ощущаются недостатки».

¹⁶ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 432.

¹⁷ R. Heine-Geldern, Urheimat und früherste Wanderungen der Austronesier, «Anthropos», т. 27, 1932, стр. 578—585.

¹⁸ Thor Heyerdahl, Did Polynesia culture originate in America? «International Science», т. I, 1941, стр. 15—26.

¹⁹ Thor Heyerdahl, The voyage of the raft Kon-Tiki, «Geographical Journal», т. 115, 1950, стр. 20—41; Его же, Voyaging distance and voyaging time in Pacific migration, «Geographical Journal», т. 117.

²⁰ Thor Heyerdahl, The Kon-Tiki expedition, London, 1950.

²¹ Рецензию Я. Гекеля см. в журн. «Anthropos», т. 51, 1956, № 3—4, стр. 801.

²² «Journal of Austronesian Studies», т. 1, ч. 1, 1953, стр. 152.

²³ E. D. Merrill, Указ. раб., стр. 250; см. рецензию на эту книгу в журнале «Сов. этнография», 1958, № 1.

статочно критический подход и отсутствие ясного метода. По мнению Хейердала, правильный путь состоит в том, чтобы противопоставлять друг другу мнения разных авторов в виде цитат. Но фактически эти цитаты подобраны предвзято. При этом вряд ли учитывается, насколько надежны привлекаемые источники. Выводы, взятые из работ прошлого века, покоящиеся на еще недостаточном материале, рассматриваются как равнозначные выводам современных авторов. При этом специальная литература по Восточной и Южной Азии совершенно не учтена²⁴. «Обзор библиографии,— пишет Гекель,— показывает, как мало, например, привлек он литературы по Северо-Западной Америке»²⁵.

Хейердал сравнивает, например, тотемные столбы индейцев северо-западного берега Северной Америки и резные столбы маори. Но подобные столбы и резьба с фигурами, расположенные одна над другой, имеются на Новой Гвинее и у даяков на Борнео. Причем в искусстве даяков встречается и такой мотив, как высунутый язык²⁶.

В результате Гекель приходит к выводу, что «большинство из приводимых им (Хейердалом.— *Авторы*) культурных параллелей между Полинезией и Америкой могут, при критическом рассмотрении, говорить равным образом в пользу азиатского происхождения полинезийцев»²⁷. К этому же выводу приходит и Р. Хейне-Гельдерн²⁸.

Хейне-Гельдерн, касаясь вопросов археологии Восточной Азии и Меланезии, пишет о Хейердале: «Он не знает, что эти районы имеют гораздо больше общего с Северо-Западной Америкой в материальной культуре, искусстве, мифологии и социальных обычаях, чем Полинезия. Он не знает о том факте, что большое число черт, которые, по его мнению, говорят о происхождении полинезийцев из Северо-Западной Америки, встречается также в Азии. Приведем только один пример: он придает большое значение сходству между каменными топорами Британской Колумбии и восточной Полинезии. Очевидно, он не знает, что сходные типы топоров найдены в неолитических слоях Кореи, Японии, прибрежного Китая, Филиппин, северного Борнео и северного Целебеса (Сулавеси.— *Авторы*)»²⁹.

Часть книги Хейердала, касающаяся вопросов ботаники, как уже было отмечено, подверглась сокрушительной критике. Такая же судьба постигла и часть, посвященную лингвистике. Это и неудивительно, если учесть, что Хейердал, игнорируя работы Демпвульфа и Кепелла, пытается отрицать такой очевидный факт, как родство полинезийских и индонезийских языков. Лингвист Ганс Келер пишет: «Полинезийские языки не содержат, по существу, ничего такого, чего нет в индонезийских языках. Дух полинезийских языков — чисто индонезийский. Соответствия, даже в деталях, слишком многочисленны, чтобы их можно было объяснить предположением о простом заимствовании... Я пришел к выводу, что нет существенных различий между этими двумя группами. Поэтому термин «полинезийские» диалекты является неоправданным с точки зрения лингвистики и последние должны быть включены в индонезийские языки»³⁰.

Отицая родство полинезийских языков с индонезийскими, Хейердал пытался доказать, что полинезийские языки родственны языкам индейцев северо-западного берега Северной Америки. Конечно, он не достиг здесь убедительных результатов. «Жонглирование отдельными цитатами и мнениями с целью спасти свою теорию при всех обстоятельствах,— пишет в этой связи Гекель,— вряд ли можно считать научной аргументацией»³¹.

Следует с удовлетворением отметить, что Хейердал в рецензируемой книге отказывается от многих прежних ошибочных утверждений. Так, он признает теперь, что в Тихом океане возможны плавания не только с востока на запад, но и с запада на восток. Факты говорят об этом совершенно определенно. Ветры в Тихом океане дуют не только с востока, но и с запада; это отмечали еще ранние путешественники (Роггевен, Картерет, Кук, Лаперуз)³². Предания полинезийцев говорят о плаваниях с запада на восток на сотни и даже тысячи миль: от Тонгия к Ниуэ, к Мангайя, к Маркиз-

²⁴ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 801.

²⁵ Там же, стр. 805.

²⁶ См., например, Ch. Hose W. Mc Dougall, The pagan tribes of Borneo, т. I, 1952, рис. 45, табл. 25; т. II, табл. 114, 146, 149, 152, 154, 157, 160, 161, 206.

²⁷ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 806.

²⁸ R. Heine-Geldern, Heyerdahl's hypothesis of Polynesian origins, «Geographical Journal», т. 116, 1950, стр. 183—192.

²⁹ R. Heine-Geldern, Some problems of migration in the Pacific, «Kultur und Sprache. Wiener Beiträge zur Kulturgegeschichte und Linguistik», Jahrg. 9, 1952, стр. 357.

³⁰ H. Kähler, Die Stellung der polynesischen Dialekte innerhalb der austronesischen Sprachen, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 100, 1950, стр. 646—658.

³¹ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 806.

³² Интересно, что сами полинезийцы имеют в своих языках до 15 различных названий для западных ветров. Но, главное, наличие этих ветров подтверждено современными метеорологическими наблюдениями. Так, на острове Яп средний процент западных ветров в июле — 35, в августе — 55, в сентябре — 42, в октябре — 37; на острове Пасхи в мае — 32, в июне — 33, в июле — 29, в августе — 26, в сентябре — 29. Следует учесть также, что микронезийцы и полинезийцы умеют плавать против ветра.

ским островам, от Самоа к Раротонга, от Раротонга к Мангареве, от Таити к Мангареве и Питкерну. Плавания подобного рода упоминались и ранними путешественниками. Так, О. Е. Коцебу рассказывает о плавании в 1813—1814 гг. трех микронезийцев на парусной лодке от острова Улеа (Каролинские) до острова Аур (Маршалловы) в расстояние около 1500 миль. Плавание длилось 8 месяцев, микронезийцы питались рыбой и пили дождевую воду. «Самое замечательное в этом путешествии то,—отмечает Коцебу,— что оно совершено против северо-восточного пассата, и поэтому должно обратить на себя особое внимание тех, которые полагают, что заселение островов Южного моря шло от запада к востоку»³³. Число подобного рода фактов можно значительно увеличить. Прав поэтом Хейне-Гельдерн, когда пишет: «Перед лицом всех этих фактов трудно понять, как может кто-либо поддерживать теорию, что полинезийские острова, из-за неблагоприятных ветров и течений, не могли быть заселены иммигрантами с запада»³⁴.

Хейердал в рецензируемой книге признает ранее отрицавшийся им факт близкого родства полинезийских языков с индонезийскими. Но он утверждает, что если лингвистические данные говорят о происхождении полинезийцев с запада, то данные антропологии, напротив, говорят о происхождении их с востока (стр. 357—358). В действительности, однако, данные антропологии говорят то же, что и лингвистика. В. В. Бунак считает, что «население Полинезии антропологически правильнее всего определить как сложный конгломерат различных типов, происходящих из Юго-Восточной Азии и Индонезии»³⁵. Об этом же говорят данные и других наук. Вот как высказываются об этом Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин: «Данные этнографии, археологии, антропологии, языкоznания, исторические сведения позволяют считать доказанным, что предки полинезийцев переселились на острова Тихого океана из областей Юго-Восточной Азии в сравнительно недавнее время»³⁶.

Говоря об антропологии в целом, Хейердал делает особый упор на группы крови (стр. 358—359). Но группы крови — весьма сомнительный критерий, когда речь идет об установлении этнического родства. Доказано, например, что бесспорно родственные популяции могут сильно различаться по процентному распределению групп крови³⁷. Так, самоанцы по группам крови ближе стоят к австралийцам, чем к маори и гавайцам³⁸.

Таким образом, никаких противоречий между лингвистикой и антропологией в вопросе о происхождении полинезийцев не существует.

Так как в книге «Аку-аку» Хейердал часто говорит о белых, рыжеволосых и голубоглазых людях на острове Пасхи (стр. 74, 141, 351—355), на этом вопросе стоит остановиться подробнее. Хейердал отождествляет их с так называемыми «длинноухими», по его мнению, — древними выходцами из Южной Америки. При этом он неоднократно ссылается на личные наблюдения (утверждая, например, что Эстеван Атлан мог състи за местного жителя в любой стране Северной Европы, стр. 231) и упоминает также мореплавателей XVIII в. (Гонсалеса, Лаперуза, стр. 31—32), по словам которых рапануйцы были высокого роста, светлокожие и иногда светловолосые.

Однако Хейердал неправ. Светлая пигментация кожи, если она попадается среди полинезийцев, должна быть отнесена за счет альбинизма и ни в коем случае не свидетельствует о наличии признаков европеоидности. «В типе несмешанных полинезийцев нет никаких специфических признаков европеоидности», — отмечает В. В. Бунак³⁹.

По данным антрополога М. Бормида⁴⁰, «чистокровные» рапануйцы высокого роста (172 см у мужчин), цвет их кожи от светло-коричневого до коричневого (у женщин кожа более светлая), волосы черно-коричневые (№ 27 по шкале Фишера), хотя изредка встречаются более светлые, каштановые и желтоватые (слабый альбинизм южноамериканского происхождения). Такими же изображаются жители острова Пасхи первыми путешественниками, начиная с Роггенвена (1722 г.). Изучение черепов с острова Пасхи также не дает абсолютно никаких указаний на «белую расу».

«Наиболее вероятно,— пишут Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин,— что полинезийское население — это своеобразная, более или менее однородная группа типов, в которой можно отметить сочетание смягченных черт австралийской и монголоидной рас»⁴¹.

³³ О. Е. Коцебу, Путешествия вокруг света. М., 1948, стр. 189.

³⁴ R. Heine-Geldern, Some problems of migration in the Pacific, стр. 322.

³⁵ В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, 1951, стр. 517.

³⁶ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 431.

³⁷ P. H. A. Sneath, Anthropological blood-grouping in South-East Asia, «Man» т. 54, 1954, № 23.

³⁸ J. J. Graydon, Blood-groups and the Polynesians, «Mankind», т. 4, Sydney, 1952, № 8, стр. 335.

³⁹ В. В. Бунак и С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 517.

⁴⁰ M. Bormida, Somatología de la Isla de Pascua, «Runa», т. IV, ч. 1—2, Buenos Aires, 1951, стр. 178—222.

⁴¹ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 431.

Что касается наблюдений Хейердала над современными рапануйцами, то необходимо напомнить, что, по исследованиям д-ра Драпкина, в 1934 г на острове Пасхи было 150 «чистокровных» рапануйцев и 297 метисов. В смешении с рапануйцами принимали участие, помимо таитян и жителей архипелага Туамоту, также чилийцы, немцы, французы, англичане, скandinавы, китайцы, североамериканцы и итальянцы. «Чистокровными» д-р Драпкин условно считал тех, у которых до третьего поколения не прослеживается примесь чужой крови⁴². М. Бормида отмечает, что рождение детей от случайных отцов не считалось на острове Пасхи предосудительным, и поэтому установить фактического отца крайне трудно, особенно если речь идет о предках⁴³. Кстати, по легенде, сам Хоту-Матуа, первый «король» острова Пасхи, оказался незаконнорожденным, о чем он узнал только под старость, в результате ссоры с женой⁴⁴.

О «чистокровных длинноухих» вообще говорить не приходится, так как, согласно преданиям, «длинноухие» прибыли на остров без женщин, а после битвы с «короткоухими» из них уцелел только один мужчина.

Таким образом, утверждения Хейердала о наличии «белой расы» на острове Пасхи лишены научного основания.

В рецензируемой книге Хейердал излагает новую периодизацию истории острова Пасхи, тесно связанную с его общими взглядами (стр. 103—104, 109—110).

Первый период начинается с прибытия на остров Пасхи «цивилизованных» белых людей из Южной Америки. «Их первый король привез с собой «длинноухих», когда прибыл с востока на остров на мореходных судах. Он плыл 60 дней и все время правил на закат» (стр. 353; под «первым королем» следует понимать Хоту-Матуа). Это был «народ с высокоспециализированной культурой, владевший техникой инков в каменотесной работе» (стр. 103). От этого периода сохранились сооружения из камня, например в Винапу, небольшие статуи с руками, скрещенными на животе, и четырехгранные статуи.

Второй период, по Хейердалу, характеризуется сооружением гигантских каменных статуй и перестройкой «инских» сооружений. Всем этим занимались «длинноухие», привлекая для помощи себе дикарей-людоедов «короткоухих». Тем работать не хотелось, и из-за этого вспыхнула война (стр. 122). «Длинноухие» вырыли оборонительную траншею на полуострове Поине, чтобы защищаться от «короткоухих». Траншея была вырыта, как утверждает Хейердал, ссылаясь на радиоуглеродный анализ, около 400 г. н. э. (стр. 127). В конце концов «короткоухие» загнали «длинноухих» в траншею и сожгли живьем. Это событие произошло якобы около 300 лет назад, также согласно данным радиоуглеродного анализа.

Третий период характеризуется войнами, свержением статуй и людоедством. В это время «прекратилась вся культурная жизнь» (стр. 104).

Следует отметить, что периодизация Хейердала совершенно игнорирует общеизвестные научные факты. Если так называемая «оборонительная траншея» на полуострове Поине была сооружена около 400 г. н. э., то о какой инской строительной технике может идти речь? По историческим преданиям острова Пасхи, арики Хоту-Матуа со своими людьми прибыл на двух двойных ладьях с острова Хива. В преданиях совершенно ясно говорится, что Хоту-Матуа плыл на восток, а не на запад. Энглерт, специально занимавшийся этим вопросом, пишет: «Некоторые авторы предполагают, что, согласно преданию, Хоту-Матуа прибыл с востока, т. е. имела место иммиграция из Америки. Это предположение полностью противоречит преданию»⁴⁵. Люди Хоту-Матуа назывались ханау-момоко («тонкие», раньше неправильно переводили «короткоухие»). После смерти Хоту-Матуа, при арики Туу-ко-ику, на остров прибыли ханау-еепе. Как объяснил Энглерт, этот термин означает не «длинноухие» (как тоже ошибочно переводили раньше), а «толстые»⁴⁶. По тем же преданиям, ханау-еепе вырыли траншею с целью загнать в нее ханау-момоко и изжарить, но последним удалось перехитрить противников⁴⁷. Период после войны за свержение статуй (хури-моаи) характеризуется отнюдь не одичанием, как неоднократно утверждает Хейердал.

При последнем арики Нгаара (середина XIX в.) на острове существовали рапануйские школы, в которых изучалось иероглифическое письмо. Ежегодно в Анакене происходил своего рода «конгресс» маори-ронго-ронго (ученых-жрецов). По Хейердалу же получается, что полинезийцы оказались способны только уничтожить культуру, которую якобы создали «белые люди».

Для обоснования своей периодизации истории острова Пасхи Хейердал привлекает археологический материал. Мы ограничимся здесь лишь обнаруженными экспедицией новыми памятниками, так как все другие давно известны исследователям.

В своих предыдущих книгах Хейердал утверждал, что культура на полинезийских островах была принесена древними обитателями Тиахуанаку — огромного городища, находящегося на территории современной Боливии. После какой-то катастро-

⁴² M. Bórmida, Указ. раб., стр. 182.

⁴³ Там же, стр. 183.

⁴⁴ S. Engleert, La tierra de Hotu Matu'a, Padre Las Casas, 1948, стр. 69—70.

⁴⁵ Там же, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 88—89.

⁴⁷ Там же, стр. 120.

фы жители Тиахуанаку покинули свой родной город и на флотилии из бальзовых плотов якобы переселились в Полинезию.

В «Аку-аку» Хейердал продолжает придерживаться этой своей гипотезы, но с некоторыми изменениями. Он неоднократно упоминает статуи Тиахуанаку, поразительные похожие, по его словам, на рапануйские моаи. Некоторые из каменных сооружений Рапануи он считает идентичными по строительной технике сооружениям инкского периода в Перу. Однако период Тиахуанаку все исследователи южноамериканской археологии в настоящее время датируют X—XIII вв. н. э. Чтобы избежать хронологического разрыва, Хейердал утверждает, что тиахуанакцы в инкский период еще находились на территории Перу и передали полуудикум еще инкам свою культуру, в частности умение возводить каменные сооружения (стр. 352—354).

В действительности, однако, усматривать какую-либо связь между строительной техникой периода Тиахуанаку и инкского периода невозможно. Строители Тиахуанаку широко применяли для соединения отдельных каменных блоков медные штыри и скрепы. Ничего подобного в инкский период не встречается, наиболее распространенной тогда была так называемая циклопическая кладка, лишь в правление последних инков замененная кладкой из отесанных квадров. Наличие же в отдельных рапануйских сооружениях циклопической кладки можно и должно объяснять значительно более простым путем, чем это делает Хейердал. Близкие формы техники могут возникнуть совершенно независимо друг от друга в разных областях, и нет необходимости обязательно объяснять совпадение их миграцией какого-то народа — носителя данной техники.

До своей экспедиции на остров Пасхи Хейердал утверждал, что большие каменные статуи, благодаря которым этот остров стал так известен, крайне близки к статуям в Тиахуанаку. В своей книге «Американские индейцы в Тихом океане» он отвел значительное место разбору совпадений в стиле рапануйских статуй и памятников Тиахуанаку. Как известно, этот его тезис был также критически встречен многими исследователями. Приводим высказывание по этому поводу такого крупного специалиста, как Альфред Метро: «Я пишу эти строки через несколько недель после возвращения из Тиахуанаку, расположенного на берегах озера Титикака, где я исследовал те немногие монолиты, которые возвышаются среди руин этого знаменитого города. Я напрасно искал хотя бы самое малое стилистическое сходство между ними и моаи острова Пасхи. На деле трудно было бы представить себе более различную художественную традицию»⁴⁸.

Еще более категорично ту же мысль высказал немецкий американист Г.-Д. Диссельгоф: «Статуи острова Пасхи и статуи из Тиахуанаку имеют общие черты лишь в том, что и те и другие больших размеров и изготовлены из камня»⁴⁹.

В «Аку-аку» Хейердал ограничивается лишь утверждением, что с памятниками Тиахуанаку совпадают только вновь найденные им, а не известные прежде статуи. При сравнении их с произведениями древней южноамериканской пластики Хейердал оперирует двумя аргументами: 1) общность породы камня, 2) стилистическая общность статуй (понимая под этим, в сущности, лишь одинаковые позы, так как подлинно стилистического анализа он не дает). Но первый аргумент не может служить доказательством правильности его гипотезы. Известно, что одинаковые горные породы часто встречаются и используются на разных материалах. Во втором же случае очевидно, что совпадение в позе статуй еще ничего не говорит. Кроме того, о каком-то совпадении можно говорить лишь в одном конкретном случае: это сидящий на поджатых ногах исполин. Действительно, в Тиахуанаку имеются две похожие по позе статуи, находящиеся теперь у входа в церковь в деревне Тиахуанаку. Остальные же опубликованные Хейердалом статуи, по нашему мнению, попадают в те стилистические группы, которые были намечены для рапануйских изваяний К. Гюнтером⁵⁰, и, следовательно, не могут служить доказательством перуанского происхождения стиля скульптур острова Пасхи.

Хейердал уделяет много внимания вопросу о том, как передвигались и устанавливались каменные статуи, каким образом они увенчивались огромной «шляпой» и т. д. Для выяснения этого вопроса экспедиция проводила своеобразные «археологические эксперименты», а именно — нанимала местных жителей, чтобы они поднимали и перетаскивали статуи. В результате этих экспериментов Хейердал пришел к выводу, что статуи перетаскивали с помощью веревок на деревянных полозьях, а устанавливали с помощью насыпи из камней. Однако эта техника уже была описана самим Хейердалом на основании литературных данных задолго до посещения им острова Пасхи «Из луба и растительного волокна сплетали прочнейшие канаты, каменного колосса одевали в раму из бревен и перетаскивали по деревянным и каменным каткам, сма-

⁴⁸ A. M é t r a u x, Easter Island. A stone — age civilization of the Pacific, London, 1957, стр. 223.

⁴⁹ H. D. Disselhoff, Geschichte der altamerikanischen Kulturen, München, 1953, стр. 296.

⁵⁰ Klaus G ü nther, Zur Frage der Typologie und Chronologie der großen Steinbilder der Osterinsel, Zusammenfassung und Kritik, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität», Jahr. 3, Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe, Hf. I, Jena, 1953—1954, стр. 81—107.

занным соком корней таро»⁵¹. Более точно и более детально технику передвижания статуй описал С. Энглерт: «Есть одна подробность в преданиях, которая нам позволяет сделать предположение относительно техники транспортировки. Между тем как одни из местных жителей наивно верят и утверждают, что в прежние времена существовала мана, или магическая сила, заставлявшая моаи идти до платформы аху, другие слыхали от стариков, что при перетаскивании разбрасывали по дороге вареный ямс, чтобы сделать ее более скользкой. Следует предположить, что при передвижении употребляли деревянный каркас в форме носилок без ножек; поместив сверху моаи, их тащили толстыми веревками, как на санях. Это представляется удовлетворительным объяснением примитивной техники, употреблявшейся для передвижения тяжелых колоссов в наиболее удаленные места побережья»⁵². «В других случаях могла употребляться еще более простая техника транспортировки: статую помещали на два круглых бревна и катили ее, постоянно перенося катки»⁵³.

Аналогичным образом техника воздвигания статуй и надевания на них каменной «шляпы» задолго до экспедиции описана самим Хейердалом⁵⁴, а до него, по древним преданиям острова Пасхи, их знатоком Энглертом⁵⁵.

Экспедиция приобрела большое количество различных каменных изображений, главным образом из тайных семейных пещер. Среди них имеются изображения хищных животных, собак, пингвинов, модели кораблей и т. д. Сам Хейердал указывает, что часть этих скульптур была сделана либо самим продавцом, либо его отцом или дедом. В книге «Аку-аку» помещены снимки только с некоторых предметов, но их слишком мало, чтобы дать научную оценку коллекции Хейердала.

Особую сенсацию вызвало сообщение Хейердала о приобретении им тетрадей с записями (в том числе иероглифическими) последних знатоков древнего письма.

Первая тетрадь такого рода была обнаружена чилийским ученым Хорхе Сильва Оливаресом 18 февраля 1956 года (т. е. во время пребывания на острове экспедиции Хейердала) в селении Хангарао у местного жителя Хуана Теао. Сильва Оливарес сфотографировал всю тетрадь Хуана Теао, но, к сожалению, катушка фотопленки была затем утрачена. По данным Сильва Оливареса, тетрадь Хуана Теао является копией с тетради, принадлежащей Педро Пате, который получил ее от своего деда Томеники (Вака Туку-онге), знатока древнего письма (маори-ронго-ронго). В тетради Хуана Теао, наряду с другими материалами, имелась генеалогия арики и «своего рода словарь ронго-ронго»⁵⁶.

В «Аку-аку» Хейердал упоминает о двух тетрадях. Одна из них принадлежала местному жителю Эстевану Атан. Как говорит Хейердал, дед Эстевана (Атаму Тупутахи, по генеалогии Энглерта) был знатоком иероглифического письма, а один из рапануйцев, попавших в число невольников, увезенных в Перу, а затем возвращенных обратно, помог ему записать испанскими буквами значение священных знаков. От деда тетрадь перешла к отцу Эстевана, который переписал ее заново, так как она истрепалась, но сам читать не умел. По словам Хейердала, тетрадь Эстевана Атана имела 41 страницу, причем «некоторые страницы были целиком заняты непонятными иероглифами, другие же были отведены под своего рода словарик с переводом отдельных знаков. Письмена ронго-ронго в словарике стояли одно под другим с левой стороны; справа на местном наречии полинезийского языка неуклюжими латинскими буквами было написано объяснение... Ясно было, что это не ловкая подделка, исполненная Эстеваном, и столь же ясно было, что если тот, кто записал эти загадочные знаки, действительно знал секрет письменности ронго-ронго, то эта простенькая тетрадь без обложки представляет собой огромную ценность и открывает неслыханные перспективы для толкования древней нерасшифрованной письменности острова Пасхи» (стр. 236—237).

В «Аку-аку» Хейердал привел фотографии двух страниц из тетради Эстевана Атана (см. стр. 234—235). На первой странице (сплошной иероглифический текст) знаки представляют копию из каталога, опубликованного епископом Таити Тепано Жоссаном (сопровождающий их полинезийский и французский тексты отсутствуют)⁵⁷. Знаки скопированы в основном в следующем порядке: сначала идет первый знак из первого столбца французского издания, затем первый знак из второго столбца, далее второй знак из первого столбца и т. д. Знаки записывались, несомненно, лицом, не знающим иероглифического письма; в них повторяются все искажения знаков, встречающиеся у Жоссана. На второй странице имеются два столбца иероглифических знаков, каждому из которых соответствует строка полинезийского текста, записанного латинскими буквами. Верхняя часть этой страницы (два параллельных столбца) скопирована, как и первая страница, с каталога Жоссана, но на этот раз воспроизведены

⁵¹ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», стр. 116.

⁵² S. Englebert, Указ. раб., стр. 96.

⁵³ Там же, стр. 96—97.

⁵⁴ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», стр. 116—117.

⁵⁵ S. Englebert, Указ. раб., стр. 113.

⁵⁶ См. Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Новые материалы об острове Пасхи, «Сов. этнография», 1957, № 6.

⁵⁷ T. Jausse, L'île de Pâques, Paris, 1893. Ссылки на номера каталога Жоссана даны по изданию: Werner Wolff, Island of Death, New York, 1943, стр. 66—77.

и знаки, и полинезийский текст (французского текста нет). В основном взяты №№ 198—242 каталога Жоссана, но с некоторыми пропусками и перестановками, именно: в столбце слева (сверху вниз) № 176, 207 (?), 198, 200, 201, 202, 205, 207, 206 (одного знака нет), 210, 211, 212, 213; в столбце справа №№ 232 (?), 228, (один знак пропущен), 223, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242. Многие знаки довольно сильно искажены, например, №№ 176, 211, 213, 234, 236, 241. Соответствующий знакам полинезийский текст взят также из каталога Жоссана с некоторыми искажениями, например: № 236 — вместо *кикшу* (крыса) написано *китуу*, № 242 вместо *ио* (он) — *ихо* (недавно) и т. д. Знак № 241 в каталоге Жоссана не имеет объяснительного полинезийского текста, но имеет французский текст (акула, которая пожирает) в тетради Эстевана Атан этому знаку соответствует полинезийский текст *хе охо хе кори* (ушло, украдено). К знаку № 207 (?) дан текст, относящийся к знаку № 199, но вместо *рауа* (они) написано *аруруа* (вдвое). Полностью изменен текст, относящийся к знаку № 232 (?). Изменения и искажения имеются также в тексте к знакам №№ 176 (*е* — *хе*), 216 (*и* *те* — *ки* *те*), 210 (*е* — *хе*), 212 (*мо* — *маага*), 235 (*тика* — *такаэ*), 239 (*и тона* — *и те*), 213 (*коти, котиа* — *хе коти коти*), 228 (*мамау* и *те ахи* — *тангата мау ахи*), 229 (*те нуку* *е* *те ахи* — *те нуку нуку ахи*), но они отнюдь не вносят чего-либо нового в каталог Жоссана.

Знаки на нижней части этой же страницы (столбец слева) скопированы с книги Макмиллана Брауна⁵⁸, который опубликовал иероглифический текст так называемого «жезла» из музея в Сант-Яго (Чили). Четыре верхних знака взяты со стр. 88 (строчка Ш-а, знаки 7—8, 9—10 (?), 11, 12, 14), но со значительными искажениями и пропусками (искажены знаки 8, 10, 11, 14, пропущен знак 13, пропущены части знаков 9, 12). Пять нижних знаков взяты со стр. 91 (строчка В, знаки 2—3, 4—5, 6—7, 8, 9—10) также с пропусками и искажениями (искажены знаки 4, 6, 8, пропущены части знаков 2, 10). Следует отметить, что на основе той же стр. 91 книги Макмиллана Брауна была сфабрикована поддельная дощечка с якобы древней надписью. Биссель приобрел ее в 1932 г. у торговца древностями Нордман-Салмона, а в 1948 г. подарил Национальному музею в Вашингтоне. Факт фальсификации можно считать установленным. Обращает на себя внимание, что четыре нижних знака на странице из тетради Эстевана Атан дважды повторяются подряд на фальсификации, приобретенной Бисселем (в издании Бартеля рис. 1, третья строка сверху, и рис. 2, третья строка сверху).

Весь столбец из 9 знаков на нижней части страницы из тетради Эстевана Атан сопровождается строчками полинезийского текста, явно в подражание каталогу Жоссана (верхняя часть страницы списана с каталога Жоссана). Текст этот следующий (Хейердал не дает к нему ни перевода, ни комментариев, кроме цитированного выше сообщения об обстоятельствах приобретения этой тетради):

1. *хе ка руа*
2. *ка руа маори о те кохуо*⁵⁹
3. *хе поки моту и те кохуо*

4. *хе маори и те кохуо*
5. *ка тору, маори о те кохуо*
6. *ка ха маори о те кохуо*
7. *нга поки рео рива рива мо кай и те кохуо*
8. *ка майтаки кое ере пае*
9. *ка майтаки те хуру о те коро*

где второй
второй знаток дощечек
где дети, вырезающие знаки на дощечках
где знаток дощечек
третий знаток дощечек
четвертый знаток дощечек
дети хорошо болтают, но не читают дощечек
хорошее для тебя кончились
хорошие обычай отцов

В сочетании со знаками из книги Макмиллана Брауна этот текст выглядит по меньшей мере иронически.

Кроме того, Хейердал опубликовал (стр. 256—257) найденный в тайной пещере камень с иероглифической надписью. Надпись на этом камне представляет собой фальсификацию, сделанную по копии каталога Жоссана (первая опубликованная страница из тетради Эстевана Атан, стр. 238) и по 91 странице книги Макмиллана Брауна. Насколько можно судить, приобретенные Хейердалом страницы с неточными копиями иероглифов, опубликованных в европейских изданиях, служили своего рода «собственными» для рапануйских подделывателей древностей.

Подведем некоторые итоги.

Археологические исследования экспедиции Хейердаля могут дать новые, возможные материалы для изучения острова Пасхи, но пока результаты их еще не опубликованы.

Эпизодические связи между Америкой и Полинезией безусловно существовали, что признавалось и до появления книг Хейердала. Вопрос об этих связях, в частности о плаваниях инков в Тихом океане и о плаваниях полинезийцев в Америку, нуждается в дальнейшем изучении.

⁵⁸ J. Macmillan Brown, The Riddle of the Pacific, London, 1924.

⁵⁹ В тексте везде стоит кохуо вместо кохай (дощечка).

Мнение Хейердала о том, что целый народ (или его остатки) переселился из Америки в Полинезию, представляет собой совершенно необоснованную гипотезу, не подкрепленную ни одним убедительным доказательством.

Несмотря на то, что в книге «Аку-аку» нет никакой новой убедительной аргументации в пользу уже известных взглядов Хейердала, некоторые советские авторы восприняли эту книгу как последнее слово науки в области океанистики и американистики. Эти авторы считают необоснованные гипотезы Хейердала общепризнанными научными истинами и даже начали широкую популяризацию их на страницах массовой печати. Например, Л. Жданов в статье «Хейердал видел это сам»⁶⁰, не дав себе труда заглянуть хотя бы в самые популярные работы по острову Пасхи, излагает взгляды Хейердала как последнее слово науки. Такую практику нельзя признать нормальной.

Н. Бутинов, Р. Кинжалов, Ю. Кнорозов

АНТРОПОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. Г. Левин. *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXXVI, Труды Северо-восточной экспедиции, II, М., 1958, 357 стр.

В основу рецензируемого труда положены обширные антропологические материалы, собранные лично его автором в разных районах Сибири и Дальнего Востока, результаты лабораторных краинологических исследований автора, обширная антропологическая литература, представленная в книге списком, содержащим около 530 названий на русском и иностранных языках, а также некоторые неопубликованные материалы по антропологии, хранящиеся в архивах Научно-исследовательского института антропологии (сборы А. Н. Покровского, А. М. Золотарева) и Института этнографии АН СССР (соматические и краинологические материалы Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Чебоксарова). Кроме того, автор имел возможность привлечь некоторые археологические неопубликованные данные А. П. Окладникова, а также этнографические материалы по народам Амура из архивов Института этнографии АН СССР, находящихся в Москве и Ленинграде.

Книга М. Г. Левина содержит, помимо введения и заключения, пять глав, посвященных следующим основным проблемам: расовым классификациям и основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии; анализу антропологического состава и происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина; происхождению тунгусов; этногенетическим проблемам населения Северо-Востока Азии в свете данных антропологии; наконец, айнской проблеме. В приложении рассматриваются антропологические типы корейцев и японцев.

Работа посвящена одной из интереснейших для этнографа и антрополога областей Азии, где скрещиваются вопросы энтогенеза народов юго-восточной части азиатского материка, Сибири, далекого Севера, включая американскую Арктику.

Следует особо отметить, что М. Г. Левин является первым советским антропологом, да и первым антропологом в России, лично изучавшим айнов, что придает особый интерес пятой главе его книги.

Вполне естественно, что в книге, объединяющей этническую антропологию с проблемами этногенеза, автор должен был изложить свои общие воззрения на методы использования антропологического материала в качестве исторического источника. Это и сделано им во Введении (стр. 5—12), где читатель знакомится как с методологическими позициями советской антропологии в проблеме соотношения расы и этноса, так и с вопросами классификации народов по особенностям их культуры. Большую ценность представляет отчетливое и ясное изложение обоснованных автором совместно с Н. Н. Чебоксаровым (1955) двух принципов этнографической классификации и их применения к народам Сибири. Один из наиболее существенных выводов автора состоит в том, что к одному хозяйствственно-культурному типу могут принадлежать этнические группы, имеющие совершенно различное происхождение и разный антропологический состав. Наоборот, что касается историко-этнографических областей, то некоторая связь их границ с распространением антропологических типов их населения может сложиться в процессе исторического формирования этих областей.

В первой главе, посвященной основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии, дается история антропологического изучения Сибири (стр. 13—27), приводится исторический обзор расовых классификаций (стр. 27—49) и рассматриваются основные принципы классификации (стр. 49—58).

⁶⁰ Журн. «Техника — молодежи», 1957, № 12.

Очерк истории антропологического изучения Сибири автор начинает с упоминания о трудах участников 2-й Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) и с изложения программы-анкеты, составленной В. Н. Татищевым (1734, 1737 гг.), и заканчивает публикациями Г. Ф. Дебеца начала пятидесятых годов нашего столетия.

Обзор классификации рас автор начинает с Томаса Гексли и затем кратко излагает классификации монголоидных рас Топинара, Катрфажа, Деникера, Ивановского Руджери, Гэддона, Монтандона, Эйкштедта, Бисутти. В этом обзоре автор с полным основанием говорит об очень большом положительном значении трудов Деникера, оказавших влияние на всю дальнейшую разработку классификации рас Северной Азии. Интересны и убедительны критические замечания по поводу схем и принципов их построения у значительной части упомянутых авторов.

Обзор, сделанный автором, пожалуй, следовало бы дополнить некоторыми более ранними опытами классификации североазиатских рас, например схемой Бори, выделившего в 1827 г. в качестве отдельных видов *Homo scythicus* (монголы, киргизы и др.), *Homo sinicus* (китайцы, корейцы, японцы, сиамцы и др.) и *Homo hyperboreus* (лопари, самоеды, остыки, тунгусы, якуты, юкагиры). Некоторый интерес могло бы представить и упоминание о Демулене (1825), выделившем курильскую расу.

Вполне понятно, что М. Г. Левин более подробно анализирует развитие классификаций антропологических типов Северной Азии в трудах советских антропологов — Дебеца, Ярхо, Чебоксарова и др. В заключение этой главы автор анализирует основные принципы классификации, опираясь на выводы, сделанные ранее только что назянными исследователями. Вместе с тем он вносит некоторые уточнения как в формулировки этих выводов, так и в их содержание. Так, автор указывает, что при классификации рас Северной Азии не следует отказываться от таких признаков, как толщина губ, развитие третичного волосяного покрова, жесткость волос. Далее он считает необходимым выделить особый антропологический тип — «амуро- сахалинский», занимающий своеобразное положение среди основных расовых типов Дальнего Востока и Сибири. М. Г. Левин справедливо предостерегает против переоценки морфологического сходства «америкоидных» форм в Западной Сибири, с одной стороны, и на Северо-Востоке — с другой, учитывая при этом и различный генезис названных типов. В вопросе о происхождении уральской и южносибирской рас автор стоит на точке зрения, разделляемой большинством антропологов Советского Союза, согласно которой обе эти расы сложились в результате смешения монголоидных и европеоидных компонентов.

В главе второй, посвященной выделению антропологических типов и проблемам происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина (стр. 58—135), М. Г. Левин последовательно излагает историю антропологического изучения названной области, затем дает анализ этногеографической дифференциации отдельных признаков (по материалам экспедиции 1947 г.), далее проводит сопоставление результатов, полученных по отдельным признакам, на основании чего переходит к выделению антропологических типов.

Автор убедительно показывает, исправляя некоторые представления, установленные в научной литературе, что в состав коренного населения Нижнего Амура и Сахалина входят помимо айнского, два антропологических типа: байкальский и амуро-сахалинский. Достаточно характерными представителями первого типа могут считаться негидальцы и ороки; отчетливо выступают черты байкальского типа также среди орочей, нанайцев и ульчей. Амуро-сахалинский тип характерен для нивхов, но в качестве одного из компонентов имеется также в составе ульчей и отчасти орочей. М. Г. Левин с полным основанием уделяет подробно описанному им амуро-сахалинскому типу особое место в систематике рас Северной Азии. Каково же происхождение антропологического типа нивхов и как разрешаются с помощью антропологических и других данных основные вопросы их этногенеза? Отвечая на эти вопросы, М. Г. Левин дает критический анализ взглядов Л. А. Шренка и Л. Я. Штернберга. На основании серьезных аргументов, почерпнутых им из антропологических, этнографических и археологических источников, он показывает те трудности, с которыми сталкивается гипотеза Шренка о том, что первоначальной родиной гиляков был Сахалин, и гипотеза Штернberга о северном происхождении нивхов. Очень интересна и обоснованная интерпретация автором археологических фактов, представленных А. П. Окладниковым и М. В. Воробьевым по Приморью и Приамурью, а Р. В. Чубаровой — по Сахалину. В итоге автор приходит к выводу о том, что амуро-сахалинский антропологический тип сложился, по-видимому, в основном вследствие древнего контакта тихоокеанских и североазиатских вариантов монголоидной расы, что хорошо согласуется и с положением на карте области, занятой этим типом, и с фактами археологии, которые свидетельствуют о том, что культуры Приморья и Нижнего Амура по крайней мере со II тысячелетия до н. э. были связаны весьма тесно с культурами областей, лежащих к югу. По мнению М. Г. Левина, именно нивхи являются древними аборигенами территории, которую они занимают ныне, и их культура в наибольшей степени обнаруживает преемственность с неолитической культурой Амура. Вероятно, что область их расселения в прошлом была более широкой. Очень возможно, что в своих легендах о тончах айны рисовали родственные нивхам племена. М. Г. Левин не отрицает примеси у нивхов айнского элемента. Пожалуй, следовало бы подкрепить это положение некоторыми чертами сходства в краниологии обоих типов.

Переходя к проблеме происхождения тунгусо-маньчжурских народов Амура и Са-

халина, автор знакомит читателя с различными классификациями тунгусо-маньчжурских языков и, опираясь на классификацию В. И. Цинциус, приходит к весьма интересному выводу о довольно значительном параллелизме между наличием северных (тунгусских) элементов в языке отдельных этнических групп и степенью выраженности в населении этих групп так называемого байкальского антропологического типа. Оказалось, что негидальцы — группа, наиболее близкая по языку к эвенкам, — обладают и наиболее отчетливо выраженным чертами байкальского типа. Следующее за ними место занимают ороки. Признаки байкальского типа обнаружились у орочей, ульчи и нанайцев. Аналогичную картину представляют и данные этнографии. Эвенкийские элементы прослеживаются в культуре всех тунгусо-маньчжурских групп Амура (например: нагрудник, лодки-берестянки, конический чум, определенная форма колыбели, особенности искусства). Однако особенно значительны они у негидальцев и у ороков. Наиболее близки к нивхам по своим культурным особенностям ульчи, которые и по антропологическим признакам сближаются с нанайцами и нивхами. Интересно, что наличие у нанайцев дальневосточного варианта монголоидной расы хорошо согласуется с данными истории, этнографии и языкоznания, которые свидетельствуют о длительных связях нанайцев с населением Маньчжурии.

В главе третьей автор рассматривает проблему происхождения тунгусов (стр. 136—205), расчленив ее на следующие четыре раздела: антропологические типы тунгусов, антропологический тип юкагиров, антропологический тип древнего населения Прибайкалья и, наконец, этногенез тунгусов. После тщательного и разностороннего анализа М. Г. Левин приходит к выводу, что можно дать следующую общую схему распространения антропологических типов тунгусских групп. Байкальский тип отчетливо выражен у эвенков Прибайкалья и, по-видимому, Северной Якутии, у ламутов бассейна Колымы, Охотского побережья, Чукотки и Камчатки. У эвенков южных районов можно предполагать наличие центральноазиатского компонента.

Наконец, западные эвенки представляют своеобразный тип, сближающийся по одним признакам с бурятами, по другим — с ламутами, но отличающийся и от тех и от других сравнительно низким лицом; в целом тип западных эвенков весьма сведен с типом саянских оленеводов — тувинцев-тоджинцев и тофаларов, а также некоторых других групп Западной Сибири.

В относительно коротком, но содержательном втором разделе автор дает сравнительную характеристику антропологического типа юкагиров и, несмотря на малую изученность этой исключительно интересной группы, приходит к выводам, которые нам представляются достаточно убедительными. М. Г. Левин предполагает, что древнее юкагирское население обладало комплексом признаков байкальского типа и что ареал этого типа охватывал обширные пространства Северной Сибири. Серьезными аргументами в пользу этого предположения являются, с одной стороны, результаты исследований Б. О. Долгих, показавших чрезвычайно широкое в прошлом расселение юкагиров, с другой — огромное сходство черепов юкагиров и оленных тунгусов.

В третьем разделе главы, посвященном сложному вопросу об антропологическом типе древнего населения Прибайкалья, после подробного и углубленного анализа краеведческого материала автор приходит к выводу о том, что в составе неолитического населения Прибайкалья была европеоидная примесь. Главным аргументом в пользу этого положения являются более резко выраженные по сравнению с прибайкальцами монголоидные особенности неолитических черепов, найденных у дер. Фофаново на нижней Селенге, черепа глазковского времени из пещеры на р. Шилке и черепов, найденных к северу от Байкала (на берегу р. Бугачан и у селения Туйской на берегу р. Чоны, притока Вilyя). Другим важным подтверждением этого взгляда следует считать значительную корреляцию между таксономически важными признаками, дифференцирующими монголоидную и европеоидную расы, в серии черепов из Верхоленского могильника. Последний аргумент автора можно было бы усилить, указав, что полученные им коэффициенты корреляции выдерживают статистическое взвешивание их реальности. Придя к положительному решению о европеоидной примеси в составе древнего населения Прибайкалья, М. Г. Левин задает вопрос об источнике этой примеси и о пути ее проникновения. Автор и в этом случае не изменяет необходимой научной осторожности, диктуемой недостаточностью палеоантропологического материала. Предварительное решение вопроса рисуется ему в следующем виде. Нет оснований связывать европеоидный компонент в составе неолитического населения Прибайкалья с более древними обитателями этой области; можно предположить, что древние европеоидные группы проникли в Прибайкалье в эпоху, более раннюю, чем афанасьевская культура, из степных районов Юго-Западной Сибири.

Очень большой интерес представляет четвертый раздел третьей главы, рассматривающий историю разработки проблемы этногенеза тунгусов, данные антропологии, археологии, этнографии и языкоznания. На основании этих исследований М. Г. Левин приходит к оригинальной и серьезно аргументированной гипотезе, сущность которой сводится к тому, что этнические группы, оставившие в Прибайкалье и на смежных территориях неолитические и энеолитические памятники, принадлежали не к тунгусам, а к «палеоазиатам», позднее ассимилированным тунгусоязычными племенами. Байкальский антропологический тип, по мнению М. Г. Левина, был характерен именно для этих палеоазиатских групп. С дотунгусским населением следует связывать и относительно

низколицый катангский вариант, характерный в настоящее время для западных эвенков. Область формирования древних тунгусских групп находилась, вероятно, по соседству с ареалами формирования тюрко- и монголоидных народов. Фактором, сыгравшим большую роль в широком расселении тунгусских племен по Сибири, было возникновение и развитие у них оленеводства, появившегося первоначально в горных районах Забайкалья — Приамурья под влиянием коневодства.

Не менее ярки и оригинальны главы: четвертая («Этногенетические проблемы на северо-востоке Азии в свете данных антропологии») и пятая («Айнская проблема»).

В четвертой главе рассмотрены антропологические типы северо-восточных палеоазиатов и азиатских эскимосов, затем подвергнута разносторонней критике так называемая теория «эскимосского клина», разобрана проблема этногенеза северо-восточных палеоазиатов и, наконец, поставлены и освещены некоторые вопросы антропологии эскимосов. Важнейшие выводы этой главы заключаются в том, что формирование камчатского типа было связано с территорией первоначального расселения северо-восточных палеоазиатов, а берингоморского типа — с областью раннего расселения предков эскимосов; внутренние районы Чукотского полуострова не входили первоначально в пределы этнической области чукчей; археологические данные свидетельствуют о том, что глубинные области Чукотки заселились из континентальных районов Сибири; юкагиры предшествовали здесь чукчам, и автор полагает, что примесь байкальского антропологического элемента у чукчей является результатом не только позднего смешения чукчей с ламутами, но и более раннего — с юкагирами. Автор подтверждает весьма убедительной критике теорию «эскимосского клина», опираясь на А. М. Золотарева, Г. Ф. Дебеца, а также на ряд собственных соображений, частично высказанных им еще в 1949 г. М. Г. Левин категорически отрицает теорию, согласно которой эскимосы принесли в область Берингова моря свою культуру и свой антропологический тип откуда-то со стороны; эскимосы сформировались в результате сложных и длительных процессов в областях, примыкающих к Берингову морю, которые и следуют считать «родиной эскимосов».

Как мы уже упомянули выше, пятая глава состоит из разделов, содержащих характеристику и анализ антропологического типа айнов, рассмотрение древних культур и палеоантропологических типов Японских островов и, наконец, обзор теорий о происхождении айнов. Эта глава содержит очень ценные материалы, как лично собранные автором, так и почерпнутые из литературных, в частности японских, источников. Автор доказывает путем детального анализа, что в составе айнов Сахалина можно проследить старую нивхскую примесь, а у айнов Хоккайдо — что представляет особый интерес — японскую примесь. М. Г. Левин считает неубедительной гипотезу о том, что древнейшая керамическая культура Японии («протодзёмон») связана с неолитическими культурами Северной Азии, и склоняется к гипотезе о первоначальном заселении Японских островов с юга. Неолитические черепа населения Японии по основным признакам сближаются с айнскими. Это правильное положение автора приобрело бы большую наглядность, если бы данные по японским, айнским и неолитическим черепам были сведены в одной таблице или диаграмме.

Автор показывает несостоятельность теории о принадлежности айнов к европеоидам и, сближая айнский тип с полинезийским, присоединяется к теории генетического родства айнов с типами экваториального расового ствола. Монголоидные типы на Японских островах появляются вместе с распространением культуры яёй, сменившей неолитические культуры.

Большую ценность имеет приложение, заключающее в себе наиболее обширные в нашей литературе исследования антропологических типов корейцев и японцев. Этот раздел, не являясь органической частью всей книги, существенным образом ее дополняет, и его выводы особенно важны для понимания второй и пятой глав.

Следует особо отметить хорошее оформление книги. Чтение облегчается нескользящими схематическими географическими картами, комбинационными полигонами, наконец, прекрасно подобранный серией из 12 портретов характерных представителей основных антропологических типов Сибири. Книга тщательно отредактирована. В тексте мало опечаток.

В целом книга М. Г. Левина заслуживает самой высокой оценки. Она — результат почти тридцатилетних полевых и лабораторных исследований автора, итог огромной работы над литературой, опыт действительно синтетического исследования, в котором, согласно традиции Анучинской школы, антропология, этнография и археология применены в качестве дополняющих друг друга источников изучения этногенеза.

Реценziруемая книга — важный этап в изучении антропологии и этногенеза народов Дальнего Востока и прилегающих областей. По широте поставленных задач, обилию материала, глубине и разносторонности его интерпретации она может считаться одним из крупнейших достижений в этнической антропологии за последние десятилетия.

J. K. Woo. *Dryopithecus teeth from Keiyuan. Yunnan province.* «Vertebrata Palasiatica», т. I, № 1, 1957, стр. 29—31.

W. C. Pei. *Découverte en Chine d'une mandibule de singe géant.* «L'anthropologie», 1957, № 1—2, стр. 77—83.

Территория Китайской Народной Республики — место исключительно интересных палеоантропологических находок. В феврале 1957 г. геологи Ван и Линь при работе в угольных копях в районе Кейюаня (провинция Юньнань) нашли серию зубов ископаемых млекопитающих, датируемых ранним плиоценом. Среди них обнаружены относящиеся к одной челюсти пять зубов, принадлежность которых ископаемому примату не вызывает сомнений. Второй нижний моляр и второй нижний премоляр представлены двумя зубами — правым и левым, третий нижний моляр — одним зубом. Сохранность зубов неодинакова. Коронки вторых моляров и премоляров сохранились хорошо, концы корней повреждены; третий моляр представлен только коронкой. Вторые моляры имеют, как и обычно у антропоидов, пять бугорков. Самый высокий из них — метаконид, самый низкий — мезоконид. Вторичные бугорки не выражены. Желобок эмали, так называемый цингулум, выражен на внешней стороне сильнее, чем на внутренней. Все эти особенности, по мнению Ву, сближают новую форму с панджабским дриопитеком. То же самое может быть отмечено и на основании изучения третьего моляра. Метаконид является наиболее высоким бугорком, цингулум более заметен на внешней стороне. Наличие двух добавочных бугорков и сама форма зубов также подтверждают мнение Ву о близком сходстве нового примата с панджабским дриопитеком. Однако имеются и различия. Ву отмечает их в величине зубов и в разной высоте протоконида и гипоконида. В то время, как у панджабского дриопитека оба бугорка выражены примерно в одинаковой степени, китайская форма, по сравнению с гипоконидом, имеет более высокий протоконид. Оба найденных премоляра, в отличие от одноименных зубов панджабского дриопитека, имеют укороченную форму.

На основании всех перечисленных особенностей Ву включает вновь найденного примата в группу дриопитеков. Наибольшее сходство он, по его мнению, обнаруживает с панджабским дриопитеком, отличаясь от него, однако, рядом мелких деталей. Это позволяет Ву выделить его в особый вид — *Dryopithecus keiyuanensis* — дриопитек кайюаньский. Не входя в обсуждение вопроса о видовой самостоятельности новой находки, следует отметить ее значение для установления границ расселения дриопитековых обезьян, так как раньше мы не имели следов их пребывания на территории Китая.

Новые находки в провинции Гуанси еще более интересны. Среди зубов «дракона», хранившихся в конторах Китайской компании медицинских растений в Наньяне, были обнаружены 47 зубов гигантского примата. Позже три зуба были найдены при случайных раскопках. При случайных же раскопках в административном районе Лиоменг летом 1956 г. в гроте Монт Лунт-сай была найдена нижняя челюсть колossalных размеров. Весь этот материал, относящийся к гигантопитеку Блэка, в несколько раз увеличивает наши возможности в изучении этой интересной и своеобразной формы. Пей отмечает, что ветви челюсти не расходятся под углом, как в челюстях ныне живущих антропоидов, но и не образуют подковообразной дуги, как у современного человека. Жевательная поверхность зубов стерта. Некоторые особенности строения жевательной поверхности указывают на смешанный характер питания гигантопитека — он питался как растительной, так и мясной пищей. Последнее, по мнению Пея, подтверждается тем обстоятельством, что найденные вместе с гигантопитеком кости ископаемых животных принадлежат либо очень молодым, либо старым особям. По-видимому, гигантопитек охотился на более слабых животных.

Пей пишет, что челюсть и зубы гигантопитека имеют некоторое количество человеческих черт, и указывает, что этот примат стоит ближе к человеку, чем все ранее открытые формы человекообразных обезьян. Однако новый материал, по его мнению, окончательно решает вопрос о его систематическом положении в пользу антропоидов. Это находит себе дополнительное подтверждение в геологическом возрасте находки. Найденная с ней фауна — тапир, носорог, стегодон и др.—имеет среднеплейстоценовый возраст и, таким образом, одновременна с синантропом. В абсолютных цифрах это выражается, по мнению Пея, в 600—400 тыс. лет.

Предварительное сообщение не исчерпывает всех вопросов, связанных с новыми находками. В частности, нерешенным остается важнейший вопрос — о связи гигантопитека с крупными формами австралопитековых, на что обратили внимание Р. Брум, Г. Шепперс¹ и Г. Кенигсвальд². С нетерпением будем ждать полной публикации новых находок.

В. Алексеев

¹ R. Brohm, G. W. H. Scheppers, The South African fossil ape-men. The Australopithecinae, «Memoires of Transvaal Museum», т. 2, Pretoria, 1946.

² G. H. R. von Koenigsvald, Gigantopithecus Blacki von Koenigsvald, a giant fossil hominoid from the pleistocene of southern China, «Anthropological papers of the American Museum of Natural History», т. 43, N. Y., 1952.

Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Под редакцией начальника ЮТАКЭ профессора М. Е. Массона. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. VII, Ашхабад. 1956, 460 стр.

Выход в свет седьмого тома Трудов Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) — важное событие в археологии не только Средней Азии, но и ряда смежных областей СССР. В книге изложены результаты многолетних работ советских археологов в Южной Туркмении и юго-западном Прикаспии. С выходом в свет рецензируемого сборника археологи получили хороший справочник по археологии первобытного периода в Южной Туркмении, отражающий современные достижения в этой области и заменивший, наконец, устаревшее двухтомное издание Пампелли¹. Сборник делится на две, примерно равные, части; первая посвящена изучению материалов пещерного поселения неолитических охотников и рыболовов в районе Красноводска, вторая — преимущественно исследованию памятников эпохи энеолита и бронзового века подгорной полосы Копет-Дага.

Сборник открывается большой статьей А. П. Окладникова «Пещера Джебель — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении», являющейся подробной публикацией материалов многослойного пещерного поселения Джебель, раскопанного отрядом ЮТАКЭ под руководством автора статьи в 1949—1950 гг. Значение этого впервые найденного на территории Средней Азии многослойного памятника культуры охотников и рыболовов, основные слои которого относятся к эпохе неолита, трудно переоценить, если учесть, что подавляющее большинство известных нам дюнных стоянок эпохи неолита и энеолита разрушено и датировка их материалов крайне затруднена.

В статье дано подробное послойное описание материала десяти слоев, прослеженных А. П. Окладниковым в процессе раскопок трехметровых культурных отложений пещеры. Статья снабжена большим количеством рисунков (изделия из камня, раковинные украшения, керамика). Заключительная часть статьи посвящена культурно-стратиграфической характеристике наслойений пещеры, относительной и абсолютной датировке культурных комплексов. Значительную ценность представляет сводная статистическая таблица, показывающая количество и соотношение различных типов изделий из разных слоев пещеры. Дополнением к ней служит сводная послойная таблица рисунков.

Мы не будем останавливаться на первой части статьи А. П. Окладникова; подробное описание автором находок, удачно дополненное сводными таблицами, дает исчерпывающее представление о материалах отдельных комплексов пещеры². Рассмотрим подробнее заключительные разделы статьи.

Для обоснования абсолютной датировки комплексов пещеры, особенно верхних, А. П. Окладников привлекает широкий сравнительный материал доземледельческих и раннеземледельческих памятников Юга, а также ряд неолитических и энеолитических стоянок севера Средней Азии и Казахстана. Автор датирует материал I—III-го слоев пещеры III — началом II тысячелетия до н. э., 4-й слой — IV тысячелетием до н. э., 5-й слой, с которым он связывает начало гончарства, — V тысячелетием до н. э. (стр. 204—209). Нижние слои пещеры А. П. Окладников относит к заключительному этапу мезолита (стр. 197—198). Древнейшее население пещеры, как показывает материал нижних культурных слоев, занималось рыболовством и охотой. Имеются основания для предположения, что некоторые кости из 4-го и 3-го слоев принадлежат домашней козе³. Как предполагает А. П. Окладников, обитатели трех верхних слоев пещеры были, возможно, и земледельцами.

Предлагаемая автором абсолютная датировка некоторых комплексов пещеры вызывает значительные сомнения. Остановимся прежде всего на датировке 4-го слоя.

Автор проводит сопоставление наконечников стрел из 4-го слоя с наконечниками ряда близневосточных памятников. Датировка слоя, основанная на сделанных из этого сопоставления выводах, вряд ли убедительна.

¹ См. R. Pumpeley, *Explorations in Turkestan*, тт. I—II, Washington, 1908.

² Сделаем только несколько небольших замечаний. Изделие, описанное на стр. 32—33 (рис. 13,4) и происходящее из 1-го слоя, на наш взгляд, не что иное, как обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы, асимметричного, с боковой выемкой — типа, широко распространенного на энеолитических стоянках Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, а не вкладное лезвие для орудий составного типа, как предполагает автор. По-видимому, обломком подобного наконечника является и изделие, изображенное на рис. 87,3 (слой 5a). Текст описания местами небрежно отредактирован, не выверены сноски на иллюстративный материал. Описание вещей в тексте не всегда соответствует подписи под рисунком (на стр. 27 описаны отжимники, а в подписи под рис. 11,4—5, к которому отсылает автор, стоит — «отбойники»); указанное в тексте количество изделий не всегда сходится с соответствующей цифрой в статистической таблице (на стр. 196 — два скребка на широких пластинах, а в таблице — три). Не на всех таблицах приведены все порядковые номера рисунков: рис. 24, 26, 29, 31 (в тексте опечатка: рис. 13), 62, 65, 76 и др. Во всем тексте большое количество опечаток.

³ См. статью В. И. Цалкина «Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела...» в рецензируемом сборнике (стр. 221).

Описанные на стр. 95—97 наконечники стрел, происходящие из 4-го слоя, за исключением хорошего наконечника кельтескинарского типа, маловыразительны (они представлены либо обломками, либо не закончены в обработке). Предлагаемая автором датировка 4-го слоя IV тысячелетием до н. э. основана главным образом на южных аналогиях (Тепе-Гиссар I, Персеполь, Гельз-Хассуна и др.) черешковому наконечнику стрелы, сделанному из ножевидной пластины, и незаконченному в обработке. Однако, исходя из факта, что подобный наконечник — единственный в материалах 4-го слоя и имеет лишь общее сходство с наконечниками из Персеполя и Тепе-Гиссара, более правомерно рассматривать его как пережиток древней микролитоидной техники. Длительное перекивание ранних форм изделий из кремня вообще очень характерно для инвентаря многих неолитических стоянок севера Средней Азии.

Доказательством этого являются и совершенно аналогичной формы обломки двух наконечников из комплекса стоянки Джанбас-4⁴, близкой территориально Джебелю и хорошо документированной раскопками, материал которой, в особенности керамика, не позволяет датировать ее ранее конца IV тысячелетия до н. э.

Следует отметить, что 4-й слой дал два двусторонне обработанных наконечника (стр. 95—97, 194, 199), которые позволяют сближать этот комплекс с материалом лежащих выше слоев и в конечном итоге решают датировку комплекса. Южные аналогии этим наконечникам, как отмечает сам автор, относятся в основном уже к III тысячелетию до н. э. (стр. 205).

В связи с датировкой 4-го слоя пещеры заслуживает внимания вопрос о керамике, которая представлена различным количеством обломков в материалах всех слоев пещеры, за исключением нижнего, 8-го слоя. Связывая начало гончарства у обитателей пещеры лишь с 5-м слоем, автор объясняет наличие керамики в слоях 5а, 5—6-м, 6-м и 7-м проникновением ее из лежащих выше слоев. Можно допустить факт проникновения одного черепка в 7-й слой, однако трудно согласиться с предположением А. П. Окладникова о проникновении сверху в слой 5а, 5—6-й и 5-й слои 17, а в 4-й слой — 11 черепков. В связи с предположением автора, большой интерес представляли бы схемы расположения фрагментов керамики по поверхности отдельных слоев пещеры. Скопление их в одном месте или расположение у стенок пещеры в какой-то мере оправдало бы эти предположения. Однако такого материала, к сожалению, не приведено. Если же принять предположение автора о проникновении в нижние слои 28 черепков, то, естественно, возникает вопрос: можно ли принимать кремневый инвентарь каждого слоя за комплекс, так как совершенно ясно, что мелкие кремневые изделия имеют благодаря своим размерам большую, чем керамика, возможность проникновения в нижние слои по норкам грызунов и трещинам в культурном слое? Все это не позволяет нам согласиться с предположением А. П. Окладникова и дает основание рассматривать комплекс керамики из 4-го слоя как находившийся *in situ*. Эта керамика ставит датировку слоя на более прочную основу. Дело в том, что среди обнаруженных в слое черепков имеется четыре фрагмента черной лощеной керамики (стр. 109), о которых А. П. Окладников пишет: «Самые ранние образцы такой керамики имеются в основании культурной толщи холма (Шах-Тепе.—А. В., М. И.), в слое третьем, который Т. Арне относит к концу четвертого тысячелетия до н. э. (около 3200 л. до н. э.)» (стр. 204). Таким образом, наиболее ранней датировкой, которую можно допустить для комплекса находок из 4-го слоя является конец IV тысячелетия до н. э. Нам представляется более вероятным датировать комплекс концом IV — началом III тысячелетия до н. э.

Рассматривая материалы 3-го и 4-го слоев пещеры, А. П. Окладников делает вывод, что «в стратиграфической шкале Джебела находки со стоянки Джанбас-кала № 4... всего вероятнее можно поместить на уровне не четвертого, а более позднего, третьего сверху слоя, или, самое большое, на грани третьего и четвертого слоев» (стр. 209).

Мы не можем согласиться с предлагаемой автором статьи синхронизацией стоянки Джанбас-4 с 3-м слоем Джебела, основанной в значительной мере на явном недоразумении. Автор ошибочно предполагает наличие якобы в материалах стоянки Джанбас-4 наконечников стрел ромбической и подтреугольной формы, ссылаясь при этом на таблицу в книге С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации»⁵ (стр. 209). Такие наконечники действительно изображены на этой таблице, но они происходят, как это и указано в подписи под таблицей, не со стоянки Джанбас-4, а со стоянки Джанбас-14⁶ — стоянки более поздней, относящейся к позднему этапу кельтескинарской культуры. Что касается остальных типов инвентаря, то можно говорить о большом сходстве, а в ряде случаев и об идентичности следующих изделий стоянки Джанбас-4 и 4-го слоя Джебела: 1) ножевидных пластин с боковыми асимметричными выемками; 2) ножевидных пластин с притупленной спинкой и скоченным притупляющей ретушью концом; 3) проколок на ножевидных пластинках; 4) наконечников стрел кельтескинарского типа; 5) большинства типов скребков концевых и на отщепах;

⁴ Коллекция хранится в ГИМ, инв. номер этих изделий 5063, 5064.

⁵ См. С. П. Толстой, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

⁶ Там же, стр. 70, рис. 18, а.

.6) нуклеусов (так называемых односторонних нуклеусов)⁷. К этим типам относятся все изделия из кремня, наиболее характерные как для 4-го слоя Джебела, так и для стоянки Джанбас-4.

В лежащих выше слоях пещеры, в частности в 3-м слое если и встречаются некоторые изделия, принадлежащие к перечисленным типам, то они уже не составляют сколько-нибудь значительных серий.

Что касается абсолютных датировок, предлагаемых А. П. Окладниковым для лежащих ниже слоев пещеры и основанных на общем сходстве характера инвентаря этих слоев и ряда территориально отдаленных переднеазиатских памятников, то до проведения радиокарбонового анализа органических остатков они не могут считаться сколько-нибудь твердо установленными. Приводимый автором в качестве аналогий материал ряда южных памятников может быть использован для датировок очень ограниченно, так как хронологический диапазон его исключительно широк, а отмечаемое автором общее сходство инвентаря действительно может быть объяснено «единством исходной для тех и других позднепалеолитической капсийской культуры» (стр. 213).

Большой интерес представляют выводы культурно-исторического плана, сделанные автором в связи с изучением материалов пещеры. Можно полностью с ним согласиться, что неолитические племена Прикаспия (можно добавить — а также Южного Приаралья и Верхнего Узбоя) «при всем бесспорном своеобразии их культуры и образа жизни, имели много общего в культуре именно с земледельческими племенами классического Востока и соседних земледельческих центров Ирана и Средней Азии» (стр. 213). Такую общность А. П. Окладников справедливо объясняет единым истоком этих культур — позднепалеолитической капсийской культурой и, возможно, проникновением на север племен, этнически родственных населению тех или иных южных районов. Учитывая существенные различия в керамике джебельской и раннекельтеминарской, можно согласиться с высказыванием автора о том, что в основе культур кельтеминарской и типа Джебела лежат две (хотя несомненно и родственные) ветви южной микролитической культуры.

Однако не со всеми выводами А. П. Окладникова мы можем согласиться. В заключительной части статьи он специальным останавливается на вопросе о характере отношений прикаспийских и приаральских племен — «носителей микролитоидной культуры древних капсийцев» — с племенами, обитавшими дальше на север. Вопрос о северных связях приаральских племен, поставленный в свое время С. П. Толстовым и С. В. Киселевым, получил в последнее время более детальную разработку в книге В. Н. Чернецова «Древняя история Нижнего Приобья»⁸. А. П. Окладников, основываясь на данных В. Н. Чернецова, в частности на выявленной последним общности элементов узора и орнаментальных композиций кельтеминарской и нижнеобской неолитической керамики, приходит к совершенно незакономерному, по нашему мнению, выводу, что многие, основные для раннекельтеминарской керамики мотивы орнамента являются результатом влияния «лесных уральских и западносибирских племен на обитателей Приаралья, но ни в коем случае не могут служить примером обратного влияния — с юга на север» (стр. 214). Но сравнительное изучение орнаментики раннекельтеминарской керамики и расписной керамики Юга не дает оснований для категорического утверждения, что все общие для кельтеминарского и нижнеобского орнамента признаки « свойственны именно культурам лесной полосы Западной Сибири и Приуралья, но не степным и, конечно, не древнеземледельческим культурам Средней Азии» (стр. 214). Очень многие орнаментальные мотивы раннекельтеминарской керамики, в том числе и те, на которые указывает А. П. Окладников, имеют достаточно близкие аналогии в росписи южной керамики, в частности южнотуркменистанской⁹. Это изучение показывает также, что наблюдаемое сходство наиболее вероятно можно объяснить южным влиянием или проникновением отдельных этнических групп с юга в Приаралье и далее на север и северо-восток.

⁷ Сравн., например:

А. П. Окладников, Пещера Джебел, . . . стр. 81 — 96

А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 28

Номера рисунков

51	3, 6 — 8
54, 2 — 4	3, 3 — 5, 14 — 15
55	3, 11 — 13
56	3, 1 — 2
52 — 53	3, 18 — 21
48, 5 — 7	3, 28 — 31

⁸ См. В. Н. Чернцов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), 35, 1953.

⁹ См. А. В. Виноградов, Указ. раб.; В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 47—48.

К статье А. П. Окладникова примыкают три небольшие статьи, посвященные изучению фауны из раскопок в Джебеле (В. И. Цалкина «Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым»); технологическому исследованию керамики (А. Н. Августиник, Б. Н. Барановой «Технологическая характеристика черепков Джебела») и кремневых срудий (В. Г. Ивановой, А. З. Григорьевой «Описание следов сработанности, обнаруженных под микроскопом, на кремневых орудиях из пещеры Джебель»). Все три статьи дают интересный материал, дополняющий наши представления о культуре и образе жизни населения, оставившего этот замечательный археологический памятник. К сожалению, в сборнике нет сообщения о результатах определения раковин (раковинных украшений найдено в пещере около 50)—ценнейшего материала для изучения культуры и культурных связей древнего населения.

* * *

Вторая половина книги посвящена изучению древней истории Южной и Юго-Западной Туркмении. Подгорная полоса на юго-западе Туркмении, как известно, являлась древнейшим земледельческим центром на территории СССР, и именно здесь, после проведения больших археологических работ, можно было ожидать получения данных, которые пролили бы новый свет на историю племен, населявших этот район в IV — начале I тысячелетия до н. э. Географические особенности этих мест, способствовавшие раннему развитию здесь ирригационного земледелия, и связанная с этим видом хозяйства прочная оседлость привели к образованию многослойных археологических памятников, изучение стратиграфии которых помогло бы отчетливо выявить смену археологических культур на протяжении тысячелетий.

Анализ этих археологических материалов обещал дать не только новые сведения по истории материальной культуры древних земледельцев, но и возможность сделать заключения об этапах общественного развития, через которые прошло данное общество. Так как археологические культуры указанной области, по единодушному мнению исследователей, входили в круг древнейших высокоразвитых земледельческих культур Передней Азии, являясь как бы их северным форпостом, история племен, населявших южную подгорную зону Туркмении, в частности их общественный строй, представляет огромный интерес для исторической науки. И не случайно руководство ЮТАКЭ пригласило для проведения этих работ проф. Б. А. Куфтина — крупнейшего знатока переднеазиатских древностей, ученого огромной эрудции. Безвременная смерть прервала его работы, и в настоящем сборнике публикуется лишь составленный им «Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.» (стр. 260—290). Несмотря на то, что отчет носит предварительный характер, в нем уже намечены основные этапы истории земледельческих племен подгорной полосы, дана краткая характеристика основных исследованных памятников.

Введенная Б. А. Куфтиным в научный оборот периодизация, основанная на изучении стратиграфии холма Намазга-тепе, существенно дополняет принятую до сих пор классификацию культур Анау.

Б. А. Куфтин предсторегал, с одной стороны, от недооценки культурного уровня оседло-земледельческих племен на территории Южной Туркмении в эпоху первобытно-общинного строя, имея в виду прежде всего такой памятник, как Джейтун, население которого, по мнению исследователя, занималось не охотой и собирательством, а мозговым земледелием и вело в связи с этим оседлый образ жизни (стр. 284). Эти выводы, как известно, подтвердились в последнее время работами В. М. Массона на Джейтун¹⁰.

С другой стороны, Б. А. Куфтин, опираясь на данные по топографии городища Намазга-тепе и ссылаясь на отсутствие вокруг памятника оборонительных стен, заключает, что в данном обществе не было «явно выраженной социальной или даже значительной имущественной дифференциации» (стр. 284). Нам представляется, однако, что эти факты сами по себе не дают еще оснований для такого заключения, хотя оно, как и весь отчет, носит предварительный характер.

Раскопки, начатые Б. А. Куфтиным, были успешно продолжены В. М. Массоном, и его статьи в рецензируемом томе подводят некоторые итоги первого этапа работ.

В статье «Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (знеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа)» (стр. 233—239) В. М. Массон стремится дать характеристику общественного строя, уровня производительных сил и характера производственных отношений племен, населявших территорию Туркмении в эти периоды. Причем центральное место в статье занимают земледельческие племена юга Туркмении, изучением истории которых автор непосредственно занимался.

Другая статья того же автора под названием «Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении» (стр. 385—457) посвящена анализу памятников конца бронзового — начала железного века, обнаруженных на Мисрианской рав-

¹⁰ См. В. М. Массон, Джейтун и Кара-депе. Предварительное сообщение об археологических работах на поселениях Джейтун и Кара-депе в 1955 г., «Сов. археология», 1957, № 1, стр. 143—147.

нине. В качестве приложения к данной статье в сборнике помещена заметка В. И. Цалкина «Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадаутепе, произведенных в 1954 г.» (стр. 459—460).

Третья статья В. М. Массона — «Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина» (стр. 291—373) — является интересным археологическим исследованием, в котором автор, используя керамический материал многослойного памятника Намазга-тепе, последовательно рассматривает сменяющие друг друга археологические культуры, соответствующие определенным этапам исторического развития данного общества. Стремясь показать, что «памятники энеолита и бронзы подгорной полосы Копет-Дага образуют совершенно самостоятельную культурно-историческую область» (стр. 322). В. М. Массон проводит широкие сопоставления керамики Намазга-тепе с керамикой иранских памятников; такого рода анализ дает свежие, интересные данные, позволяющие по-новому поставить вопрос о датировке некоторых из них (слой Гиссар III). С другой стороны, это исследование еще раз и уже на новом материале демонстрирует наличие культурных связей между указанными областями и позволяет В. М. Массону сделать правильное заключение о том, что «на протяжении энеолита и бронзового века Южная Туркмения по сравнению с другими среднеазиатскими областями имела более тесные связи с древнейшими цивилизациями Востока. По существу культуры Анау-Намазга входят в число высокоразвитых культур Ближнего и Среднего Востока IV—III тысячелетий до н. э., образуя северную границу древневосточной земледельческой ойкумены» (стр. 238).

Нельзя не отметить, что во всех указанных статьях В. М. Массона археологическое описаниедается в очень четкой и ясной манере, а заключающие каждую статью примечания демонстрируют не только широкую научную эрудицию автора, но и представляют самостоятельный интерес для каждого специалиста, занимающегося древней историей Средней Азии. Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями, которые его удачно дополняют, хотя, к сожалению, воспроизведены они технически неудовлетворительно.

Не пересказывая содержания этих статей, которые, помимо всего, дают очень интересный фактический материал, остановимся лишь на некоторых моментах, представляющих интерес для нас.

Это, прежде всего, вопрос о времени возникновения классового общества на территории Южной Туркмении.

Для автора, как и для всех, кто занимается историей Средней Азии, совершенно бесспорным является тот факт, что в VIII—VI вв. до н. э. в Средней Азии уже существовали рабовладельческие государства с централизованной властью, которая поддерживала и регулировала мощную ирригационную сеть — базу их хозяйства. Однако процесс образования этих государств происходит всюду по-разному, в зависимости от конкретных исторических условий.

Как и чем был подготовлен переход к государственности в Южной Туркмении? Рассмотрим факты.

«В конце периода Намазга IV (конец III тысячелетия до н. э.—А. В., М. И.) появляется керамика, изготовленная на гончарном круге» (стр. 240).

Следующий хронологический период, представленный слоем Намазга V и датируемый первой половиной II тысячелетия до н. э., характерен тем, что уже «почти вся посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения» (стр. 243). На Намазга-тепе, в слое Намазга V, были раскопаны гончарные горны, рядом с которыми обнаружены гончарные шлаки и бракованная посуда (стр. 246), — явные следы ремесленного керамического производства.

В. И. Сарианиди, исследовавший специально гончарное производство этого времени на Намазга-тепе, пишет: «Керамические сосуды достигают к этому времени наиболее сложной и вычурной формы, заметно улучшается качество глиняной массы, широко распространяется гончарный круг»¹¹. О ремесленном характере гончарного производства в эпоху Намазга V пишет и А. А. Марущенко¹². Наконец, сам В. М. Массон подчеркивает: «...Наряду с сельским хозяйством, важную роль в занятиях жителей Намазга-тепе играли различные ремесла. Таким было, в первую очередь, гончарное ремесло, использующее гончарный круг и специальные обжигательные печи» (стр. 246).

По мнению А. В. Арциховского, «гончарный круг применялся во всех классовых обществах любой эпохи и никогда не применялся при первобытно-общинном строе». Он проникал только в те страны, в которых на основе местного социального развития возникали ремесла, что, как известно, было тесно связано с классообразованием, являясь его необходимым условием¹³. В. М. Массон и в рецензируемой статье и в од-

¹¹ В. И. Сарианиди, К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана, «Изв. Академии наук Туркменской ССР», 1956, № 6, стр. 67.

¹² См. А. А. Марущенко, Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР», т. II, Ашхабад, 1956, стр. 8.

¹³ А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1955, стр. 100.

ной из своих последних работ¹⁴ оспаривает точку зрения А. В. Арциховского. Однако нам представляется, что наличие гончарного круга и гончарных печей, несомненно, свидетельствует о том, что изготовление керамики перестало быть домашним производством, что им стал специально заниматься какой-то круг лиц, т. е. появились ремесленники. Это неизбежно приводило к появлению прибавочного продукта, наличие которого безусловно свидетельствует о существовании здесь классового общества.

Найденные в слое Намазга V многочисленные глиняные печати свидетельствуют, по мнению В. М. Массона, о развитии, «возможно, и частной собственности» (стр. 247). Для того же периода он допускает и зарождение рабства, полагая, что речь может идти о патриархальном рабстве (там же).

Все указанные факты В. М. Массон суммирует на стр. 247. Он пишет, что «этот высокий уровень развития производительных сил в известной мере не соответствует рамкам первобытнообщинного строя», но тем не менее «все это не позволяет говорить о существовании на территории Южного Туркменистана в это время классового общества. Несмотря на высокий уровень производительных сил, общество еще оставалось первобытнообщинным, хотя и переживало в значительной мере процесс разложения». Одним из основных аргументов в пользу этого положения он, вслед за Б. А. Куфтиным, считает отсутствие на Намазга-тепе оборонительных укреплений. Другим аргументом для него является отсутствие в архитектурных комплексах того времени цитаделей (там же).

Не считая возможным рассматривать сомнительный ряд домов на Намазга-тепе как вариант укреплений (на той же стр. 247), В. М. Массон, однако, при описании крупных поселений архаического Дахистана отмечает: «... Возможно, что укрепленную линию составляли сомнительные наружные стены жилых массивов» (стр. 444). Заключение, что цитадели являются «в археологических памятниках одним из верных признаков наличия классового общества» (стр. 247), опровергается самим же автором. Отмечая наличие на таком крупном поселении, как Изат-кули, центрального укрепления (стр. 253), В. М. Массон ставит под сомнение принадлежность его и подобных ему поселений Мисрианской равнины к памятникам классового общества (стр. 445). В другом месте статьи мы читаем, что для городских поселений Хорезма последней четверти I тысячелетия до н. э. цитадели не характерны (стр. 444), но ведь никому не придет в голову сомневаться в том, что в Хорезме в это время уже существовало развитое классовое общество.

Доводы автора не могут быть решающими еще и потому, что огромная площадь Намазга-тепе, несмотря на неоднократно проводившиеся там археологические работы, исследована весьма недостаточно.

Надо учитывать также наличие на территории Южной Туркмении, кроме Намазга-тепе, таких крупных поселений того же времени, как Яссы-тепе у Душака и Алтын-тепе у Меана, которые изучены еще меньше, чем Намазга-тепе. Дальнейшие работы здесь, возможно, дадут целый ряд новых находок, в частности остатки укреплений. Есть основание предполагать, что перед нами очень крупные поселения, возможно городского типа, которые достигли своих размеров именно в этот период бурного развития производительных сил данного общества.

В уже упоминавшейся статье «Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии» В. М. Массон также затрагивает вопрос о времени сложения классового общества в Южной Туркмении¹⁵, подчеркивая, что для решения его особое значение имеет уровень развития ирригационного земледелия. По его мнению, ирригационные системы подгорной полосы, базирующиеся на мелких горных речках и ручьях, не требовали такой затраты труда, как возникшие позднее ирригационные системы в долинах больших рек, а это обстоятельство сильно тормозило якобы переход к классовому обществу. Но ведь возможно, что крупные поселения типа Намазга-тепе, с высокоразвитым земледельческим хозяйством, развитыми ремеслами и значительным населением не могли существовать, используя орошение, основанное только на водах ручьев и небольших речек. Находясь в подгорной полосе, они в то же время были расположены неподалеку от дельты Теджена. Археологические работы в этих районах, конечно, очень затруднены из-за их последующего неоднократного освоения, но, по нашему мнению, специальное изучение здесь древней ирригации могло бы дать интересные результаты.

В дельте Мургаба и в долине Атрека В. М. Массоном исследованы поселения конца II — начала I тысячелетия до н. э., хозяйство которых было основано на каналах, выведенных непосредственно из рек. Это особенно относится к поселениям Мисрианской равнины (Атрек), где каналы хорошо изучены и установлено, что длина их достигала 60—70 км.

Давая в статье «Памятники культуры архаического Дахистана и Юго-Западной Туркмении» подробный анализ этих поселений, В. М. Массон подчеркивает широкое развитие здесь гончарного производства, о чем свидетельствуют, например, «два крупных керамических центра, каждый почти в гектар площадью» (стр. 444) на Изат-кули, и делает предположение об уже произшедшем здесь втором общественном раз-

¹⁴ См. В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 51.

¹⁵ См. там же, стр. 51.

делении труда, характерном для рабовладельческого общества (стр. 445). Более того, он считает, что развитая ирригационная сеть требовала для ухода за ней больших общественных работ, которые могли вначале проводиться общиной (там же), но открывали «широкие возможности для применения труда рабов» (стр. 254).

В другой своей статье «Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии» В. М. Массон замечает, что процесс перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу очень длителен и что в Междуречье от появления гончарного круга до царских гробниц Ура прошло тысячелетие¹⁶. Но если в Южной Туркмении переход к классовому обществу в лучшем случае совершился не раньше начала I тысячелетия до н. э., то образование уже в VIII—VII вв. до н. э. на территории Средней Азии крупных рабовладельческих государств с сильной централизованной властью может показаться маловероятным, так как в этом случае переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу приходится на ничтожный для такого сложного процесса отрезок времени. Кроме того, трудно предположить, что это случилось одновременно на земледельческом Юге, с его очень старыми культурно-историческими традициями и сильными связями с переднеазиатскими цивилизациями, и в Хорезме, явившимся в те времена «варварской» степной периферией Юга.

Мы ни в коей мере не являемся сторонниками поспешного и непродуманного решения этой сложной проблемы. Нам представляется, что имеющиеся факты использованы В. М. Массоном несколько односторонне. Здесь все же следует рассматривать все предпосылки перехода от первобытного к классовому обществу и весь сложный процесс этого перехода в целом, а не в отдельных лишь его проявлениях. Тогда мы не сможем не прийти к заключению, что формирование классового общества в Южной Туркмении произошло, видимо, в период Намазга V, т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э. Нам кажется, что если в данном случае В. М. Массон проявляет излишнюю осторожность, то в другом случае он делает несколько поспешные заключения.

Отмечая, что переход к скотоводству, которое являлось ведущей отраслью хозяйства у племен Северной Туркмении, привел к крупным изменениям внутри рода, В. М. Массон пишет: «Материнское право было заменено отцовским, матриархальный род превратился в патриархальный» (стр. 242). В то же время «в Южной Туркмении на основе общего развития производительных сил матриархат также сменяется патриархатом, хотя время этой смены еще окончательно не установлено» (там же). Успехи в области земледелия и развитие металлургического и гончарного дела, появление гончарного круга — все это «явилось предпосылкой для смены матриархального рода патриархальным», причем процесс этот, видимо, завершился «во время Намазга III и IV» (там же), т. е. к концу III тысячелетия до н. э.

Нам хотелось бы в этой связи напомнить высказывание С. П. Толстова о том, что патриархальный род не является обязательной последней стадией родового строя и что переход к классовому обществу возможен и со ступени материнского рода¹⁷.

В качестве одного из примеров С. П. Толстов приводит африканские государства типа Ашанти и Дагоме, где деспотическая монархическая власть сочеталась «с материнским родом, матриархальной домовой общиной и с сильными элементами гинекратии»¹⁸. С другой стороны, он указывает, что кочевое скотоводство у туарегов, при наличии в их обществе резкого классового расслоения, сочетается с устойчивой материнско-родовой организацией¹⁹. Эти и многие другие этнографические примеры говорят о том, что решение о наличии матриархальной или патриархальной родовой организации в том или ином обществе следует принимать с большой осторожностью, базируясь лишь на бесспорных фактах.

Историю племен, населявших северную степную часть Туркмении в эпоху неолита и бронзы, В. М. Массон рисует лишь в самых общих чертах. Правильно характеризуя эти культуры и справедливо указывая на вероятное продвижение северных степных племен в конце II тысячелетия до н. э. на юг, В. М. Массон допускает отдельные неточности. Так, он именует их носителями тазабагъябско-андроновской культуры (стр. 251), вводя термин, который нам представляется крайне неудачным.

Если племена — носители андроновской культуры, наряду с племенами, оставившими памятники срубной культуры, и участвовали в формировании тазабагъябской культуры, это вовсе не значит, что андроновская культура в чистом виде проникла, вместе с тазабагъябской, так далеко на юг. Грубая лепная керамика степняков с резным или штампованным геометрическим орнаментом, находимая на юге Туркмении в самостоятельных комплексах или вместе с керамикой земледельческих племен, сделанной на кругу, принадлежит носителям тазабагъябской культуры, с одной стороны, и носителям так называемой позднесуярганской культуры — с другой. По-видимому, такое движение северных племен на юг происходило дважды: в середине II тысячелетия до н. э. (тазабагъябская культура) и в конце II — самом начале I тысячелетия до н. э. (позднесуярганская культура). Наряду с заселением дельты Мургаба южными земледельческими племенами во второй половине II тысячелетия до н. э.,

¹⁶ См. В. М. Массон, Указ. раб., стр. 51.

¹⁷ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

возможно, происходило и заселение ее с севера скотоводческими племенами, о чем свидетельствуют находки упомянутой выше лепной керамики (поселения Тахирбай-3, Аучин-тепе и др.).

Статья А. Ф. Ганялина «Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала», помещенная в рецензируемом сборнике (стр. 374—384), посвящена описанию могильника, датируемого второй половиной II тысячелетия до н. э. Автор весьма добросовестно описывает условия находки могильника, но как только он переходит к описанию материала, начинается путаница. Так, совершенно непонятно, в каком стратиграфическом отношении находятся могильник и подстилающий его культурный слой (см. стр. 376). При описании керамики автор не приводит для нее никаких аналогий, кроме материала с Теккем-тепе, а ведь помещенная в этом же издании статья В. М. Массона о керамике Намазга-тепе могла быть с успехом использована автором. Кроме того, в тексте нет ссылок на таблицу керамики (стр. 381, рис. 4), что затрудняет чтение. В примечаниях к статье 14 библиографических ссылок, а в тексте их только 10, и они не совпадают с нумерацией в примечаниях. Таким образом, пользование научным аппаратом более чем затруднено. Наконец, выводы статьи касаются не Янгикалинского могильника, которому, судя по названию, посвящена статья, а археологических материалов Теккем-тепе, добытых автором при его раскопках. Подводя итог, эту публикацию материалов могильника приходится признать неудачной; это тем более жаль, что весь сборник написан хорошо, в единой манере, хорошим языком и данная статья вносит явный диссонанс.

* * *

В заключение нам хотелось бы еще раз отметить, что публикация работ ЮТАКЭ в рецензируемом сборнике представляет большой интерес как по количеству собранных новых фактов, так и по постановке больших исторических проблем. Насколько нам известно, экспедиция успешно продолжает работы в этой области, и все работающие по истории первобытной культуры Средней Азии с нетерпением ждут дальнейших публикаций.

А. В. Виноградов, М. А. Итина

Jean-Paul Lebeuf. Application de l'ethnologie à l'assistance sanitaire. Université libre de Bruxelles. Institut de sociologie Solvay. Etudes coloniales. Fascicule IV. [Bruxelles], 1957, 86 стр.

Основу рецензируемой работы составляют материалы, собранные автором — консультантом Бюро Африки Всемирной организации охраны здоровья по поручению этого Бюро. Некоторые разделы работы были использованы автором в его лекциях, прочитанных в Яунде (Французский Камерун) в 1955 г. для африканских, английских, испанских, французских, итальянских и португальских врачей.

Жан-Поль Лебеф, французский африканист, известный своими исследованиями культуры народов области Чад, использовал в своей деятельности при ООН личный опыт полевого этнографа, а также опыт своих коллег — этнографов и медиков, работающих при ООН и других международных организациях,—Альфреда Метро, Джорджа М. Фостера, Брокэ и Отре, П. Дороля и других. Привлечены и неизданные материалы, например доклад д-ра Дж. Кафе-Смарт («Западноафриканская деревня и ее проблемы»), прочитанный им на конференции в Аккре в 1953 г., и ряд других.

Задача рецензируемой брошюры — показать, какую значительную помощь может оказывать использование этнографии в интересах охраны здоровья и поднятия уровня гигиены у народов слаборазвитых стран, этого, говоря словами автора, «служения великому делу всечеловеческой солидарности» (стр. 82). В качестве эпиграфа к своей книжке Лебеф приводит слова П. Дороля, директора Всемирной организации охраны здоровья: «Дело поднятия уровня здоровья не может быть дальше только монополией медика, гигиениста и их сотрудников. Сегодня общепризнана необходимость участия в этом деле также и этнографа» (стр. 23).

Лебеф показывает, почему многие медико-санитарные мероприятия не имели успеха среди населения колониальных и полуколониальных стран: врачи предлагали эти мероприятия в форме, принятой у европейских народов, но чуждой местному населению. В таких случаях вмешательство этнографов неизменно оказывало серьезную помощь. Особенно важно внимание к местным обычаям и традициям в подходе к женщинам и детям. Например, у некоторых народов женщины избегали родильного дома, потому что, по их верованиям, плацента должна быть зарыта в землю, новорожденный должен быть положен прямо на землю, и роженица должна питаться определенными, принятыми традицией, кушаньями. Тогда при содействии этнографов были установлены соответствующие порядки: плаценту разрешено забирать родственникам, им же

предложено приносить роженице требуемые традицией кушанья, а к ребенку на момент прикладывают щепоть земли. После этого сопротивление оказанию медицинской помощи прекращается.

Лебеф намечает четыре этапа работы этнографа в деятельности медико-санитарного отряда: 1) предварительная подготовка; 2) сбор данных по анкете с вопросами о существующих у населения представлениях относительно происхождения болезней о роли местных знахарей, о способах и результатах их лечения и т. п.; 3) участие в самом проведении мероприятий; 4) последующий сбор данных о результатах мероприятий.

Автор считает чрезвычайно выжным, чтобы этнограф помог врачам познакомиться с «традиционной медицинской системой» и установить в ней, с одной стороны, полезные моменты, а с другой — вредные, противоречие медицине и гигиене. Лебеф полагает, что для понимания этой традиционной системы этнограф должен описать представления данного народа о всей окружающей действительности. Как говорит автор, эти представления составляют в целом определенную систему, «далекую от того, что старые социологи называли дологическим мышлением» (стр. 55).

На основании собранных данных, продолжает Лебеф, этнограф может определить зоны, в которых намеченные меры могут быть проведены тем или иным образом, наметить дифференцированный подход к определенным группам. Успех будет зависеть от доверия, которое члены данного отряда смогут завоевать у населения, а это возможно только, когда они достаточно хорошо ознакомятся с культурой и бытом местного населения.

Лебеф утверждает, что суть применения «этнологического метода» составляет «уважение к национальной культуре и внимание к особенностям, отличающим одну цивилизацию от другой» (стр. 71). Здоровье и общественная гигиена неотделимы от всей жизни народа, говорит автор и приводит следующие слова африканского исследователя Кафефа-Смarta: «Проблема поднятия уровня здоровья и гигиены не может быть отделена от сельскохозяйственной и духовной проблем, все они связаны с воспитанием, материальной деятельностью, распределением общественных повинностей и социальной организацией» (стр. 71).

Использование этнографии в деятельности Всемирной организации охраны здоровья и повышения уровня гигиены, несомненно, будут приветствовать все прогрессивные ученыe. Однако приходится сожалеть, что в этой деятельности не используется богатый опыт СССР в деле культурного строительства среди отсталых в прошлом народностей. Нельзя не выразить удивления, что Жан-Поль Лебеф, собравший многочисленные материалы, в том числе и не опубликованные в печати, и привлекший большую этнографическую и медицинскую литературу, не использовал ни одной работы об организации дела здравоохранения в районах Севера или в Средней Азии в СССР. На конкретных примерах культурного строительства в этих районах СССР Лебеф увидел бы, как многие описываемые им трудности оказались преодоленными потому, что народности бывших отсталых окраин царской России включились в строительство социализма и с успехом завершили его.

Б. И. Шаревская

НАРОДЫ СССР

Українська народна поетична творчість. Том I — Дожовтневий період. Том II — Радянський період, видання друге, виправлене та доповнене. Академія наук Української РСР, Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії. Державне учитовопедагогічне видавництво «Радянська школа», Київ, 1958.

Осенью 1958 г. издательство «Радянська школа» выпустило в свет первый том коллективного труда «Українська народна поетична творчість»; в середине того же года вышел вторым изданием и второй том. (Первое издание второго тома появилось еще в 1955 г.) Этот труд представляет собой систематический обзор украинского народно-поэтического творчества и является учебным пособием для студентов-филологов; он рассчитан также на научных работников, преподавателей, аспирантов и на широкий круг читателей, интересующихся устной словесностью украинского народа.

Рецензируемое издание подготовлено в основном авторским коллективом Отдела словесного фольклора Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. В написании работы приняли участие такие известные украинские фольклористы, как М. Ф. Рильский, П. Н. Попов, Ф. И. Лавров, А. М. Кинько, П. Д. Павлий, Г. С. Сухобрус. Авторами четырех разделов главы о развитии украинской фольклористики и главы о народной драме являются фольклористы г. Львова (И. Цапенко, М. Нечиталюк, А. Дей, М. Ищук, М. Матвийчук) и Ужгорода (П. Пономарев).

«Українська народна поетична творчість» во многом подытоживает работу фольклор-

ристов Советской Украины, прежде всего — научных сотрудников Отдела словесного фольклора Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. Судя по их последнему коллективному труду, работа эта была плодотворной.

Принцип построения и расположения материала в обоих томах, в особенности как учебного пособия, не вызывает особых возражений. Устно-поэтическое творчество украинского народа рассматривается по основным жанрам в их историческом развитии. Дооктябрьскому периоду посвящен том первый, советскому периоду — том второй. Выяснение сущности и специфики народно-поэтического творчества и истории развития украинской фольклористики является содержанием отдельных глав.

Однако единый принцип построения и расположения материала в рецензируемом труде не выдержан. Так, в начале первого тома, кроме введения и главы о природе и специфике народно-поэтического творчества, дан специальный историографический обзор украинской дооктябрьской фольклористики, а во втором томе такого обзора нет. Это было бы необязательно при условии полного историографического обзора в первом томе, но он, к сожалению, доведен только до периода империализма. Разумеется, такой пробел заметно снижает уровень книги.

Кроме того, в первом томе после каждой главы дана основная библиография, а во втором томе она отсутствует, хотя в ней крайне нуждаются все изучающие украинское народно-поэтическое творчество.

Необходимо отметить, что библиографические указатели в первом томе построены не по единому принципу. Чаще всего источники даются в алфавитном порядке, но этот принцип не всегда выдержан (см., например, на стр. 223 и 423). В главе же о душах библиография дана в хронологической последовательности. Именно такой принцип можно считать наиболее подходящим для учебного пособия, ибо он дает возможность легче разобраться в истории изучения того или иного фольклорного жанра и публикации его образцов.

Иногда «основная библиография» того или иного раздела не включает некоторых важных работ. Для примера можно сослаться на библиографию главы об украинских песнях литературного происхождения (стр. 677). В ней почему-то не назван известный сборник «Пісні та романси українських поетів в двох томах» (Киев, 1956), составленный Г. А. Нудьгой, и в то же время указаны работы, имеющие лишь косвенное отношение к теме.

Наконец, в первом томе при рассмотрении основных жанров украинского народно-поэтического творчества дооктябрьского периода обычно освещается история собирания, публикаций и изучения этих жанров, чего во втором томе нет.

Вообще по принципу построения, расположения и освещения материала первый том труда «Українська народна поетична творчість» стоит выше второго тома.

Первый том снабжен содержательным «Введением» акад. М. Ф. Рыльского — ответственного редактора издания, в котором говорится о сущности и характерных чертах народно-поэтического творчества как дооктябрьского, так и советского периодов. Как справедливо отмечает автор, «говорить об этом творчестве спокойно, в сугубо академическом тоне, хотя в данном случае обе книги могут служить в известной степени учебным пособием, очень трудно — столько прекрасной, исключительно богатой и разнообразной по содержанию и средствам художественного выражения поэзии имеет в себе украинский фольклор!» (стр. 5).

М. Ф. Рыльский детально и убедительно раскрывает особенности возникновения и бытования украинского народно-поэтического творчества Советской эпохи, а также останавливается на основных проблемах советской фольклористики.

Введение как бы дополняется, а ряд его положений и развивается следующей за ним главой «Природа и специфика народного поэтического творчества», автором которой является чл.-корр. АН УССР П. Н. Попов (под его руководством осуществлялась работа по созданию книги до конца 1952 г.). Эта глава написана с учетом лучших достижений советской фольклористики, во многом она базируется на других работах автора по теории народно-поэтического творчества. Затем следует обширная историографическая глава, написанная группой авторов. В ней наиболее детально и основательно разработаны первый раздел, освещающий зарождение изучения древнерусского и украинского народно-поэтического творчества с древнейших времен до начала XIX в. (автор П. Н. Попов), и последний раздел «Цензурные притеснения и преследования украинского фольклора в царской России» (автор Ф. И. Лавров). Разделы же, посвященные фольклористике XIX — начала XX в., менее разработаны. В них, в частности, почти не говорится о сущности мифологической и исторической «школ» фольклористики, только упоминаются такие видные украинские фольклористы, как Милорадович, Гринченко и ряд других. Последний раздел историографического обзора (о цензурных притеснениях) очень ценен тем, что в нем использованы многие архивные материалы, свидетельствующие о трудном пути украинской фольклористики в прошлом, в условиях царизма. Выделение этого раздела имеет положительную сторону, но, очевидно, было бы еще лучше, если бы его материал был использован в соответствующих разделах историографического обзора, охватывающих XIX — начало XX в. Это способствовало бы более глубокому и всестороннему освещению главных этапов развития украинской дооктябрьской фольклористики.

Дальше идут главы, посвященные основным жанрам и видам украинского народ-

но-поэтического творчества дооктябрьского периода: «Трудовые песни» (автор П. Д. Павлий), «Заговоры» (Г. С. Сухобрус), «Календарная обрядовая поэзия» (В. С. Бобкова), «Свадебная обрядовая поэзия» (Г. С. Сухобрус), «Причитания» (М. П. Стельмах), «Загадки», «Пословицы и поговорки» (П. Н. Попов), «Сказки», «Аnekдоты», «Легенды и предания» (Г. С. Сухобрус), «Думы» (П. Д. Павлий), «Исторические песни» (М. С. Родина), «Баллады», «Лирические песни» (А. М. Кинько), «Песни литературного происхождения» (М. П. Стельмах), «Коломыйки и частушки» (Н. А. Гринченко, В. Г. Хоменко), «Народная драма» (П. П. Пономарев), «Рабочий фольклор (допролетарский период, период освободительного движения)» (В. С. Бобкова) и «Рабочий фольклор 1895—1917» (П. Д. Павлий).

Ценно то, что каждый фольклорный жанр и вид рассматривается в его историческом развитии. В то же время в самой последовательности жанров и видов фольклора также в основном выдерживается исторический принцип, хотя можно спорить по поводу «очередности» происхождения, а следовательно и порядка размещения таких жанров, как думы, баллады и народная драма. Этот спор можно было бы легко устраниТЬ, если бы перед главами, посвященными рассмотрению отдельных жанров и видов фольклора, имелась еще одна «ключевая» глава, освещающая основные этапы исторического развития украинского народно-поэтического творчества. Именно в этой главе следовало бы объяснить, почему определенные жанры появились в ту или иную эпоху, наметить общие пути их развития, причины отмирания некоторых жанров и видов фольклора и т. п. Такая глава была бы особенно необходима для приступающих к более глубокому изучению фольклора.

Большинство глав, посвященных рассмотрению определенных жанров и видов украинского фольклора дооктябрьского периода, отличается должной научной глубиной. Это касается прежде всего таких глав, как «Загадки», «Пословицы и поговорки», «Думы», «Рабочий фольклор». При рассмотрении некоторых жанров отчетливо выступает новая трактовка ряда важных проблем, например: происхождение, роль и развитие трудовых песен, периодизация дум; наблюдается тенденция дать более глубокий анализ художественных особенностей лирических песен и т. п.

Следует особо отметить стремление многих авторов более или менее обстоятельно охарактеризовать национальную специфику основных жанров украинского фольклора дооктябрьского периода. Правда многие высказывания еще требуют уточнения и дальнейшей разработки, расшифровки общих положений. Так, о национальном характере украинских баллад сказано только следующее: «Украинские народные баллады, как и думы и исторические песни,—читаем на стр. 572—573,—имеют выразительный национальный характер, что проявляется в отличие от других видов эпоса, как правило, в исключительных, но типичных характеристиках, в исключительных, но типичных обстоятельствах и таких же исключительных художественных деталях». Но сказанное в одинаковой мере относится как к украинским, так и к русским, белорусским и другим славянским и неславянским балладам.

Анализ отдельных жанров и произведений не всегда отличается достаточной глубиной. В главе «Исторические песни», например, периодизация не обосновывается, а главное — не прослеживается развитие жанра, не анализируются его особенности на различных этапах. В границах определенных периодов все внимание уделяется только идеально-тематической сущности песен. Об этом могут свидетельствовать хотя бы такие примеры: «Так, например, песня про Коваленко правдиво отражает социально-экономические условия жизни XV в. В ней рассказывается о постоянно напряженной жизни народа, когда нападения турецко-татарских орд всегда угрожают человеку, несет ему пожарища, руину, издевательства, ясыры и смерть» (стр. 520); «Песня про Михая» отражает жестокость татарского нашествия и большое горе матери, сына которой увезли татары на возе «порубаного», «постройленного» (стр. 521). Такой анализ не дает полного представления о фольклорных произведениях как таковых.

В рассматриваемых главах иногда встречается и неверная трактовка. Так, в самом начале раздела «Живые песни» читаем: «Дожиночные (обжинкови), или живые, песни пели жнецы, когда после окончания жатвы приносили хозяину с поля венок, сплетенный из колосьев» (стр. 264). И дальше идет речь только о «дожиночных» песнях, хотя в качестве иллюстративного материала приводятся различные живые песни. Дело в том, что дожиночные песни составляют только часть живых песен. К ним относятся еще и зажиночные песни, а также другие песни живой обрядности. Кроме того, жнецы приносили хозяину венок с поля не только в конце жатвы, но и в начале ее — во время «зажинков», когда и пелись довольно многочисленные зажиночные песни. Дожиночные же песни пелись не только в момент «приношения венка», но и в период дожинков вообще. Отмеченные ошибки и неточности в определении живых песен могут ввести в заблуждение учащуюся молодежь, которая на практике уже не встречается с традиционной живой обрядностью.

Путаница имеется и в разделе об апокрифических легендах. Здесь прямолинейно заявляется, что апокрифические легенды «возникли в эпоху феодализма в процессе борьбы трудящихся против идеологии церковников», что в апокрифических легендах «пародийно трактуются библейские и евангельские темы» (стр. 402—403). Если верить этому, то все апокрифические легенды — фольклор прогрессивного направления, даже чуть ли не революционный. На самом же деле это не так. Вопрос об апокрифических легендах гораздо сложнее и решать его «с плеча» никак нельзя. Даже частный вопрос

об обрисовке Христа в апокрифических легендах также решен без учета всей сложности и противоречивости, нередко явной полярности материала апокрифических легенд.

Нельзя согласиться и с категорическим утверждением, что коломыйки и частушки — «две разновидности одного жанра» (стр. 678). Скорее всего это два родственных жанра, возникших независимо, но близких между собой.

Может быть, в связи с тем, что в первом томе четко не определены и не разграничены жанры коломыйки и частушки, иногда наблюдается смешение их между собой и с другими видами коротеньких песенок. Так, названа частушкой приведенная на странице 688 песенка:

У нашої пані —
Золоті сережки,
А ми йдемо із роботи —
Не бачимо стежки.

В определении фольклорных жанров и видов, как правило, вообще нет четкости, а некоторые из них, например календарная обрядовая поэзия и свадебная обрядовая поэзия, вовсе остались без определения, что недопустимо в учебном пособии. Это сказывается и на размещении материала. Обрядовая поэзия, например, рассматривается в трех главах, без необходимых замечаний об общности и родстве календарной и семейно-бытовой обрядности.

В некоторых случаях определение жанра весьма сложно, что касается прежде всего сказок. С этим связана и классификация сказок, являющаяся еще далеко не решенной проблемой. Это явно ощущимо в главах «Сказки», «Анекдоты», «Легенды и предания»; произведения этого рода, очевидно, должны быть объединены общими жанровыми признаками, а не выступать чуть ли не изолированно.

Нельзя согласиться с утверждением, что под жанром сказки подразумеваются устные рассказы только фантастического характера (стр. 353), ибо тогда из поля зрения выпадут реалистические сказки, предания, анекдоты — основная масса сказочного репертуара как украинцев, так и многих других народов. Определение жанра сказки должно охватывать все виды разнообразного сказочного репертуара. Очевидно, не случайно в рецензируемом труде некоторые виды сказок, в частности сказки-мифы, мифологические сказки, совсем не рассматриваются или механически объединены (например, былички и исторические легенды).

Слишком общо определение жанра дум, не дающее четкого представления об оригинальных песнях украинского народно-поэтического творчества (стр. 424). В определении исторических песен допущена неточность: отмечается, что к ним относятся «такие эпические и лиро-эпические произведения, которые отражают конкретные исторические события...» и т. д. (разрядка моя.— П. О.) (стр. 512), хотя в украинском фольклоре исторических эпических песен (а не произведений вообще) не встречается. О пословицах говорится, что это «сжатые афористические предложений, в которых в язвится мудрость и жизненный опыт трудящихся, выраженные преимущественно в метафорической форме» (стр. 331) (разрядка моя.— П. О.), хотя пословицы в устах народа — не «предложения», да и народная мудрость в них скорее не «выявляется», а выражается, формулируется.

Все это говорит о том, что по научному определению фольклорных жанров предстоит еще большая работа.

Заканчивается первый том двумя главами (которые целесообразнее было бы объединить) о дооктябрьском рабочем фольклоре. В них привлечен ценный материал, во многих случаях публикуемый впервые (правда, иногда не совсем удачно подобранный), даны в ряде случаев интересные обобщения.

Первое издание второго тома труда «Українська народна поетична творчість» уже подверглось облуждению и рецензированию в нашей печати, в частности в журнале «Советская этнография»¹. Во втором издании сохранен тот же принцип построения и расположения материала, но трактовка его, по сравнению с первым изданием, углублена.

Второй том, как и первый, открывается введением акад. М. Ф. Рильского, в нем трактуются вопросы, касающиеся украинского народно-поэтического творчества советского периода. Отдельные положения, имеющиеся во введении к первому тому, неизбежно повторяются здесь, но они рассмотрены в ином плане. Затем идут главы: «Песни» (авторы Ф. И. Лавров, М. П. Стельмах, А. М. Кинько), «Думы» (П. Д. Павлий), «Частушки и коломыйки» (А. М. Кинько), «Пословицы и поговорки» (П. Н. Полнов) и «Сказки, легенды, рассказы» (Г. С. Сухобурс).

Как уже отмечалось в отзывах о первом издании, к достоинствам второго тома следует отнести соблюдение исторического принципа рассмотрения украинского народно-поэтического творчества советского периода по основным жанрам, выяснение большого общественно-воспитательного значения народного творчества в этот период, довольно обстоятельный анализ национального своеобразия в содержании и художественной форме рассматриваемых жанров.

¹ См. рецензию Б. П. Кирдана в № 2 журнала за 1956 г., стр. 158—161.

Авторский коллектив, готовя к печати повторное издание второго тома, учел критические замечания и пожелания рецензентов и читателей, особенно в отношении исторических песен 1920—1930-х годов. Но в ряде мест том страдает описательностью, недостаточной глубиной анализа, излишним пересказом содержания и цитированием произведений народного творчества, некритическим подходом к качеству отбираемого материала. Конкретные примеры этого приведены, в частности, в рецензии Б. П. Кирдана на первое издание второго тома. К сожалению, многие из них «перекочевали» и во второе издание.

Существенным недостатком как первого, так и второго тома является декларативность при сравнении украинских фольклорных произведений с соответствующими произведениями русского и белорусского народов. Особенно слабо показаны родство и взаимосвязь украинского и белорусского народно-поэтического творчества.

Если в первом томе порядок размещения жанров продиктован в основном временем их сложения, то во втором томе этого принципа нельзя было придерживаться, так как все основные жанры народно-поэтического творчества советского периода появились почти одновременно. Поэтому во втором томе при размещении материала следовало бы строго учитывать важность, степень распространенности того или иного жанра. В связи с этим следовало бы несколько изменить их последовательность, а именно — дать их в таком порядке: песни, частушки и коломыйки, пословицы и поговорки, повествовательные жанры, загадки и, наконец, думы. В рецензируемой же книге думы идут сразу после песен, а глава о загадках вовсе отсутствует. Кроме того, глава о прозаических повествовательных жанрах, в которой рассматриваются сказки, легенды, предания, анекдоты и сказы, почему-то названа суженно: «Сказки, легенды, рассказы». Ее содержанию более соответствовало бы название «Повествовательные жанры».

Отмеченные недоработки, пробелы, спорные моменты, а также отдельные ошибки и неверные утверждения хотя и снижают несколько уровень двухтомного труда «Українська народна поетична творчість», не могут поколебать его научной значимости и положительной в целом оценки. И если в настоящей рецензии главное внимание уделено им, а не положительным качествам издания, то это продиктовано искренним желанием хотя бы в некоторой мере помочь авторскому коллективу в дальнейшем еще более усовершенствовать этот систематический обзор украинского народно-поэтического творчества, в особенности потому, что он должен будет служить учебным пособием и несомненно будет переиздаваться.

Двухтомная «Українська народна поетична творчість» несомненно заслуживает положительной оценки. Этот труд — важное событие не только в украинской, но и во всей советской фольклористике.

П. Охрименко

И. Х. Калмыков. Культура и быт черкесского колхозного аула (По материалам сельхозартели имени Сталина, Хабезского района, Карабаево-Черкесской автономной области). Под редакцией И. М. Аджиева, Карабаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Черкесск, 1957, 106 стр.

В 1957 г. Карабаево-Черкесское книжное издательство выпустило работу И. Х. Калмыкова «Культура и быт черкесского колхозного аула». Книга основана на большом фактическом материале, собранном автором во время его поездок за последние годы в черкесские селения, а также почерпнутом из литературы.

Проведенная 23—26 июня 1958 г. в Москве сессия Отделения общественных наук АН СССР выдвинула перед научными работниками задачу разработки теоретических проблем строительства коммунизма в СССР. Большое внимание на сессии было обращено на изучение вопросов развития национальных форм материальной культуры народов СССР, современного быта рабочих и колхозников, развития советской семьи и т. д. В свете новых задач, выдвигаемых перед учеными, рецензируемая книга представляет несомненный интерес.

На примере одного колхоза (имени Сталина, аулы Зеюко, Кош-Хабль и Малый Зеленчук) Хабезского района, Карабаево-Черкесской автономной области автор показывает огромные социально-экономические и культурные преобразования, произшедшие в жизни черкесского колхозного крестьянства за годы Советской власти.

Описанию культуры и быта колхозного крестьянства был посвящен в последние годы ряд исследований. Что касается этнографии черкесского народа, то рецензируемая книга является первой попыткой разработки данной темы. Знакомство с нею приводит к выводу, что автор, несомненно, справился с поставленной задачей. Этому немало способствовало то обстоятельство, что И. Х. Калмыков по происхождению — коренной черкес и хорошо знаком с бытом и жизнью описываемого народа. Книга содержит четыре главы, которым предпослано введение, написанное И. М. Аджиевым.

В главе I, посвященной истории аулов и колхоза, излагаются сведения, касающиеся хозяйства дореволюционной черкесской деревни. Основная масса черкесского крестьянства занималась скотоводством (разведением овец, лошадей и крупного рогатого

скота) и в меньшей степени — земледелием. Интересны сообщения автора о народном сельскохозяйственном календаре, об обычаях взаимопомощи в любой работе (щехъеху), о сельскохозяйственных орудиях и технике ведения хозяйства.

Автор на конкретном материале прослеживает глубокую культурную связь черкесов и русского населения Кавказа. Под влиянием русских в конце XIX в. у черкесов появляются новые сельскохозяйственные орудия (железные плуги, конные грабли и др.), развиваются садоводство и огородничество, вводятся новые полевые культуры — шпинат и др. «Приобщение к передовой русской культуре,— пишет И. Х. Калмыков,— сыграло большую роль в жизни народов Кавказа, и в частности для населения описываемых нами черкесских аулов» (стр. 10—11).

Немало страниц работы отводится истории колхозного строительства и передовым людям колхозного производства.

Разделы главы: «Производственная деятельность колхоза», «Организация труда», «Половодство», «Садоводство» — знакомят читателя с основным направлением хозяйственной жизни колхоза имени Сталина, с новой организацией труда, со специализацией женского и мужского труда. Приведенные в работе данные по экономике артели свидетельствуют о больших успехах колхозного производства и о широких перспективах его дальнейшего развития. За годы Советской власти у черкесов отмечается значительный рост посевных площадей и повышение урожайности сельскохозяйственных культур, рост поголовья скота и его продуктивности. Большое значение приобретают новые отрасли хозяйства — овощеводство и плодоводство. Особое внимание в главе удалено также описанию нового производственного быта колхозников.

Весьма удачна глава II, посвященная материальной культуре. Она содержит обстоятельное описание характерных особенностей поселений и усадьбы, жилища и наядворных построек в прошлом и в советское время. Исследуя черкесское жилище, автор старается проследить его развитие в историческом плане. Он выявляет причины, обусловившие изменения в технике строительства, в типах жилища, во внутреннем убранстве дома, вскрывает классовые различия, отразившиеся в особенностях жилища XIX — начала XX в.

Специальные разделы главы рассказывают о национальном костюме и пище черкесов. Читатель найдет здесь интересные сведения об изменениях, произошедших в одежде и составе пищи сельского населения за годы Советской власти.

Вся глава в целом проникнута стремлением автора выявить при рассмотрении отдельных сторон материальной культуры наличие связи с элементами культуры соседних народов, в частности русского, что способствовало обогащению и дальнейшему развитию культуры черкесов.

Характеристике старого и нового семейного быта посвящена глава III. Отмечая большие изменения, произошедшие в современной семье черкесов (равноправие женщины, изжитие таких обычаем, как многоженство, умыкание, калым, брак с несовершеннолетними), автор вместе с тем указывает на сохранение у черкесов некоторых пережитков прошлого.

Справедливо замечание И. Х. Калмыкова относительно того, что областное отделение Общества по распространению политических и научных знаний еще мало уделяет внимания пропаганде в колхозном селе материалистического мировоззрения. Несомненно, что ислам мешает искоренению отдельных пережитков прошлого, тормозит культурный рост колхозников.

Глава IV интересна с точки зрения содержащегося в ней богатого фактического материала, рассказывающего об общественной жизни членов сельхозартели имени Сталина, о большом культурном строительстве и культурно-просветительной работе в аулах.

В рецензируемой книге встречаются отдельные пробелы и неувязки.

К числу недостатков первой главы следует отнести почти полное отсутствие сведений по истории образования аулов, вошедших в объединенный колхоз имени Сталина. Описанию черкесских аулов и их истории в кавказоведческой литературе посвящено немало страниц. Да и сам автор, несомненно, располагает необходимыми полевыми материалами.

Не нашел освещения на страницах книги и социальный строй черкесов до Октябрьской революции. Правда, автор говорит (стр. 9—10) о том, что после крестьянской реформы черкесы втягивались в общее русло капиталистического развития, но господствующими оставались отношения феодальные. Таких сведений явно недостаточно. Читатель не получает ясного представления о классовой структуре черкесского общества. При характеристике хозяйственной деятельности черкесов в этот период из поля зрения автора совершенно выпадает такая важная отрасль производства, как ремесло. Известно, что у черкесов довольно широко были развиты кузнецкое и оружейное дело, обработка дерева и особенно — продуктов животноводства (выделывание сукна, бурок и т. п.). Интересно было бы узнать, имело ли это производство товарное значение или удовлетворяло только потребности домашнего обихода, какие виды его сохранились в настящее время и какую роль играют они в хозяйстве черкесов, какие имеются перспективы для их дальнейшего развития.

В структурном отношении следовало бы выделить в особый раздел описание наядворных построек, а тем более материалы по современному народному жилищу, планировке и благоустройству аулов.

В работе встречается ряд противоречивых формулировок. Так, на стр. 49 пишет: «До начала строительства хозяйственных и жилых построек усадьбы «щапэ» обносили изгородью. Изгороди делались в большинстве случаев из камня. А на стр. 59 читаем: «Если прежде двор огораживался со всех сторон плетеной изгородью, то теперь этого не встречается». У читателя возникает вопрос: из какого материала все-таки возводилась изгородь?

Не совсем ясно, о каком типе дома идет речь, когда автор говорит о делении на мужскую и женскую половину (стр. 49). Если это длинный дом, состоящий из ряда смежных комнат, то каким образом это можно увязать с тем, что каждая этих комнат предоставляется отдельной брачной паре? Вероятно, это относится к новной комнате — «кунэшхуэ»?

Жаль, что работа носит в основном описательный характер, и в ней делаются лишь слабые попытки раскрытия закономерностей развития социалистической культуры и быта в переходный период от социализма к коммунизму.

Однако книга И. Х. Калмыкова в целом заслуживает положительной оценки. Она является единственной этнографической работой по современной Черкесии. Читатель найдет в ней много полезных и свежих сведений по этнографии черкесского народа. Фактические материалы, содержащиеся в работе (например, по жилищу, ремеслам) могут быть использованы для практических целей.

Г. Сергеев

С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сурайманов. *Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. Колхоз имени К. Е. Ворошилова («Ала-Тоо»), Покровского района, Иссык-Кульской области Киргизской ССР*. Ответственный редактор С. М. Абрамзон. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т. XXXVII, М., 1958.

Монография «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» является результатом большого исследовательского труда группы научных работников Института этнографии АН СССР и Института истории Академии наук Киргизской ССР.

На конкретном материале, полученном при изучении быта колхозников селений Дархан и Чичкан (Покровского р-на Иссык-Кульской области, Киргизской ССР) авторы пытаются показать великую преобразующую силу колхозного строя, открывшего перед киргизским крестьянством широкий путь экономического и культурного развития.

Утверждение колхозного строя, сопровождавшееся в Киргизии переходом к оседлости кочевых и полукочевых хозяйств, повлекло за собой глубокие и принципиальные изменения во всем жизненном укладе населения, его материальной культуре, обычаях, нравах, мировоззрении.

Показать процесс преобразования быта киргизского крестьянства во всей его сложности — задача, которую поставил перед собой авторский коллектив.

Следует признать удачным самый выбор объекта. Колхоз им. К. Е. Ворошилова, объединяющий крестьян селений Дархан и Чичкан, по характеру его общественного хозяйства типичен не только для Прииссыккулья, но и для значительной части других горных районов Киргизии.

Это — крупное многоотраслевое хозяйство с основным зерноводческо-животноводческим направлением, имеющее большие перспективы развития.

Выбранный объект интересен и тем, что еще в дореволюционное время население этой части Прииссыккулья было тесно связано с русскими переселенцами и испытывало на себе значительное влияние русской культуры. Самый процесс оседания кочевого населения в этом районе в силу ряда причин шел здесь более интенсивно, нежели в других районах Киргизии. Селение Дархан — один из старейших в Прииссыккулье оседлых киргизских населенных пунктов.

Вместе с тем здесь, в высокогорном районе, относительно хорошо сохранились особенности национальной культуры киргизов, что дает возможность исследователям ставить и разрешать один из важнейших в этнографии вопросов — о взаимодействии разных национальных культур и, что очень важно, проследить судьбы национальных традиций в современности.

Исследования велись на протяжении нескольких лет (1952—1954). Наряду с личными наблюдениями и расспросами, исследователи пользовались документальными материалами (статистические данные, протоколы общих собраний, годовые отчеты колхозов,) проводили анкетные обследования (в частности подворное обследование жилища), изучали бюджеты отдельных семей и т. д.

Положительной стороной монографии является то, что авторы изучали исследованный ими объект не изолированно, не оторванно от всего окружающего, а в тесной связи с общими историческими условиями всего Прииссыккулья; в ряде случаев ими

сделаны и довольно широкие обобщения. Отметим, что в те же годы (1953—1955) часть авторского коллектива проводила сплошное обследование киргизского населения всех областей республики, что позволило увеличить круг наблюдений и проверить некоторые из своих выводов на более широком материале.

Монография охватывает все стороны культуры и быта обследуемого населения.

Собственно этнографическому исследованию предослан исторический очерк, в котором очерчены основные линии общественно-экономического развития Прииссыкулья, вплоть до настоящего времени.

Ценно, что автор исторического очерка (С. М. Амбрамзон) касается в нем именно этого круга вопросов, который необходим для понимания не только исторического прошлого киргизов, но и для уяснения процесса социалистического развития и особенностей его проявления в конкретной национальной среде.

Касаясь вопроса истории заселения Прииссыкулья, автор дает характеристику его общего этнического состава, причем особенно подробно останавливается на истории заселения края киргизами и их родоплеменном составе. Интересна приведенная им карта расселения родоплеменных групп киргизов в начале XX в., ибо пережитки родоплеменных отношений, как увидим ниже, не вполне потеряли значение и по сию пору.

Подробно исследуется также характер социально-экономических отношений в киргизском ауле в конце XIX — начале XX в. Отчетливо показана социальная дифференциация киргизского аиля накануне Великой Октябрьской социалистической революции и, как последствие обнищания народных масс, начавшийся процесс оседания бедноты на землю. Как отмечает автор, основной контингент поселившихся в Дархане (с его основания в 1913 г.) киргизов состоял из самых бедных земледельцев (стр. 28).

Вместе с тем автор отмечает крайнюю заторможенность процесса оседания в тот период, что в значительной мере было обусловлено противодействием байско-манапской верхушки, боявшейся потери дешевой рабочей силы, необходимой для ведения скотоводческого хозяйства, и уменьшения своего влияния на население¹.

Переходя к характеристике советского периода, автор также уделяет большое внимание вопросу о переходе киргизов на оседлость, прослеживая влияние на этот процесс земельной реформы 1921—1922 гг., развития различных видов сельскохозяйственной кооперации и, наконец, коллективизации сельского хозяйства, завершившей процесс массового перехода на оседлость кочевого и полукочевого населения.

Автор подробно останавливается на истории организации и дальнейшего развития колхоза, вплоть до его укрупнения в 1951 г. Исторический очерк подводит таким образом читателя непосредственно к современности.

Характеристике общественного хозяйства колхоза имени К. Е. Ворошилова посвящен следующий раздел монографии (автор Г. П. Васильева).

Не претендую на всестороннее освещение экономики колхоза, что и не под силу неспециалисту, автор приводит лишь его основные экономические показатели (см. таблицы на стр. 60, 77 и 111). В совокупности с большим описательным материалом это дает развернутую картину общественного хозяйства колхоза, отчетливо раскрывая тенденции и перспективы его развития.

Особый упор (и мне представляется это правильным) автор делает на характеристике различных сторон производственного быта как той части колхозников, которая занята в земледелии, так и особенно быта животноводов со всеми его специфическими особенностями.

Живо и обстоятельно характеризует автор полный цикл работ в различных отраслях хозяйства, условия труда, принципы его организации.

При характеристике тех или иных производственных процессов автор выделяет и некоторые старые традиции, не преувеличивая, однако, их значения. Так, совершенно правильно современное полеводческое хозяйство колхоза рассматривается им как по существу новая в сравнении со старым, рутинным земледелием отрасль хозяйства, в которой влияние старых традиций очень невелико. И наоборот, автором хорошо показано на ряде примеров, как в исключительном для киргизов занятии животноводством, базирующимся теперь на современных методах зоотехники, широко используются производственные навыки и народный опыт, накопленные за тысячелетия существования кочевого скотоводческого хозяйства.

Интересно в этнографическом плане дано описание охоты, помимо ее промыслового

¹ Земледелие носило примитивный характер; в нем преобладала крайне отсталая, рутинная техника. Некоторые прогрессивные черты, проявившиеся в местном земледелии в результате общения с соседями — русскими (железные плуги и борона, колесный транспорт, заготовка сена для скота и т. п.), наблюдались главным образом в зажиточных хозяйствах. Основная же масса трудящихся не имела необходимого сельскохозяйственного инвентаря, тягловой силы и семян и жестоко эксплуатировалась местной кулацкой верхушкой на основе издольщины и различных форм отработки. Не менее бедственным было положение кочевников-скотоводов, ибо пастбищами руководила байско-манапская верхушка, пользовавшаяся лучшими отдаленными пастбищами. На долю же бедняцких масс оставались ограниченные ближайшие пастбища, что суживало возможности развития животноводства.

значения являющейся одним из любимых спортивных развлечений колхозников (бенно охота с ловчими птицами).

Значительно слабее написан раздел, характеризующий рост материального благосостояния колхозников и их личное хозяйство. Основой его должно было бы стоять обстоятельное изучение бюджета семей колхозников с учетом различных его вариантов (в зависимости от соотношения в семьях работающих и иждивенцев, рабочей к лификации членов семьи, отрасли хозяйства, в которой они заняты, и т. д.). Автор же ограничились анализом бюджета двух семей, что не дает, конечно, достаточного материала для серьезных обобщений и выводов ни в отношении структуры бюджета ни в отношении уровня экономического благосостояния колхозников².

Приведенный в данном разделе материал, касающийся семейно-родственной истории (стр. 133), интересен скорее в другой связи, а именно как отголосок старых общественных отношений.

Глава, посвященная материальной культуре,— одна из лучших в монографии (автор Е. И. Махова). В ней очень четко прослеживается историческое развитие отдельных элементов материальной культуры, их исторические корни. Автору удалось хорошо показать, что в условиях нашей действительности происходит не простая замена одних форм материальной культуры другой, а слагаются совершенно иные ее формы. При этом новые национальные особенности базируются на органическом слиянии элементов традиционной народной культуры с новыми элементами, пришедшими в результате взаимосвязи с другими народами, а также проникшими в быт из социалистического города (см. стр. 206). Это хорошо, в частности, показано на анализе современного костюма киргизов, особенно молодежи, представляющего собой своеобразное сочетание форм новых и исторически сложившихся, но претерпевших значительные изменения (материал, покрой). В результате создается определенный национальный стиль характерный, по утверждению автора, не только для населения Дархана и Чичканы, и для всего Прииссыккулья.

Наблюдения того же характера сделаны автором и в отношении жилища, его внутреннего убранства, декоративного оформления (например, в особенностях украшения парадной комнаты, перенесенных из жилища старого типа — юрты, так называемого «джука» и т. п.).

Раздел о жилище вообще разработан весьма основательно. В результате сплошного подворного обследования автору удалось показать последовательную смену типа жилища, изменение строительной техники, рост кадров строителей из среды самих киргизов. При этом отчетливо выступают культурное взаимообщение и братская дружба киргизов с соседними народами, особенно с русскими, от которых киргизы позаимствовали и планировку селения и жилища, и приемы строительной техники, и конструкции отдельных элементов дома (форма крыши, ворот, размер окон и их ориентация, наличие ставен, деревянные полы)³.

Автор показывает также связь типов усадьбы с развитием земледельческого хозяйства.

При всех несомненных достоинствах существенным недостатком главы является то, что жилище изучалось в значительной мере вне связи с общественным и семейным бытом. Говоря, например, о типе и планировке селений, автор обходит вопрос о расселении родственными группами, о чем мы узнаем из других глав монографии⁴; развитие жилища не поставлено в связь с изменением в укладе семьи, почти не затронутое новое, что наблюдается в размещении семьи (в частности, ее женского состава). Данные такого рода, теснейшим образом связанные со всем комплексом семейных отношений, помогли бы также лучше выяснить те глубокие изменения, которые произошли и происходят в самом духовном облике населения.

Хорошо разработан раздел о пище. На этом материале особенно ярко показаны смена хозяйственного уклада киргизов, сложение прочного оседлого быта, внедрение новых сельскохозяйственных культур и изменения вследствие этого в пищевом рационе, в ассортименте блюд, наряду с сохранением ярко выраженных национальных традиций.

Специальный раздел монографии посвящен характеристике семьи и семейных отношений.

Тема семьи является одной из важнейших при монографических исследованиях быта; всестороннее изучение семьи дает возможность глубже и полнее показать процесс становления новых форм быта и вместе с тем выявить те источники, которые питают

² Мне представляется также, что едва ли целесообразно при рассмотрении структуры бюджета, в частности денежных доходов семьи, включать в бюджет подарки и помощь родственников, ибо, согласно народному обычаю, каждый подарок вызывает необходимость отдаивания почти в тех же размерах (см. приведенные таблицы доходов и расходов семьи Усунна Джээнбаева, стр. 130).

³ Как это отмечено автором, вместе с новой строительной практикой киргизами были восприняты и некоторые обычай, например использование общественной помощи при закладке фундамента и связанное с этим угощение, аналогии чему мы находим у русских и оседлых народов Средней Азии.

⁴ См. стр. 27, 65, 214—216.

еще пережитки старого мировоззрения, сказывающиеся на многих сторонах семейной и общественной жизни. Вот почему от степени разработанности этой темы во многом зависит глубина исследования в целом.

Автор (С. М. Абрамзон) затрагивает весь круг вопросов, связанных с изучением семьи и семейных отношений. Им хорошо показана структура современной семьи, ее численность, формы; выяснен генезис некоторых пережиточных форм: наличие известного количества неразделенных семей и семей, имеющих в своем составе боковых родственников (см. таблицу на стр. 213), а также твердо держащийся и поныне порядок, при котором один из сыновей (обычно младший) остается жить с родителями.

Много тонких наблюдений сделано автором над новым характером семейных взаимоотношений; ярко обрисовано в корне изменившееся — по сравнению с дореволюционным временем — положение женщины и детей в семье и т. д.

Однако, как нам кажется, все эти черты нового семейного уклада могли бы быть прослежены значительно полнее и глубже, если бы автор дал более детальную и углубленную характеристику семейного строя в прошлом. В частности, мы не находим ответа на то, когда начался в киргизском айле процесс массового распада больших семей, что представляла собой по численному составу, хозяйственному и бытовому укладу неразделенная семья конца XIX — начала XX в., каковы были, наконец, те общественные традиции, которые определяли ее внутренний строй.

В историческом очерке, как указывалось выше, тот же автор отмечает значительную живучесть среди приисыккульских киргизов родоплеменных отношений еще в конце XIX — начале XX в.; отголоски этих отношений, как это видно из отдельных разбросанных в книге замечаний, сказываются во многих деталях современного быта (характер расселения семейно-родственными группами, родственная помощь, свадебные и погребальные обряды и др.).

Приводя отдельные интереснейшие факты этого рода, автор, однако, не анализирует их, не обобщает, в силу чего специфика родственных отношений киргизских колхозников раскрыта слабо. Даже в специально посвященном этой теме разделе («Отношения между родственниками», стр. 238—240) охват материала неправомерно: сужен до круга взаимоотношений между родителями и детьми, братьями и сестрами. Между тем родственные связи значительно шире, и их жизненность во многом определяет как положительные традиции, так и некоторые отрицательные стороны современного быта киргизских колхозников.

С этой точки зрения не вполне удовлетворяет и раздел, посвященный общественной и культурной жизни киргизов. В нем приводится обильнейший материал, дающий разительную картину тех изменений, которые произошли за годы Советской власти в жизни киргизского айла; интересно показано своеобразие форм современного общественного быта киргизов, многие из которых базируются на старых традициях. Однако социальные корни этих явлений не всегда достаточно вскрыты. В частности, неясна социальная природа столы распространенных в прошлом и бытующих и по сие время групповых сбörщиков типа «жоро-бозо» и «шерне», различных половозрастных объединений и т. п. (см. стр. 251, 259, 260).

В ряде случаев автор лишь констатирует явления и факты общественной жизни (см. стр. 257), в то время как более детальный их анализ помог бы раскрыть ту конкретную исторически обусловленную обстановку, в условиях которой протекает социалистическое строительство. Это, несомненно, имело бы и большое практическое значение.

Особый акцент сделан автором (что совершенно правильно) на новых формах общественной жизни, но процесс складывания этих форм, становление и рост кадров активистов (в частности женщин) не выявлены в достаточной мере. За теми скучными биографическими данными, которые в ряде случаев приводят автор (см. стр. 210, 211), не встают живые портреты людей новой, советской формации.

Следует отметить, однако, что сделать это пока не удалось ни в одной из вышедших в последние годы монографий. Видимо, на разработку этой проблемы должны быть направлены дальнейшие коллективные усилия этнографов.

В главе «Общественная и культурная жизнь» автор (К. И. Антипина) делает попытку не только обрисовать деятельность культурных, культурно-просветительных и медико-санитарных учреждений, но и показать ее влияние на развитие нового быта. Правда, в ряде случаев и здесь следовало бы значительно шире осветить процесс формирования новых духовных запросов населения, новых общественных нравов.

Несомненным достоинством книги является внимание к положительным традициям национальной культуры. В монографию введена специальная глава «Народное творчество», посвященная народному прикладному искусству и устно-поэтическому творчеству.

Следует лишь отметить, что эта глава была бы более содержательной, если бы автор (Д. С. Сулайманов) полнее раскрыл условия и обстановку бытования фольклора в колхозной среде, а также дал бы характеристику репертуара различных возрастных групп населения. Это дало бы возможность глубже проследить судьбы традиционного фольклора, выявить характер нововторчества, в частности влияние на народную песенную культуру профессионально-музыкального искусства.

В качестве общего положения следует отметить, что пора бы перейти, наконец, в

наших этнографических монографиях к практике публикации самого фольклорного материала — текстов и мелодий⁵.

Книга недостаточно тщательно отредактирована, в ней попадаются отдельные стилевые небрежности, неудачные выражения⁶. Навязчив излишний пафос, он снижает общий серьезный тон исследования. Встречаются и некоторые композиционные неувязки (например, характеристика общественного бытадается в двух разных местах книги, точно так же и материалы по народному поэтическому творчеству).

Подбор иллюстраций к книге удачен; он обогащает исследование обильным фактическим материалом. Особенно хорошо иллюстрирован (рисунками, фото, чертежи) раздел материальной культуры. Цветные иллюстрации хорошо передают национальный стиль киргизского прикладного искусства, его колорит.

Исследование завершено послесловием. Помещение его вызвано вполне понятным желанием авторов привести последние данные по экономическому развитию колхозов более често, что в 1956 г. в результате реализации решений XX съезда КПСС колхозы были серьезных хозяйственных успехов. И тем не менее необходимость такого пособия возбуждает сомнения. Жизнь идет настолько быстрыми темпами вперед, что отдельные данные (в частности экономические показатели) неизбежно устаревают. В этом, однако, дело. Непрекращающийся теоретический и практический интерес этнографических исследований заключается в том, чтобы изучить глубоко и детально те огромные и сложнейшие процессы, которые происходят во всех областях народной жизни, выявляя их направление, сделать понятными причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Задача эта не легка, и рецензируемая книга не может настолько удовлетворить в этом отношении.

Однако авторским коллективом книги сделано немало. Несмотря на отдельные недочеты и недоработки, книга вводит в научный оборот свежий и богатый этнографический материал, ставит ряд важнейших проблем, касающихся судеб национальных традиций в современности, процессов формирования новых форм быта, пути развития советской семьи, новых общественных отношений.

Монография о киргизском колхозе встретит, несомненно, живой интерес не только среди специалистов, но и в среде широкого круга советских читателей.

В. Ю. Крупянская

О. А. Сухарева. *К истории городов Бухарского ханства* (Историко-этнографические очерки). Институт истории и археологии. Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1958, стр. 146, 27 фотографий, 4 плана-вклейки.

Рецензируемая книга написана большим знатоком истории Средней Азии, культуры и быта ее народов. О. А. Сухарева — автор ряда работ, посвященных узбекам и таджикам, их материальной культуре, социальным отношениям, идеологии. В течение многих лет О. А. Сухарева занята этнографическим изучением городов Средней Азии, в первую очередь Бухары — столицы бывшего Бухарского эмирата, в большей степени, чем другие города, сохранившего до недавнего времени свой прежний облик и богатого многочисленными памятниками прошедшей эпохи.

Изучение истории и этнографии такого крупного города, как Бухара, требует затраты огромного количества труда и времени, большой энергии и настойчивости. Достаточно сказать, что автором книги произведено детальное этнографическое обследование двухсот отдельных кварталов города, причем определено и изучено их местонахождение, история заселения, социальный, этнический и профессиональный состав населения и многие другие особенности. Выполнение этой работы одним лицом само по себе говорит о неистощимой энергии О. А. Сухаревой, ее настойчивости и преданности любимому делу.

Книга «К истории городов Бухарского ханства», насколько известно автору этих строк, охватывает лишь часть материалов, накопленных О. А. Сухаревой. Она состоит из двух разделов — исторического и этнографического. Первый раздел — «Очерки по исторической топографии г. Бухары» имеет три очерка, каждый из которых посвящен определенной эпохе жизни города. Второй раздел — «Очерки населения городов Бухарского ханства конца XIX — начала XX в.» также состоит из трех очерков, но, в отличие от первого раздела, разбитых по территориальному принципу. Здесь по-

⁵ Прекрасный образец такой публикации дает монография «Горняцкое село Жакаровце», изданная Словацкой Академией наук (см. рецензию в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1).

⁶ См., например, характеристику песни «Бекбекей» (стр. 90—93). На самом деле песня эта пелаась девушками и женщинами, караулившими скот; они перекликались ею, проверяя друг друга и призываая к бодрствованию (см. М. Богданова, Киргизская литература, М., 1947, стр. 17).

мешены материалы, касающиеся населения трех крупнейших городов б. Бухарского ханства — Бухары, Каши и Шахрисябза.

Первый раздел посвящен судьбам города Бухары в различные эпохи, росту его на протяжении более двенадцати столетий, начиная с эпохи зарождения феодальных отношений и кончая периодом позднего феодализма, чрезвычайно затянувшегося в условиях Средней Азии. В основу исследования автор совершенно правильно положил рассмотрение вопроса о городских стенах, явившихся неотъемлемой принадлежностью феодального города. Как известно, феодальные города на Востоке состояли из более старой, центральной, части, обнесенной стеной, так называемого шахристана, к которому впоследствии постепенно присоединились предместья — рабад, кольцо которых по мере роста города все расширялось. Для определения местонахождения городских стен в различные эпохи существенно важными ориентирами являются городские ворота. Автором был предпринят тщательный анализ исторических источников, из которых важнейшими для Бухары являются «История Бухары» Нершахи (Х в.), с позднейшими дополнениями Абунаср Кубави и Мухаммеда Зуфара (XII в.), а также книга Мулло-заде (первая половина XVI в.); для более поздней эпохи исторические источники сопоставлялись О. А. Сухаревой с этнографическими сведениями.

Автором намечены основные этапы жизни и роста города. Город эпохи арабского завоевания (VIII в.), когда всю его территорию занимал лишь шахристан, составлявший не более 30—35 га. Город X—XII вв., границы которого, в основном определяясь кольцом древних кладбищ, все же недостаточно ясны, хотя в это время, помимо шахристана, в пределы городских стен была включена и территория рабадов. Город первой половины XVI в., границы которого определяются довольно точно, если исходить из сообщений Мулло-заде, давшего подробное описание топографии города в связи с описанием бухарских мазаров. Наконец, город второй половины XVI в., значительно выросший по сравнению с предыдущим периодом и сохранившийся в территориальном отношении без изменения до Октябрьской революции. Все приведенные в этом разделе материалы говорят о постепенном росте Бухары, причем периоды довольно бурного роста сменялись временами периодами застоя и даже упадка городской жизни, что, по-видимому, было связано с внешнеполитическими событиями (монгольское нашествие, эпоха феодальных междуусобиц, нашествие Надир-шаха в середине XVIII в.).

Развитие городской жизни стимулировалось увеличением роли городов в экономике страны, развитием ремесел и отделением их от сельского хозяйства, увеличением объема и ростом торговли. Автор показывает это на ряде любопытных примеров: так, в позднейшее время город вырос за счет кварталов ремесленников, сосредоточенных в западной и восточной его частях.

Представляется вполне убедительной трактовка О. А. Сухаревой термина «хисар» в значении городской стены, а не городской территории: как правильно указывает автор, такое значение этого термина аналогично значению другого термина — «калья», относившегося прежде всего, безусловно, к стенам укрепленного поселения, а не к самому поселению; о последнем свидетельствует тот факт, что в Средней Азии и соседних странах в применении к селениям термином «калья» назывались такие из них, которые обносились стенами, в то время как для неогороженных селений этот термин не употреблялся¹.

Первый очерк второго раздела дополняет и углубляет материалы первого раздела. Изучение вопросов, связанных с развитием городской жизни, неуклонным ростом территории города, поставило перед автором и другие вопросы — о численности, национальном и социальном составе населения Бухары. На эти вопросы нелегко дать ответ, поскольку никаких статистических данных по дореволюционной Бухаре не имеется и переписи населения в Бухарском ханстве никогда не проводились. Различные подсчеты, основанные на косвенных данных, равно как и перепись 1926 г., не могут дать, как это убедительно показал автор, сколько-нибудь точного представления о количестве населения дореволюционной Бухары. В результате сплошного обследования всех бухарских кварталов автору удалось выяснить число домовладений города, оказавшееся равным 12,5 тыс. Приняв численность каждой семьи в среднем в шесть чел. и прибавив к полученной цифре еще 10—15 тыс. чел. (население бывшего бухарского арка — дворца, учащиеся многочисленных медресе и пр.), О. А. Сухарева полагает, что количество населения дореволюционной Бухары составляло 85—90 тыс. чел. В свете этих данных О. А. Сухарева критикует имеющиеся в научной литературе высказывания о численности населения некоторых средневековых городов Востока, которая определялась во многие сотни тысяч.

Сложнее вопрос об этническом составе Бухары. Его трактовка у О. А. Сухаревой не отличается достаточной для нас убедительностью, несмотря на большую подчас категоричность суждения. Говоря о таджикоязычности подавляющего большинства населения Бухары, автор всячески избегает сказать о том, что значительную часть населения города составляют таджики. С этой целью автор прибегает к таким расплывчатым фразам: «В Узбекистане, население которого по переписи 1926 г. на

¹ См. А. З. Розенфельд, Qala («кала») — тип укрепленного иранского поселения, «Сов. этнография», 1951, № 1.

74,19% состояло из узбеков, жители некоторых городов сохранили таджикский язык...» (стр. 75) или же: «Таджикоязычность бухарцев-горожан, сложившаяся исторически объясняется, несомненно, той важной ролью, которую играл в этногенезе городского населения древний местный иранский пласт» (стр. 77). При этом О. А. Сухарева ссылается на данные переписи 1926 г., по которой в Бухаре зарегистрировано 27 тыс. узбеков и 8 тыс. таджиков. Данными этой же переписи автор оперирует и при определении этнического состава Бухарского округа (стр. 75). Однако несколько раньше, при определении количества населения (стр. 72), автор ставит результаты переписи 1926 г. под сомнение.

Ссылаясь на перепись 1926 г., О. А. Сухарева говорит, что «несмотря на преобразование в Бухаре таджикского языка, большинство жителей города считает себя не таджиками, а узбеками» (стр. 79). Но перепись 1926 г. происходила очень скоро после свержения эмира, и, безусловно, процессы формирования этнического сознания за столь малый срок не могли дать сколько-нибудь ощутительных результатов. Как же совместить сказанное выше со словами нашего автора о том, что перед Октябрьской революцией термины «узбек» и «таджик» еще не получили устойчивой семантики и что «термин «узбек» в устах горожан — бухарцев и самарканцев — имел значение не столько этническое, сколько социальное, обозначая жителей сельских местностей» (стр. 81).

Говоря о древнем языке бухарцев, автор отмечает точку зрения тех исследователей, которые считают сегодняшними две фразы, приведенные у Нершахи, но следовало бы привести и другое, позднее высказанное в литературе мнение о том, что эти фразы могли быть таджикскими².

Среди материалов, посвященных изучению фарсов (иран), арабов и среднеазиатских евреев Бухары, мы находим много любопытных подробностей, связанных с появлением этих этнических групп в городе, с их бытом, культурой, а также взаимоотношениями с представителями других национальностей Бухары.

Большой познавательный интерес имеют главы, посвященные занятиям городского населения Бухары и его социальному составу в дореволюционный период. Подробно охарактеризованы многочисленные группы ремесленников, в большинстве случаев расселявшихся на окраинах города отдельными кварталами по своим профессиям; однако представители наиболее старых городских ремесел нередко жили и в центральных кварталах города, что объясняется самой историей заселения Бухары. Особенно широко было распространено занятие ткачеством, при этом различные группы ремесленников специализировались на выделке определенных сортов ткани. В Бухаре были представлены и некоторые чрезвычайно редкие специальности, например было развито «шилье золотом». О бухарских золотошвеях недавно была опубликована специальная статья Е. М. Пещеревой³, однако автор книги не счел необходимым сделать соответствующую ссылку, как, впрочем, и в ряде других случаев — например, не упомянута работа А. А. Семенова⁴. В рецензируемой книге дана характеристика и других профессий, включая те группы, которые стояли в самом низу социальной лестницы, например омыватели мертвых, упаковщики грузов, водоносы, профессиональные ниши.

Следует отметить, что глава, дающая социальную характеристику населения, отделена от главы о занятиях несколько искусственно, что вызвало и неизбежные повторения при перечислении профессиональных групп, с одной стороны, и социальных групп — с другой. Однако материал этой главы также чрезвычайно содержит в себе и насыщен многими подробностями, не известными до сих пор. Так, много любопытного мы узнаем о жизни «сипо» — военнослужилого населения Бухары. Для сипо в Бухаре предоставлялись квартиры в казенных домах, им выдавалось довольствие деньгами, зерном и одеждой. Определенные круги служили аристократии, кроме того, могли пользоваться различными товарами из частных лавок, владельцы последних отмечали вид отпущенного товара и его количество на обструганных палочкиах-бирках, которые затем передавались в финансовую канцелярию, и казна расплачивалась с торговцами. Большини привилегиями пользовалось и высшее духовенство ханства, в частности, оно получало значительные доходы от так называемых вакфов (вакуфов) — недвижимого имущества, завещанного кем-либо в пользу духовного учреждения или учебного заведения.

К сожалению, вопрос о вакфах (вакуфах), равно как и вопрос о пожаловании высшей знати поместий и так называемых «танх» (пожалований доходов с земли, обрабатываемой крестьянами) не получил в книге более детальной разработки; между тем он представляет огромный интерес для уяснения форм феодальной собственности в ханстве.

Очерки второй и третьей разбираемого раздела посвящены характеристике двух других крупных городов бывшего Бухарского ханства, как об этом было уже сказа-

² См. А. М. Мандельштам, О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском Междуречье, «Сов. археология», т. XX, 1954, стр. 74.

³ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л., 1955.

⁴ «Черк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего периода», Труды АН Тадж. ССР, т. XXV, 1954.

ко,— Карши и Шахрисябза. Они построены примерно по тому же плану, как и очерки, посвященные Бухаре. Излагаются сведения, собранные непосредственно автором, о топографии обоих городов, их структуре, кварталах, численности и этническом составе населения, его занятиях. Отмечено своеобразное разделение труда между Шахрисябзом и соседним городом Китабом: большинство тканей, известных под именем шахрисябзских, выделялось в Китабе, Шахрисябзу же принадлежала ведущая роль в топглове этими тканями.

Книга издана в общем тщательно, встречаются, однако, отдельные неточности: например, неправильно указаны годы правления Шах-Мурада (стр. 76), на стр. 47 дана сноска, относящаяся к стр. 46. Большой интерес представляют приложенные планы городов, а также фотографии, исполнение которых, однако, оставляет желать лучшего. К сожалению, не указаны и источники иллюстраций.

В целом же книга О. А. Сухаревой имеет очень большое познавательное значение и вносит много нового в изучение истории и этнографии Средней Азии. Можно лишь пожелать, чтобы вслед за этой книгой появились и другие публикации автора на ту же тему, о чём должен позаботиться Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.

Н. А. Кисляков

Казахские сказки, т. I. Составитель Е. Исмаилов. Алма-Ата, 1957, стр. 440 (на казахском яз.). — *Казахские сказки*, т. I. Составление и редакция В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1958, 461 стр.

Впервые в истории казахской фольклористики начата публикация казахских сказок в нескольких томах. Первый том (на казахском и русском языках) вышел к деде казахской литературы и искусства. Издание сказок на казахском языке явилось итогом многолетней кропотливой собирательско-исследовательской работы доктора филологических наук Е. С. Исмаилова. Большой знаток и неутомимый исследователь родного фольклора, Е. С. Исмаилов сумел из многочисленного и многообразного сказочного эпоса казахов отобрать наиболее идеально насыщенные, высокохудожественные образы. Эти сказки типичны и широко распространены среди казахского народа. Большинство их (45 сказок) взяты из рукописного фонда Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР (записи А. Маргулана, М. Ескендерова, И. Байзакова и др.). Остальные сказки — как опубликованные, так и неопубликованные — записи А. Диваева. В сборнике есть и сказки, записанные самим составителем — Е. Исмаиловым.

Сказки в сборнике расположены по жанрам: волшебно-фантастические, сказки о животных, социально-бытовые. Отдельно выделены сказки-предания. Завершается сборник шелеврами казахского сказочного эпоса — повествованиями об Алдар-Косе, о Жиренше-Шешене и Хожа Насыре.

Просмотр сборника показывает, что в основу подбора сказок положен принцип историзма. Сказки данного тома характеризуют жизнь казахского народа в феодально-родовой период. Они представляют ценный материал для изучения культуры и быта казахского народа в прошлом. Во всех, даже в волшебно-фантастических сказках нетрудно увидеть общественно-политические идеалы и устремления трудящихся масс. Главным героем казахских сказок является бедняк, пастух, таңша-бала — спаситель и защитник угнетенных и нуждающихся. Он наделен высокими моральными качествами: честен, справедлив, храбр, находчив, добр, отзывчив. В сказках показана также любовь народа к труду, его мастерство и умение создавать новое.

Наряду с образами людей труда, стремящихся к преодолению жестокой нужды, борющихся за лучшую жизнь, в казахских народных сказках даны образы их социальных врагов — баев, ханов, биеv, вызывающие ненависть и насмешку народа. Особенно ясно это видно в сказках об Алдар-Косе, Жиренше-Шешене и Хожа Насыре. В сказке о том, как Алдар гостил у Шик Бермес Шигайбай, высмеивается скопость, жадность и тупоумие бая, которого ловко одурачивает Алдар-Косе, взяв у него все то, что ему хотелось взять, по воле и согласию самого никому ничего не дающего бая. Творцы казахских сказок умеют метким и острым выражением раз и навсегда заклеймить врага. В названной сказке баю дано имя «Шик Бермес Шигайбай», означающее «Даже росинки не дающий Шигайбай».

Особый интерес представляют сказки-легенды о Коркуте и легенда о том, как Асан-Кайты искал обетованную землю. В них отражены сокровенная мечта народа о счастливой жизни, о благодатной земле, желание покорить силы природы, мечта о долголетии.

Сборник «Казахские сказки» снабжен предисловием М. Аузэзова и Е. Исмаилова, которое начинается объяснением термина «ертегі» (сказка). Слово «ертегі» происходит от «ертеде», «ерте кундегі», что означает «давним-давно прошедшее», «события прошлых дней». Этим словом начинается большинство казахских сказок: «ертеде бір хан бопты», «ертеде бір кемпір мен шал бопты», «ертеде бір батыр бопты» (давним-

давно был один хан», «давным-давно был один батыр»). Или же в форме стихии «ертек-ертек ерте екен» и т. д.

Далее в предисловии дается детальный обзор публикаций казахских сказок. Читатель с интересом узнает, что казахские сказки в прошлом столетии привлекали внимание крупных русских ориенталистов — В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, А. Е. Аторова, И. Березина, А. В. Васильева, Н. Н. Пантусова, а также известных представителей казахского народа И. Алтынсарина, Ч. Валиханова. Авторы остановились также на собирательской, издательской и исследовательской деятельности А. Диана, А. Мелкова и современных литератороведов — М. Ауэзова, А. Маргуланы, С. Канова, Х. Жумалиева, В. Сидельникова и других.

В предисловии дается научная классификация казахских сказок по жанру разновидностям. При этом выделяются сказки собственно казахские и заимствованные у других народов, но ставшие казахскими. Действительно, в некоторых сказках например «Ушар ханың баласы» (Сын Ушара хана), «Сыйқырыл тас» (Большой камень), «Қаратай», имеются бытовые описания и детали, не свойственные жизни казахов. Например, у хана было сорок комнат, ключ от сороковой комнаты он носил в большой тайне (Ушар ханың баласы). В то же время обращает на себя внимание тот факт, что заимствованные сказки передаются не механически, — сказочки казахов стремятся приблизить сказку к своей жизни. Так, когда дочь бая гуляет в цветущем саду, ей сообщают, что настало время перекочевки («Қаратай»). Такие сказки «Төрт деріуш» («Четыре дервиша»), «Сейфул Мәлік» и легенда о Ходи Насреддине, бытующие у уйгуротов, узбеков и других народов Средней Азии.

Примечания (составительница Р. Султангалиева) к текстам сказок, помещены в конце книги, составлены довольно полно, с соблюдением общепринятых правил паспортизации текстов. Однако имеются некоторые пробелы: для сказок о Хоже сыре не указано, где, от кого, когда и кем они записаны. Общее замечание, что сказки записаны с уст народа, мало говорит. О нескольких сказках — «Бақа» (Лягушка), «Үээр бала» (Сын везира) и др.— сказано лишь, что они взяты из рукописи фонда Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР или же из материалов фольклорной экспедиции. В примечаниях ко многим сказкам не указано, сколько сказок, нигде не отмечен возраст сказочника.

* * *

Казахские сказки на русском языке составлены и подготовлены к печати доктором филологических наук В. М. Сидельниковым. Включенные в этот сборник сказки (иные чем у Е. Исмаилова) как бы дополняют сборник на казахском языке и расширяют богатство сказочного фонда казахов.

Расположены сказки так же, как и в сборнике Исмаилова, добавлен лишь раздел «Небылицы и анекдоты». В подборе сказок не всегда выдерживается исторический принцип: в сборнике в основном представлены сказки феодальной эпохи, но есть и несколько советских («Қоблан-силач и два мешка», «Святой осел» и др.).

В сказках данного сборника, как и в изданных на казахском языке, даются реалистические картины быта казахов, отражены экономика и культура Казахстана в прошлом. Правдиво изображено социальное неравенство, когда бедняк жил в чешной юрте (стр. 272), а бай — в белой юрте, сидел на белой кошме (стр. 277). Ярко отражены в сказках семейные отношения казахов в прошлом: амангерство, многоженство, уплата калыма за невесту и др., раскрывается положение женщины-казахи в семье, где она не имела права даже высказать свое мнение («Ер-Тостик»).

Описаны также национальная еда скотоводов — айран (стр. 162), казы, күр (стр. 397), баурсаки и кумыс (стр. 256, 260) — любимый напиток казахов; предмет национальной одежды — малахай, тулақ (стр. 287); военные доспехи — аксырматсау (дорогая конская сбруя), броня, лук, стрела, копье (стр. 116) и т. д.

Сказки дают представление об обычаях, обрядах и поверьях, национальных играх и развлечениях казахов. Поверья казахов связаны с кочевыми скотоводческими бытами. Например, в сказке «Ер-Тостик» геройня загадывает: «Ак-Тюс принесет верблюжонок либо в тот день, когда умрет Ер-Тостик, либо в тот день, когда он возвратится до моей» (стр. 15). Наряду с древними обрядами, в сказках встречаются и обряды, возникшие на основе ислама; так, в сказке «Жигит и волчица» говорится о поминке на сороковой день (стр. 158).

Часто встречаются описания национальных игр и развлечений, например, стрельбы в кольцо: «Вот скакет жигит на лошади и держит двумя пальцами кольцо. При целился Тостик из лука — и стрела легко пройдет через колечко» (стр. 4) («Ер-Тостик»). Любимыми развлечениями были также кокпар (коездорение), байга (с скачки) и т. д.

Зарисовки быта в сказках переплетаются с правдивыми описаниями природы Казахстана, с характерным для степей растительным покровом (саксаул, чий, шенгель, кара-кога, таболги); рисуются картины стихийного бедствия — джугта (стр. 3), уносившего многочисленные стада скота, единственного источника существования кочевников.

Скотоводы-казахи в своих сказках давали интересные объяснения происхождения животных и птиц, их отличительных внешних примет (очертания тела, повадки, образ

жизни): почему у перепела хвост короткий, почему у зайца три губы, почему верблюд оглядывается, когда пьет, и др. В сказках есть и упоминания об исторических личностях (Джучихан, Сураныш Ахылбеков и др.) и о караванной торговле с Бухарой.

Казахскому народу много бедствий приносило соседнее воинствующее Кокандское ханство (XIX в.). Встречающиеся в сказках названия некоторых местностей свидетельствуют об этих исторических событиях. Например, «кара-кумские колодцы стали называться Адам кырылган, что означает — погибли люди» (стр. 217). Это связано с тем временем, когда казахи, преследуемые кокандцами, ушли в глубь пустыни Кара-Кум и погибли у безводных колодцев. Наряду с действительными названиями местностей (Ак-Мечеть, Карсакпай, Сары Арка и др.) в сказках встречаются символические, сказочные — Барса-Кельмес (пойдет — не вернется), Жер-Уюк (обетованная, благодатная земля) и др.

В сказках фигурируют певцы — жирши, кюйши, по всячесму слушаю сочиняющие песни, кюи, выражающие думы, чаяния трудящихся масс. Своим песенным искусством и виртуозной игрой на кобызе, домбре они спасают простой народ от сурового ханского гнева, воспевают благородство бедняка и высокое чувство материинства («Хамитай и его скакун», «Мудрый старик», «Ответ кюйши» и др.).

Сказки, помещенные в сборнике, дают представление об образности, традиционных приемах казахского сказочного эпоса. Таковы, например, числа «сорок», «шесть»: 40 дыр, 40 визирей, 40 верблюдов, 40 жигитов, 40 козлов; 6 степей, 6 горных перевалов (стр. 346). Свадьба длится 40 дней и 40 ночей (стр. 116) и т. д. Характерная особенность казахских сказок — включение в них загадок на разные случаи жизни и бытовые предметы.

Переводы сказок (особенно Н. Анова, В. М. Сидельникова, Л. Макеева) очень хороши. Они передают национальный колорит сказок, особенности художественного мышления, поэтические образы, своеобразный строй речи казахов. Однако в них встречаются и некоторые шероховатости, неточности, связанные с недостаточным знанием быта казахов в прошлом. Именно поэтому в сказках фигурируют колбаса вместо «казы» (название национального блюда), кровать вместо «төсек», выдолбленная тыква с айраном, которую будто бы можно положить в карман, и т. д. Не всегда последовательно употребляются те или иные термины: например, в одной и той же сказке монеты называются то теньга, то дилла (стр. 290), встречаются даже рубли (стр. 319).

В. М. Сидельников использовал переводы сказок, помещенных в фольклорно-этнографических печатных и рукописных сборниках, в периодических изданиях, а также произведения казахских поэтов.

В предисловии к сборнику В. М. Сидельникова, помимо истории публикации казахских сказок и характеристики собирательско-исследовательской деятельности казахских просветителей Ч. Валиханова, А. Кунанбаева, И. Алтынсарина, впервые дает оценку переводам казахских сказок на русский язык. Автором дана также классификация казахских сказок по внутрижанровым разновидностям и характеристика их художественных особенностей.

Примечания к текстам составлены полно, с соблюдением всех требований для паспортизации. Кроме того, даны сведения обо всех переводах публикуемых сказок.

Ценным пособием для читателей является библиография «Казахская народная сказка», составленная также В. М. Сидельниковым. В ней указаны публикации казахских сказок (дореволюционных и советских) в сборниках и периодической печати, а также исследования о казахской сказке. Сборник снабжен постраничным словарем национальных терминов, выражений, сказочных образов (женге, Шоин-Кулак, Жалмауыз-Кемпир и др.).

Для художественного оформления сборников использован национальный орнамент. Десять иллюстраций-вклеек (худ. К. Баранов) оживляют образы сказок, воссоздают национальный колорит, воспроизводят в манере старинной живописи традиционное вооружение, национальные костюмы.

М. Алиева, З. Жантекеева

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР *

Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР приступил к выпуску трех новых серийных изданий: «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», «Археология и этнография», «Материалы и исследования по этнографии Латвийской ССР».

Первое из названных трех серийных изданий выходит на русском языке, с резюме на латышском и немецком языках, что делает его доступным для широкого круга

* «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, под редакцией Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда, Рига, 1957; «Archeologija un Etnografija», «Rakstu krājums», I, Riga, 1957 (на латышском языке). Редакционная коллегия: К. Страздинь, А. Дризул, М. Степерманис, Т. Зейд.

читателей. Остальные два издания выходят на латышском языке, однако публикуются в них статьи сопровождаются довольно пространными резюме на русском языке. В 1957 г. вышло в свет по одному тому первых двух изданий; в 1959 г. ожидается выход в свет начального тома третьего серийного издания.

В дальнейшем «Археология и этнография» будет публиковаться как ежегодник остальные два издания будут выходить эпизодически.

Материалы археологических и этнографических исследований Прибалтики, в частности Латвийской ССР, имеют огромное значение не только для изучения этнической истории, культуры и быта народов Прибалтики, но и для правильного понимания истории соседних с ними славянских народов. Можно без преувеличения сказать, что без использования археологических, этнографических и антропологических материалов Прибалтики нельзя, например, с достаточной полнотой разрешать проблему этногенеза северных групп восточного славянства. Между тем доступность этих материалов была весьма ограниченной. Многие из них не опубликованы или опубликованы в виде кратких информаций о раскопках. Археологические и этнографические публикации буржуазного периода в Латвии, кроме неполноты, страдают и порочностью методологических установок.

Первый том «Материалов и исследований по археологии Латвийской ССР» посвящен публикации материалов раскопок Нукшинского могильника — первого погребального памятника на территории Латвии, который был исследован целиком.

Нукшинский могильник находится на западном берегу оз. Пилда, в 11 км южнее г. Лудзы, на территории Лудзенского района Латвийской ССР, т. е. там, где в 1890-х годах производились частичные раскопки известного Люцинского (Лудзенского) могильника¹, явившегося вплоть до последнего времени единственным археологическим источником для характеристики культуры и быта древних латгалов.

Опубликованные материалы раскопок Нукшинского могильника создают большие возможности для всестороннего их использования. Эти материалы позволяют определить до известной степени уровень развития производительных сил у древних латгалов и их экономические и культурные связи с соседним древнерусским населением.

Публикация материалов раскопок Нукшинского могильника подготовлена Э. Д. Шноре, А. Э. Зариней и И. В. Дайгой. Рисунки для публикации выполнены С. А. Элер. Перевод на русский язык осуществлен Р. П. Шноре.

Книга содержит предисловие, шесть глав (I. Вид погребения; II. Хронология могильника; III. Орудия труда. Оружие; IV. Одежда и украшения; V. Социальное расслоение в отражении погребальных инвентарей; VI. Антропологический материал) и приложение — сводную таблицу погребений и отчет по дневнику раскопок. Книга хорошо иллюстрирована и снабжена 52 таблицами рисунков вещей и погребений. В конце книги дан план расположения погребений Нукшинского могильника. Общий объем книги 19,95 авт. листов.

За два года раскопок (1947—1948) было исследовано 218 погребений Нукшинского могильника в грунтовых могилах, датируемых IX—XII вв. Фактическое число захоронений было, вероятно, больше. Часть их могла быть уничтожена при длительной распашке поверхности могильника. Это обширное кладбище принадлежало территориальной (сельской) общине латгалов. Численность захоронений свидетельствует о большой плотности населения Восточной Латгалии².

Подробно анализируя виды погребений в Нукшинском могильнике, Э. Д. Шноре установила, что здесь, как и в других могильниках латгалов, характерным признаком является ориентация мужских погребений головою на запад, а женских — на восток.

Интересно отметить, что здесь обнаружено пять женских (судя по инвентарю) погребений остатков трупосожжений, произведенных вне кургана, что свидетельствует о погребении в могильнике нелатгальского населения и о тесных связях латгалов с соседним славянским и литовским населением, у которого в IX—X вв. бытовал обряд трупосожжения.

Погребение остатков трупосожжений в Нукшинском могильнике сопровождалось чисто латгальским погребальным инвентарем. Это обстоятельство свидетельствует о том, что об этнической принадлежности умершего нельзя судить только на основании погребального инвентаря, как это нередко допускают некоторые археологи.

Разрешая вопрос о хронологии могильника, Э. Д. Шноре подробно анализирует погребальный инвентарь. Приводимые ею датировки отдельных вещей в основном не вызывают возражений. Но вряд ли в качестве датирующего материала могут быть использованы подковообразные фибулы со спиральными концами (табл. VII, 14—16), так как этот тип фибул, бытовавший на очень обширной территории, был известен еще в первой половине I тысячелетия н. э. и доживал до первых веков II тысячелетия. Приходится сожалеть, что автор только упоминает о перстнях и железных булавках, имеющихся в составе погребального инвентаря, тогда как эти вещи являются более надежным материалом для датировок.

¹ А. А. Спицын, Люцинский могильник, «Материалы по археологии России», № 14, СПб., 1893.

² Люцинский (Лудзенский) могильник насчитывал свыше 600 погребений.

Интересны сделанные наблюдения, что топоры и железные ножи встречаются только в мужских погребениях. Характерной чертой инвентаря богатых мужских погребений является наличие «воинских браслетов».

В книге нигде не говорится о находках керамики в погребениях. Видимо, ее не было, но об этом следовало бы сказать.

Исключительный интерес представляет глава IV «Одежда и украшения», написанная А. Э. Зариней. Автор с большим знанием дела анализирует фрагменты тканей, полученных из раскопок, раскрывает технику их изготовления и дает представление о женской и мужской одежде древних латгалов. В связи с этим становятся понятными, например, находки в погребениях мелких спиралек, которые являлись украшением одежды.

Глава V «Социальное расслоение в отражении погребальных инвентарей», написанная Э. Д. Шноре, не разрешает с достаточной четкостью поставленной автором задачи. Бессспорно, что в IX—XII вв., в период действия Нукшинского могильника, у латгалов имелось социальное расслоение. Но попытки автора расчленить погребения Нукшинского могильника по количеству найденного в них инвентаря на четыре категории мало обоснованы.

К первой категории автор относит мужские погребения с исключительно богатым инвентарем — украшениями и оружием (стр. 40). Ко второй категории относятся богатые мужские погребения с сопровождающими предметами такого же характера, как в погребениях первой категории, но в меньшем количестве (стр. 41). Эти погребения отличаются рубежом VIII—IX вв. Но далее автор признает, что «более поздние погребения второй категории отличаются большим количеством и богатством предметов роскоши» (там же). Возникает вопрос: во-первых, чем же отличаются в таком случае погребения первой категории от погребений второй категории, во-вторых, не является ли различие в количестве инвентаря погребений (по составу он одинаков) хронологическим признаком?

Непонятна также разница между женскими погребениями первой и второй категории (стр. 42—43). Третья категория женских погребений совсем не характеризуется. Поэтому кажется неубедительным вывод автора в конце главы, что в погребениях первой категории «захоронены те представители верхнего слоя знатной и влиятельной аристократии древней Латгале, из среды которых происходили владельцы замков феодального характера и замковых округов — так называемые *«seniores»* «Хроники Ливонии» Генриха Латыша» (стр. 46).

Также недостаточно убедительны заключения автора, что погребения второй категории относятся к «боярам» и знатным воинам, а в погребениях третьей категории «представлена вся многочисленная масса вольных крестьян, ремесленного люда и замковой челяди» (стр. 46).

В бедных немногочисленных погребениях четвертой категории автор видит представителей несвободных людей или рабов (стр. 46). При этом автор упускает из виду, что погребения всех четырех категорий, как мужские, так и женские, располагались в могильнике вперемежку.

В главе VI «Антропологический материал» И. В. Дайга приводит краниологические данные по двенадцати мужским, женским и детским черепам из погребений Нукшинского могильника и дает таблицу их измерений. Эти материалы, несомненно, окажутся полезными при дальнейших палеоантропологических исследованиях.

Несмотря на недочеты в отдельных главах книги, издание материалов раскопок Нукшинского могильника является большим успехом латышских археологов.

* * *

Сборник «Археология и этнография», т. I, включает краткое предисловие и семь статей — три археологических и четыре этнографических.

Сборник открывается статьей Э. Д. Шноре «Asotes pilskalna krāsnis» («Печи городища Асоте») (стр. 5—19), представляющей огромный интерес как для археологов, так и для этнографов. Автор детально описывает остатки 73 печей, обнаруженных им при раскопках городища Асоте. Названное городище расположено на правом берегу р. Даугавы, в 3 км выше г. Крустпилса, и представляет собою многослойный памятник, оставленный древними латгалами. Городище в течение ряда лет раскапывалось Э. Д. Шноре. Опубликованные в настоящем сборнике материалы составляют лишь часть обширных собраний, о которых Э. Д. Шноре неоднократно докладывала на археологических сессиях в Москве, Вильнюсе и Риге³.

Печи городища Асоте по своему назначению разделяются автором на две группы.

- 1) «бытовые печи», использовавшиеся главным образом для приготовления пищи, и
- 2) печи, связанные с ремесленным производством. Подавляющую часть составляют «бытовые печи» (63).

³ См. Э. Д. Шноре, Поселения латгалов, «Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии)», М., 1955, стр. 39—40.

Автор с большой тщательностью анализирует устройство печей различного типа. Во время раскопок ей удалось проследить много интересных особенностей в их устройстве. Описание печей сопровождается большим числом иллюстраций.

Бытовые печи помещались в углу дома, но более древние из них устраивались посередине жилища. Конструкция печей, в связи с их плохой сохранностью, может быть определена с большим трудом. Но все же удалось установить, что глиняные печи возводились как на каменной основе, так и без нее. В глине, из которой изготовлены некоторые печи, обнаружена примесь соломы. Свод печей сделан из глины, с каменной обкладкой. В отдельных случаях печи имели деревянную раму.

Глиняный под печей, как это удалось проследить автору, неоднократно подправлялся, иногда до 13—15 раз (стр. 9). Нередки случаи, когда новые печи возводились на месте более старых. Устья печей ориентированы различно: на восток, запад и юг.

Оценивая весьма положительно рецензируемую статью, мы хотели бы вместе с тем указать на некоторые досадные пробелы или недоделки. Существенным недостатком статьи является то, что автор описывает «бытовые печи», не увязывая это с описанием остатков жилищ; поэтому и назначение печей во многих случаях вызывает сомнения. Только в двух случаях при описании печей автор говорит, что они находятся в жилищах (стр. 14), но эти жилища охарактеризованы очень скромно.

Описывая «бытовые печи», автор подразделяет их на три подгруппы: круглой или овальной формы; подковообразной формы; печи с обкладкой из дерева. Такое подразделение не совсем ясно. Если первые две подгруппы различаются по форме печей в плане, то третья подгруппа выделена по конструктивному признаку. Обкладка из дерева могла быть у печей различной формы.

Автор обходит молчанием вопрос, почему печи имели различную форму. Было ли это случайным явлением или связано с различным назначением печей, а может быть это различие хронологического порядка?

В статье ничего не говорится о находках вещей и керамики около печей или при их разборке, а это в значительной степени помогло бы датировать печи и более точно определить их назначение.

Печей для ремесленного производства автор насчитывает восемь (гончарные горны и печи для плавки бронзы). Они характеризуются полнее, чем «бытовые печи».

В статье совершенно отсутствует даже общая характеристика городища и его культурных слоев, что в известной степени затрудняет определение вскрытых остатков печей.

Характеризуя печи городища Асоте, Э. Д. Шноре прибегает к широким, явно неоправданным аналогиям. Так, печи с глинобитными сводами сравниваются с печами Старой Рязани и поселений трипольской культуры (стр. 13). Аналогию производственной печи А № 22, датируемой X в. н. э., автор видит в очагах Галической стоянки, датируемой началом I тысячелетия до н. э. (стр. 16). Другие печи Асотского городища сравниваются с печами Западной Африки (стр. 19).

Ряд интереснейших вопросов, характеризующих уровень развития ремесленного производства у древнего населения Латвии, поставлен археологом А. Я. Стубавс в статье «*Āmatniecība 6—8. gs. rēc archeoloģiskiem atradumiem Ķentes pilskalnā un aptveitē*» («Ремесло VI—VIII вв. по данным городища и селища Кентескалнис» (стр. 21—43)).

Городище и селище Кентескалнис, расположенные в 40 км юго-восточнее Риги, в районе Огре, представляют собою исключительно ценные памятники, раскопки их производят в течение нескольких лет А. Я. Стубавс. На городище было вскрыто 2940 м² культурного слоя и на селище 2955 м². Эти памятники датируются VI—VII вв. В результате раскопок получена богатая коллекция находок.

Анализ железных предметов, найденных на городище и селище, позволил установить, что их обитателям была знакома не только обработка железа, но и стали. Сырьем являлась местная болотная руда. При выработке различных изделий применялись термическая обработка и спайка. Для обработки лезвий орудий труда использовалась сталь.

В нижнем слое селища было открыто 43 очага, в том числе печь для обработки железа, которая находилась за пределами жилищ. Эта печь стратиграфически датируется VII—VIII вв.

Литейщики-ювелиры изготавливали главным образом предметы украшения, пользуясь домашним очагом. Так, около очага № 20 (в жилище) было найдено 128 фрагментов тиглей, стальное долото, сплав цветных металлов, бронзовые предметы, целые и в обломках керамика, кости, глиняные бусы.

Автору удалось определить четыре типа тиглей, употреблявшихся в литейном производстве, что привело его к выводу о специализации этого производства в VIII—IX вв.

По найденным в раскопках материалам удалось установить применение литейных формочек из глины (для изготовления шейных украшений), литья по восковой модели, шлифовки, ковки, штамповки и гравировки. Все это свидетельствует о высоком мастерстве литейщиков-ювелиров городища и селища Кентескалнис.

Следует отметить, что автор выходит из рамок статьи, определенных ее заглавием, рассматривая и домашнее производство.

Изготовление глиняной посуды в Кентескалнс производилось исключительно ручным способом в домашних условиях. Найдены лепная штрихованная (40% от общего числа находок), гладкостенная (51%) и шероховатая керамика. Сетчатой керамики найден всего один фрагмент. Есть керамика с налепами близ края, с защипами и ложеной поверхностью.

А. Я. Стубавс удалось сделать интересные наблюдения по изготовлению шероховатой керамики. По стенкам уже подсохшего сосуда накладывался слой жидкой глины, которая, засыхая, образовывала узорные разводы, что придавало посуде большую прочность (стр. 29).

Автор приводит некоторые, к сожалению очень краткие, сведения о других отраслях домашнего производства (обработка кости, камня, выделка кожи, прядение и ткачество). В таблицах даны образцы найденных орудий труда. С основными выводами автора можно согласиться. Основываясь на материалах городища Кентескалнс, автор справедливо утверждает, что в VI—VIII вв. в Латвии наблюдалась первая стадия развития ремесла, предшествующая образованию городского ремесленного производства. В этот период происходила специализация литейного ремесла и отделение его от ремесла кузничного. Материалы прилагающих могильников VI—VIII вв. свидетельствуют также о широком распространении в то время ювелирных изделий. Интенсификация земледелия и скотоводства способствовала дальнейшему развитию ремесла.

Статья А. Стубавс включает еще один раздел, по существу также выходящий за рамки ее основного содержания, но интересный сам по себе — об оборонительных и жилых сооружениях (типы их на городище и селище, строительная техника, способ устройства печей и очагов и некоторые другие данные). Автор констатирует, что особенно тщательно сооружались оборонительные сооружения городища (срубные, некоторые — с фундаментом из камня). Оборонительные конструкции деревянного замка были укреплены вкопанными в землю столбами. Жилые честройки в селище в большинстве также были срубные (из круглых бревен, из бревен, стесанных в местах их соприкосновения, из бревен с укладкой в паз). Применялась обмазка глиной стен и потолочного перекрытия. Используя куски хорошо сохранившейся глиняной обмазки и привлекая некоторые другие данные, автор сделал попытку, на наш взгляд удачную, реконструировать общий вид одной из жилых построек селища (XXVII постройка). Она представляет собою однокамерное срубное строение с массивным бревенчатым перекрытием, имеющим наклон в сторону, противоположную от входа. Бревна перекрытия снаружи обмазаны толстым слоем глины, поверх которойложен слой древесной коры и затем дерн.

Постройки аналогичной конструкции были обнаружены ранее и на других городищах Латвии (Даугмале, Танискалнс). Чрезвычайно интересны приводимые в статье материалы о типе очагов и печей, обнаруженных внутри жилых строений. Это открытые очаги или печи-каменки, существенно отличающиеся по материалу и конструкции от печей в городище Асоте, что отражает, по-видимому, локальные особенности в развитии печей на территории Латвии и находит аналогию в позднейшем этнографическом материале. Заслуживает внимания упоминание автора о летних кухнях, названных им «шалашевидными постройками над летними очагами», имеющих параллели в этнографических материалах. Такие кухни встречаются на севере и западе Латвии.

Характеристику ремесленного производства у обитателей Кентескалнс дополняет статья А. Антена «Ķentes piskalna dzelzs un tērauda izstrādajumi strukturas īpašības un izgatavašanas tehnoloģija» («Изучение структуры, свойств и технологии производства железных и стальных изделий, найденных на городище Кенте») (стр. 45—50), в которой сообщаются результаты изучения 28 железных и стальных изделий, найденных на городище.

Статья хорошо иллюстрирована. Даны таблицы изделий из металла: ножей, серпов, топоров, кос и других орудий труда; показаны технологические процессы их изготовления, приведены образцы микроструктуры металла (при увеличении в 100 раз).

Все четыре этнографические статьи являются разделами монографий, над которыми работают авторы. Этнографическая часть сборника открывается статьей С. Цимерманиса «Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokļi un darba apstākļi Kurzēmē un Zemgalē rietumā daļā 19. gs. otra pusē» («Сельскохозяйственные рабочие в Курземе и Земгале, их жилище и условия труда во второй половине XIX в.») (стр. 51—73).

Статья содержит основные положения диссертации автора на ту же тему и представляет несомненный интерес. В ней ярко показано, что социальная дифференциация латвийской деревни не могла не привести к не менее резким различиям в быту и культуре отдельных социальных групп крестьянства. Интенсивный ход развития капитализма в латвийской деревне привел уже к моменту выкупа крестьянами земли в собственность (1860-е годы) к имущественному и социальному расслоению крестьянства. В последующие десятилетия этот процесс протекал с возрастающей силой. Достаточно сказать, пользуясь цифрами, приведенными автором рецензируемой статьи (стр. 52), что в бывшей Курляндской губернии (т. е. в Курземе и Земгале) в 1890-е годы из каждых 100 человек, занятых в сельском хозяйстве, 75 должны были работать по найму. В этнографической литературе, издаваемой при царизме, равно как и при буржуазном строе, эти вопросы не освещались. Некоторые данные о быте безземельного крестьянства и батраков содержатся лишь в публицистической литературе того вре-

мени. Этнографы Советской Латвии, получившие серьезную марксистскую подготовку, поставили перед собой задачу восстановить подлинную картину быта и культуры трудового крестьянства и сельскохозяйственных рабочих Латвии в XIX в. Исследования С. Цимерманиса являются одним из первых опытов работ, начатых в этой области⁴.

В опубликованной в настоящем сборнике статье автор, привлекая новые полевые и архивные материалы, воссоздает мрачную картину условий труда и быта латвийских батраков, среди которых были мужчины и женщины разных возрастов, подростки и малолетние дети. В статье приводятся интересные данные о категориях сельскохозяйственных рабочих в Латвии во второй половине XIX в., сообщаются условия их найма, в которых капиталистические формы эксплуатации хитроумно переплетаются со старыми феодальными формами.

Подробно характеризуются тяжелые жилищные условия батраков. Описываются жилые помещения, выделенные в кулацких домах для семейных и холостых батраков, их обстановка и убранство; в статье даны соответствующие иллюстрации.

Однако автор, к большому сожалению, не касается других сторон батрацкого быта.

К серии работ, посвященных вопросам этнической истории народов Прибалтики, относятся статьи А. Крастыни «Vidzemes Zemnieku tājokļi klaūšu saimniecības saīšanas periodā» («Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства») (стр. 75—97) и И. Лейнасаре «Zemkopības darba rīki klaūšu saimniecības saīguma posmā» («Орудия земледельческого труда в период разложения барщинного хозяйства») (стр. 99—114). Оба автора участвуют на протяжении ряда лет в работах Прибалтийской комплексной экспедиции⁵, ими изучены также обширные архивные и литературные источники.

Статья А. Крастыни представляет значительный научный интерес и выгодно отличается от других исследований жилища центральной и северной части Латвии—Видземе, в которых речь идет лишь о жилой риге, являвшейся якобы единственным типом жилища видземских латышей⁶. Автор, на основании полевых и архивных материалов, приходит к выводу, что в Видземе параллельно существовали два типа жилища: жилая рига—постройка, объединяющая жилое помещение и хлебосушильню, и специальное обособленное жилое строение—истаба (istaba). Автор с большой тщательностью описывает оба типа жилища, демонстрируя в сопровождаемых статью иллюстрациях их конструктивные варианты и строительные детали. Автор считает, что жилой дом-истаба является исконным жилищем видземских латышей, а появление жилой риги обусловлено влиянием соседних эстонцев и отдельных, живших на территории Видземе эсто-ливских групп (стр. 95). С предположением автора о возникновении этих двух типов жилища в разной этнической среде можно согласиться. Однако вызывает большое сомнение его высказывание о том, что широкое распространение жилой риги в Видземе было обусловлено ухудшением экономических условий жизни барщинных крестьян, что будто бы повлекло за собой и вытеснение на определенное время второго типа жилища—истабы. Вопрос этот требует проведения более углубленного исследования, что, возможно, и найдет свое отражение в подготавляемой А. Крастыней монографии. Очень ценно включение в статью материалов, характеризующих бытовую обстановку крестьянского жилища, но жаль, что к этому разделу не дано никаких иллюстраций.

И. Лейнасаре посвящает первую часть статьи характеристике систем земледелия. Наибольший интерес представляет описание двух способов обработки лесного перелога на территории Латвии. Наименее освещен в литературе способ сжигания кютиса (сложенных в кучи сучьев и дерна). Указав, что этот способ применяется в Латвии в Видземе и северной Курзeme, т. е. на территории, населенной в прошлом ливскими племенами, и что он был широко известен в Эстонии, автор не без основания рассматривает данный способ обработки перелога как явление, специфическое для финно-угорских народов.

Вторая часть статьи посвящена описанию орудий для обработки почвы: сох, борон, различного типа катков. Кроме полевых записей, зарисовок и проч., привлечен значительный архивный материал, широко использованы литературные источники. Очень ценные данные по терминологии, связанной с сельскохозяйственными орудиями, собранные автором в экспедициях.

В рецензируемой статье автор высказывает лишь некоторые положения о наличии локальных особенностей в типах или деталях сельскохозяйственных орудий, а также о различиях в терминологии, но выводов, касающихся этногенеза латышей, на основе этих материалов не делает, в отличие от статьи, опубликованной ею в журнале «Советская этнография»⁷. В резюме на русском языке, к сожалению,

⁴ Защита диссертации на степень кандидата исторических наук состоялась в Риге на заседании Ученого совета Института истории и материальной культуры Академии наук Латв. ССР. Май, 1958 г.

⁵ О работах экспедиции см. статьи в журнале «Сов. этнография» (1953, № 1, стр. 182—190; 1954, № 3, стр. 106—111; 1956, № 2, стр. 3—17; 1957, № 4, стр. 156—163).

⁶ Ссылки на эти публикации приведены А. Крастыней в подстрочном примечании на стр. 77.

⁷ И. Лейнасаре, Земледельческие орудия латышей в XVIII—первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1957, № 6, стр. 19—30.

даже имеющиеся в статье отдельные высказывания опущены. Исследования И. Лейнасаре вызывают большой интерес не только у этнографов, но и у археологов и историков Прибалтики. Было бы крайне желательно, чтобы публикация собранных ею обширных материалов в будущем была возможно более полной. Существенно отлична по теме последняя статья рецензируемого сборника — Л. Ефремовой «Dažas Latgales ļātviešu zemīgrieķu ģēnēzes svīnības 19. gadsimta otrā pusē» («О некоторых семейных торжествах латгальских крестьян-латышей во второй половине XIX века») (стр. 115—126). Научные интересы большинства этнографов Прибалтики, как и многих этнографов других республиканских и центральных научных учреждений, ограничены преимущественно исследованием отдельных сторон материальной культуры. Поэтому публикация статьи Л. Ефремовой, посвященной изучению некоторых сторон идеологии латышского народа, приобретает особую ценность. Л. Ефремова уже ряд лет занята изучением семейного быта латышей восточной Латвии (Латгалии), и включенная в рецензируемый сборник статья знакомит лишь с небольшой частью собранных ею материалов.

В данной статье рассматриваются два цикла обрядов: связанных с рождением детей и погребальных. Статья читается с большим интересом. Автор делает попытку объяснить происхождение отдельных обрядов. Она отмечает также, что многие дохристианские обряды, сохранившиеся в быту крестьян, приспособлялись и использовались в своих интересах католической церковью, имевшей огромное влияние в среде латгальского крестьянства.

Значение публикации подобных материалов, характеризующих идеологическую сторону крестьянского быта, было бы, однако, гораздо выше, если бы они относились не только к прошлому (XIX в.), а отражали и современность. Автор заканчивает статью призывом к советским историкам изучать и разъяснять народные традиции, чтобы успешнее бороться с устаревшими, не соответствующими социалистическому строительству обычаями. По нашему мнению, было бы уместно и в данной статье конкретно остановиться на тех старинных обрядах и обычаях, которые бытуют еще и по сей день и с которыми следует активно бороться.

В целом рецензируемые сборники заслуживают высокой оценки.

Удачно выбраны формат ($62 \times 92^{1/8}$) и шрифт. Расположение текста в два столбца дало возможность увеличить число иллюстраций. Оба сборника вообще иллюстрированы очень богато. В таблицах дано большое число предметов, и вместе с тем не создается впечатления перегрузки. Некоторые фотоснимки, ценные по содержанию, напечатаны несколько расплывчато. Зато все штриховые рисунки выполнены на высоком техническом уровне и с большим художественным вкусом. Особенной четкостью отличаются иллюстрации, поясняющие технику тканья.

В последующих сборниках желательно увеличить число цветных иллюстраций, что имеет особое значение при публикации этнографических и археологических материалов по одежде.

С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ЯКУТСКОГО И МАГАДАНСКОГО МУЗЕЕВ*

В последние годы значительно оживилась краеведческая работа в ряде сибирских музеев. Об этом свидетельствуют рецензируемые сборники, подготовленные к изданию Якутским и Магаданским краеведческими музеями. И Якутский, и Магаданский музей ведут большую экспедиционную работу по сбору археологических, этнографических и исторических материалов. Почти ежегодно, помимо экспедиций, сотрудники этих музеев совершают выезды в районы для изучения не только прошлого, но и современного быта и культуры коренного населения Сибири. Сборники научных статей Якутского и Магаданского музеев отражают многостороннюю краеведческую работу. Оба выпуска «Сборника» Якутского краеведческого музея построены по единому плану и взаимно дополняют друг друга.

Первый выпуск открывается статьей М. В. Местниковой «Емельян Ярославский в Якутском краеведческом музее» (стр. 3—22). Как известно, Ем. Ярославский, находясь в ссылке в Якутии (1913—1917), взял на себя обязанности консерватора Якутского краеведческого музея и впервые систематизировал его коллекции. Благодаря его энергии, музей пополнился ценными этнографическими, ботаническими и минералогическими коллекциями и стал научным учреждением, единственным тогда в Якутском крае. В знак уважения к заслугам выдающегося коммуниста-революционера Якутскому республиканскому музею присвоено имя Емельяна Ярославского.

* «Сборник научных статей», Изд. Якутского республиканского краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, вып. 1, Якутск, 1955, 169 стр.; вып. 2, Якутск, 1957, 185 стр. «Краеведческие записки», Изд. Магаданского областного краеведческого музея, вып. 1, Магадан, 1957, 108 стр.

В статье приводится также биография Ярославского. Автор справедливо подчеркнул уменье Ем. Ярославского сочетать большую революционную работу с научно-исследовательской деятельностью.

Якутский музей систематически ведет сбор исторических материалов о большевиках — политических ссыльных в Якутию. Этой теме посвящена, например, статья научного сотрудника музея П. В. Попова «Антон Антонович Костюшко-Валюжанич в Якутии» (стр. 23—42). Костюшко-Валюжанич, член РСДРП, был сослан в Якутию в 1903 г., продолжал здесь революционную деятельность, участвовал в «кромановском» протесте политических ссыльных в 1904 г., бежал из Иркутской тюрьмы, участвовал в революционном движении в Чите. В 1906 г. он был расстрелян карателями.

В экспозиции музея значительное место занимают современные промышленные очаги Якутии. Накоплен большой материал, отражающий их историю. Статья М. В. Местниковой «Золотопромышленный Алдан» (стр. 43—83) посвящена общему описанию Алданского района, истории открытия здесь золота, организации промышленности. В статье характеризуется подъем материального и культурного уровня промышленного гиггеления в наши дни.

Особый интерес для этнографов-сибиреведов представляет статья народного художника Якутской АССР М. М. Носова «Одежда и ее украшения у якутов XVII—XVIII веков» (стр. 84—137). Статья написана по материалам, добытым при раскопках якутских погребений XVII—XVIII вв. в центральных районах Якутской АССР. Сопоставляя раскопочный материал с рисунками якутской одежды, изображенными на гравюрах в трудах Георги¹, автор пришел к выводу, что извлеченные из погребений образцы сходны с одеждой якутов, широко бытовавшей в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. В статье характеризуется материал, из которого шилась одежда в XVII—XVIII вв. (кожа, ровдуга, мех, грубое сукно, холст, шелк): отмечается резкое отличие фасонов этой одежды от фасонов конца XIX в. В XVII—XVIII вв. шили укороченные расклешенные шубы и пальто с разрезами сзади и с боков до талии, без воротников, с прямыми рукавами, вшитыми без буфов. Для этой одежды было характерно наличие набедренных фартуков. В указанное же время носили капорообразные и конусообразные шапки с украшениями в виде рогов, рысьих и хорьковых мордочек и т. д. Автор описывает способы орнаментации одежды и ее характерные украшения. В статье приведены и расспросные данные о старинной одежде, собранные среди якутов центральных районов Якутской АССР.

На основе всех этих данных М. М. Носов сделал попытку восстановить полный комплекс якутской национальной одежды XVII—XVIII вв. Нельзя целиком согласиться со всей этой реставрацией, но описание головных уборов, верхней и нижней одежды, обуви и украшений, извлеченных из различных погребений, а также рисунки (реставрации) представляют несомненный интерес. В то же время многие общие высказывания М. М. Носова вызывают возражения. Трудно согласиться, например, с таким утверждением: «Одежда любого народа и любой национальности по характеру костюмного комплекса, своей фактуре, способу изготовления и пошиву, фасону и отделке отражает своеобразие и уровень культуры этого народа, достигнутый им в ту эпоху жизни, к которой относится эта одежда» (стр. 86). Как известно, такой прямой строгой связи между одеждой и уровнем культуры не существует. Этнография знает немало примеров, когда за сравнительно короткий отрезок времени одежда того или иного народа под влиянием соседних народов, моды, переселений резко видоизменялась, хотя это не сопровождалось ни подъемом, ни снижением уровня культуры.

Не совсем прав автор, утверждая, что «современные якуты, пользующиеся готовой одеждой и обувью фабричного изготовления, давно перестали одеваться в национальную одежду и даже утратили представление об ее фактуре, фасоне и отделке» (стр. 86). Действительно, в настоящее время полный национальный костюм не используется, но отдельные элементы его широко бытуют, например зимняя обувь. В современных якутских головных уборах можно видеть отражение национальных традиций. Отдельные части зимней якутской национальной одежды — дошки, меховые штаны, наколенники, «боа», рукавицы и т. д.—превратились в промысловый костюм.

Трудно согласиться с утверждением автора, что богатая якутская одежда XVII—XVIII вв., требовавшая при изготовлении большого труда и отличавшаяся особым искусством отделки, создавалась профессиональными мастерами (стр. 132). Как известно, не менее замысловатые украшения одежды — вышивки, аппликации, бисерные отделки — еще недавно встречались у эвенов, эвенков, коряков, хотя профессиональных мастеров у них не было.

Не соответствует фактам и следующее утверждение М. М. Носова: «Особенностью якутов, отличающей их от других народов северо-востока Азии, является любовь к украшению своей житейской обстановки». Как известно, с неменьшей любовью и искусством орнаментировали предметы домашнего обихода, утварь эвенки, чукчи, коряки.

¹ И. Г. Георги, Изображение одежд, принадлежащих к описанию всех народов, обитающих в Российской империи. Собрание П. Народы татарского племени, СПб., 1776.

Непродуманные утверждения и некоторые стилистические небрежности (в статье встречаются, например, такие выражения: «демисезонные камзолы» (стр. 113), «мужской нательник» (стр. 118), «ровдуга из лосиной и оленьей шкуры наиболее интенсивно возделывалась якутами» (стр. 130) и т. д.) затрудняют восприятие статьи и снижают ее ценность.

По тематике к статье М. М. Носова примыкает статья И. Д. Новгородова «Археологические раскопки музея» (стр. 138—162), представляющая собой краткое обобщение работ музея по изучению погребений XVII—XVIII вв. на территории Якутии. Раскопки, как справедливо отметил автор, убедительно показали, что у якутов в XVII—XVIII вв. существовала своеобразная материальная культура, в значительной степени отличная от культуры XIX в. В статье на основе раскопочных данных (сотрудниками музея вскрыто свыше 80 погребений)дается краткое описание видов захоронений, похоронного обряда, похоронного инвентаря; приводятся свидетельства о борьбе русских властей и духовенства с якутскими наземными способами захоронения.

Автор привел весьма убедительные примеры о том, что некоторые раскопки подтвердили легенды о лицах, погребенных в этих могилах. Однако датировка погребений согласно легендам весьма сомнительна. Отделить погребения XVII в. от погребений XVIII в. затруднительно. Трудно пока отличить и якутские погребения от тунгусских (эвенкийских). Положительное разрешение этих вопросов можно получить, по-видимому, только в результате крайне тщательного сравнительного изучения способов захоронения, инвентаря всех вскрытых погребений. К сожалению, эта работа еще должным образом не организована музеем.

Первый выпуск завершается публикацией двух якутских преданий (в записи И. Г. Березкина), отражающих взаимоотношения якутов с русскими в XVII в. (стр. 163—169).

Второй выпуск «Сборника» был приурочен авторским коллективом к 65-летию Краеведческого музея. В статье М. В. Местниковой «65-летие Якутского республиканского краеведческого музея имени Емельяна Ярославского» (стр. 3—51) приведен ряд новых материалов о музее, истории его создания и развития и подробно описана современная экспозиция. К статье приложен составленный И. Д. Новгородовым перечень экспедиций и научных командировок, организованных музеем с 1891 по 1955 г.

Другая статья М. В. Местниковой — «Сангарский угольный рудник» (стр. 52—72) знакомит читателей с одним из промышленных центров Якутии.

Небольшой очерк А. Д. Сыроватского «Г. К. Орджоникидзе в Якутской ссылке» (стр. 73—93), написанный по документальным материалам, хранящимся в музее, рассказывает о деятельности Орджоникидзе в якутской ссылке. К этой статье примыкает статья П. В. Попова «Из воспоминаний о Петре Алексееве в последние дни его жизни в якутской ссылке» (стр. 94—115). Автор изложил личные воспоминания о русском рабочем революционере Петре Алексееве, а также рассказы о нем своих родителей. Семья Поповых, жившая по соседству с П. Алексеевым, была с ним в самых дружеских отношениях.

Статья М. М. Носова «Эволюционное развитие одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов» (стр. 116—152) является непосредственным продолжением статьи того же автора «Одежда и ее украшения у якутов XVII—XVIII веков», напечатанной в первом выпуске «Сборника». Рассматриваемый отрезок времени в развитии якутской одежды автор делит на три периода: первый — с конца XVIII в. до 1840—1850-х годов — характеризуется бытованием форм одежды, предшествовавшей эпохи, лишь с некоторыми изменениями в фасоне и отделке. Границами второго периода является середина XIX в., до 1880—1890-х годов. Автор считает, что именно в это время одежда «стала более оригинальной по фасону, приобрела колористическую яркость, красивую форму» (стр. 118). Начало второго этапа в развитии одежды Носов объясняет значительным завозом в Ясию тканей, украшений и влиянием более высокой художественной культуры русских мастеров.

Последний этап эволюции якутской одежды дореволюционного периода — 1880—1920-е годы — автор характеризует как период русификации одежды под влиянием завоза фабричной одежды из России. Изменения в фасонах (исчезновение, например, боковых разрезов) он пытается связать с изменениями в хозяйственной жизни якутов, в частности с сокращением кочевок.

В статье описывается комплекс якутской женской и мужской одежды, характерной для середины XIX в. Если описание одежды, данное М. М. Носовым, представляет большой интерес, то этого нельзя сказать о предложенной им периодизации развития одежды, аргументированной весьма слабо. Голословны и некоторые утверждения автора, например о том, что островерхие якутские шапки достигают своего кульминационного развития в 1870—1880-х годах.

Обращает на себя внимание содержательная статья И. В. Зaborовской «Искусство художественной обработки дерева у якутов» (стр. 153—169). Статья написана по этнографическим коллекциям якутских музеев. Автор дает характеристику основных видов традиционной якутской посуды из дерева, изделий из дерева (шкатулки, резные подсвечники, солонки, трубки, резные календари, шкафы, киоты, коновязи и т. д.), а также изделий из бересты (коробки, кошелки, табакерки, берестяные ведра) и способы их украшения. Высказанное И. В. Зaborовской пожелание, обращенное

к работникам промысловых артелей, к молодым якутским мастерам, использовать в своих работах мотивы хранящихся в музеях художественных образцов и изучать якутские национальные орнаментальные мотивы несомненно заслуживает внимания.

Сборник заключают публикации якутских преданий, записанных И. Г. Березкиным и А. Д. Сыроватским в Усть-Алданском районе. Предания повествуют о якутском бунтаре Василии Манчары (XIX в.) и о времени родовых войн (XVII в.). Переводы снабжены подробными комментариями. Приветствуя публикацию переводов якутских преданий, позволяющих глубже понять исторические события, нельзя не указать на желательность приведения подлинных якутских текстов.

* * *

«Краеведческие записки», выпущенные Магаданским книжным издательством, представляют собой первый сборник статей авторского коллектива Магаданского областного краеведческого музея. Сборник открывается статьей Г. А. Пытлякова и А. В. Беляевой «Археологические работы на Охотском побережье» (стр. 5—11). Авторы знакомят читателей с некоторыми результатами археологической экспедиции 1955—1956 гг., организованной Якутским филиалом АН СССР и Магаданским краеведческим музеем. Работа этой экспедиции производилась в Ольском районе.

Помимо выявления археологических памятников, сбора наземного материала, были произведены частичные раскопки жилищ и вскрыты три погребения. Собранный материал (керамика, топоры, гарпуны, наконечники стрел, каменные наконечники копий) рисует своеобразную неолитическую культуру населения Охотского побережья. Обитатели этих стоянок жили в землянках, охотились на китов, морского зверя, рыбачили, собирали моллюсков, промышляли диких оленей. Авторы считают, что эта культура была создана предками коряков. Это вполне вероятно. Издание собранных материалов, тщательный их анализ позволят в дальнейшем более полно обосновать эту гипотезу или отбросить ее. Представляется, что археологическая работа на Охотском побережье около Олы должна быть продолжена и распространена на соседние районы.

Статья У. Г. Поповой «О народностях Магаданской области» (стр. 12—30) представляет собой обзор сведений о коренном населении области, его хозяйстве и культуре. Автор поставил перед собой благородную задачу — познакомить молодежь, привыкающую по призыву Коммунистической партии и Ленинского комсомола на стройки Магаданской области, с народностями, издавна населяющими этот край. Это тем более важно, что за последние десятилетия Магаданская область в связи с развернувшимся социалистическим строительством пополнилась значительными массами пришлого населения. В хозяйстве Магаданской области коренные народности играют немалую роль. Автор касается в своем обзоре хозяйства и культуры чукчей, коряков, юкагиров, чуванцев, эскимосов, эвенов и камчадалов. Непонятно, почему в статье, как особая народность, выделены кереки (северная группа коряков).

Хотя обзор представляет в целом несомненный интерес для широкого читателя, в нем встречаются ошибочные положения и неточности.

Так, древнейшим занятием чукчей автор считает оленеводство, а морской зверобойный промысел — отраслью хозяйства, возникшей значительно позже. Последние археологические исследования убедительно показали, что оленеводство — сравнительно молодая отрасль хозяйства и, конечно, появилось значительно позже, чем зверобойный промысел. Достаточно напомнить, что на севере Америки, даже в областях, примыкающих к Северной Азии, оленеводство появилось лишь в конце XIX в.

Неверно также указание автора о том, что на территории Магаданской области проживают коряки-каменцы (стр. 16). Как известно, каменскими коряками называют пенжинских коряков, живущих около села Каменское, в низовьях р. Пенжины. Эта территория входит в состав Пенжинского района Корякского национального округа.

Едва ли автор сможет аргументировать фактами свое утверждение, что культ духов сложился и господствовал в эпоху материнского рода или что предки эвенов появились на территории Магаданской области именно в XV в.

В статье много неточных формулировок: «Жилище чукчей-оленеводов — яранга — имеет несколько обтекаемую форму» или «коряки жили в полуподземных жилищах общинного типа» (стр. 17), «круговые бревна способствовали усилиению тяги» (стр. 17), «диалектизмы языка» (стр. 13) и т. д. На стр. 22 термины «ламут» и «эвен» употреблены так, будто они обозначают различные народности.

Неверно утверждение автора о том, что никакими правами народы Крайнего Севера до революции не пользовались, что законы Российской империи на инородцев не распространялись. Как известно, с XVII в. русские законы были распространены и на коренное население Сибири. В исторических архивах сохранилось много документов, исходивших от якутов, ламутов, тунгусов, юкагиров, коряков, в которых они обращались к представителям русской власти с просьбами защитить их от нападений и грабежа со стороны своих же единоплеменников или соседей. И, как правило, русские власти вмешивались в такие конфликты и старались разрешить их мирным путем. Виновные в грабеже, убийстве привлекались к ответственности по русским законам. В 1822 г. был издан целый «Устав» по управлению народами Сибири.

Заслуживает внимания и небольшая заметка И. П. Лаврова «Уэленская костерезная мастерская» (стр. 75—78). За четверть века своего существования коллектив

чукотской костерезной мастерской прошел большой творческий путь. Мастерская оснащена современным оборудованием. Применяются новые методы обработки кости. Большая заслуга в этом самого автора, в течение ряда лет руководившего мастерской. Цветная гравюра (традиционные охотничьи эпизоды и сцены) обогатилась новыми современными сюжетами, сложными графическими повествованиями. Интересно сообщение автора о том, что костерезным искусством, считавшимся в прошлом мужским делом, теперь занимаются и чукотские женщины. Короткая заметка, разумеется, не раскрывает историю уэленской костерезной мастерской, а скорее свидетельствует о том, что творческий путь этой мастерской и анализ художественных произведений, изготовленных ею, должны стать темой особой работы.

Выявлению характера общественного строя чукчей-оленеводов посвящена статья М. И. Куликова «Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысыльын» (богатых)» (конец XIX — начало XX в.) (стр. 31—58).

Считая стойбище основной производственной единицей, автор выделяет три вида его: стойбища, объединявшие бедняков, стойбища, состоявшие из хозяйств равного достатка, и стойбища богатых. Оперируя общими категориями, автор пришел к выводу, что в стойбищах бедных оленеводов «земля — основное средство производства — являлась коллективной собственностью всего стойбища; олени, а также охотничи и рыболовные принадлежности были собственностью глав семей» (стр. 34). Таким образом, основой существования здесь были совместный труд и «общинная форма собственности на основное средство производства — землю» (там же).

Такие же производственные отношения были и во втором виде стойбищ. Что касается третьего вида — стойбищ богатых, то, по мнению автора, «основным средством производства, определяющим характер производственных отношений в этом типе стойбищ, выступают олени, а не земля». «Земля, — указывает далее автор, забывая о своих первых утверждениях об общинной, коллективной собственности на землю, — не лимитировала развитие производства и отношений людей в процессе его осуществления. Пастбища, водопои, рыболовные угодья и т. д. не могли в этот период ограничить производство, так как земельных угодий было много» (стр. 37). Невольно напрашивается вопрос: почему же земля имела такое значение в стойбищах бедных оленеводов? Ответа на этот вопрос автор не дает.

Исходя из того, что олени — частная собственность хозяина стойбища, а олени батраков — их личная собственность. М. И. Куликов пришел к заключению, что пастухи фактически были лишены средств производства и находились в экономической кабале у крупных оленеводов. Затем автор поставил перед собой вопрос: кем же следует считать крупных оленеводов — феодалами, кулаками или рабовладельцами? Придя к выводу, что они не подходят полностью ни под одну из этих категорий, автор все же счител возможным сблизить крупных оленеводов с рабовладельцами и высказал мысль, что у чукчей складывались отношения «добровольного» рабства. Основания для этого он видит в том, что богатые оленеводы присваивали себе результаты труда батраков, лишенных средств производства (оленей). Предполагая, что если бы батраки имели свои средства производства, то они не пошли бы батрачить к крупному оленеводу. М. И. Куликов причислил их самих к средствам производства, т. е. к рабам, смягчив несколько свое утверждение объяснением, что чукча-батрак все же во многом отличался от раба.

Характеристика социальных отношений в богатых стойбищах, данная М. И. Куликовым, так же, как и приведенные им логические рассуждения, представляется неубедительной. Бездоказательна и нарисованная автором картина формирования экономических отношений в трех видах стойбищ, чему посвящена значительная часть статьи. Отвлекаясь от конкретной характеристики чукотского общества в целом, автор невольно упрощает, модернизирует вопрос о социальном строе чукчей и подгоняет экономические взаимоотношения в стойбищах богатых оленеводов под надуманное определение «добровольного рабства». В действительности примитивное чукотское общество (так же, как и общество ряда других северных народностей, например, коряков, тунгусов), сложившееся в особых исторических условиях, не имело четко выраженной классовой структуры, хотя испытывало на себе влияние различных общественных формаций. Первобытно-общинные отношения — коллективные навыки труда и коллективные способы распределения продуктов, обычай взаимопомощи, гостеприимства и т. д. — тесно переплетались у них с элементами неравенства, эксплуатации, что характерно для патриархальных отношений².

Несомненный интерес представляют включенные в сборник воспоминания бывшего председателя Ольского ревкома (1924—1926) А. А. Кочерова (стр. 59—74). Автор — уроженец Олы не только коснулся революционных событий, но и привел данные о хозяйстве и образе жизни ольских эвенов, так называемых пеших тунгусов Охостского побережья. Воспоминания Кочерова рисуют борьбу с белогвардейцами-бочкаревцами, первые шаги Советской власти — национализацию товаров у купцов, организацию мест-

² На спорность выводов М. И. Куликова, «неустойчивость» его терминологии и неприемлемость применяемой им методики исследования указал в рецензии на «Краеведческие записки» Магаданского музея И. С. Вдовин (см. «Изв. ВГО», 1958, т. 90, вып. 5, стр. 487—488).

ных советов, первые мероприятия по реконструкции хозяйства кочевых и оседлых звено.

Сборник завершается рядом статей, посвященных характеристике природных богатств Магаданской области, флоры, фауны, фенологическим наблюдениям.

Выход в свет сборников Якутского и Магаданского музеев несомненно отрадное явление, и следует надеяться, что оба музея продолжат публикацию материалов по изучению своего края. В связи с этим нельзя не указать на общий недостаток этих изданий: сборники слабо отражают фонды — основное богатство музеев. Как известно, в обоих музеях, особенно в Якутском, хранятся ценные уникальные коллекции, отражающие быт и культуру коренного населения. Научное описание этих коллекций, публикация фотографий рисунков, отдельных уникальных экспонатов принесли бы большую пользу науке, ввели бы в научный оборот новый материал.

И. Гурвиц

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В УКАЗАТЕЛЕ ПО ИСТОРИИ СССР¹

Вышел в свет первый том указателя литературы по истории СССР, изданной в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1952 г. включительно. Этот том охватывает литературу по истории антхии страны с древнейших времен до выступления в период капитализма. Последующие тома, над которыми работает коллектив Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, включает материалы по истории СССР периода капитализма (т. II) и по истории советского общества (т. III). В «Указатель» включена также литература по археологии, этнографии и другим специальным историческим дисциплинам.

«Указатель» рассчитан как на исследователей в области истории СССР, так и на аспирантов и студентов старших курсов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Он принесет несомненную пользу также занимающимся этнографией. Представляет он ценность и для широкого круга читателей, интересующихся историей СССР.

Выход в свет такого обширного указателя — крупное событие в научной жизни, что уже было отмечено в печати. Соглашаясь с общей оценкой, данной «Указателю» на страницах журналов «Советская библиография» и «Вопросы истории»², мы хотели бы остановиться на имеющихся в нем этнографических материалах.

Можно приветствовать, что составители «Указателя»³ включили в него и этнографическую литературу, тем самым подчеркнув важность данного материала для изучения истории СССР. Привлечение этнографического материала дает возможность значительно конкретизировать преподавание курса истории СССР. «Данный «Указатель», — как пишут составители, — не заменяет специальных указателей по одной определенной теме или вопросу» (стр. 3). Но включение в него материала по этнографии особенно ценно потому, что в настоящее время еще нет специального указателя этнографической литературы, вышедшей в советский период.

Составители использовали не только отдельные книги, но и основные этнографические периодические и непериодические издания, в числе их: «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (1946—1952), журнал «Советская этнография» (1931—1952; с 1926 по 1930 гг., журнал выходил под названием «Этнография»), «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР» (1918—1951), «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР» (1947—1952). Были использованы и сборники статей, посвященные отдельным этнографическим проблемам: «Этногенез восточных славян» (т. I, М.—Л., 1941, изд. Ин-та истории материальной культуры АН СССР), «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Государственного Русского музея» (Л., 1926) и др. Вошли в «Указатель» и статьи этнографического характера из других журналов: «Северная Азия» (1925—1931), «Советское краеведение» (1930—1936), «Сибирская живая старина» (1923—1929) и др.

¹ «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., I — История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма». М., 1956, 725 стр. Приложение. Схема классификации. Вспомогательные указатели, Академия наук СССР. Фундаментальная библиотека общественных наук, 184 стр.

² С. Я. Боровой, Ценный вклад в историческую библиографию, «Сов. библиография», 1957, № 47, стр. 109—112; Н. В. Устюгов, «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 170—175.

³ Составители: И. П. Доронин (руководитель работы), А. Н. Байкова, Д. Я. Брилон, З. Д. Виноград, С. Н. Каптерев, Е. Д. Романова, К. Р. Симон, Е. М. Харламова. Ответственный редактор К. Р. Симон.

Среди включенных в рецензируемое издание вспомогательных указателей имеется специальный «Указатель географических и этнических наименований». Благодаря этому можно быстро выявить литературу, посвященную тому или иному народу или племени.

Согласно принятой схеме классификации, этнографическая литература помещена в различных отделах. В первом отделе (Введение в изучение истории СССР) этнографическая литература включена в раздел «Этнография. Антропология. Фольклористика» (стр. 55—60)⁴. Здесь указана литература по этнографии, имеющая общеориентирующее значение не только для периода, охватываемого первым томом «Указателя», но и для остальных томов.

Затем идет «Общий отдел» (История СССР с древнейших времен до эпохи капитализма), в который включена литература, характеризующая как СССР в целом, так и республики, территории и города. В разделе этого отдела, построенного по республикам (стр. 112—151), а внутри их — по топографическому признаку, указано довольно большое количество этнографической литературы конкретного характера.

После этого идут основные отделы «Указателя», построенные по той периодизации, которая принята в программе по истории СССР для вузов, т. е. от первобытно-общинного строя до 1860-х гг. Эти отделы занимают главное место в «Указателе» (из 724 страниц им уделено 569). Здесь указана этнографическая литература по соответствующему периоду.

Таким образом, этнографическая литература не сосредоточена в одном месте книги, что совершенно правильно для библиографического указателя по истории СССР. Вместе с тем распределение этнографической литературы проведено не всегда удачно. Вообще этнографические работы обычно характеризуют исторический материал в пределах значительно более длительных хронологических периодов, чем те, которые приведены в программах по истории СССР. Этнограф имеет дело с материалом, освещющим не только явления конкретного исторического периода, но и характерные для всей социально-экономической формации (а иногда и не одной, а нескольких).

Возьмем к примеру статью Л. П. Потапова «Этнический состав сагайцев» («Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 103—127). Эта статья отнесена в «Указателе» в отдел «Конец XVII в.—XVIII в.», хотя исследование написано на основе не только архивных источников, но и этнографических материалов, собранных автором в 1946 г., и тематически значительно шире, чем характеристика сагайцев конца XVII—XVIII в. Сам автор говорит о сложности исследования этногенеза племен Саяно-Алтайского нагорья, ныне в значительной части объединенных в составе Хакасской, Горно-Алтайской и Тувинской автономных областей, и в своей статье для решения этого вопроса привлекает обширный этнографический материал.

Другой пример. В отделе «VI в.—70-е годы XV в.» указана работа Л. Б. Панек «Социальные отношения мтиулов» («Краткие сообщения Ин-та этнографии Академии наук СССР», вып. 1, М., 1946, стр. 35—36). Это — автореферат кандидатской диссертации автора, защищенной в 1944 г. Автор пишет, что «эта группа грузин-горцев дает нам один из примеров архаичной горной культуры, сохранившейся до недавнего времени: древние формы хозяйства, социальных отношений и верований», и что собранный «материал свидетельствует о сохранении у мтиулов до недавнего времени многих отношений родового строя». Л. Б. Панек сообщает о пережитках, которые сохранились у мтиулов очень длительное время и дожили почти до 1940-х годов. Таким образом, данная статья по содержанию в основном относится к характеристике народа в целом, а не к относительно узкому историческому отрезку времени, да еще с такой степенью точности — «70-е годы XV в.».

То же можно сказать и о статье Г. М. Василевич «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов» («Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. 1, 1946, стр. 46—50), включенной в тот же отдел.

Можно было бы увеличить число примеров, связанных с неудачной систематизацией этнографического материала в рамках конкретных исторических отрезков времени. Но и приведенного достаточно, чтобы подчеркнуть, что этнографический материал при систематизации требует иного подхода, чем чисто исторический.

Очевидно, что в определенные хронологические рамки укладывается только та этнографическая литература, которая по своей тематике и фактическому материалу целиком относится к данному периоду. Составителям «Указателя» удалось правильно разнести ряд таких работ, например: А. И. Андреев, Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века («Советский Север», Л., 1938, № 1, стр. 37—64); Н. Н. Степанов, Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII века («Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 81, вып. 3, М.—Л., 1949, стр. 297—302); Д. Вербов, О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII века («Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 75, вып. 5, 1943, стр. 16—23) и др. Этнографическая же литература, которая освещает жизнь народа в целом, исполь-

⁴ В этом разделе этнографическая литература расположена по следующим рубрикам: этнография, антропология и фольклористика в дореволюционной России, в советскую эпоху; затем идут работы обзорного характера, деятельность центральных этнографических учреждений (Институт этнографии АН СССР, музей), этнографические совещания, периодические издания, этнографы и фольклористы, вопросы теории и методики.

зая факты, касающиеся определенного исторического периода, только в качестве иллюстрации, должна быть отнесена в «Общий отдел» или к народу в целом; с рубрикой конкретного периода она связывается «отсылкой».

Составители сообщают в предисловии, что если га или иная «работа по своему хронологическому охвату касается двух главных отделов (иначе — двух периодов) схемы, то в каждом из них дается полное библиографическое описание». Этот принцип привел к тому, что «Указатель» значительно увеличился за счет ненужного дублирования. Кроме того, данная работа в каждом «из главных разделов» выступает самостоятельно, хотя на самом деле большинство приводимых этнографических работ требует связующих ссылок.

В отделе «Конец XVII в.—XVIII в.» разделе XV (Поволжье, Прикамье, Урал), в рубрике «Татары» указано под № 13742: «Трисман В. Г. Русские историки монографии Н. Витсена «Северная и восточная Татария» — «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIII, М., 1951, стр. 15—19». На самом деле известная работа Н. Витсена, опубликованная в Амстердаме двумя изданиями (в 1692 и 1705 гг.), содержит значительные материалы по Сибири XVII в. Статья В. Г. Трисман и начинается следующей характеристикой монографии Н. Витсена, данной проф. А. А. Андреевым: «...это драгоценное собрание материалов о Сибири XVII веках». Следовательно, эту работу надо было включить в раздел «Народы Сибири» с отсылкой к «Татарам».

Но есть и такие случаи, когда, наоборот, рубрики связаны отсылками, но ни в первом, ни во втором случае полного библиографического описания работы нет, поэтому данная статья для читателя утрачивается. Так, под № 13230 указано: «Крюкова Т. А. Коллекция П.-С. Палласа по народам Поволжья. — См. № 13713». Но под этим номером значится то же глухое описание с обратной отсылкой к № 13230. Таким образом, ни в первом, ни во втором случае читатель не узнает, где же напечатана эта статья. При розыске обычно помогают вспомогательные указатели. Прибегаем к «Указателю авторов». Мы находим здесь фамилию автора: Крюкова Т. А., но... с отсылкой к известным номерам 13230 и 13713. В данном случае и вспомогательный «Указатель авторов» не смог разрешить загадки неполного библиографического описания.

Встречаются и досадные опечатки. Так, во вспомогательном «Указателе авторов» под № 1887 упомянут Д. К. Зеленин, но в «Указателе» этого номера совсем нет. Под № 3262 также дана отсылка к Зеленину, на самом же деле под этим номером в «Указателе» дано описание другой книги: «Львов. Справочник...».

Все наши замечания направлены к тому, чтобы составители при переиздании первого тома и при подготовке остальных томов чрезвычайно нужного и полезного указателя советской литературы по истории СССР смогли еще больше повысить достоинства этого ценнего библиографического труда.

Е. Мильштейн

НАРОДЫ АФРИКИ

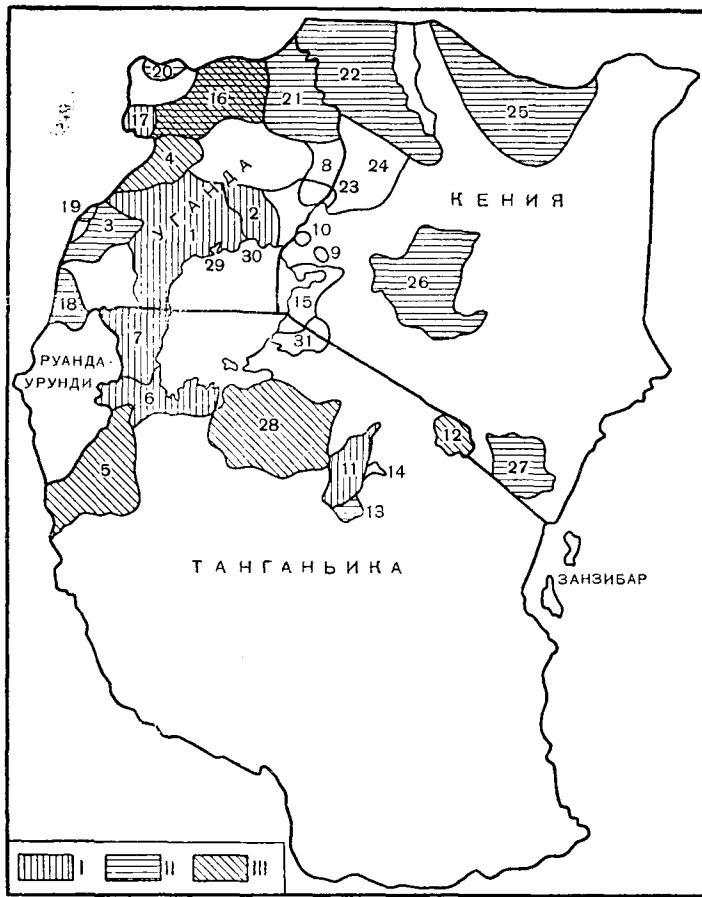
РАБОТЫ ВОСТОЧНО-АФРИКАНСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Развитие экономики в Африке в послевоенные годы, глубокие социально-экономические сдвиги и развертывание национально-освободительного движения потребовали от колониальных держав более глубокого изучения процессов, происходящих в африканском обществе. Последние годы знаменуются существенной перестройкой всей работы по изучению Африки. Эта перестройка осуществляется в двух направлениях. Во-первых, значительно расширяется круг проблем. Если еще недавно внимание ученых концентрировалось преимущественно на изучении пережитков родового строя, то теперь центр тяжести переносится на исследование новых явлений, вызванных развитием капиталистических отношений (изменения в земельных отношениях и дифференциация крестьянства, урбанизация, формирование рабочего класса и т. п.). Во-вторых, создаются научные центры в самой Африке. Одним из таких центров является Восточно-Африканский институт социальных исследований, основанный в 1948 г. при университете коллеже в Макерере (Уганда). Организатором института был английский этнограф В. Станиер, в 1950 г. пост директора занял А. Ричардс, с 1956 г. во главе института стоит доктор Л. Фэллерс. Субсидируется институт английским министерством колоний, время от времени он получает дотации от ЮНЕСКО, от американской корпорации Карнеги и от некоторых английских колониальных монополий¹.

¹ См. отчеты о работе Института: «A Report of three Years Work, 1950—1953», Kampala, 1955; «The East-African Institut of Social Researches, 1950—1955», Kampala, 1956; «Colonial Researches, 1955», London 1956. См. также информационные статьи в журналах «Africa», «African Affairs», «Corona» за 1956—1957 гг.

В институте всего лишь десять штатных сотрудников, но к его работе привлекаются многие английские и американские (Гуткинд, Кениг, Уинтер и др.), а также местные исследователи (Муквайя, Мулира, Тамукедде). В экспедиционной работе участвуют студенты университетского колледжа Макерере. Институт имеет несколько секций: антропологии и социологии, лингвистики, психологии, экономики и географии.

Институт поддерживает тесные связи с другими научными учреждениями и прежде всего с Колониальным институтом социальных исследований, организованным

Районы полевых работ Восточно-Африканского института социальных исследований и Колониального института социальных исследований (1950—1955): I — Восточно-Африканский институт социальных исследований; II — Колониальный институт социальных исследований; III — другие научные учреждения.

Территории племен и народностей: 1 — ганда; 2 — сога; 3 — торо; 4 — ньоро; 5 — ха; 6 — зинза; 7 — хайя; 8 — гишу; 9 — тики; 10 — ванга; 11 — иракв; 12 — джагга; 13 — барабанг; 14 — мбуугве; 15 — луо; 16 — ачоли; 17 — алур; 18 — кига; 19 — амба; 20 — лугбара; 21 — джи; 22 — туркана; 23 — сабен; 24 — сук; 25 — боран; 26 — гикую; 27 — тента; 28 — сукума; 29 — г. Кампала; 30 — г. Джинджа; 31 — куриа.

Составлено по кн.: «The East-African Institute of Social Research, 1950—1955».

при министерстве колоний в Лондоне. Совместно с ним намечено комплексное изучение почти всей территории Уганды. Регулярно проводятся научные конференции вместе с Институтом социальных исследований стран южнее Сахары и Институтом научных исследований Центральной Африки. Постоянные связи поддерживаются также с университетами Англии и США (в первую очередь с Гарвардским и Чикагским).

Институт выпускает две серии работ: первая — «*East-African Studies*» — включает этнографические и экономические исследования, вторая — «*Linguistic Studies*» — лингви-

стические. Издания института предназначены не только для научных целей, но и для практических нужд британского колониального управления.

Ряд монографий посвящен отдельным народностям Уганды. Назовем книгу английского этнографа С. Саутхолла, исследовавшего социальную организацию алур на территории Уганды и в пределах Бельгийского Конго². В первой части книги Саутхолл приводит сведения о расселении отдельных этнических групп, ассимилирующихся с алур, и о границах распространения языка луо. Во второй части автор излагает вопросы общественной организации алур и дает анализ связей отдельных родов и процесса выделения наиболее сильных из них. Третью часть исследования автор посвящает широким историческим параллелям. Он проводит аналогию между политической структурой алур и ранних каролингских государств, а также феодальной Англии и Шотландии, Индии и Китая. Нельзя сказать, чтобы параллели, приводимые Саутхоллом, были очень убедительны. Важна сама постановка вопроса: стремление заполнить пропасть между историей Европы и стран Африки и Азии. Наименее разработана последняя глава книги «Алур сегодня». В ней даны лишь разрозненные сведения о быте и общественной организации алур в настоящее время.

Исследованию бвамба, небольшого по численности (около 40 тыс. чел.) племени, живущего в горных областях Уганды, на границе с Бельгийским Конго, посвящены две работы американского этнографа Уинтера. В одной из них рассматриваются главным образом вопросы социальной организации и формы брака³, в другой — вопросы экономики⁴. Автор прослеживает, как изменилось направление хозяйства племени бвамба (долго считавшегося одним из наиболее примитивных в Восточной Африке) в результате превращения страны в сырьевую базу английского империализма.

В книге английского этнографа Л. Фэллера «Бюрократия банту»⁵ поднят вопрос о политической роли феодалов и местных начальников. В середине XIX в. страна Бусога была захвачена Бугандой, однако там была сохранена власть местных феодалов (страна состояла из одиннадцати феодальных княжеств). После империалистического захвата страны также была оставлена местная система управления. Но постепенно местная знать потеряла былое значение. Возникла новая бюрократия из числа лиц, назначаемых колониальными властями в качестве начальников округов и более мелких административных единиц. Эта бюрократия, по мнению Фэллера, должна стать новой опорой британского империализма.

Автор подробно излагает структуру общества и характер тех отношений, которые являются пережитками феодального периода. Фэллер анализирует изменение форм земельной собственности — переход от общинного землепользования к индивидуальной земельной собственности. Он отмечает также, что в стране Бусога совершается переход земли от местной родоплеменной знати к мелким земельным собственникам.

Вопросу о «бюрократии банту», о местных начальниках, назначаемых колониальным правительством из лиц так называемого среднего класса, получивших образование и заменяющих в значительной мере местных феодалов, — уделяется внимание и в ряде других исследований института. Этому вопросу специально посвящены две работы. Первая из них, книга английского социолога Кори «Политическая система сукума и предполагаемые политические реформы», издана в серии «East-African Studies»⁶. Вторая — намеченный к изданию в ближайшее время сборник под заглавием: «Методы назначения вождей у одиннадцати восточноафриканских племен»⁷.

Институт начал изучение населения г. Джинджи, являющегося главным центром Восточной провинции, в которую входит страна Бусога. В последние годы близ Джинджи сооружаются мощные гидростанции, заканчивается строительство медеплавильного комбината и первой в Уганде текстильной фабрики. В связи с этим быстро возрастает численность городского населения, усиливается приток африканцев из других районов Уганды и иммиграция индейцев и европейцев. Проблеме формирования здесь рабочего класса посвящена книга супругов Софер⁸. Авторы широко применяют статистический метод и приходят к выводу о крайней пестроте национального состава формирующегося промышленного пролетариата. Среди африканцев Джинджи представлены почти все народности и племена Уганды. В последнее время заметно увеличивается численность рабочих семей, оседающих в новом промышленном центре Уганды и теряющих связи с деревней. Срок их пребывания в Джиндже настолько еще мал, что полностью

² S. W. Southall, Alur Society. A Study of Process and Types of Domination, London, 1956.

³ E. H. Winter, Bwamba. Structural-Functional Analysis of Patrilineal Society, Cambridge, 1956.

⁴ E. H. Winter, Bwamba. Economy: the Development of a Primitive Subsistence Economy in Uganda, Kampala, 1956, «East African Studies», № 5.

⁵ L. A. Fallers, Bantu Bureaucracy: a Study of Conflict and Change in the Political Institute of an East-African People, Cambridge, 1956.

⁶ H. Corry. The Indigenous Political System of the Sukuma and Proposals for Political Reform, Kampala, 1954, «East-African Studies», № 2.

⁷ A. I. Richards, Methods of Selection of African Chiefs in Eleven East-African Tribes (in Press).

⁸ C. and R. Sofer, Jinja Transformed, Kampala, 1955, «East-African Studies», № 4.

сохранилась разноязычность. Ассимиляция пока очень незначительна, разобщенность среди африканской части населения велика. Еще сильнее сказываются перегородки между людьми разных рас. Не только европейцы, но и индейцы живут замкнутыми группами.

В предисловии к своей книге авторы указывают, что их интересует проблема «потенциальной социальной солидарности», подразумевая под этим возможность «социальной гармонии» в классовом обществе. Однако они не могли не видеть глубокого антагонизма, который фактически существует между отдельными социальными и расовыми группами населения Уганды.

Проблема формирования рабочего класса поставлена также в работах английского историка-экономиста У. Элкэна⁹. Одна из них посвящена изучению состава рабочих на табачных фабриках. В Уганде две таких фабрики, одна близ Кампала, где работают 600 мужчин, и другая — в Джиндже, на которой имеется свыше 1000 рабочих, из них 250 женщин. Набор женщин начался с 1949—1950 гг., когда стал ощущаться недостаток в рабочей силе в связи с появлением других, более крупных предприятий в Джиндже.

В работе Элкэна отмечается пестрота национального состава рабочих фабрики близ Джинджи и крайняя текучесть рабочей силы. Значительное число рабочих покидает фабрику через несколько месяцев после поступления на работу. Причины этого — очень низкая оплата труда, плохие жилищные условия и питание. Характерно, что в Кампала, где условия труда несколько лучше, чем в Джиндже, и где, кроме того, многие рабочие баганда арендуют небольшие участки земли у местных помещиков, текучесть рабочей силы меньше.

Автор указывает на отсутствие здесь профессиональных союзов. Департаментом труда несколько лет тому назад были организованы рабочие комитеты, но они объединяют лишь квалифицированных рабочих и не пользуются доверием основной массы рабочих. В работе указывается также на широкое распространение контрактации (по существу — принудительного труда) в Уганде. Опираясь на данные отчета департамента труда, автор сообщает, что в 1952 г. из 202 тыс. рабочих (на железных дорогах, в колониях, на строительстве гидростанций и на новых предприятиях) было законтрактовано более 93 тыс. чел., т. е. почти половина всех рабочих.

В 1956 г. институт опубликовал сборник «Экономическое развитие и изменения в жизни племен» (под редакцией О. Ричардса)¹⁰, в котором впервые ставится вопрос о пришлом сельскохозяйственном пролетариате — иммигрантах-батраках — в Уганде. В одной из первых статей сборника делается попытка выяснить причины отходничества из Руанды в Уганду. Однако данное автором (Поулэнд) объяснение выглядит наивно. Он пишет, что крестьяне баганда не привыкли к обработке полей и считают этот труд унижительным. Противореча себе, Поулэнд тут же указывает на издавна существующую повинность крестьян работать на полях помещика. Более интересен приводимый автором материал о постепенном росте иммиграции и об основных ее потоках. В следующей статье сборника, автором которой является Ричардс, детально излагается вопрос о путях следования иммигрантов, а в статье Форта — об их распределении по районам Уганды.

Наиболее содержательны в сборнике две статьи Ричардса: «Типы поселений в Буганде» и «Проблемы Буганды». Автор ставит вопрос не только о батрачестве, но и об аренде земли и быстром развитии мелкой земельной собственности. В то же время Ричардс отмечает увеличение числа случаев краткосрочной аренды земли иммигрантами-баньярунда. Они являются по сути дела батраками с наделом, работающими на земле помещика для производства экспортных культур. Хотя еще многое от феодальных методов эксплуатации остается в силе, наемный труд применяется все шире. По словам Ричардса, число батраков-иммигрантов настолько велико, что они составляют в некоторых округах половину и больше общей численности населения. Ричардс говорит даже об опасности «руандизации Уганды». Навряд ли эта опасность велика, так как основная масса иммигрантов поселяется в Уганде лишь на время. Несомненно другое: приток дешевой рабочей силы из других колоний создает для помещиков возможность усиливать эксплуатацию местного крестьянства.

Материалы сборника выходят далеко за пределы вопроса об иммиграции. Они дают возможность проследить, как осуществляется развитие капитализма в сельском хозяйстве Уганды. Этой же проблеме специально посвящена книга А. Муквайя¹¹ — местного исследователя-экономиста.

В книге Муквайя излагается главным образом вопрос о фермерстве Буганды; гораздо в меньшей степени он рассматривает вопрос о батака — лишенных земель крестьянах-общинниках, ставших батраками и арендаторами. Сравнительно большое место автор уделяет положению арендаторов на землях кабаки, являющегося самым крупным

⁹ W. Elkhan, An African Labour Force, Kampala, 1956, «East-African Studies», № 7; его же, Labour Problems in the Industrialization of an African Society. A Study in Industrial Employment in Uganda, Kampala, 1957.

¹⁰ A. I. Richards (ed.), Economic Development and Tribal Change. A. Study of Immigrant Labour in Buganda, Cambridge, 1956.

¹¹ A. B. Mukwaya, Land Tenure in Buganda, Kampala, 1953, «East-African Studies», № 1.

помещиком в стране. Муквайя указывает, что сдача земли в аренду препятствует рационализации сельского хозяйства, неизбежно приводя к истощению почв. Постоянное увеличение ренты не дает арендатору возможности улучшить ведение хозяйства. Наследственная аренда затрудняет переход к новым формам использования земли. Выступая за переход земли к мелким собственникам, автор указывает на опасность наличия в стране большого числа безземельных крестьян. Он кончает свою книгу предупреждением, что земельная проблема может вскоре снова стать причиной серьезных социальных волнений.

Исследование А. Муквайя лишь намечает основные проблемы, а данные, которыми он пользуется, относятся только к двум округам Буганды. Но несмотря на неполноту книги, она все же вносит много нового по сравнению с более ранними исследованиями Л. Мэйр и С. Мика¹².

* * *

В колониальном отчете за 1955—1956 гг. об исследованиях, проводящихся в британских колониях, даются сведения о перспективах работы Института социальных исследований. Институтом составлен шестилетний план, в который включено изучение 29 народностей и племен Восточной Африки. Намечено прежде всего изучение народностей банту: в Уганде — баанда, басога, ваторо, баньоро, бвамба, багишу, в Танганьике — бааха и базинза. Во вторую очередь предположено изучение банту Кении — группы Кавирондо, тирики, ванга, и в Танганьике — джагга, иракв, бараван (татог), мбуугве. Намечается также широкая программа по изучению нилотов Уганды — алур, ачоли, лугбара, ланго — и нилотов Кении, прежде всего группы луо.

Кроме того, институт продолжает изучение проблемы урбанизации. Предстоит социальное обследование населения Кампалы, по-видимому, более углубленное, чем это было сделано в первых работах института. Продолжается изучение проблемы формирования рабочего класса, начатое рядом исследователей¹³. В тематику работ института включены также работы, посвященные изучению религии¹⁴, исследования на исторические темы¹⁵.

Основными чертами работ Восточно-Африканского института социальных исследований являются: во-первых, соединение научных целей с практическими задачами колониальной политики; во-вторых, сближение направления работ этнографов, социологов и экономистов; третье членство составляет самый подход к явлениям общественной жизни, которая изучается в ее динамике. Английские этнографы и социологи стремятся ставить вопросы о том, что произошло за 50 лет колониального господства, как изменился прежний уклад общества, какие новые формы социальной и политической организации возникли в колониях.

Е. Таланова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Океанийский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXXVIII, М., 1957, 252 стр.

Советская океанистика недавно обогатилась новым изданием: вышел в свет первый «Океанийский этнографический сборник». В нем помещены четыре работы: А. И. Блинова «Маорийские войны (1843—1872 гг.)», Н. А. Бутинова «Маори (Историко-этнографический очерк)», Е. М. Мелетинского «Мифологический и сказочный эпос меланезийцев (По материалам фольклора гунантунга)» и В. М. Бахта «Производительные силы папуасов залива Астролябия». Как видно из этого перечня, в сборнике освещены самые разнообразные проблемы океанистики.

Изучение самобытной культуры маори, истории их героического сопротивления колонизаторам, равно как современного положения этой народности представляет значительный научный и общественный интерес. Между тем в советской этнографической литературе до сих пор не было ни одного специального исследования, посвященного

¹² L. Mair, Native Land Tenure in East Africa, «Africa», 1931, т. IV, № 3; т. VI, № 2; ее же, Modern Development in African Land Tenure, «Africa», 1948, № 3; C. K. Meek, Land Law and customs in the Colonies, London, 1949.

¹³ P. H. Gulliver, Labour Migration in a Rural Economy: A Study of the Ngoni and Ndendeuli of Southern Tanganyika, Kampala, 1956, «East-African Studies», № 6; Ph. Powesland, Economic Policy and Labour in Uganda (in Press).

¹⁴ D. A. Low, Religion and Society in Buganda, Kampala, 1956, «East-African Studies», № 8.

¹⁵ V. C. R. Ford, The Trade of Lake Victoria, Kampala, 1955, «East-African Studies», № 3; D. A. Low and R. C. Pratt, Constitution and Politics in Buganda, 1900—1955 (in Press).

маори. Работы А. И. Блинова и Н. А. Бутинова, опубликованные в рецензируемом сборнике, в известной мере восполняют этот пробел.

В первой из указанных работ подробно рассказывается о многолетней вооруженной борьбе коренного населения Новой Зеландии против английских колонизаторов.

В отличие от зарубежных исследователей, относящих к Маорийским войнам лишь военные действия 1860—1872 гг., А. И. Блинов считает начальным этапом этих войн события 1843—1848 гг., когда произошли первые крупные вооруженные столкновения между маори и чужеземными пришельцами. Автор правильно указывает, что описываемые им кровавые события явились следствием аграрной политики колонизаторов, направленной на лишение маори большей и лучшей части их земель (стр. 57, 84).

В работе хорошо показаны беззаветное мужество и героизм маорийских воинов, старииков, женщин и детей, отмечена талантливость таких их предводителей, как Хоне Хеке, Кавити, Те Реви Маниапото, Титоковару и Те Кооти, приведены интересные данные о маорийской фортификационной технике. Большое впечатление производит рассказ об обороне отрядом маори па (укрепленного поселения) Оракау (стр. 51—54). Как известно, англичане сравнивали этот драматический эпизод с защитой Фермопил спартанцами.

Маорийские войны закончились победой английских колонизаторов. Но, как справедливо указывается в статье А. И. Блинова, огромные жертвы, понесенные в этих войнах маорийскими племенами, все же не были напрасными: новозеландское правительство оказалось вынужденным пойти на уступки побежденным (стр. 85—86).

Значительный интерес представляют те страницы работы, где говорится о религиозных движениях пан-марире и вайруа-тапу, явившихся идейным знаменем маори в их борьбе за сохранение своих земель, за свободу и независимость. Автор рассказывает об условиях возникновения этих сектантских учений, показывает, что они представляли собой причудливое смешение своеобразно понятых догматов христианства и старинных маорийских верований, подчеркивает их боевой национально-освободительный характер (стр. 57—60, 65, 72—73). Заслуживает одобрения попытка дать хотя бы краткую характеристику маорийского межплеменного объединения, так называемой «Страны короля» (стр. 33—36), история которой еще ждет своего исследователя.

Отмечая достоинства работы А. И. Блинова, нельзя вместе с тем умолчать о том, что она явно перегружена описаниями военных действий в ущерб анализу социально-экономической подоплеки Маорийских войн. Автор прослеживает ход даже мелких боевых операций, сообщает много несущественных деталей, но не всегда заглядывает за кулисы описываемых событий.

Так, в статье ни слова не говорится о важных изменениях в экономике пакеха (английских колонистов в Новой Зеландии), связанных с мировым экономическим кризисом 1875 г. Резкое падение цен на продукты земледелия при незначительном изменении цен на шерсть побудило тогда большую часть тех колонистов, которые в предыдущие годы занимались хлебопашеством и огородничеством, перейти к массовому разведению овец¹. Но для пастбищного скотоводства требовалась огромные земельные массивы, «освобожденные» от маори. Именно поэтому с конца 1850-х гг. резко усилилось расхищение маорийских земель, что и привело к войнам 1860—1872 гг.

Фактический материал, имеющийся в работах зарубежных исследователей, позволял, на наш взгляд, значительно нагляднее и полнее разоблачить коварные методы, к которым прибегали английские колонизаторы в Новой Зеландии. В частности, целесообразно было бы несколько подробнее рассказать о пресловутой «покупке в Ваитара», послужившей поводом для войны в Таранаки. Следовало бы также показать, что губернатор Грей и новозеландские министры сознательно спровоцировали в 1863 г. войну со «Страной короля», чтобы получить желанный предлог для осуществления задуманной ими массовой конфискации маорийских земель.

До последнего времени во всех работах по истории Новой Зеландии сообщалось о том, что в 1854 г. вождями ряда племен была создана «Земельная лига», которая стремилась воспрепятствовать скупке маорийских земель англичанами. Эта точка зрения нашла свое отражение в статье А. И. Блинова, а также в работе Н. А. Бутинова, помещенной в рецензируемом сборнике (стр. 32, 138). Как показали недавние исследования новозеландских историков, такой лиги в действительности не существовало. Слух о создании этой тайной «мятежной» организации былпущен в 1855 г. одной из газет колонистов. В 1860 г. он был подхвачен новозеландским правительством, чтобы оправдать военные операции против племен Таранаки².

Подводя итоги своего исследования, А. И. Блинов указывает, что главные причины военного поражения маори заключались в «отсутствии необходимых предпосылок» для их прочного объединения и в «естественной на той стадии общественного развития, на которой находились маорийцы», вражде между отдельными племенами, использованной англичанами (стр. 85). Читателю приходится принимать эти правильные выводы.

¹ C. G. F. Simkin, *The Instability of a Dependent Economy*, Oxford, 1951, стр. 122.

² K. Sinclair, *The Maori Land League*, Auckland, 1950, *passim*; его же, *The Origins of the Maori Wars*, Wellington, 1957, стр. 70—72, 214—216; J. B. Condiffe and W. T. G. Aitken, *A Short History of New Zealand*, Auckland, 1954, стр. 91. Рецензия Н. А. Бутинова на последние две книги опубликована в журнале «Советская этнография», 1958, № 4.

ды в значительной мере на веру, ибо в статье отсутствует даже краткая характеристика уровня общественного развития коренного населения Новой Зеландии накануне Маорийских войн. Жаль также, что автор почти не показал влияния этих войн на хозяйство, культуру и быт маори, ибо такого рода вопросы представляют особый интерес для этнографов. В работе встречаются фактические неточности. Так, маорийский вождь Хонги Хика умер не в 1826 г., как сообщается на стр. 5, а двумя годами позже³. Законодательные советы, предусмотренные конституционным актом 1846 г.⁴, почему-то названы «исполнительными комитетами» (стр. 30).

В исследовании Н. А. Бутинова прослеживаются пути исторического развития маори от заселения ими Новой Зеландии до наших дней, причем наибольшее внимание уделяется проблеме формирования маорийской народности. Заслугой Н. А. Бутинова является удачное сочетание этнографических материалов с фактами экономической и политической истории. Работа снабжена историографическим введением, в котором характеризуются основные этапы этнографического изучения маори, дается оценка трудов ряда буржуазных исследователей.

В первой главе автор рассказывает о различных сторонах жизни маори в конце XVIII — начале XIX в. Читатель знакомится здесь с расселением маорийских племен, их хозяйством и материальной культурой, получает представление о существовавших у маори общественных отношениях. Н. А. Бутинов указывает, что в этот период коренное население Новой Зеландии еще не составляло единого этнического целого, но уже существовали предпосылки для формирования маорийской народности (стр. 115—117).

Хорошо показано, как обособившаяся племенная знать использовала первобытно-общинные институты и обычаи для упрочения своего господства над рядовыми островитянами, как эти институты и обычаи постепенно приобретали новое, классовое содержание. Некоторые сомнения вызывает лишь тезис об использовании вождями в своих классовых интересах двойственного характера маорийской системы родства (стр. 112—113). Это интересное положение не подкреплено здесь конкретными фактами и нуждается, на наш взгляд, в более углубленном теоретическом обосновании.

В истории маори после прибытия европейцев автор выделяет три периода: «Первый период — переход маори к товарному хозяйству (первая половина XIX в.). Второй период — обезземеление маори (вторая половина XIX в.). Третий период — младомаорийское движение (конец XIX — первая треть XX в.)» (стр. 117—118). Такая периодизация представляется убедительной. Но было бы желательно несколько уточнить вышеупомянутые формулировки. В самом деле, в первой половине XIX в. лишь начинался переход маори к товарному хозяйству (товарные отношения играли значительную роль только в экономике прибрежных племен); младомаорийское движение явилось важной, но не определяющей чертой третьего периода. Нам представляется возможным сформулировать основное содержание указанных трех периодов следующим образом: 1) проникновение в хозяйство маори товарных отношений, 2) расхищение маорийских земель (так самим автором названа соответствующая глава), 3) включение маори в капиталистическую экономику и возникновение единой маорийской народности.

В главе, посвященной первому периоду, автор наиболее подробно останавливается на двух вопросах: быстрым усвоении маори европейской культуры и том большом вкладе, который внесли коренные жители в дело экономического развития страны, в строительство городов, дорог, мостов и т. д. «В условиях жестокой капиталистической эксплуатации, — пишет Н. А. Бутинов, — маори рядом с рабочими пакеха строили города, поселки, дороги, обрабатывали землю, пасли скот, закладывали основы той Новой Зеландии, которая существует сейчас» (стр. 131). Данний вывод автора, подкрепленный фактическим материалом, представляет значительный интерес, но буржуазные исследователи обычно оставляют в тени эту сторону новозеландской истории.

В главе о втором периоде автор описывает расхищение маорийских земель, которое привело к кровопролитным войнам и еще более усилилось по окончании этих войн. Убедительно разоблачается деятельность созданных в 1865 г. «земельных судов», основной задачей которых было «мирное» и «законное» отделениеaborигенов от принадлежащих им земель. Автор показывает, в сколь бедственном положении оказалось в конце XIX в. вымиравшее маорийское население в результате военных поражений и потери лучших земель.

Н. А. Бутинов обоснованно критикует тех буржуазных историков и этнографов, которые, объявив «роковыми» для маори десятилетия, предшествовавшие официальному провозглашению в 1840 г. Новой Зеландии британской колонией, пытаются таким путем обелить политику английских властей во второй период, еще более трагичный для коренного населения. Но, решительно выступая против этих ложных утверждений, автор, как нам кажется, несколько увлекся и в результате преувеличил действительные отрицательные последствия общения маори с пакеха в первой половине XIX в. Ввоз в Новую Зеландию огнестрельного оружия и разжигание межплеменных войн,

³ Ф. Кристман и С. Оберлендер, Новая Зеландия и остальные острова Южного океана, т. I, СПб., 1872, стр. 64.

⁴ W. P. Moggell, British Colonial Policy in the Age of Peel and Russell, Oxford, 1930, стр. 314.

унесших десятки тысяч человеческих жизней, распространение венерических и иных болезней, внедрение спиртных напитков, грабежи и бесчинства европейских моряков и поселенцев, включая беглых каторжников из Австралии, — обо всех этих и других «благодеяниях» носителей «западной цивилизации», относящихся к первому периоду, автор сообщает очень кратко, делая главный упор на положительные результаты ознакомления маори с европейской материальной культурой. Согласно данным, приведенным в рецензируемой работе, в конце XVIII в. численность маори достигала 200—300 тысяч человек; к 1848 г. в Новой Зеландии осталось около 107 тысяч коренных жителей (стр. 95, 134). Эти цифры, какими бы они ни были приблизительными, убедительно свидетельствуют о том, что, разоблачая политику колонизаторов во второй половине XIX в., нельзя ни в коей мере недооценивать их губительного воздействия на маори в предыдущий период.

Говоря о третьем периоде в истории маори, автор, как и в предыдущих главах, тесно увязывает ее с историей пакеха. В 90-х гг. XIX в. в экономической и политической жизни Новой Зеландии произошли значительные изменения, которые были связаны с переходом к мясо-молочному скотоводству и приходом к власти либеральной партии, выражавшей интересы мелких и средних фермеров. Давая характеристику буржуазно-реформистского аграрного законодательства 1890-х гг., нанесшего сильный удар по крупным землевладельцам-овцеводам и приведшего к быстрому увеличению числа мелких ферм, автор показывает, что эти законы косвенно оказали большое влияние на маори, способствовав вовлечению их в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих в капиталистическое производство.

Весьма удачными представляются нам те страницы работы Н. А. Бутинова, которые посвящены деятельности младомаорийской партии (стр. 143—151). Автор вскрывает экономическую основу этого движения, указывая, что обуржуазившаяся племенная верхушка добивалась предоставления ей государством такой же финансовой поддержки, какую с конца XIX в. получали фермеры-пакеха, чтобы самой использовать и оставшуюся еще у маори землю, и маорийскую рабочую силу. В работе прослеживается история младомаорийского движения, убедительно показывается суть проводившейся по инициативе его лидеров политики «инкорпорации» общинных земель «В результате инкорпорации,— пишет автор,— племенная знать превратилась в буржуазию, а рядовые общинники — в пролетариат» (стр. 144). После многолетней борьбы лидерам младомаорийского движения удалось наконец в 1929 г. добиться принятия закона о государственном кредитовании маорийских «инкорпорированных» хозяйств. Тем самым, как указывает автор, был сделан решающий шаг по пути включения маори в капиталистическую экономику.

Сосредоточив основное внимание на анализе экономической политики младомаорийской партии, автор не упускает в то же время из виду ее просветительной деятельности, отмечает ее усилия, направленные на сохранение и возрождение самобытной маорийской культуры. «Историческая заслуга младомаорийского движения,— пишет Н. А. Бутинов,— состоит в том, что оно содействовало объединению разрозненных частей маорийского населения, ускорило процесс формирования маорийской народности» (стр. 151).

Отметим две неточности, допущенные при изложении событий третьего периода. В работе указывается, что младомаорийская партия добивалась распространения на коренное население действия «земельного закона 1892 г.» (стр. 121, 146). Очевидно, автор имел в виду закон о предоставлении фермерам-пакеха долгосрочных государственных ссуд (*Advances to Settlers Act*), принятый в 1894 г. На стр. 147 сообщается, что в 1912 г. «младомаорийская партия создала ссудный банк (*Native Trust Office*)». В действительности указанное ведомство было учреждено парламентом в 1920 г. для «копеки» над имуществами маори. В частности, оно управляло некоторыми маорийскими землями, сдавая их в аренду пакеха от имени владельцев. Выдача маорийским хозяйствам государственных ссуд была поручена этому ведомству в 1929 г., после издания соответствующего закона⁵.

Специальная глава исследования Н. А. Бутинова посвящена современному положению маори. Автор приводит подробные данные об их нынешнем расселении по стране, знакомит читателей с тяжелыми условиями жизни маорийской сельской бедноты и городского пролетариата, сообщает о практикующейся по отношению к ним расовой дискриминации. Когда новозеландская официальная пресса заявляет, что маори в настоящее время живут в хороших условиях, что они не подвергаются дискриминации, то, как указывает автор, это фактически относится только к маорийской буржуазии (стр. 151—159).

В работе Н. А. Бутинова подвергаются убедительной научной критике две ошибочные точки зрения на современных маори, встречающиеся в зарубежной этнографической литературе. Одна из них заключается в том, что будто бы существуют отдельные маорийские племена, по культуре резко отличные от пакеха (мнение наиболее реакционных представителей маорийской знати), другая сводится к тому, что имеется лишь еще не полностью ассимилированное маорийское население (так утверждает часть англо-новозеландских буржуазных политиков и ученых). Выводы Н. А. Бутинова сводятся к следующему: современные маори составляют единое, самостоятельное

⁵ «The New Zealand Official Year-Book, 1934», Wellington, 1934, стр. 316.

стническое целое; сохранились лишь остатки племенного строя, его пережитки, которые играют отрицательную роль в жизни коренного населения; неправильно выдавать указанные пережитки за национальные черты маори и на этом основании говорить о «пропасти», якобы отделяющей их от пакеха; в то же время у маори есть своя, и притом богатая, самобытная культура (стр. 159—173). По мнению автора, процесс формирования единой маорийской народности, замедленный трагическими событиями второго периода, в основном завершился во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. (стр. 164).

Хочется выразить надежду, что Н. А. Бутинов продолжит работу по изучению современного положения маори и в частности обратит большее внимание на жизнь коренного населения, переселившегося в города. Острая нехватка земли все чаще и чаще вынуждает маори искать работы в городах. В 1956 г., по официальным данным, там проживало свыше 24% коренных жителей⁶. Как указывал в апреле 1957 г. генеральный секретарь компартии Новой Зеландии В. Уилкокс, процесс урбанизации маори создает много новых важных проблем⁷.

В статье В. М. Бахты рассказывается о производительных силах папуасов залива Астролябия. Автор проделал полезную работу, собрав воедино фактические данные о хозяйстве и материальной культуре астролябцев, содержащиеся в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, Б. Хагена, О. Финша и некоторых других путешественников и исследователей. Не полны лишь сведения о распространении гончарства, которым, как утверждает В. М. Бахта, занимались только обитатели двух маленьких островов (стр. 237). «Маклай,— указывает А. Б. Пиотровский,— обнаружил производство глиняной посуды только на двух островах залива — Били-Били и Ямбомба; позднейшие исследователи нашли его еще в четырех горных деревнях»⁸.

Большое внимание в рецензируемой статье уделяется рассмотрению различных форм простой кооперации труда, игравшей важную роль в производственной деятельности папуасов залива Астролябия. Автор справедливо отмечает, что простая кооперация была наиболее развита в земледелии и судостроении, но отсутствовала в производстве орудий труда. Эта ключевая отрасль общественного производства у астролябцев отставала в своем развитии от других отраслей (стр. 223, 229, 244, 245).

Отличительной чертой статьи В. М. Бахты является тенденция к широким обобщениям. Внимание автора к теоретическим вопросам, как и попытку творческого к ним подхода, разумеется, можно только приветствовать. Но, к сожалению, далеко не все выдвинутые им положения представляются убедительными.

В начале статьи В. М. Бахта сообщает, что он избрал такой порядок исследования, при котором «последовательно рассматриваются: а) производительные силы в сфере производства средств производства (здесь особо выделены производительные силы, занятые в сфере производства орудий производства) и б) производительные силы в сфере производства средств (предметов? — Д. Т.) потребления» (стр. 214). Как известно, важнейшей производительной силой являются люди, производящие материальные блага. У папуасов залива Астролябия в силу неравнотости производительных сил и почти полного отсутствия общественного разделения труда одни и те же лица изготавливали орудия труда, обрабатывали землю, ловили рыбу и т. д., т. е. были заняты как в сфере производства средств производства, так и в сфере производства предметов потребления. Ввиду этого нам представляется искусственным деление производительных сил астролябцев на две самостоятельные группы. Такое деление, на наш взгляд, может быть применимо лишь в отношении формаций с далеко зашедшими общественным разделением труда.

«По своему производственно-экономическому содержанию,— читаем мы на стр. 223,— цикл земледельческих работ распадается на две стадии: на обработку земли (производство средств производства) и на выращивание сельскохозяйственных культур (производство средств потребления)». В соответствии с принятым автором порядком исследования эти стадии рассматриваются в различных разделах статьи. С такой трактовкой земледелия никак нельзя согласиться. Во-первых, обработка земли продолжается и на второй стадии (окучивание, прополка и т. д.). Во-вторых, вряд ли можно относить к различным сферам общественного производства две составные части единого производственного процесса. В-третьих, правильнее всего судить об этом процессе по получаемому продукту. Но последний может относиться как к предметам потребления (продовольствие), так и к средствам производства (промышленное или ремесленное сырье).

У папуасов залива Астролябия наблюдался обычай — при убое свиньи или собаки угощать мясом всех мужчин деревни или посыпать его в подарок жителям соседнего селения. Ссылаясь на этот обычай, автор считает возможным говорить о «существовании у астролябцев коллективной собственности на домашних животных» (стр. 246—

⁶ «The New Zealand Official Year-Book, 1957», Wellington, 1957, стр. 60.

⁷ V. Wilcox, Reply to discussion, «New Zealand Labour Review», т. XI, № 5, May, 1957, стр. 27—28.

⁸ А. Н. Пиотровский, Культура папуасов залива Астролябия по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая, «Изв. государственного географического об-ва», т. LXXI, вып. 1—2, 1939, стр. 174; B. Hagen, Unter den Papua's, Wiesbaden, 1899, стр. 182—183, 218; M. Schurig, Die Südseeöpferei, Leipzig, 1930, стр. 18—19.

247). На наш взгляд, данный обычай объяснялся прежде всего невозможностью хранить мясо в условиях жаркого и сырого климата (сколько-нибудь надежные способы консервации мяса астролябцам не были известны); эта коллизия разрешалась методами, присущими первобытно-общинному строю. Папуасы, по-видимому, довольно свободно распоряжались принадлежащими им свиньями и собаками, ибо дарили их туши Н. Н. Миклухо-Маклаю или приносили последние ему для обмена⁹. Поэтому вряд ли есть основания оспаривать правильность наблюдений путешественников, которые, как указывает сам автор, обнаружили у астролябцев личную собственность на домашних животных.

В последнем, обобщающем разделе статьи автор переоценивает уровень развития производительных сил астролябцев, а также удельный вес обмена в местной экономике (стр. 250—251). Ведь сколько-нибудь значительное производство для обмена было замечено лишь на двух-трех прибрежных островках, где существовали особые условия¹⁰. Следует отметить, что на стр. 244 содержится несколько иная, более правильная точка зрения по этим вопросам.

В заключение статьи автор пишет о сравнительной непродолжительности рабочего дня астролябцев, на «длительность времени, отводимого на сон», а также на то, что обитатели данного района тратили много времени на туалет, различные праздники и т. д. (стр. 251). Следует подчеркнуть, что такой взгляд на жизнь астролябцев далек от действительности. Н. Н. Миклухо-Маклай в «Этнологических заметках о папусах берега Маклая на Новой Гвинее» неоднократно упоминает о тяжелом, зачастую непосильном труде астролябских женщин, вызывающем их преждевременную старость¹¹. Что касается местных мужчин, то изнурительные работы по расчистке и обработке плантаций сменялись у них кратковременными периодами относительного затишья, за которыми всякий раз следовала новая страда, ибо подготовка новых огородов производилась в течение всего года. Кроме того, мужчины занимались изготовлением и ремонтом орудий труда, строительством хижин и охотой, участвовали в приготовлении пищи, а те из них которые жили у моря, строили суда и часто выходили как днем, так и в ночное время на рыбную ловлю¹². Многочисленные факты, сообщаемые путешественниками, убедительно свидетельствуют о том, что у папусов залива Астролябия, как и у других первобытных народов, жизнь проходила под знаком суровой борьбы за существование.

Четвертая работа, помещенная в рецензируемом сборнике, принадлежит перу Е. М. Мелетинского. В ней рассматривается весьма мало изученный у нас мифологический и сказочный эпос меланезийцев, причем за основу берется фольклор гунантуна, обитающих на северо-восточном побережье полуострова Газель (Новая Британия) и на близлежащем островке Вуатом (Ватом). Автор предполагает своему исследованию краткую характеристику социальных отношений у гунантуна, а также сообщает некоторые сведения об их религиозных верованиях. В статье содержится сравнительный материал по другим архипелагам Меланезии, преимущественно по острову Мота (о-ва Банкса), но этот материал, к сожалению, весьма невелик.

В фольклоре гунантуна автор выделяет три основные части: мифы о «культурных героях», мифологические рассказы о духах и сказки о бедном сиротке. Кроме того, в статье сообщается о наличии в народном творчестве гунантуна и других видов эпического повествования, например «былей», лишенных чудесного элемента, и кратких анекдотов (стр. 195—198).

Этиологические мифы о «культурных героях», братьях То Кабинана и То Каравсу — важнейшая и древнейшая часть фольклора гунантуна. Автор согласен с мнением А. М. Золотарева о генетической связи этих мифов с дуально-родовой организацией общества (стр. 187, 212). Как полагает Е. М. Мелетинский, мифы о «культурных героях» утратили у гунантуна свое магическое значение и не играют сколько-нибудь значительной роли в обрядовой жизни. Отсюда следует вывод о том, что данные мифы «находятся на пути перерождения в волшебную сказку» (стр. 188).

Анализируя мифологические рассказы о духах, автор отмечает наличие в них множества реалистических деталей. «Большинство этих рассказов,— пишет Е. М. Мелетинский,— являются мифами-быличками, часто очень недавно возникшими и представляющими собой первую ступень обработки реальных событий и происшествий с помощью народной фантазии» (стр. 212). В статье сообщается, что создание таких мифов-быличек продолжается и поныне (стр. 194).

Наибольший интерес представляет тот раздел рецензируемой статьи, в котором рассматриваются сказки о бедном сиротке (стр. 198—212); автор справедливо называет их жемчужиной меланезийского фольклора. Если в мифах о «культурных героях» и в мифологических рассказах о духах жизнь людей отражается в их отношении к природе, интерпретируемой в духе первобытно-религиозных представлений, то в сказ-

⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1950, стр. 205—206, 211—212.

¹⁰ А. Б. Пиотровский, Указ. раб., стр. 178—179.

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 42, 46, 77.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. I, стр. 147—148, 216, 219—220, т. III, ч. I, стр. 77—80; В. Наген, Указ. раб., стр. 200, 224.

ках о бедном сиротке возникает тема социально-обездоленного человека, т. е. непосредственно выражается социальная коллизия. Эти сказки представляют шаг вперед и в художественном отношении. Как указывается в статье, тема обездоленного сиротки является тем основным стержнем, вокруг которого идет у гунантуна процесс формирования жанра волшебной сказки.

По мнению Е. М. Мелетинского, в сказках о бедном сиротке отражен процесс разложения материнского рода в связи с общим распадом родового строя; сироты, т. е. лица, оказавшиеся вне семьи, обездолены в силу вытеснения родовых связей семейными; фольклор гунантуна дает нравственную оценку положения сиротки с точки зрения первобытно-общинных принципов (стр. 202—206). Эта концепция представляется нам в целом убедительной. Она, по-видимому, подтверждается фольклорным материалом, собранным Кодринтоном на острове Мота, где процесс социальной дифференциации и ослабления родовых связейшел значительно дальше, чем у обитателей полуострова Газель (стр. 208—211). Следует, однако, сказать, что некоторые выводы автора о социальной подоплеке сказок гунантуна, пожалуй, излишне категоричны, ибо ни общественные отношения у последних, ни их этническая история не могут считаться вполне изученными¹³.

В статье Е. М. Мелетинского встречаются фактические погрешности. Так, на стр. 192 автор рассказывает о том, что в одном из мифов человек крадет у духов арфу. Это сообщение вызывает удивление, ибо известно, что у меланезийцев такой музыкальный инструмент отсутствует. Обратившись к использованному автором источнику, можно установить, что в указанном мифе речь идет о варгане (*Maultrommel, Mundharfe*), изготовленном из бамбука¹⁴. Автор сообщает о существовании у гунантуна трех мужских союзов — Иниет, Дук-дук и Тубуан. В действительности лица, владевшие маской «Тубуан», не составляли отдельного сообщества, а были неразрывно связаны с союзом Дук-дук, в котором обычно играли руководящую роль¹⁵.

Выводы, полученные в результате научного анализа записей фольклора гунантуна, автор склонен распространить на меланезийский фольклор в целом. Не являются ли столь широкие обобщения несколько рискованными? Достаточно сказать, что этиологические мифы, составляющие, по-видимому, большинство в меланезийской мифологии, отнюдь не сводятся к рассказам о «культурных героях». Значение работы Е. М. Мелетинского заключается в том, что она представляет собой первый в нашей научной литературе опыт специального исследования мифологического и сказочного эпоса одного из меланезийских племен. Что же касается сравнительного изучения фольклора народов Меланезии, то оно должно стать предметом дальнейших научных изысканий.

Д. Д. Тумаркин

¹³ См. C. Laufeg, Die Verwandtschaftsverhältnisse innerhalb des Gunantuna-Stamms (Südsee), «Anthropos», т. 51, Hf. 5—6, Freiburg, 1956, стр. 994—1028.

¹⁴ P. A. Kleintitschen, Mythen und Erzählungen eines Melanesierstamms aus Paparavata, Neupommern, Südsee, Wien, 1924, стр. 152.

¹⁵ «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 451—453; R. Parkinson, Dreißig Jahre in der Südsee, Stuttgart, 1907, стр. 574—593; F. Bürger, Die Küsten- und Bergvölker der Gasellehalbinsel, Stuttgart, 1913, стр. 11—15.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

Фэн Цзя-шэн (Пекин). Руническая надпись из Восточной Монголии (Опыт расшифровки)	3
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Согдийцы в Семиречье	7
В. В. Гинзбург (Ленинград), Т. А. Трофимова (Москва). Черепа эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении (Предварительное сообщение)	12
А. В. Смоляк (Москва). Некоторые вопросы древней истории народностей Приамурья и Приморья	29

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Д. В. Найдич-Москаленко (Москва). О принципах классификации русских пахотных орудий	38
Ш. Аннаклычев (Ашхабад). Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага	53

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

А. Б. Летнев (Москва). К вопросу о социальных отношениях в современной северодезийской деревне	69
--	----

Народы мира

Информационные материалы

М. В. Райт (Москва). Сомалийцы	79
--------------------------------	----

Сообщения

К. В. Вяткина (Ленинград). Археологические памятники в Монгольской Народной Республике	93
--	----

Хроника

В. Е. Гусев (Ленинград). IV международный съезд славистов (Подсекция славянского народного творчества)	107
Е. А. Алексеенко (Ленинград). Поездка к кетам Елогую	112
В. Г. Ларькин (Владивосток). Поездка к иманским и хунгариjsким удэгейцам	121
С. А. Арутюнян, Н. М. Ильчук (Москва). Выставка «Современное японское прикладное искусство»	127
И. Е. Тугутов (Улан-Удэ). В Бурятском комплексном научно-исследовательском институте	133
Институт национальностей Академии наук Китайской Народной Республики (Пекин). Исследовательская работа по национальностям в КНР	134
М. Г. Левин, И. Н. Гроздова (Москва). Поездка в Венгерскую Народную Республику	136

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. Бутинов, Р. Кинжалов, Ю. Кнорозов (Ленинград). Thor Heyerdahl. <i>Aku-Aku</i>	144
--	-----

Антрапология, археология, общая этнография

Я. Я. Рогинский (Москва). М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока	153
В. Алексеев (Москва). J. K. Woo. Dgypithecus teeth from Keiyuan.—W. C. Pei. Découverte en Chine d'une mandibule de singe géant	157
А. В. Виноградов, М. А. Итина (Москва). Памятники культуры каменного и бронзового века южного Туркменистана	158
Б. И. Шаревская (Москва). Jean Paul Lebeuf. Application de l'ethnologie à l'assistance sanitaire	165

Народы СССР

П. Охрименко (Гомель). Українська народна поетична творчість	166
Г. Сергеева (Москва). И. Х. Калмыков. Культура и быт черкесского колхозного аула	170
В. Ю. Крупянская (Москва). Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан	172

Н. А. Кисляков (Ленинград). <i>O. A. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства</i>	176
М. Алиева, З. Жантекеева (Алма-Ата). <i>Казахские сказки</i>	179
С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева (Москва). <i>Новые публикации по археологии и этнографии в Латвийской ССР</i>	182
И. Гурвич (Москва). <i>Краеведческие сборники Якутского и Магаданского музеев</i>	187
Е. Мильштейн (Ленинград). <i>Об этнографической литературе в указателе по истории СССР</i>	192

Народы Африки

Е. Таланова (Москва). <i>Работы Восточно-Африканского института социальных исследований</i>	194
---	-----

Народы Океании

Д. Д. Тумаркин (Ленинград). <i>Океанийский этнографический сборник</i>	198
--	-----

SOMMAIRE

Questions d'ethnogénése et d'ethnographie historique

Fo en-Tzia-chène (Pekin). Une inscription runique en Mongolie orientale (Essai de déchiffrement)	3
S. T. Kla chotorny (Léningrad). Sogdiens dans la région de Semirétchié	7
V. V. Guinsbourg (Léningrad), T. A. Trofimova (Moscou). Des crânes du néoïtythe et de l'âge de bronze de la Turkménie méridionale (Communication préliminaire)	12
A. V. Smolak (Moscou). Quelques questions de l'histoire ancienne des peuples habitant les régions du fleuve Amour et du littoral Pacifique	29

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

D. V. Na iditch-Moskalenko (Moscou). Des principes de classification des instruments arataires russes	38
Ch. Annaklytchev (Achkhabad). Quelques aspects de vie des ouvriers-pétroliers de Nébit-Dag	53

Materiaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

A. B. Létniev (Moscou). Rapports sociaux dans la campagne contemporaine nord-rhodesienne	69
--	----

Peuples du Monde

Matériaux d'information

M. V. Rait (Moscou). Les Somalis	79
----------------------------------	----

Informations

K. V. Viatkina (Léningrad). Vestiges archéologiques dans la République Populaire de Mongolie	93
--	----

Chronique

V. E. Goussiev (Léningrad). IV Congrès international des slavistes (Section du folklore slave)	107
E. A. Alexéenko (Léningrad). Voyage chez les Kètes d'Elogouï	112
V. G. Larkine (Vladivostok). Voyage chez les Oudégués d'Ilman et de Houngari	121
S. A. Aroutiouнов, N. M. Ilitchouk (Moscou). Exposition «Art appliqué contemporain japonais»	127
I. E. Tougoutov (Oulan-Oudé). A l'Institut Bouriate de recherches scientifiques	133
Institut des Nationalités de l'Académie des sciences de la République Populaire de Chine (Pékin). Recherches scientifiques sur les nationalités à la République Populaire de Ghine	134
M. G. Lévine, I. N. Grozdova (Moscou). Voyage en République Populaire Hongroise	136

Critique et Bibliographie

Articles de critique

N. Boutinov, R. Kinjalov, Y. Knorozov (Léningrad). <i>Thor Heyerdahl. Aku-aku</i>	144
Anthropologie, archéologie, ethnographie générale	
J. J. Roguinsky (Moscou). <i>M. G. Lévine. L'Anthropologie éthnique et les problèmes d'ethnogénèse des peuples d'Extrême-Orient</i>	153
V. Alexeïev (Moscou). <i>J. K. Woo. Dryopithecus teeth from Keiyuan.—W. C. Pei. Découverte en Chine d'une mandibule de singe géant</i>	157
A. V. Vinogradov, M. A. Itina (Moscou). <i>Les vestiges de culture des âges de pierre et de bronze du Turkménistan méridional</i>	158
B. Charevskaia (Moscou). <i>Jean Paul Lebeuf. Application de l'ethnologie à l'assistance sanitaire</i>	165

Peuples de l'U.R.S.S.

P. O. Okhrimenko (Gomel). <i>L'œuvre poétique populaire ukrainie</i>	166
G. Sergueïeva (Moscou). <i>I. Kh. Kalmykov. Culture et genre de vie d'un village tcherkesse ko'khozien</i>	170
V. Y. Kroupianskaïa (Moscou). <i>La vie des kolkhoziens des villages kirghiz Darkhan et Tchitchkan</i>	172
N. A. Kislaïkov (Léningrad). <i>O. A. Soukhareva. Sur l'histoire des villes du Khanat de Boukhara</i>	176
M. Aliéva, Z. Jantékéeva (Alma-Ata). <i>Contes Kazakhs</i>	179
S. A. Tarakanova, L. N. Terentieva (Moscou). <i>Nouvelles publications sur l'archéologie et l'ethnographie de la R. S. S. de Lettonie</i>	182
I. S. Gourvitch (Moscou). <i>Recueils de recherches scientifiques régionales des musées d'Yakoutie et de Magadan</i>	187
E. Mischtein (Léningrad). <i>De la littérature ethnographique dans l'Indicateur sur l'histoire de l'U. R. S. S.</i>	192

Peuples de l'Afrique

E. Talanova (Moscou). <i>Travaux de l'Institut Est-Africain de recherches sociologiques</i>	194
Peuples de l'Océanie	
D. D. Toumarkine (Léningrad). <i>Recueil ethnographique Océanien</i>	198

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
Графа Серахск. р-и"	25 20 сн. 50 21 сн. 55 21 сн. 89 26 сн. 89 26 109 30 и 31 сн. 124 13 сн. 145 15 сн. 192 17 сн. 194 17 сн. 197 3 сн. 206 27 сн.	13 1948/ лжафарбайцев Канадийд Абурахманом старше матери Arne Skjölsvold и до выступления А. А. Андреевым индейцы principes	134 реконструкция 1948 г./ джафарбайцев Кенадийд Абдурахмааном поменять местами старше меня Arne Skjölsvold до вступления А. И. Андреевым индийцы principes

Советская этнография, № 1